

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ПРАВА

Том 18 № 11 (156) ноябрь 2023

В НОМЕРЕ:

Болтинова О. В.

Эволюция бюджетного процесса
Российской Федерации в условиях
трансформации бюджетного законодательства

Бурова А. Ю.

Цифровая экосистема как способ
ведения предпринимательской
деятельности: юридический взгляд

Кузьменков М. Ю.

Лицензионные соглашения,
используемые при распространении
программных пакетов машинного обучения

LEX RUSSICA

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-58927 от 5 августа 2014 г., ISSN 1729-5920 (Print), ISSN 2686-7869 (Online);
- ✓ издается с 2004 г., с 2013 г. — ежемесячно;
- ✓ является преемником научных трудов ВЮЗИ-МЮИ-МГЮА, издаваемых с 1948 г.;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и Ulrich's Periodicals Directory;
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ отдельные материалы размещаются в СПС «КонсультантПлюс» и «ГАРАНТ», электронной библиотеке «КиберЛенинка».

Lex russica — научный юридический журнал, посвященный фундаментальным проблемам теории государства и права (в том числе этноправа), совершенствования законодательства и повышения эффективности правоприменения, правовой культуры, юридического

образования и методики преподавания правовых дисциплин, международного права, сравнительного правоведения и др.

Журнал знакомит с юридическими школами вузов России; публикует очерки об ученых, чьи имена золотыми буквами вписаны в историю юридической науки, обзоры конференций и круглых столов, проведенных в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) или с участием профессорско-преподавательского состава Университета в других российских и зарубежных научных центрах, рецензии на новые юридические издания; содействует сближению и гармонизации российского и зарубежного права.

Авторами журнала являются известные российские и зарубежные ученые-юристы (из Германии, Китая, Польши, Франции, Финляндии и др.).

ВЕСТНИК УНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ О.Е. КУТАФИНА (МГЮА)

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-67361 от 5 октября 2016 г., ISSN 2311-5998 (Print), ISSN 2782-6163 (Online);
- ✓ издается с 2014 г. — ежемесячно;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс цитирования (РИНЦ) и Ulrich's Periodicals Directory;
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ отдельные материалы размещаются в СПС «ГАРАНТ» и в электронной библиотеке «КиберЛенинка».

Отличие «Вестника» от журналов, издаваемых Университетом (Lex russica, «Актуальные проблемы российского права»), и от других российских периодических изданий в том, что каждый его выпуск посвящен отдельной отрасли правовых знаний, например трудовому праву и праву социального обеспечения, международному, финансовому праву и т.д.

Журнал знакомит:

- ✓ с основными направлениями развития юридической науки;
- ✓ с актуальными проблемами теории и истории права и государства;
- ✓ конкретных отраслей права; сравнительного правоведения;
- ✓ методики преподавания правовых и общегуманитарных дисциплин, а также иностранных языков в юридическом вузе;
- ✓ с правоприменительной практикой;
- ✓ с путями совершенствования российского законодательства;
- ✓ с известными российскими и зарубежными учеными, их теоретическим наследием;
- ✓ с материалами конференций и круглых столов, проведенных в Университете или с участием профессорско-преподавательского состава Университета в других российских и зарубежных научных центрах;
- ✓ с новой юридической литературой.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Том 18 № 11 (156) НОЯБРЬ 2023

Ежемесячный научный журнал.
Издается как СМИ с 2006 г.

РОССИЙСКОГО ПРАВА

«Актуальные проблемы российского права» — научно-практический юридический журнал, посвященный актуальным проблемам теории права, практике его применения, совершенствованию законодательства, а также проблемам юридического образования.

Рубрики журнала охватывают все основные отрасли права, учитывают весь спектр юридической проблематики, в том числе теории и истории государства и права, государственно-правовой, гражданско-правовой, уголовно-правовой, международно-правовой направленности. На страницах журнала размещаются также материалы конференций, рецензии на юридические новинки.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

ГРАЧЕВА Елена Юрьевна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой финансового права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

ЕРШОВА Инна Владимировна — доктор юридических наук, профессор, первый проректор, заведующий кафедрой предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

СИТНИК Александр Александрович — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры финансового права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

СЕВРЮГИНА Ольга Александровна — эксперт отдела научно-издательской политики Научно-исследовательского института Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

БЕКЯШЕВ Дамир Камильевич — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международного права Московского государственного института международных отношений МИД России.
Почтовый адрес: пр-т Вернадского, д. 76, г. Москва, Россия, 119454.

БЕЛОВА-ГАНЕВА Габриела — кандидат юридических наук, профессор, декан историко-правового факультета Юго-Западного университета имени Неофита Рильского (Болгария).
Почтовый адрес: ул. Ивана Михайлова, д. 66, г. Благоевград, Болгария, 2700.

БОЛТИНОВА Ольга Викторовна — доктор юридических наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой финан-

сового права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

БРИНЧУК Михаил Михайлович — доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора экологического, земельного и аграрного права Института государства и права Российской академии наук.
Почтовый адрес: ул. Знаменка, д. 10, г. Москва, Россия, 119019.

ВИННИЦКИЙ Данил Владимирович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой финансового права Уральского государственного юридического университета, директор Института права БРИКС.
Почтовый адрес: Комсомольская ул., д. 21, г. Екатеринбург, Россия, 620137.

ВОСКОБИТОВА Лидия Алексеевна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовно-процессуального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ГАЗЬЕ Анн — доктор права, доцент Университета Paris Nanterre (Франция).
Почтовый адрес: авеню Републик, д. 200, г. Нантер, Франция, 92001.

ГОЛОВНЕНКОВ Павел Валерьевич — доктор права, ассессор права, адвокат, Берлин, Германия.

ДУБРОВИНА Елена Павловна — кандидат юридических наук, член Центральной избирательной комиссии РФ (2003—2016), руководитель Центра законодательных инициатив политической партии «Российская объединенная демократическая партия «Яблоко»».
Почтовый адрес: Пятницкая ул., д. 31, стр. 2, г. Москва, Россия, 119017.

ЗАХАРОВ Владимир Викторович — доктор юридических наук, профессор, председатель Арбитражного суда Северо-Кавказского округа.
Почтовый адрес: Рашипилевская ул., д. 4, г. Краснодар, Россия, 350063.

КАЛИНИЧЕНКО Пауль Алексеевич — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры интеграционного и европейского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

КОКОТОВ Александр Николаевич — доктор юридических наук, профессор, судья Конституционного Суда Российской Федерации.

Почтовый адрес: Сенатская пл., д. 1, г. Санкт-Петербург, Россия, 190000.

КОРНЕВ Аркадий Владимирович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

КУРБАНОВ Рашад Афатович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова.

Почтовый адрес: Стремянный пер., д. 36, г. Москва, Россия, 117997.

ЛИПСКИ Станислав Анджеевич — доктор экономических наук, доцент, заведующий кафедрой земельного права Государственного университета по землеустройству.

Почтовый адрес: ул. Казакова, д. 15, г. Москва, Россия, 105064.

МАЦКЕВИЧ Игорь Михайлович — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

МИНБАЛЕЕВ Алексей Владимирович — доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой информационного права и цифровых технологий Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

МОХОВ Александр Анатольевич — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой медицинского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ПАНАГИОТОПОЛОС Димитриос — профессор права Афинского национального университета имени И. Каподистрии (Афины), судебный поверенный, проректор Университета Центральной Греции, президент Международной ассоциации спортивного права (МАСП).

Почтовый адрес: ул. Веранжероу, д. 4, г. Афины, Греция, 10677.

ПЕТРОВА Татьяна Владиславовна — доктор юридических наук, профессор кафедры экологического и земельного права юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Почтовый адрес: Ленинские горы, д. 1, стр. 13, г. Москва, ГСП-1, Россия, 119991.

РЕШЕТНИКОВА Ирина Валентиновна — доктор юридических наук, профессор, председатель Арбитражного суда Уральского округа в отставке.

Почтовый адрес: пр-т Ленина, д. 32/27, г. Екатеринбург, Россия, 620075.

РОССИНСКАЯ Елена Рафаиловна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой судебных экспертиз Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

СОКОЛОВ Александр Юрьевич — доктор юридических наук, профессор, директор Саратовского филиала Института государства и права Российской академии наук.

Почтовый адрес: ул. Чернышевского, д. 135, г. Саратов, Россия, 410028.

ФОКИНА Марина Анатольевна — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского и административного судопроизводства Российского государственного университета правосудия.

Почтовый адрес: Новочеремушкинская ул., д. 69, г. Москва, Россия, 117418.

ХВАН Леонид Борисович — кандидат юридических наук, доцент кафедры государственного права и управления Ташкентского государственного юридического университета.

Почтовый адрес: Главпочтамт, а/я № 232, г. Ташкент, Республика Узбекистан, 100000.

ЧАННОВ Сергей Евгеньевич — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой служебного и трудового права Поволжского института управления имени П.А. Столыпина.

Почтовый адрес: Соборная ул., д. 23/25, г. Саратов, Россия, 410031.

ШАЛУМОВ Михаил Славович — доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника управления систематизации законодательства и анализа судебной практики Верховного Суда Российской Федерации — начальник отдела систематизации законодательства и анализа судебной практики в области уголовного судопроизводства, судья Верховного Суда Российской Федерации (в почетной отставке).

Почтовый адрес: Поварская ул., д. 15, г. Москва, Россия, 121260.

ШИТКИНА Ирина Сергеевна — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры предпринимательского права, руководитель программы магистратуры по направлению «Корпоративное право» юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Почтовый адрес: Ленинские горы, д. 1, стр. 13, г. Москва, ГСП-1, Россия, 119991.

ЯСКЕРНЯ Ежи — доктор юридических наук, профессор Университета имени Яна Кухановского в г. Кельц (Польша), декан кафедры права и социальных наук отделения конституционного, европейского и международного публичного права.

Почтовый адрес: ул. Зеромского, д. 5, г. Кельц, Польша, 25369.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

КАШАНИНА Татьяна Васильевна — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

КЛЕПИЦКИЙ Иван Анатольевич — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

МИХАЙЛОВ Сергей Михайлович — кандидат юридических наук, доцент, и. о. заведующего кафедрой гражданского и административного судопроизводства Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ОСАВЕЛЮК Алексей Михайлович — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ПОДУЗОВА Екатерина Борисовна — кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

СОКОЛОВА Наталья Александровна — доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой международного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

В журнале публикуются статьи по научным специальностям группы 5.1 «Право» (юридические науки)

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки.
5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.
5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки.
5.1.4. Уголовно-правовые науки.
5.1.5. Международно-правовые науки.

РЕГИСТРАЦИЯ СМИ

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) ПИ № ФС77-25128 от 7 мая 2014 г.

ISSN

1994-1471 (Print), 2782-1862 (Online)

ПЕРИОДИЧНОСТЬ

12 раз в год

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993

АДРЕС РЕДАКЦИИ

Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
Тел.: 8 (499) 244-88-88 (доб. 687). E-mail: aprp.msal@yandex.ru

САЙТ

<https://aprp.msal.ru>

ПОДПИСКА И РАСПРОСТРАНЕНИЕ

Свободная цена
Журнал распространяется через объединенный каталог «Пресса России» и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис»
Подписной индекс 11178
Подписка на журнал возможна с любого месяца

ТИПОГРАФИЯ

Отпечатано в Издательском центре Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993

ВЫПУСКНЫЕ ДАННЫЕ

Дата выхода в свет 06.12.2023
Объем 22,08 усл. печ. л., формат 60×84/8
Тираж 150 экз. Печать цифровая. Бумага офсетная

Переводчики

Н. М. Головина, А. Н. Митрущенкова

Редакторы

М. В. Баукина, С. И. Ершова

Корректор

А. Б. Рыбакова

Компьютерная верстка

Д. А. Беляков

При использовании опубликованных материалов журнала ссылка на «Актуальные проблемы российского права» обязательна.
Полная или частичная перепечатка материалов допускается только по письменному разрешению авторов статей или редакции.
Точка зрения редакции может не совпадать с точкой зрения авторов публикаций.

ACTUAL PROBLEMS

Monthly scientific journal.
Published media since 2006

Vol. 18 № 11 (156) NOVEMBER 2023

OF RUSSIAN LAW

The Actual Problems of Russian Law Journal is an academic and practical law journal devoted to current issues of the theory of law, practice of its application, improvement of the legislation, and problems of legal education.

Sections of the Journal cover all major branches of law, take into account the full range of legal issues, including the theory and history of the State and law, constitutional law, civil law, criminal law, international law, etc. On the pages of the Journal, you can find conference proceedings, reviews of the most recent legal publications.

CHAIRPERSON OF THE COUNCIL OF EDITORS

Elena Yu. GRACHEVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Financial Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

VICE-CHAIRPERSON OF THE COUNCIL OF EDITORS

Inna V. ERSHOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, First Vice-Rector, Head of the Department of Business and Corporate Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

CHIEF EDITOR

Aleksandr A. SITNIK — Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Financial Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

EXECUTIVE SECRETARY

Olga A. SEVRYUGINA — expert of the Research and Publishing Policy Department of the Research Institute of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

COUNCIL OF EDITORS

Damir K. BEKYASHEV — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of International Law of Moscow State Institute of International Relations under the Ministry of Foreign Affairs of Russia.
Mailing address: prosp. Vernadskogo, d. 76, Moscow, Russia, 119454.

Gabriela BELOVA-GANEVA — PhD in Law, Professor, Dean of the Faculty of Law and History of South-West University «Neofit Rilski» (Bulgaria).
Mailing address: 66 Ivan Mihailov Str., Blagoevgrad, Bulgaria, 2700.

Olga V. BOLTINOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Vice-Head of the Department of Financial Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Mikhail M. BRINCHUK — Dr. Sci. (Law), Professor, Senior Fellow, Sector of Environmental, Land and Agricultural Law of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences.
Mailing address: ul. Znamenska, d. 10, Moscow, Russia, 119019.

Danil V. VINNITSKIY — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Financial Law of the Ural State Law University, Director of the BRICS Law Institute.
Mailing address: Komsomolskaya ul., d. 21, Yekaterinburg, Russia, 620137.

Lidia A. VOSKOBITOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Criminal Procedure Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Anne GAZIER — Doctor of Law, Associate Professor of the University Paris Nanterre (France).
Mailing address: Universite Paris Nanterre, 200 avenue de la Republique, 92001 Nanterre Cedex (France).

Pavel V. GOLOVNENKOV — Doctor of Law, Law Assessor, Advocate, Berlin, Germany.

Elena P. DUBROVINA — Cand. Sci. (Law), Member of the Central Election Committee of the Russian Federation (2003—2016), Head of the Center for Legislative Initiatives of the Russian United Democratic Party "Yabloko".
Mailing address: Pyatnitskaya ul., d. 31, build. 2, Moscow, Russia, 119017.

Vladimir V. ZAKHAROV — Dr. Sci. (Law), Professor, Chairman of the Court of Arbitration of North Caucasus district.
Mailing address: Rashpilevskaya ul., d. 4, Krasnodar, Russia, 350063.

Paul A. KALINICHENKO — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Integration and European Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Aleksandr N. KOKOTOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation.
Mailing address: Senatskaya pl., d. 1, St. Petersburg, Russia, 190000.

Arkadiy V. KORNEV — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Theory of the State and Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Rashad A. KURBANOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Civil Law Disciplines of the Plekhanov Russian Economic University.
Mailing address: Stremyanny per., d. 36, Moscow, Russia, 117997.

Stanislav A. LIPSKI — Dr. Sci. (Econ.), Associate Professor, Head of the Department of Land Law of the State University for Land Use Planning.
Mailing address: ul. Kazakova, d. 15, Moscow, Russia, 105064.

Igor M. MATSKEVICH — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminology and Penal Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Aleksey V. MINBALEEV — Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Department of IT and Digital Technologies Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Aleksandr A. MOKHOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Medical Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Dimitrios PANAGIOTOPOULOS — Professor of Law at the National and Kapodistrian University of Athens, Attorney-at-Law, Vice-Rector (f) of the University of Central Greece, President of International Association of Sports Law (IASL).
Mailing address: 4, Veranzerou Str., 10677, Athens, Greece.

Tatiana V. PETROVA — Dr. Sci. (Law), Professor of the Department of Environmental and Land Law of the Faculty of Law of Lomonosov Moscow State University.
Mailing address: Leninskie Gory, d. 1, str. 13, Moscow, GSP-1, Russia, 119991.

Irina V. RESHETNIKOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Chairperson of the Court of Arbitration of the Urals District (emeritus), Merited Lawyer of the Russian Federation, Merited Worker of the Judicial System.
Mailing address: prosp. Lenina, d. 32/27, Ekaterinburg, Russia, 620075.

Elena R. ROSSINSKAYA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Forensic Examination of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Aleksandr Yu. SOKOLOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Director of Saratov Branch, Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences.
Mailing address: ul. Chernyshevskogo, d. 135, Saratov, Russia, 410028.

Marina A. FOKINA — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Civil and Administrative Court Proceedings of the Russian State University of Justice.
Mailing address: Novocheremushkinskaya ul., d. 69, Moscow, Russia, 117418.

Leonid B. KHVAN — PhD in Law, Associate Professor of the Department of State Law and State Administration of Tashkent State Law University.
Mailing address: Glavpochtamt, a/ya 232, Tashkent, Republic of Uzbekistan, 100000.

Sergey E. CHANNOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Service and Labour Law of the Povolzhsky Institute of Government named after P.A. Stolypin.
Mailing address: Sobornaya ul., d. 23/25, Saratov, Russia, 410031.

Mikhail S. SHALUMOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Deputy Head of the Department for Systematization of Legislation and Analysis of Judicial Practice of the Supreme Court of the Russian Federation, Head of the Department of Systematization of Legislation and Analysis of Judicial Practice in the Field of Criminal Procedure, Justice of the Supreme Court of the Russian Federation (emeritus).
Mailing address: Povarskaya ul., d. 15, Moscow, Russia, 121260.

Irina S. SHITKINA — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Business Law, Head of the «Corporate Law» Master's Program of the Faculty of Law of Lomonosov Moscow State University.
Mailing address: Leninskie Gory, d. 1, str. 13, Moscow, GSP-1, Russia, 119991.

Jerzy JASKIERNIA — Prof. dr hab. Jan Kochanowski University, Kielce, Poland, dean, Department of Law and Social Sciences chair, Division on Constitutional, European and International Public Law.
Mailing address: PL 25-369 Kielce, ul. Żeromskiego 5.

EDITORIAL BOARD

Tatyana V. KASHANINA — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Theory of the State and Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Ivan A. KLEPITSKIY — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminal Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Sergey M. MIKHAILOV — Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Acting Head of the Department of Civil and Administrative Court Proceedings of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Aleksey M. OSAVELYUK — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Ekaterina B. PODUZOVA — Cand. Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Civil Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Natalya A. SOKOLOVA — Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Department of International Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

**The Journal publishes research papers
written on scientific specialties
of Group 5.1 «Law»
(Legal Sciences)**

5.1.1. Theory and History of Law.
5.1.2. Public Law and State Law.
5.1.3. Private Law (Civil Law).
5.1.4. Criminal Law.
5.1.5. International Law.

**THE CERTIFICATE
OF MASS MEDIA REGISTRATION**

The journal was registered by the Federal Service for Supervision of
Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor)
on 7 May 2014. The Certificate of Mass Media registration: PI No. F577-25128

ISSN

1994-1471 (Print), 2782-1862 (Online)

PUBLICATION FREQUENCY

12 issues per year

FOUNDER AND PUBLISHER

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education
"Kutafin Moscow State Law University (MSAL)"
9 Sadovaya-Kudrinskaya ul., Moscow, 125993, Russian Federation

EDITORIAL OFFICE. POSTAL ADDRESS

Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993
Tel.: +7 (499) 244-88-88 (ext. 687). E-mail: aprp.msal@yandex.ru

WEB-SITE

<https://aprp.msal.ru>

SUBSCRIPTION AND DISTRIBUTION

Free price
The journal is distributed through "Press of Russia" joint catalogue
and the Internet catalogue of "Kniga-Servis" Agency
Subscription index: 11178
Subscription to the journal is possible from any month

PRINTING HOUSE

Printed in Publishing Center of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993

SIGNED FOR PRINTING

06.12.2023
Volume: 22.08 conventional printer's sheets, format 60×84/8
An edition of 150 copies. Digital printing. Offset paper

Translators

N. M. Golovina, A. N. Mitrushchenkova

Editors

M. V. Baukina, S. I. Ershova

Proof-reader

A. B. Rybakova

Computer layout

D. A. Belyakov

When using published materials of the journal, reference to "Actual Problems of Russian Law" is obligatory.
Full or partial use of materials is allowed only with the written permission of the authors or editors.
The point of view of the Editorial Board may not coincide with the point of view of the authors
of publications.

Содержание

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

- Дворецкий А. А.** Значение института процессуальных сроков
в российском гражданском судопроизводстве: эволюция правовых подходов 11

ТЕОРИЯ ПРАВА

- Беляев В. П., Беляева Г. С.** Процессуально-правовое
регулирование: проблема эффективности 29
- Бу Дык Зунг.** Правовое государство
как динамичное явление: новый подход к концепции 39

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ И АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС

- Белякович Е. В.** Сроки в контрольно-надзорном законодательстве 47

ФИНАНСОВОЕ ПРАВО

- Болтинова О. В.** Эволюция бюджетного процесса Российской Федерации
в условиях трансформации бюджетного законодательства 65

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В ИНФОРМАЦИОННОЙ СФЕРЕ

- Кузьменков М. Ю.** Лицензионные соглашения, используемые
при распространении программных пакетов машинного обучения 73

ГРАЖДАНСКОЕ И СЕМЕЙНОЕ ПРАВО

- Кравченко Н. В.** Патентование и внедрение медицинских
технологий в России: теоретические и практические аспекты 83

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ И КОРПОРАТИВНОЕ ПРАВО

- Истомин В. Г.** Конкуренция как явление общественной жизни,
объект правового обеспечения и защиты 97
- Бурова А. Ю.** Цифровая экосистема как способ ведения
предпринимательской деятельности: юридический взгляд 111

СПОРТИВНОЕ ПРАВО

- Бетехтина В. А.** Динамика трудового договора
при осуществлении спортивного трансфера 118

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

- Надоненко О. Н.** Привлечение специалиста
к уголовной ответственности по ст. 307 УК РФ 127
- Лактюхин А. О.** Сущность административной преюдиции как правового явления 135

КРИМИНАЛИСТИКА И КРИМИНОЛОГИЯ. СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА

Смушкин А. Б. Криминалистическая робототехника: основы концепции 146

АДВОКАТУРА И НОТАРИАТ

Цветкова Е. С. Нотариальная охрана цифровых прав участников корпораций 154

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Хасанов А. А. Проблема признания Палестины в контексте
реализации палестинским народом права на самоопределение 164

Лаптёнок В. О. Европейский Союз в глобальной конкуренции юрисдикций 174

Contents

PAGES OF HISTORY

- Dvoretzkiy A. A.** The Importance of the Institution
of Time Limits in Russian Civil Proceedings: Evolution of Legal Approaches 11

THEORY OF LAW

- Belyaev V. P., Belyaeva G. S.** Procedural Law Regulation: The Problem of Efficiency 29
- Vu Duc Dung.** The Rule of Law State as a Dynamic
Phenomenon: A New Approach to the Concept 39

PUBLIC ADMINISTRATION AND ADMINISTRATIVE PROCEDURE

- Belyakovich E. V.** Time Limits in the Control and Supervisory Legislation 47

FINANCIAL LAW

- Boltinova O. V.** The Evolution of the Budget Process
of the Russian Federation in the context of Transformation of Budget Legislation 65

LEGAL REGULATION IN IT SPHERE

- Kuzmenkov M. Yu.** License Agreements used
in Distribution of Machine Learning Software Packages 73

CIVIL AND FAMILY LAW

- Kravchenko N. V.** Patenting and Implementation
of Medical Technologies in Russia: Theoretical and Practical Aspects 83

BUSINESS AND CORPORATE LAW

- Istomin V. G.** Competition as a Phenomenon of Public Life,
an Object of Legal Support and Protection 97
- Burova A. Yu.** Digital Ecosystem as a Way
of Doing Business: Legal Perspective 111

SPORTS LAW

- Betekhtina V. A.** Dynamics of an Employment Contract in a Sports Transfer 118

CRIMINAL LAW

- Nadonenko O. N.** Bringing an Expert to Criminal
Responsibility under Art. 307 of the Criminal Code
of the Russian Federation 127
- Laktyukhin A. O.** The Essence of Administrative
Prejudicial Effect as a Legal Phenomenon 135

CRIMINALISTICS AND CRIMINOLOGY FORENSIC EXAMINATION

Smushkin A. B. Forensic Robotics: Basic Concepts	146
---	-----

ADVOCACY AND NOTARY

Tsvetkova E. S. Notarial Protection of Digital Rights of Corporate Participants	154
---	-----

INTERNATIONAL LAW

Khasanov A. A. The Problem of Recognition of Palestine in the context of the Palestinian People's Realization of the Right to Self-Determination	164
Laptenok V. O. The European Union in Global Competition of Jurisdictions	174

Значение института процессуальных сроков в российском гражданском судопроизводстве: эволюция правовых подходов

Аннотация. В статье исследуются теоретические взгляды на роль и функции процессуальных сроков в разные периоды развития отечественного гражданского процессуального права. Автор рассматривает дореволюционное, советское и современное российское законодательство и доктрину в области процессуальных сроков. Путем анализа отношения науки к проблеме соотношения длительности судебного разбирательства и принципа истинности решения суда автор демонстрирует изменение подходов к пониманию социально-правовой роли института процессуальных сроков. Автор приходит к выводу, что дореволюционной доктриной выработано отношение к процессуальным срокам как к фундаментальному институту, посредством которого обеспечивается не только ускорение процесса, но и правовая определенность в материальных и процессуальных отношениях. Советская доктрина редуцировала роль процессуальных сроков до средства обеспечения быстроты процесса, его упорядочения и обеспечения процессуальной дисциплины. В современной теории наблюдается возрождение и углубление классического подхода к пониманию значения данного института как фактора обеспечения правовой определенности, стабильности гражданского оборота и воплощения в жизнь принципа верховенства закона. Правильное определение значения процессуальных сроков критически необходимо ввиду того, что законодатель при установлении сроков определенной длительности должен руководствоваться их предназначением в механизме правового регулирования.

Ключевые слова: процессуальный срок; разумный срок; своевременность; продолжительность судопроизводства; волокита; злоупотребление правом; правовая определенность; объективная истина; формальная истина; процессуальная доктрина.

Для цитирования: Дворецкий А. А. Значение института процессуальных сроков в российском гражданском судопроизводстве: эволюция правовых подходов // Актуальные проблемы российского права. — 2023. — Т. 18. — № 11. — С. 11–28. — DOI: 10.17803/1994-1471.2023.156.11.011-028.

© Дворецкий А. А., 2023

* Дворецкий Андрей Алексеевич, аспирант кафедры правового обеспечения рыночной экономики Высшей школы правоведения Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
просп. Вернадского, д. 84, г. Москва, Россия, 119606
andrey.dvoretsky@gmail.com

The Importance of the Institution of Time Limits in Russian Civil Proceedings: Evolution of Legal Approaches

Andrey A. Dvoretzkiy, Postgraduate Student, Department of Legal Support of Market Economy, Higher School of Jurisprudence, Institute of Public Administration and Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
84, Vernadskogo Pr., Moscow 119, Russian Federation
andrey.dvoretzkiy@gmail.com

Abstract. The paper examines theoretical views concerning the role and functions of procedural terms in different periods of the development of domestic civil procedural law. The author elucidates pre-revolutionary, Soviet and modern Russian legislation and doctrine in the field of procedural time limits. By analyzing the academic approach to the problem of the balance between the duration of the trial and the principle of the truthfulness of the court decision, the author demonstrates a change in approaches to understanding the socio-legal role of the institution of time limits (procedural deadlines). The author comes to the conclusion that, under the pre-revolutionary doctrine, procedural time limits were treated as a fundamental institution, through which not only the acceleration of the process is ensured, but also legal certainty in substantive and procedural relations. The Soviet doctrine reduced the role of procedural time limits to a means of enforcing the time-frame of proceedings, their ordering and ensuring procedural discipline. The modern doctrine witnesses a revival and deepening of the classical approach to understanding the importance of this institution as a factor in ensuring legal certainty, stability of civil turnover and implementation of the rule of law principle. A correct definition of the significance of procedural time limits is critically necessary due to the fact that the legislator, when setting deadlines for a certain duration of the proceedings, should be guided by their purpose in the mechanism of legal regulation.

Keywords: procedural term; reasonable term; timeliness; duration of legal proceedings; red tape; abuse of right; legal certainty; objective truth; apparent truth; procedural doctrine.

Cite as: Dvoretzkiy AA. The Importance of the Institution of Time Limits in Russian Civil Proceedings: Evolution of Legal Approaches. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2023;18(11):11-28. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2023.156.11.011-028

Анализ научных воззрений на институт процессуальных сроков логично начать с периода Судебной реформы 1864 г., т.к. до этого разграничение материальных и процессуальных норм не осуществлялось, отдельной науки гражданского процесса не существовало¹.

Затяжное судопроизводство являлось одной из причин реформирования процесса, что следует из вступления к Уставу гражданского судопроизводства 1864 г.² (УГС). В УГС сроки были обособлены в отдельный институт (разд. 3, ст. 816–838). УГС закреплял сроки для

совершения отдельных процессуальных действий, что говорит о стремлении сократить продолжительность рассмотрения дела. Однако фиксированные сроки рассмотрения дела не устанавливались, т.к. законодатель понимал, что обстоятельства каждого дела могут сделать невозможным соблюдение этих сроков. Тем не менее установление временного режима судопроизводства говорит об осознании законодателем такой ценности, как скорый суд.

Принятие УГС стимулировало развитие учения о процессуальных сроках. Доктрина видела значение данного института в следующем:

¹ Беляев В. П., Нинциева Т. М. Эволюция отечественной процессуальной науки // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 7 (128). С. 12.

² Судебные уставы 20 ноября 1864 года, с изложением рассуждений, на коих они основаны. СПб.: Гос. канцелярия, 1866. Ч. 1. С. 7–8.

1) ускорение судопроизводства и противодействие его затягиванию³;

2) упорядочение процессуальной деятельности⁴;

3) обеспечение процессуальной дисциплины и предотвращение злоупотребления правами⁵;

4) сокращение периода неопределенности в правовом положении сторон спора и в гражданском обороте в целом⁶. Данная функция сроков воплощена в ст. 806 УГС, закреплявшей 10-летний пресекательный срок для пересмотра вступивших в силу решений;

5) создание условий для поиска материальной истины.

На последней функции сроков стоит остановиться подробнее. Дореволюционные правоведы считали, что целью судебного процесса является установление материальной (объективной) истины⁷.

Е. В. Васьковский полагал, что длительное разбирательство повышает риск судебной ошибки вследствие утраты доказательств, препятствуя достижению истины. Поэтому быстрота необходима для установления материальной истины⁸.

А. Х. Гольмстен обращал внимание на противоречие между объективной истиной и скоро-

стью судопроизводства. Конфликт состоит в том, что для установления истины требуется исследование обстоятельств дела во всей их полноте. Установление временных пределов означает, что суд должен принять решение только на основе доказательств, представленных сторонами в отведенный срок. Поэтому ради достижения истины требуется уничтожить институт сроков вовсе. Однако это создаст хаос и нарушит принцип окончательности разрешения дела, т.к. появление новых доказательств обязывало бы суд каждый раз возвращаться к его рассмотрению⁹.

Таким образом, важнейшим достижением дореволюционной науки стала постановка фундаментального вопроса о балансе между двумя ценностями: объективной истиной и динамизмом судопроизводства. Однозначно ответить на вопрос, сколько требуется времени для достижения объективной истины, невозможно. В связи с этим И. Е. Энгельман писал, что процессуальные действия должны совершаться и дело должно быть разрешено в такие минимальные сроки, которые обеспечивают наиболее полное установление фактических обстоятельств¹⁰. Данный вывод корреспондирует ст. 817 УГС.

После 1917 г. процессуальному праву отводилась скромная роль набора чисто техниче-

³ Нефедьев Е. А. Учебник русского гражданского судопроизводства. М. : Тип. Имп. Моск. ун-та, 1909. С. 140–141 ; Гольмстен А. Х. Учебник русского гражданского судопроизводства. 5-е изд., испр. и доп. СПб. : Тип. М. Меркушева, 1913. С. 130–131 ; Энгельман И. Е. Учебник русского гражданского судопроизводства. 2-е изд., испр. и доп. Юрьев : Тип. К. Маттисена, 1904. С. 170.

⁴ Яблочков Т. М. Учебник русского гражданского судопроизводства. Ярославль : Типо-лит. торг. д. А. Г. Фальк и К°, 1910. С. 118 ; Малышев К. И. Курс гражданского судопроизводства. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1876. Т. 1. С. 368.

⁵ Исаченко В. Л. Русское гражданское судопроизводство : Практ. руководство для студентов и начинающих юристов. Минск : Паровая типо-лит. Б. И. Соломонова, 1901. Т. 1 : Судопроизводство исковое. С. 296.

⁶ Васьковский Е. В. Курс гражданского процесса : Субъекты и объекты процесса, процессуальные отношения и действия. М. : Статут, 2016. С. 429–430 ; Загоровский А. И. Очерки гражданского судопроизводства в новых административно-судебных и судебных учреждениях (у земских начальников, городских судей, в уездных съездах и в губернских присутствиях). Одесса : Тип. Штаба Одес. воен. окр., 1892. С. 127, 292.

⁷ Азаревич Д. И. Судоустройство и судопроизводство по гражданским делам. Университетский курс. Варшава : Тип. Марии Земкевич, 1891. Т. 1. Вып. 1 : Введение. С. 36–37 ; Тютрюмов И. М. Гражданский процесс. Юрьев : Изд. кн. магазина Я. Раудсеп, 1925. С. 275.

⁸ Васьковский Е. В. Указ. соч. С. 429.

⁹ Гольмстен А. Х. Юридические исследования и статьи. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1894. Т. 1. С. 409–410.

¹⁰ Энгельман И. Е. Указ. соч. С. 170.

ских норм¹¹. Учение о сроках характеризовалось двумя чертами: абсолютизацией принципа объективной истины и стремлением ускорить судопроизводство в первой и кассационной инстанциях.

Принцип объективной истинности решения суда выводился из марксистско-ленинской теории, согласно которой объективные явления природы и общества познаваемы¹². Данный принцип нашел отражение в нормах законодательства. Согласно Декрету ВЦИК от 07.03.1918 № 2 «О суде»¹³ кассационная инстанция имела право отменить решение не только при наличии формальных нарушений, но и при его явной несправедливости (ст. 5); вводился верховный судебный контроль (ст. 6); суд наделялся правом отвергать любые ссылки на пропуск сроков, если этого требует справедливость (ст. 36). Из статьи 5 Гражданского процессуального кодекса РСФСР¹⁴ (ГПК РСФСР 1923 г.) следовала гипертрофированная активность суда в выяснении обстоятельств: суд не связан представленными доказательствами и обязан способствовать установлению существенных для дела фактов. В связи с приматом объективной истины ГПК РСФСР 1923 г. в первоначальной редакции не ограничивал рассмотрение дела в первой и кассационной инстанциях сроком. Данным принципом обусловлено и неограниченное сроком

право принесения надзорного протеста (ст. 254 ГПК РСФСР 1923 г.)¹⁵. В науке установление объективной истины считалось целью надзора¹⁶. Принцип объективной истины (в противовес «буржуазной» формальной истине) разделялся большинством авторов¹⁷.

Одновременно с этим имело место стремление ускорить судопроизводство. Декретом «О суде» и ГПК РСФСР 1923 г. упразднены апелляционная инстанция и стадия подготовки дела к разбирательству (ст. 4 Декрета); установлен единый месячный срок для обжалования решений в кассационном и частном порядке (ст. 34 Декрета); закреплены жесткие сроки рассмотрения некоторых категорий дел (ст. 53-а, 53-б ГПК РСФСР 1923 г.). Соответственно, советское право не восприняло дореволюционный подход в части отказа от установления фиксированных сроков рассмотрения дел.

В доктрине исследуемого периода процессуальным срокам уделялось скромное внимание, а их роль сводилась к упорядочению и ускорению судопроизводства¹⁸. В единичных трудах указывалось на такую функцию сроков, как сокращение периода правовой неопределенности¹⁹.

Итак, принципы быстроты судопроизводства и объективной истины стали самостоятельными правовыми ценностями. Значение процессу-

¹¹ Аргунов В. В. Отечественная наука гражданского процессуального права в 50–80-е гг. в трудах ученых Московского университета и ее влияние на современную доктрину и законодательство // Вестник Московского университета. Серия 11, Право. 2016. № 6. С. 38–39.

¹² Боннер А. Т. Проблемы установления истины в гражданском процессе : монография. СПб. : Юридическая книга, 2009.

¹³ СУ РСФСР. 1918. № 26. Ст. 420.

¹⁴ Постановление ВЦИК от 10.07.1923 «О введении в действие Гражданского процессуального кодекса РСФСР» // СУ РСФСР. 1923. № 46–47. Ст. 478.

¹⁵ Впоследствии для некоторых лиц право возбуждения надзорного производства ограничивалось сроком.

¹⁶ Кац С. Ю. Судебный надзор в гражданском судопроизводстве. М. : Юридическая литература, 1980. С. 70.

¹⁷ Клейнман А. Ф. Гражданский процесс : учебник для юрид. школ и курсов. М. : Юриздат, 1940. С. 13 ; Краснокутский В. А. Очерки гражданского процессуального права : Опыт систематизации законодательства Р.С.Ф.С.Р и С.С.С.Р. по судостроительству и гражданскому. Кинешма : Ив.-Вознесенск. губсоюз п-ных о-в, 1924. С. 23, 143 ; Александровский С. В. Гражданский процесс РСФСР. М. : Юрид. изд-во Н.К.Ю. РСФСР, 1925. С. 8 ; Цыпкин А. Л. Материальная истина в советском суде // Социалистическая законность. 1938. № 2. С. 69–71.

¹⁸ Клейнман А. Ф. Гражданский процесс. С. 76.

¹⁹ Краснокутский В. А. Указ. соч. С. 90.

альных сроков было целиком подчинено цели ускорения процесса.

Вместе с тем выявленная дореволюционной доктриной проблема баланса между истиной и быстротой давала о себе знать на практике. Так, в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 28.10.1935 «О строжайшем соблюдении процессуальных норм в гражданском процессе»²⁰ констатировалось, что процессуальное упрощение, имевшее цель ускорить рассмотрение дела и работу суда, приводило к волоките и отмене судебных решений из-за недостаточного исследования обстоятельств дела (абз. 2 п. 1). В связи с этим судам предписывалось всесторонне исследовать фактические обстоятельства (абз. 1 п. 2).

Иными словами, перед судами ставилась трудновыполнимая задача: обеспечить объективную истинность решений с учетом жестких временных ограничений. Из-за спешки с целью ускорить судопроизводство объективная истинность не достигалась и решения отменялись с направлением дела на новое рассмотрение. Как результат, продолжительность рассмотрения дел увеличилась. Однако базовая проблема баланса между длительностью судопроизводства и принципом объективной истины не разрабатывалась.

К началу 1940-х гг. была признана необходимость построения советской теории права²¹. В конце 1940-х гг. началась разработка общесоюзного ГПК. В 1962 г. вступили в силу Основы гражданского судопроизводства Союза ССР и со-

юзных республик²² (Основы 1962 г.), в 1964 г. — Гражданский процессуальный кодекс РСФСР²³ (ГПК РСФСР 1964 г.).

В статье 2 Основ 1962 г. и ст. 2 ГПК РСФСР 1964 г. правильность и быстрота рассмотрения и разрешения дел провозглашены в качестве задач процесса. Закон предписывал суду проявлять активность в процессе (ст. 16 Основ 1962 г., ст. 14 ГПК РСФСР 1964 г.); суд наделялся правом собирания доказательств по своей инициативе (ст. 18 Основ 1962 г., ст. 50 ГПК РСФСР 1964 г.). Подготовка дела к разбирательству стала обязательной стадией процесса (ст. 33 Основ 1962 г., ст. 141 ГПК РСФСР 1964 г.). Кассационная и надзорная инстанции не были связаны доводами жалоб (протестов) и были обязаны проверять дело в полном объеме, стороны имели право представлять дополнительные доказательства (ст. 45, 49 Основ 1962 г., ст. 294, 327 ГПК РСФСР 1964 г.). Право подачи надзорного протеста сроком не ограничивалось.

Таким образом, принцип объективной истины был закреплен законодательно²⁴. Доктрина также исходила из этого принципа²⁵.

В законодательстве была реализована концепция фиксированных сроков рассмотрения дел, хотя сроки были немного увеличены (ст. 99 ГПК РСФСР 1964 г.). В постановлениях Пленума Верховного Суда СССР констатировались формальное отношение к рассмотрению дел и высокая отменяемость решений. В качестве причин назывались не жесткие законные сроки, а недостатки в работе судов²⁶.

²⁰ Сборник действующих постановлений Пленума Верховного Суда СССР. 1924–1951 гг. / под ред. А. А. Волина. М. : Госюриздат, 1952. С. 187–189.

²¹ Аргунов В. В. Указ. соч. С. 39.

²² Закон СССР от 08.12.1961 «Об утверждении Основ гражданского судопроизводства Союза ССР и союзных республик» // Ведомости ВС СССР. 1961. № 50. Ст. 526.

²³ Закон РСФСР от 11.06.1964 «Об утверждении Гражданского процессуального кодекса РСФСР» // Ведомости ВС РСФСР. 1964. № 24. Ст. 407.

²⁴ Клейнман А. Ф. К проекту Основ гражданского судопроизводства // Советская юстиция. 1960. № 8. С. 7.

²⁵ Гурвич М. А. Право на иск. М.; Л. : Изд-во и 2-я тип. Изд-ва Акад. наук СССР, 1949. С. 41 ; Клейнман А. Ф. Новейшие течения в советской науке гражданского процессуального права : (Очерки по истории). М. : Изд-во Моск. ун-та, 1967. С. 48 ; Чечот Д. М. Процессуальные сроки // Вопросы кодификации советского права / отв. ред.: Д. А. Керимов, Б. В. Шейндлин. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1958. С. 35.

²⁶ Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 11.10.1965 № 8 «О практике применения судами процессуального законодательства при рассмотрении гражданских дел» // Сборник постановлений Пленума

Таким образом, осознания реальных причин низкого качества правосудия и необходимости достижения баланса между длительностью разбирательства и объективной истиной не произошло. Показательны выводы К. С. Юдельсона, который убежден, что законом установлены сроки, которые, с одной стороны, являются достаточными, а с другой — обеспечивают быстрое развитие процесса²⁷.

Понимание функций института процессуальных сроков почти не менялось. Сроки рассматривались как средство обеспечения быстроты, оперативности, интенсивности и экономичности процесса²⁸, процессуальной дисциплины²⁹, противодействия волоките³⁰.

Д. М. Чечот писал, что в случае ограничения права надзорного опротестования каким-либо сроком невозможно будет достичь целей, стоящих перед институтом надзора, потому что в данном случае принцип объективной истины будет принесен в жертву принципу стабильности вступившего в законную силу решения суда³¹. Данная позиция означает, что ученым была знакома такая функция сроков, как обеспечение устойчивости процессуальных и материальных правоотношений. Вместе с тем эта функция от-

ступала перед объективной истиной, в связи с чем правоотношения постоянно находились под угрозой отмены решения в надзорном порядке.

Тем не менее повышение интереса к институту сроков имело место. Появлялись новые аспекты осмысления значения этого института. Так, сроки стали рассматриваться как неотъемлемый элемент гражданской процессуальной формы, отражающий временную характеристику процессуальной деятельности³².

Делались попытки определить место сроков в системе более общих понятий. Сроки были отнесены к юридическим фактам (событиям). О. А. Красавчиков считал, что сроки — это вид абсолютных событий, т.к. человеческая деятельность не противопоставима истечению времени, поскольку человек сам существует во времени³³.

В. П. Грибанов полагал, что сроки занимают самостоятельное место в системе юридических фактов, поскольку имеют субъективно-объективную природу: устанавливаются и регламентируются человеком, но текут сами по себе, независимо от воли человека³⁴.

Г. П. Бужинская, соглашаясь с субъективно-объективной трактовкой правовых сроков, квалифицировал процессуальные сроки как пра-

Верховного Суда СССР 1924–1970. 1970 ; постановление Пленума Верховного Суда СССР от 01.12.1983 № 10 «О применении процессуального законодательства при рассмотрении гражданских дел в суде первой инстанции» // СПС «КонсультантПлюс».

²⁷ Юдельсон К. С. Советский гражданский процесс : учебник для юрид. вузов. М. : Госюриздат, 1956. С. 233.

²⁸ Научно-практический комментарий к ГПК РСФСР / Всесоюз. науч.-исслед. ин-т советского законодательства ; под ред. канд. юрид. наук Р. Ф. Каллистратовой и В. К. Пучинского. М. : Юрид. лит., 1965. С. 131 ; Советский гражданский процесс : учебник для вузов по спец. «Правоведение» / А. Т. Боннер, М. А. Гурвич, С. В. Курылев [и др.] ; отв. ред. М. С. Шакарян. М. : Юрид. лит., 1985. С. 109 ; Щеглов В. Н. Советский гражданский процесс : учебник / отв. ред. К. И. Комиссаров, В. М. Семенов. М. : Юрид. лит., 1978. С. 118.

²⁹ Головин М. Д., Двинянинов А. Г. Влияние кассационной практики на своевременность рассмотрения и разрешения гражданских дел судом первой инстанции // Современная правоприменительная практика как осуществление правовой политики перестройки в СССР : межвуз. сборник науч. трудов / Перм. гос. ун-т имени А.М. Горького ; отв. ред. Л. Ю. Бугров. Пермь : ПГУ, 1989. С. 80–81.

³⁰ Чечина Н. А. Избранные труды по гражданскому процессу : научное издание / сост. Е. Ю. Новиков, Н. С. Лосев ; предисл. Н. М. Кропачев, С. А. Белов, Т. И. Яковлева [и др.]. 2-е изд. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2021. С. 433.

³¹ Чечот Д. М. Процессуальные сроки. Л., 1958. С. 35.

³² Юридическая процессуальная форма : Теория и практика / под общ. ред. чл.-кор. АН УССР П. Е. Недбайло и д-ра юрид. наук В. М. Горшенева. М. : Юрид. лит., 1976. С. 17.

³³ Красавчиков О. А. Юридические факты в советском гражданском праве. М. : Госюриздат, 1958. С. 168.

³⁴ Грибанов В. П. Осуществление и защита гражданских прав. М. : Статут, 2000. С. 251.

вовую форму отражения течения физического времени путем установления моментов или временных отрезков, в пределах которых должно быть совершено действие либо рассмотрено дело в целом³⁵.

В поздней советской науке предлагалось отойти от жесткой фиксации сроков, установить разные сроки для дел разной категории³⁶. Некоторые авторы разграничивали быстроту и своевременность процесса. Так, по В. М. Жуковскому, своевременность — более содержательное требование, чем быстрота. Своевременным будет такое действие, которое совершено не только в рамках законного срока, но и по возможности быстро³⁷. То есть «своевременно» означает «быстро в пределах отведенного срока». Своевременность отражает связь сроков с обоснованностью процессуальных действий.

Таким образом, поздняя доктрина постепенно начинала осмысливать проблему баланса между объективной истиной и длительностью разбирательства, обеспечиваемой институтом процессуальных сроков. Становилось очевидным, что принцип быстроты не способствует повышению качества правосудия.

После распада СССР многие подходы в сфере гражданского процесса были пересмотрены. Так, одним из принципов современного граждан-

данского процесса является принцип формальной истины. В ГПК РФ³⁸ провозглашен принцип состязательности и изменена роль суда: суд — беспристрастный арбитр, который руководит процессом, определяет предмет доказывания (ст. 56 ГПК РФ), содействует сторонам в реализации их прав, создает условия для установления фактов и правильного применения норм права (ст. 12 ГПК РФ).

В доктрине принцип объективной истины подвергается критическому осмыслению как не имеющий ориентации на признание в качестве высшей ценности человека с его правами и свободами³⁹. На замену ему предлагаются менее категоричные понятия: «судебная (объективная) истина»⁴⁰, «относительная истина»⁴¹, «судебная истина»⁴², «формальная истина»⁴³, «юридическая истина»⁴⁴. Сущность такого подхода состоит в том, что суд разрешает спор, не выходя за рамки представленных сторонами доказательств и не вмешиваясь в процесс доказывания, а лишь определяя предмет и распределяя бремя доказывания.

Отметим, что данную точку зрения разделяют не все авторы. Например, в современном учебнике гражданского процесса под редакцией В. В. Блажеева и Е. Е. Уксусовой авторы в числе принципов процесса называют прин-

³⁵ Бужинская Г. П. Процессуальные сроки в советском гражданском судопроизводстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1987. С. 12.

³⁶ Одар Я. Э. О причинах отложения разбирательства и сроках рассмотрения гражданского дела // Советское право : юридический бюллетень. 1974. № 3. С. 203.

³⁷ Жуковский В. М. Проблема времени и своевременности в советском уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1989. С. 14.

³⁸ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.

³⁹ Стандарты справедливого правосудия (международные и национальные практики) / кол. авторов ; под ред. д-ра юрид. наук. Т. Г. Морщаковой. М. : Мысль, 2012. С. 35.

⁴⁰ Чистякова О. П. Проблема активности суда в гражданском процессе РФ : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1997. С. 36.

⁴¹ Свиринов Ю. А. Гражданский процесс : учебник для бакалавров. Саратов : Вузовское образование, 2017. С. 79.

⁴² Власов А. А. Гражданский процесс : учебник и практикум для вузов. 10-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2023. С. 54.

⁴³ Афанасьев С. Ф., Зайцев А. И. Гражданский процесс : учеб. пособие. М. : Норма, 2008. С. 36–37.

⁴⁴ Борзенко Ю. А. Арбитражное процессуальное право (Арбитражный процесс) : учеб. пособие. Новокузнецк : Кузбасский институт ФСИН России, 2014. С. 21.

цип объективной истины⁴⁵. Оставались верны принципу объективной истины также А. Т. Боннер⁴⁶, В. А. Мусин, Н. А. Чечина, Д. М. Чечот⁴⁷, С. В. Щепалов⁴⁸.

Таким образом, в настоящее время гражданский процесс эволюционирует от принципа объективной истины к принципу формальной истины. Истина, устанавливаемая судом, не является истиной в философском понимании, это скорее юридическая фикция истины (истина предполагается установленной, пока не доказано обратное).

Подтверждением отказа от объективной истины является ограничение права надзорного обжалования восстановимым 3-месячным (ч. 2 ст. 391.2 ГПК РФ) и предельным годичным (абз. 2 ч. 6 ст. 112 ГПК РФ) сроками, ограничение круга судебных постановлений, способных выступать предметом пересмотра (ч. 2 ст. 391.1 ГПК РФ).

Следовательно, идея обеспечения правовой определенности возобладали над требованием объективной истинности решения суда.

Другое изменение — отказ от принципа быстроты в пользу принципа своевременности судопроизводства. В 2000 г. в ст. 2 ГПК РСФСР 1964 г. «быстрое» рассмотрение дела заменено на «своевременное». Затем «своевременность» была закреплена в ст. 2 ГПК РФ. Поскольку категория «правильность» помещена рядом с категорией «своевременность», постольку фокус внимания смещается с баланса между объективной истиной и длительностью процесса на баланс между правильностью (формальной истинностью) и своевременностью разрешения спора.

Однако, заменив быстроту своевременностью, законодатель закрепил фиксированные сроки рассмотрения дела (ст. 154 ГПК РФ), удлинив их, дифференцировав их в зависимости от категории дела и предоставив возможность их продлевать сообразно сложности дела (ч. 6 ст. 154 ГПК РФ).

Кроме того, Пленум Верховного Суда РФ предписал судам обеспечить рассмотрение дел «в установленные законом сроки»⁴⁹. Отступая от гражданского процесса, отметим, что такая задача первоначально закреплялась в ст. 2 АПК РФ. Вместе с тем принцип рассмотрения дела в установленные законом сроки гораздо уже и категоричнее принципа своевременности, т.к. не предполагает учет особенностей конкретного дела.

Таким образом, хотя закон провозгласил принцип своевременности, практика вновь разошлась с законом, т.к. суды были ориентированы на соблюдение установленных законом сроков рассмотрения дела, а не на установление формальной истины по делу, обеспечиваемой принципом своевременности.

Фундаментальной проблемой гражданского процесса стало затяжное судопроизводство. Имеет место парадоксальная ситуация, когда в делах, рассматривавшихся в течение нескольких лет, с формальной точки зрения отсутствовало нарушение установленных законом сроков. Это возможно, поскольку из общего срока рассмотрения дела (ст. 154 ГПК РФ) исключаются периоды приостановления производства по делу (ч. 1 ст. 110 ГПК РФ), а после изменения иска, привлечения соответчика, замены ненадлежащего ответчика надлежащим, вступления

⁴⁵ Гражданский процесс : учебник для бакалавров, для студентов вузов, обучающихся по специальности и направлению подготовки «Юриспруденция» / отв. ред. В. В. Блажеев, Е. Е. Уксусова. М. : Проспект, 2015. С. 83.

⁴⁶ Боннер А. Т. Указ. соч.

⁴⁷ Гражданский процесс : учебник / под ред. В. А. Мусина, Н. А. Чечиной, Д. М. Чечота. 3-е изд., перераб. и доп. М. : ПБОЮЛ Гриженко, 2001. С. 34.

⁴⁸ Щепалов С. В. Гражданский процесс : лекции / под ред. Б. К. Таратунина, Е. С. Рочевой. М. : Норма : Инфра-М, 2013. С. 90.

⁴⁹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.06.2008 № 13 «О применении норм Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении и разрешении дел в суде первой инстанции» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2008. № 10.

в дело третьего лица с самостоятельными требованиями, замены судьи течение срока начинается заново (ч. 3 ст. 39, ч. 3 ст. 40, ч. 1 ст. 41, ч. 2 ст. 157 ГПК РФ).

В целях борьбы с затяжным судопроизводством и сокращения драматического разрыва между правовым и физическим временем в 2010 г. введено понятие разумного срока (ст. 6.1 ГПК РФ)⁵⁰. Данная мера активизировала многоаспектные научные дискуссии.

Один из аспектов состоит в уяснении смысла понятия «разумный срок». В доктрине разумный срок понимается как максимально соответствующий здравому смыслу и справедливости⁵¹; как логически обоснованный и не противоречащий закону период времени, в пределах которого суд должен разрешить дело⁵²; как обоснованный объективными обстоятельствами период времени, в течение которого должны быть произведены определенные действия⁵³; как определяемая индивидуально для каждого конкретного дела объективно необходимая длительность судебного разбирательства, оправданная сложностью дела, составом его участников, доказательств и его общественной значимостью⁵⁴.

Таким образом, сущность принципа разумного срока состоит в возможности учета объективных особенностей каждого дела при определении необходимых и достаточных временных затрат на его рассмотрение.

Особый интерес представляет проблема определения круга адресатов принципа разумного срока. Одни ученые полагают, что любой установленный законом срок заведомо разумен, т.к.

законодатель всегда руководствуется здравым смыслом. Следовательно, принцип разумного срока адресован только правоприменителю⁵⁵. Если данный вывод верен, то нарушение разумного срока не возникает, если суд не выходит за пределы законных сроков. Однако в этом случае значение разумного срока нивелируется, т.к. формально в деле, рассмотрение которого длится годами, установленные законом сроки могут не нарушаться. Представляется, что именно поэтому для целей определения разумной длительности судопроизводства из срока рассмотрения дела не вычитаются периоды приостановления производства по делу и срок не начинает течь заново при замене ответчика, привлечении соответчика и т.д. (ч. 3 ст. 6.1 ГПК РФ).

В доктрине существует иная позиция, согласно которой принцип разумного срока применим ко всем видам процессуальных сроков, включая законные сроки⁵⁶. Но могут ли законные сроки являться разумными? Если вопрос о разумности срока правомерно ставить только при выходе за пределы законных сроков, то разумный срок всегда будет превосходить законные сроки. Следовательно, законные сроки неразумны.

Концепция разумного срока заведомо не может дать ответ на вопрос, срок какой именно длительности считается разумным, т.к. разумность — это критерий, применяемый к обстоятельствам конкретного дела. Поэтому, когда законодатель устанавливает конкретную длительность срока, такой срок априори не может считаться разумным, т.к. не учитывает особенности дела. Как пишет С. И. Ржаксенский,

⁵⁰ Федеральный закон от 30.04.2010 № 69-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок»» // СЗ РФ. 2010. № 18. Ст. 2145.

⁵¹ Щепалов С. В. Указ. соч. С. 92.

⁵² Поляков И. Н. Разумные сроки судопроизводства: понятие и значение // Российская юстиция. 2011. № 4.

⁵³ Рехтина И. В., Руф Е. Е. Толкование и применение категории «разумные сроки» в гражданском судопроизводстве // Юрислингвистика. 2017. № 6. С. 44.

⁵⁴ Стандарты справедливого правосудия (международные и национальные практики). С. 170.

⁵⁵ Ржаксенский С. И. О понятии разумного срока в гражданском судопроизводстве // Пробелы в российском законодательстве. 2015. № 4. С. 111.

⁵⁶ Гражданский процесс : учебник / В. В. Аргунов, Е. А. Борисова, Н. С. Бочарова [и др.] ; под ред. М. К. Треушников. 5-е изд., перераб. и доп. М. : Статут, 2014. С. 207.

«разумный срок перестает быть таковым после того, как его обозначат»⁵⁷.

Обобщая сказанное, можно выделить две концепции регулирования сроков. Первая концепция (уравнивающая) предполагает закрепление фиксированных сроков рассмотрения дел (была характерна для советского процесса). Вторая концепция (разумного срока) основана на том, что приемлемый срок определяется обстоятельствами конкретного дела, а значит, единый срок не может быть раз и навсегда установлен для всех дел. Данную концепцию пытался реализовать законодатель в 2010 г.

Данные концепции являются взаимоисключающими: закрепление принципа разумного срока исключает установление сроков конкретной длительности; определение в законе конкретных сроков нивелирует значение принципа разумного срока.

Парадокс в том, что с 2010 г. обе концепции сосуществуют в ГПК РФ, не только порождая многочисленные дискуссии, но и дезориентируя суды, которые не понимают, чего именно от них ожидает общество: рассмотрения дела в разумный срок, в установленный законом срок или своевременного судопроизводства. В связи с этим актуален вопрос о целесообразности сохранения в ГПК РФ количественно определенных сроков рассмотрения дел.

В современной доктрине наблюдается интерес не только к процессуальным срокам, но и к более общим понятиям, таким как «правовое время», «правовой срок»⁵⁸. Серьезные труды в этой области обычно предваряются осмыслением понятия «время». Подчеркивается, что роль времени в праве — упорядочение, организация и повышение устойчивости правовой реальности⁵⁹. Прижилась и позиция В. П. Грибанова о субъективно-объективной природе срока⁶⁰. Правовой срок трактуется как формально определенная юридическая единица времени; как частный случай нормативной объективации концепта «время»⁶¹.

В литературе существует большой разброс мнений относительно функций процессуальных сроков. После распада СССР сохранялось понимание сроков как одной из гарантий обеспечения быстроты судопроизводства⁶².

В связи с заменой принципа быстроты принципом своевременности сроки стали рассматриваться как существенная гарантия решения задачи правильного и своевременного рассмотрения и разрешения дела⁶³.

Преимущество советских подходов обнаруживается в том, что сроки рассматриваются как необходимый элемент гражданской процессуальной формы⁶⁴.

Сроки обеспечивают динамику процессуальных и материальных правоотношений⁶⁵, создают

⁵⁷ Ржаксенский С. И. Указ. соч. С. 113.

⁵⁸ Васекина Э. М. Правовое время: понятийный строй проблемы // Проблемы правоведа. 2005. № 3. С. 27–30; Догадайло Е. Ю. Время и право: теоретико-правовое исследование : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2013. 54 с.

⁵⁹ Белякович Е. В. О концептуальных подходах к пониманию категории «правовой срок» // Российский судья. 2020. № 4. С. 3–9; № 5. С. 3–8.

⁶⁰ Исаева Е. В. Процессуальные сроки в гражданском и арбитражном процессе : учеб.-практ. пособие. М. : Волтерс Клувер, 2006. С. 71.

⁶¹ Зуева Л. Ю. Процессуальные сроки в производстве по делам об административных правонарушениях : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. С. 19.

⁶² Гражданский процесс России : учебник / под ред. М. А. Витута. М. : Юрист, 2005. С. 86.

⁶³ См.: Осокина Г. Л. Гражданский процесс. Общая часть : учебник. 3-е изд., перераб. М. : Норма : Инфра-М, 2013. С. 363; Ткач А. С. К вопросу о понятии и значении правового срока // Вестник КГУ. 2020. № 2. С. 226; Гражданский процесс : учебник / под ред. В. А. Мусина, Н. А. Чечиной, Д. М. Чечота. С. 183.

⁶⁴ Гражданский процесс : учебник / под ред. М. К. Треушниковой. М., 2014. С. 203; Васекина Э. М. Юридические сроки: теоретико-правовое исследование : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 23.

⁶⁵ Смагина Е. С. Участие государства в современном цивилистическом процессе : монография. М. : Статут, 2021. С. 141.

оптимальный временной режим отправления правосудия, ритмизируют правовой процесс, поскольку, с одной стороны, ускоряют судопроизводство, с другой — противодействуют спешке⁶⁶.

Сохраняют актуальность дисциплинирующая функция сроков⁶⁷, функции упорядочения процессуальной деятельности⁶⁸ и материальных правоотношений⁶⁹, обеспечения безотлагательности и эффективности судебной защиты⁷⁰, реализации принципа правовой определенности, обеспечения стабильности правоотношений, реальности и гарантированности субъективных прав⁷¹.

В отличие от представителей советской науки, многие современные авторы не ограничиваются дефинициями и классификациями сроков, а пытаются выявить социальное и юридическое, публично- и частноправовое, процессуально- и материально-правовое значение данного института.

Согласно Е. Ю. Догадайло, социальное значение сроков заключается в создании у участников правоотношений уверенности в достижимости юридически значимого результата, в связи с чем упрочивается правопорядок и укрепляется чувство законности у субъектов права. Юридическое значение срока состоит в том, что он является средством фиксации ограничения во времени возможности пересмотра юридически значимого акта, благодаря чему достигается правовая определенность⁷².

По мнению Е. В. Крыловой, публично-правовое значение сроков выражается в том, что они обеспечивают вынесение судом правосудного решения, формируют правосознание и устанавливают законность в обществе; частноправовое — в том, что они придают участникам процесса уверенность в своевременном разрешении их конфликта. Оба эти аспекта формируют предпосылки к построению гражданского общества⁷³.

Е. В. Исаева на основе анализа трудов дореволюционных авторов сформулировала существенное понимание процессуальных сроков. Согласно ей, материально-правовое значение сроков состоит в стабилизации материально-правовых отношений сторон спора, чем обеспечивается стабильность гражданского оборота в целом. Процессуально-правовое значение состоит в обеспечении упорядоченности и определенности в процессуальных правоотношениях⁷⁴.

С точки зрения систематики зародившаяся в советской науке квалификация сроков как юридических фактов утвердилась и в современной доктрине. Однако сохраняется дискуссия в части определения места сроков в системе юридических фактов. Одни авторы относят сроки к относительным событиям⁷⁵, другие считают, что сроки в зависимости от ситуации могут быть как событиями, так и действиями, т.к. они не существуют вне конкретного фактического состава⁷⁶, третьи — что правовые сроки являются особой

⁶⁶ Афанасьев С. Ф. Гражданский процесс. С. 102.

⁶⁷ Ярков В. В. Юридические факты в цивилистическом процессе. М. : Инфотропик Медиа, 2012. С. 67 ; Гражданский процесс : учебник / под ред. М. К. Треушникова. М., 2014. С. 204.

⁶⁸ Зуева Л. Ю. Указ. соч. С. 37.

⁶⁹ Гражданский процесс : учебник для академического бакалавриата / под ред. В. А. Баранова. М. : Юрайт, 2015. Т. 1. С. 218.

⁷⁰ Щепалов С. В. Указ. соч. С. 174 ; Ярков В. В. Указ. соч. С. 67.

⁷¹ Гражданский процесс : учебник / под ред. В. А. Мусина, Н. А. Чечиной, Д. М. Чечота. С. 183.

⁷² Догадайло Е. Ю. Указ. соч. С. 35–36.

⁷³ Крылова Е. В. Актуальные вопросы правовой природы гражданского процессуального срока: исторический аспект // Актуальные проблемы развития гражданского права и гражданского процесса. Краснодар : Краснодарский университет МВД РФ, 2017. С. 372.

⁷⁴ Исаева Е. В. Указ. соч. С. 10.

⁷⁵ Гражданское процессуальное право : учебник : в 2 т. / Т. К. Андреева, С. Ф. Афанасьев, В. В. Блажеев [и др.] ; под ред. П. В. Крашенинникова. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Статут, 2022. Т. 1 : Общая часть.

⁷⁶ Ярков В. В. Указ. соч. С. 70 ; Исаков В. Б. Фактический состав в механизме правового регулирования : монография / под ред. С. С. Алексеева. Репр. изд. М. : Норма : Инфра-М, 2022. С. 71.

разновидностью юридических фактов, наряду с событиями и действиями⁷⁷.

Итак, следует заключить, что процессуальные сроки — сложный и многоаспектный институт. В ходе развития отечественного гражданского процесса представления о его роли изменялись.

После реформы 1864 г. наука сумела выявить фундаментальное значение процессуальных сроков: ускорение процесса, упорядочение процессуальной деятельности, предотвращение злоупотреблений, минимизация периода правовой неопределенности в материальных и процессуальных отношениях, создание условий для установления объективной истины и стабилизации гражданского оборота. Кроме того, наука впервые поставила базовый вопрос о балансе между такими правовыми ценностями, как истинность судебного решения и обеспечение динамичного развития процесса.

В советский период значение процессуальных сроков было упрощено: сроки рассматривались в основном как средство обеспечения быстроты и упорядоченности судопроизводства, поддержания процессуальной дисциплины и борьбы с волокитой. Хотя принципы объективной истины и быстроты судопроизводства были отражены в позитивном праве, вопрос баланса между ними не получил достаточного теоретического осмысления.

За последние три десятилетия учение о процессуальных сроках заметно обогатилось. Обращение к дореволюционной доктрине привело к глубокому осмыслению таких функций процессуальных сроков, как обеспечение правовой определенности, упорядочения правоотношений, устойчивости гражданского оборота и в конечном счете реализации общеправового принципа верховенства закона.

Закрепление в ГПК РФ принципа разумного срока стимулирует доктрину выявлять баланс между такими ценностями, как правильность разрешения спора и обеспечение разумного срока рассмотрения дела. Социальное значение принципа разумного срока заключается в том, что он, сокращая дистанцию между правовым и физическим временем, повышает адекватность гражданского процесса в целом, социализирует его и приближает его к реальности. Юридическое значение данного принципа состоит в том, что он является одной из существенных гарантий эффективности реализации права на судебную защиту в широком смысле.

Адекватное понимание значения процессуальных сроков крайне важно, поскольку законодатель при установлении тех или иных сроков должен исходить из их роли в механизме правового регулирования.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Азаревич Д. И.* Судебное устройство и судопроизводство по гражданским делам. Университетский курс. Т. 1. Вып. 1 : Введение. — Варшава : Тип. Марии Земкевич, 1891. — II, 107 с.
2. *Александровский С. В.* Гражданский процесс РСФСР. — М. : Юрид. изд-во Н.К.Ю. РСФСР, 1925. — 67 с.
3. *Аргунов В. В.* Отечественная наука гражданского процессуального права в 50–80-е гг. в трудах ученых Московского университета и ее влияние на современную доктрину и законодательство // Вестник Московского университета. Серия 11, Право. — 2016. — № 6. — С. 37–66.
4. *Афанасьев С. Ф., Зайцев А. И.* Гражданский процесс : учеб. пособие. — М. : Норма, 2008. — 496 с.
5. *Беляев В. П., Нинцьева Т. М.* Эволюция отечественной процессуальной науки // Актуальные проблемы российского права. — 2021. — № 7 (128). — С. 11–22.
6. *Белякович Е. В.* О концептуальных подходах к пониманию категории «правовой срок» // Российский судья. — 2020. — № 4. — С. 3–9 ; № 5. — С. 3–8.
7. *Боннер А. Т.* Проблемы установления истины в гражданском процессе : монография. — СПб. : Юридическая книга, 2009. — 832 с.

⁷⁷ *Петрухина Т. Г.* Сроки в гражданском праве // Право и экономика. 2006. № 5. С. 15–19.

8. Борзенко Ю. А. Арбитражное процессуальное право (Арбитражный процесс) : учеб. пособие. — Новокузнецк : Кузбасский институт ФСИН России, 2014. — 156 с.
9. Бужинская Г. П. Процессуальные сроки в советском гражданском судопроизводстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 1987. — 21 с.
10. Васекина Э. М. Правовое время: понятийный строй проблемы // Проблемы правоведения. — 2005. — № 3. — С. 27–30.
11. Васекина Э. М. Юридические сроки: теоретико-правовое исследование : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2011. — 27 с.
12. Васьковский Е. В. Курс гражданского процесса: Субъекты и объекты процесса, процессуальные отношения и действия. — М. : Статут, 2016. — 624 с.
13. Власов А. А. Гражданский процесс : учебник и практикум для вузов. — 10-е изд., перераб. и доп. — М. : Юрайт, 2023. — 488 с.
14. Головин М. Д., Двинянинов А. Г. Влияние кассационной практики на своевременность рассмотрения и разрешения гражданских дел судом первой инстанции // Современная правоприменительная практика как осуществление правовой политики перестройки в СССР : межвуз. сборник науч. трудов / Перм. гос. ун-т имени А.М. Горького ; отв. ред. Л. Ю. Бугров. — Пермь : ПГУ, 1989. — 146 с.
15. Гольмстен А. Х. Учебник русского гражданского судопроизводства. — 5-е изд., испр. и доп. — СПб. : тип. М. Меркушева, 1913. — XX, 411 с.
16. Гольмстен А. Х. Юридические исследования и статьи. Т. 1. — СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1894. — X, II, 534 с.
17. Гражданский процесс России : учебник / под ред. М. А. Витук. — М. : Юрист, 2005. — 480 с.
18. Гражданский процесс : учебник для академического бакалавриата. Т. 1 / под ред. В. А. Баранова. — М. : Юрайт, 2015. — 247 с.
19. Гражданский процесс : учебник для бакалавров, для студентов вузов, обучающихся по специальности и направлению подготовки «Юриспруденция» / отв. ред. В. В. Блажеев, Е. Е. Уксусова. — М. : Проспект, 2015. — 735 с.
20. Гражданский процесс : учебник / под ред. В. А. Мусина, Н. А. Чечиной, Д. М. Чечота. — 3-е изд., перераб. и доп. — М. : ПБОЮЛ Гриженко, 2001. — 544 с.
21. Гражданский процесс : учебник / В. В. Аргунов, Е. А. Борисова, Н. С. Бочарова [и др.] ; под ред. М. К. Треушников. — 5-е изд., перераб. и доп. — М. : Статут, 2014. — 960 с.
22. Гражданское процессуальное право : учебник : в 2 т. Т. 1 : Общая часть / Т. К. Андреева, С. Ф. Афанасьев, В. В. Блажеев [и др.] ; под ред. П. В. Крашенинникова. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Статут, 2022. — 550 с.
23. Грибанов В. П. Осуществление и защита гражданских прав. — М. : Статут, 2000. — 411 с.
24. Гурвич М. А. Право на иск. — М.; Л. : Изд-во и 2-я тип. Изд-ва Акад. наук СССР, 1949. — 216 с.
25. Догдайло Е. Ю. Время и право: теоретико-правовое исследование : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2013. — 54 с.
26. Жуковский В. М. Проблема времени и своевременности в советском уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Свердловск, 1989. — 18 с.
27. Загоровский А. И. Очерки гражданского судопроизводства в новых административно-судебных и судебных учреждениях (у земских начальников, городских судей, в уездных съездах и в губернских присутствиях). — Одесса: Тип. Штаба Одес. воен. окр., 1892. — VIII, 373 с.
28. Зуева Л. Ю. Процессуальные сроки в производстве по делам об административных правонарушениях : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2014. — 176 с.
29. Исаева Е. В. Процессуальные сроки в гражданском и арбитражном процессе : учеб.-практ. пособие. — М. : Волтерс Клувер, 2006. — 224 с.
30. Исаков В. Б. Фактический состав в механизме правового регулирования : монография / под ред. С. С. Алексеева. — Репр. изд. — М. : Норма : Инфра-М, 2022. — 128 с.

31. *Исаченко В. Л.* Русское гражданское судопроизводство : Практик. руководство для студентов и начинающих юристов. Т. 1 : Судопроизводство исковое. — Минск : Паровая типо-лит. Б. И. Соломонова, 1901. — II, 3–304, X с.
32. *Кац С. Ю.* Судебный надзор в гражданском судопроизводстве. — М. : Юридическая литература, 1980. — 208 с.
33. *Клейнман А. Ф.* Гражданский процесс : учебник для юрид. школ и курсов. — М. : Юриздат, 1940. — 120 с.
34. *Клейнман А. Ф.* К проекту Основ гражданского судопроизводства // Советская юстиция. — 1960. — № 8. — С. 7–9.
35. *Клейнман А. Ф.* Новейшие течения в советской науке гражданского процессуального права : (Очерки по истории). — М. : Изд-во Моск. ун-та, 1967. — 119 с.
36. *Красавчиков О. А.* Юридические факты в советском гражданском праве. — М. : Госюриздат, 1958. — 183 с.
37. *Краснокутский В. А.* Очерки гражданского процессуального права : Опыт систематизации законодательства РСФСР и ССРСР по судоустройству и гражданскому. — Кинешма : Ив.-Вознесенск. губ-союз п-ных о-в, 1924. — 170 с.
38. *Крылова Е. В.* Актуальные вопросы правовой природы гражданского процессуального срока: исторический аспект // Актуальные проблемы развития гражданского права и гражданского процесса. — Краснодар : Краснодарский университет МВД РФ, 2017. — С. 368–376.
39. *Малышев К. И.* Курс гражданского судопроизводства. Т. 1. — СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1876. — 449 с.
40. Научно-практический комментарий к ГПК РСФСР / Всесоюз. науч.-исслед. ин-т советского законодательства ; под ред. канд. юрид. наук Р. Ф. Каллистратовой и В. К. Пучинского. — М. : Юрид. лит., 1965. — 512 с.
41. *Нефедьев Е. А.* Учебник русского гражданского судопроизводства. — М. : Тип. Имп. Моск. ун-та, 1909. — 403 с.
42. *Одар Я. Э.* О причинах отложения разбирательства и сроках рассмотрения гражданского дела // Советское право : юридический бюллетень. — 1974. — № 3. — С. 202–204.
43. *Осокина Г. Л.* Гражданский процесс. Общая часть : учебник. — 3-е изд., перераб. — М. : Норма : Инфра-М, 2013. — 704 с.
44. *Петрухина Т. Г.* Сроки в гражданском праве // Право и экономика. — 2006. — № 5. — С. 15–19.
45. *Поляков И. Н.* Разумные сроки судопроизводства: понятие и значение // Российская юстиция. — 2011. — № 4. — С. 33–37.
46. *Рабинович П. М.* Время в правовом регулировании (философско-юридические аспекты) // Правоведение. — 1990. — № 3. — С. 19–27.
47. *Рехтина И. В., Руф Е. Е.* Толкование и применение категории «разумные сроки» в гражданском судопроизводстве // Юрислингвистика. — 2017. — № 6. — С. 41–50.
48. *Ржаксенский С. И.* О понятии разумного срока в гражданском судопроизводстве // Пробелы в российском законодательстве. — 2015. — № 4. — С. 110–114.
49. *Свириг Ю. А.* Гражданский процесс : учебник для бакалавров. — Саратов : Вузовское образование, 2017. — 469 с.
50. *Смагина Е. С.* Участие государства в современном цивилистическом процессе : монография. — М. : Статут, 2021. — 268 с.
51. Советский гражданский процесс : учебник для вузов по спец. «Правоведение» / А. Т. Боннер, М. А. Гурвич, С. В. Курылев [и др.] ; отв. ред. М. С. Шакарян. — М. : Юрид. лит., 1985. — 526 с.
52. Стандарты справедливого правосудия (международные и национальные практики) / кол. авторов ; под ред. д-ра юрид. наук Т. Г. Морщаковой. — М. : Мысль, 2012. — 584 с.

53. Судебные уставы 20 ноября 1864 года, с изложением рассуждений, на коих они основаны : Ч. 1. — СПб. : Гос. канцелярия, 1866. — XLII, 690 с.
54. Ткач А. С. К вопросу о понятии и значении правового срока // Вестник КГУ. — 2020. — № 2. — С. 224–228.
55. Тютрюмов И. М. Гражданский процесс. — Юрьев : Изд. кн. магазина Я. Раудсеп, 1925. — 695 с.
56. Усольцев М. М. Понятие процессуального срока в различных видах судопроизводства Российской Федерации // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. — 2017. — № 4. — С. 111–120.
57. Цыпкин А. Л. Материальная истина в советском суде // Социалистическая законность. — 1938. — № 2. — С. 69–71.
58. Чечина Н. А. Избранные труды по гражданскому процессу : научное издание / Н. А. Чечина ; сост. Е. Ю. Новиков, Н. С. Лосев ; предисл. Н. М. Кропачев, С. А. Белов, Т. И. Яковлева [и др.]. — 2-е изд. — СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2021. — 656 с.
59. Чечот Д. М. Процессуальные сроки // Вопросы кодификации советского права / отв. ред.: Д. А. Керимов, Б. В. Шейндлин. — Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1958. — 108 с.
60. Чистякова О. П. Проблема активности суда в гражданском процессе РФ : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 1997. — 195 с.
61. Щеглов В. Н. Советский гражданский процесс : учебник / отв. ред. К. И. Комиссаров, В. М. Семенов. — М. : Юрид. лит., 1978. — 432 с.
62. Щепалов С. В. Гражданский процесс : лекции / под ред. Б. К. Таратунина, Е. С. Рочевой. — М. : Норма : Инфра-М, 2013. — 352 с.
63. Энгельман И. Е. Учебник русского гражданского судопроизводства. — 2-е изд., испр. и доп. — Юрьев : тип. К. Маттисена, 1904. — XVI, 459 с.
64. Юдельсон К. С. Советский гражданский процесс : учебник для юрид. вузов. — М. : Госюриздат, 1956. — 439 с.
65. Юридическая процессуальная форма : Теория и практика / под общ. ред. чл.-кор. АН УССР П. Е. Недбайло и д-ра юрид. наук В. М. Горшенева. — М. : Юрид. лит., 1976. — 278 с.
66. Яблочков Т. М. Учебник русского гражданского судопроизводства. — Ярославль : Типо-лит. торг. д. А. Г. Фальк и К°, 1910. — VIII, 260 с.
67. Ярков В. В. Юридические факты в цивилистическом процессе. — М. : Инфотропик Медиа, 2012. — 608 с.

Материал поступил в редакцию 30 марта 2023 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Azarevich D. I. Sudoustroystvo i sudoproizvodstvo po grazhdanskim delam. Universitetskiy kurs. T. 1. Vyp. 1: Vvedenie. — Varshava: Tip. Marii Zemkevich, 1891. — II, 107 s.
2. Aleksandrovskiy S. V. Grazhdanskiy protsess RSFSR. — M.: Yurid. izd-vo N.K.Yu. RSFSR, 1925. — 67 s.
3. Argunov V. V. Otechestvennaya nauka grazhdanskogo protsessualnogo prava v 50–80-e gg. v trudakh uchenykh Moskovskogo universiteta i ee vliyanie na sovremennuyu doktrinu i zakonodatelstvo // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11, Pravo. — 2016. — № 6. — S. 37–66.
4. Afanasev S. F., Zaytsev A. I. Grazhdanskiy protsess: ucheb. posobie. — M.: Norma, 2008. — 496 s.
5. Belyaev V. P., Nintsieva T. M. Evolyutsiya otechestvennoy protsessualnoy nauki // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. — 2021. — № 7 (128). — S. 11–22.
6. Belyakov E. V. O kontseptualnykh podkhodakh k ponimaniyu kategorii «pravovoy srok» // Rossiyskiy sudya. — 2020. — № 4. — S. 3–9; № 5. — S. 3–8.

7. Bonner A. T. Problemy ustanovleniya istiny v grazhdanskom protsesse: monografiya. — SPb.: Yuridicheskaya kniga, 2009. — 832 s.
8. Borzenko Yu. A. Arbitrazhnoe protsessualnoe pravo (Arbitrazhnyy protsess): ucheb. posobie. — Novokuznetsk: Kuzbasskiy institut FSIN Rossii, 2014. — 156 s.
9. Buzhinskas G. P. Protsessualnye sroki v sovetskom grazhdanskom sudoproizvodstve: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. — M., 1987. — 21 s.
10. Vasekina E. M. Pravovoe vremya: ponyatiynnyy stroy problemy // Problemy pravovedeniya. — 2005. — № 3. — S. 27–30.
11. Vasekina E. M. Yuridicheskie sroki: teoretiko-pravovoe issledovanie: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. — M., 2011. — 27 s.
12. Vaskovskiy E. V. Kurs grazhdanskogo protsessa: Subekty i obekty protsessa, protsessualnye otnosheniya i deystviya. — M.: Statut, 2016. — 624 s.
13. Vlasov A. A. Grazhdanskiy protsess: uchebnik i praktikum dlya vuzov. — 10-e izd., pererab. i dop. — M.: Yurayt, 2023. — 488 s.
14. Golovin M. D., Dvinyaninov A. G. Vliyanie kassatsionnoy praktiki na svoevremennost rassmotreniya i razresheniya grazhdanskikh del sudom pervoy instantsii // Sovremennaya pravoprimenitelnaya praktika kak osushchestvlenie pravovoy politiki perestroyki v SSSR: mezhvuz. sbornik nauch. trudov / Perm. gos. un-t imeni A.M. Gorkogo; otv. red. L. Yu. Bugrov. — Perm: PGU, 1989. — 146 s.
15. Golmsten A. Kh. Uchebnik russkogo grazhdanskogo sudoproizvodstva. — 5-e izd., ispr. i dop. — SPb.: tip. M. Merkusheva, 1913. — XX, 411 s.
16. Golmsten A. Kh. Yuridicheskie issledovaniya i stati. T. 1. — SPb.: Tip. M. M. Stasyulevicha, 1894. — X, II, 534 s.
17. Grazhdanskiy protsess Rossii: uchebnik / pod red. M. A. Vikut. — M.: Yurist, 2005. — 480 s.
18. Grazhdanskiy protsess: uchebnik dlya akademicheskogo bakalavriata. T. 1 / pod red. V. A. Baranova. — M.: Yurayt, 2015. — 247 s.
19. Grazhdanskiy protsess: uchebnik dlya bakalavrov, dlya studentov vuzov, obuchayushchikhsya po spetsialnosti i napravleniyu podgotovki «Yurisprudentsiya» / otv. red. V. V. Blazheev, E. E. Uksusova. — M.: Prospekt, 2015. — 735 s.
20. Grazhdanskiy protsess: uchebnik / pod red. V. A. Musina, N. A. Chechinoy, D. M. Chechota. — 3-e izd., pererab. i dop. — M.: PBOYuL Grizhenko, 2001. — 544 s.
21. Grazhdanskiy protsess: uchebnik / V. V. Argunov, E. A. Borisova, N. S. Bocharova [i dr.]; pod red. M. K. Treushnikova. — 5-e izd., pererab. i dop. — M.: Statut, 2014. — 960 s.
22. Grazhdanskoe protsessualnoe pravo: uchebnik: v 2 t. T. 1: Obshchaya chast / T. K. Andreeva, S. F. Afanasev, V. V. Blazheev [i dr.]; pod red. P. V. Krashenninnikova. — 2-e izd., pererab. i dop. — M.: Statut, 2022. — 550 s.
23. Gribanov V. P. Osushchestvlenie i zashchita grazhdanskikh prav. — M.: Statut, 2000. — 411 s.
24. Gurvich M. A. Pravo na isk. — M.; L.: Izd-vo i 2-ya tip. Izd-va Akad. nauk SSSR, 1949. — 216 s.
25. Dogadaylo E. Yu. Vremya i pravo: teoretiko-pravovoe issledovanie: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. — M., 2013. — 54 s.
26. Zhukovskiy V. M. Problema vremeni i svoevremennosti v sovetskom ugolovnom protsesse: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. — Sverdlovsk, 1989. — 18 s.
27. Zagorovskiy A. I. Ocherki grazhdanskogo sudoproizvodstva v novykh administrativno-sudebnykh i sudebnykh uchrezhdeniyakh (u zemskikh nachalnikov, gorodskikh sudey, v uездnykh sezdakh i v gubernskikh prisutstviyakh). — Odessa: Tip. Shtaba Odes. voen. okr., 1892. — VIII, 373 s.
28. Zueva L. Yu. Protsessualnye sroki v proizvodstve po delam ob administrativnykh pravonarusheniyakh: dis. ... kand. yurid. nauk. — M., 2014. — 176 s.
29. Isaeva E. V. Protsessualnye sroki v grazhdanskom i arbitrazhnom protsesse: ucheb.-prakt. posobie. — M.: Volters Kluver, 2006. — 224 s.
30. Isakov V. B. Fakticheskiy sostav v mekhanizme pravovogo regulirovaniya: monografiya / pod red. S. S. Alekseeva. — Repr. izd. — M.: Norma: Infra-M, 2022. — 128 s.

31. Isachenko V. L. Russkoe grazhdanskoe sudoproizvodstvo: Prakt. rukovodstvo dlya studentov i nachinayushchikh yuristov. T. 1: Sudoproizvodstvo iskovoe. — Minsk: Parovaya tipo-lit. B. I. Solomonova, 1901. — II, 3–304, X s.
32. Kats S. Yu. Sudebnyy nadzor v grazhdanskom sudoproizvodstve. — M.: Yuridicheskaya literatura, 1980. — 208 s.
33. Kleynman A. F. Grazhdanskiy protsess: uchebnik dlya yurid. shkol i kursov. — M.: Yurizdat, 1940. — 120 s.
34. Kleynman A. F. K projektu Osnov grazhdanskogo sudoproizvodstva // Sovetskaya yustitsiya. — 1960. — № 8. — S. 7–9.
35. Kleynman A. F. Noveyshie techeniya v sovetskoj nauke grazhdanskogo protsessualnogo prava: (Ocherki po istorii). — M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1967. — 119 s.
36. Krasavchikov O. A. Yuridicheskie fakty v sovetskom grazhdanskom prave. — M.: Gosyurizdat, 1958. — 183 s.
37. Krasnokutskiy V. A. Ocherki grazhdanskogo protsessualnogo prava: Opyt sistematizatsii zakonodatelstva R.S.F.S.R i S.S.S.R. po sudoustroystvu i grazhdanskomu. — Kineshma: Iv-Voznesensk. gubsoyuz p-nykh o-v, 1924. — 170 s.
38. Krylova E. V. Aktualnye voprosy pravovoy prirody grazhdanskogo protsessualnogo sroka: istoricheskiy aspekt // Aktualnye problemy razvitiya grazhdanskogo prava i grazhdanskogo protsessa. — Krasnodar: Krasnodarskiy universitet MVD RF, 2017. — S. 368–376.
39. Malyshev K. I. Kurs grazhdanskogo sudoproizvodstva. T. 1. — SPb.: Tip. M. M. Stasyulevicha, 1876. — 449 s.
40. Nauchno-prakticheskiy kommentariy k GPK RSFSR / Vsesoyuz. nauch.-issled. in-t sovetskogo zakonodatelstva; pod red. kand. yurid. nauk R. F. Kallistratovoy i V. K. Puchinskogo. — M.: Yurid. lit., 1965. — 512 s.
41. Nefedev E. A. Uchebnik russkogo grazhdanskogo sudoproizvodstva. — M.: Tip. Imp. Mosk. un-ta, 1909. — 403 s.
42. Odar Ya. E. O prichinakh otlozheniya razbiratelstva i srokakh rassmotreniya grazhdanskogo dela // Sovetskoe pravo: yuridicheskiy byulleten. — 1974. — № 3. — S. 202–204.
43. Osokina G. L. Grazhdanskiy protsess. Obshchaya chast: uchebnik. — 3-e izd., pererab. — M.: Norma: Infra-M, 2013. — 704 s.
44. Petrukhina T. G. Sroki v grazhdanskom prave // Pravo i ekonomika. — 2006. — № 5. — S. 15–19.
45. Polyakov I. N. Razumnye sroki sudoproizvodstva: ponyatie i znachenie // Rossiyskaya yustitsiya. — 2011. — № 4. — S. 33–37.
46. Rabinovich P. M. Vremya v pravovom regulirovanii (filosofsko-yuridicheskie aspekty) // Pravovedenie. — 1990. — № 3. — S. 19–27.
47. Rekhtina I. V., Ruf E. E. Tolkovanie i primeneniye kategorii «razumnye sroki» v grazhdanskom sudoproizvodstve // Yurislingvistika. — 2017. — № 6. — S. 41–50.
48. Rzhaksenskiy S. I. O ponyatii razumnogo sroka v grazhdanskom sudoproizvodstve // Probely v rossiyskom zakonodatelstve. — 2015. — № 4. — S. 110–114.
49. Svirin Yu. A. Grazhdanskiy protsess: uchebnik dlya bakalavrov. — Saratov: Vuzovskoe obrazovanie, 2017. — 469 s.
50. Smagina E. S. Uchastie gosudarstva v sovremennom tsivilisticheskom protsesse: monografiya. — M.: Statut, 2021. — 268 s.
51. Sovetskiy grazhdanskiy protsess: uchebnik dlya vuzov po spets. «Pravovedenie» / A. T. Bonner, M. A. Gurvich, S. V. Kurylev [i dr.]; otv. red. M. S. Shakaryan. — M.: Yurid. lit., 1985. — 526 s.
52. Standarty spravedlivogo pravosudiya (mezhdunarodnye i natsionalnye praktiki) / kol. avtorov; pod red. d-ra yurid. nauk. T. G. Morshchakovoy. — M.: Mysl, 2012. — 584 s.
53. Sudebnye ustavy 20 noyabrya 1864 goda, s izlozheniem rassuzhdeniy, na koikh oni osnovany: Ch. 1. — SPb.: Gos. kantselyariya, 1866. — XLII, 690 s.
54. Tkach A. S. K voprosu o ponyatii i znachenii pravovogo sroka // Vestnik KGU. — 2020. — № 2. — S. 224–228.
55. Tyutryumov I. M. Grazhdanskiy protsess. — Yurev: Izd. kn. magazina Ya. Raudsep, 1925. — 695 s.
56. Usoltsev M. M. Ponyatie protsessualnogo sroka v razlichnykh vidakh sudoproizvodstva Rossiyskoy Federatsii // Elektronnoe prilozhenie k Rossiyskomu yuridicheskomu zhurnalu. — 2017. — № 4. — S. 111–120.

57. Tsyarkin A. L. Materialnaya istina v sovetskom sude // *Sotsialisticheskaya zakonnost*. — 1938. — № 2. — S. 69–71.
58. Chechina N. A. *Izbrannye trudy po grazhdanskomu protsessu: nauchnoe izdanie* / N. A. Chechina; sost. E. Yu. Novikov, N. S. Losev; predisl. N. M. Kropachev, S. A. Belov, T. I. Yakovleva [i dr.]. — 2-e izd. — SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2021. — 656 s.
59. Chechot D. M. *Protsessualnye sroki* // *Voprosy kodifikatsii sovetskogo prava* / otv. red.: D. A. Kerimov, B. V. Sheyndlin. — L.: Izd-vo Leningr. un-ta, 1958. — 108 s.
60. Chistyakova O. P. Problema aktivnosti suda v grazhdanskom protsesse RF: dis. ... kand. yurid. nauk. — M., 1997. — 195 s.
61. Shcheglov V. N. *Sovetskiy grazhdanskiy protsess: uchebnik* / otv. red. K. I. Komissarov, V. M. Semenov. — M.: Yurid. lit., 1978. — 432 s.
62. Shchepalov S. V. *Grazhdanskiy protsess: lektsii* / pod red. B. K. Taratunina, E. S. Rochevoy. — M.: Norma: Infra-M, 2013. — 352 s.
63. Engelman I. E. *Uchebnik russkogo grazhdanskogo sudoproizvodstva*. — 2-e izd., ispr. i dop. — Yurev: tip. K. Mattisena, 1904. — XVI, 459 s.
64. Yudelson K. S. *Sovetskiy grazhdanskiy protsess: uchebnik dlya yurid. vuzov*. — M.: Gosyurizdat, 1956. — 439 s.
65. *Yuridicheskaya protsessualnaya forma: Teoriya i praktika* / pod obshch. red. chl.-kor. AN USSR P. E. Nedbaylo i d-ra yurid. nauk V. M. Gorsheneva. — M.: Yurid. lit., 1976. — 278 s.
66. Yablochkov T. M. *Uchebnik russkogo grazhdanskogo sudoproizvodstva*. — Yaroslavl: Tipo-lit. torg. d. A. G. Falk i K°, 1910. — VIII, 260 s.
67. Yarkov V. V. *Yuridicheskie fakty v tsivilisticheskom protsesse*. — M.: Infotropik Media, 2012. — 608 s.

Процессуально-правовое регулирование: проблема эффективности

Аннотация. В содержание статьи положены некоторые смыслы такого важного научного направления, как совершенствование процессуально-правового регулирования. Авторы позиционируют данное регулирование в качестве специфического вида правового регулирования общественных отношений в целом. Сущность процессуально-правового регулирования заключается в деятельности управомоченных субъектов, которые при помощи процессуально-правовых средств обеспечивают регуляцию и охрану в процессе упорядочения общественных отношений. В самом общем виде под эффективностью понимается соотношение между фактически полученным результатом и запланированной целью, достижение которой обусловлено решением соответствующих задач. В свою очередь, процессуально-правовое регулирование опосредовано соответствующими критериями и условиями, которые названы в статье. В числе таких условий отмечается совершенствование процессуального законодательства, имеющее на сегодняшний день коллизии, пробельность, дисбаланс и т.п. Совершенное законодательство — это законодательство эффективное и качественное, что требует проведения соответствующего мониторинга, унификации задач судопроизводства, межотраслевой конвергенции и т.д. Подчеркивается значение процессуальных принципов; предлагается законодательно закрепить такие из них, как: справедливость, равенство всех перед законом и судом, а также принцип установления объективной истины. Поддерживается предложение о разработке и принятии на уровне федерального конституционного закона Основ процессуального законодательства и законодательства о судопроизводстве в Российской Федерации; их структурное построение предлагается в авторском изложении.

Ключевые слова: процессуальное регулирование; эффективность; оптимизация; критерии; условия; процессуальные принципы; процессуальное законодательство; совершенствование процессуального законодательства; объективная истина; справедливость; разумность.

Для цитирования: Беляев В. П., Беляева Г. С. Процессуально-правовое регулирование: проблема эффективности // Актуальные проблемы российского права. — 2023. — Т. 18. — № 11. — С. 29–38. — DOI: 10.17803/1994-1471.2023.156.11.029-038.

© Беляев В. П., Беляева Г. С., 2023

* Беляев Валерий Петрович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права Юго-Западного государственного университета
50 лет Октября ул., д. 94, г. Курск, Россия, 305040
belvp46@mail.ru

** Беляева Галина Серафимовна, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой административного права и процесса Белгородского государственного национального исследовательского университета
Победы ул., д. 85, г. Белгород, Россия, 308015
belvp46@mail.ru

Procedural Law Regulation: The Problem of Efficiency

Valeriy P. Belyaev, Dr. Sci. (Law), Professor, Professor, Department of Theory and History of the State and Law, Southwest State University
94, 50 let Oktyabrya St, Kursk 305040, Russian Federation
belvp46@mail.ru

Galina S. Belyaeva, Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Administrative Law and Procedure, Belgorod State National Research University
85, Pobedy St., Belgorod 308015, Russian Federation
belvp46@mail.ru

Abstract. The paper provides for some meanings of such an important scientific direction as the improvement of procedural and legal regulation. The authors describe this regulation as a specific way of legal regulation of public relations in general. The essence of procedural and legal regulation involves the activity of authorized entities who, with the help of procedural and legal means, provide regulation and protection in the process of ordering public relations. In the most general form, efficiency is understood as the balance between the actual result obtained and the planned goal, the achievement of which is conditioned by the solution of the corresponding tasks. In turn, the procedural and legal regulation is mediated by the relevant criteria and conditions enumerated in the paper. The authors name the improvement of procedural legislation among such conditions, since now procedural legislation has collisions, gaps, imbalances, etc. Perfect legislation means effective and high-quality legislation, which requires appropriate monitoring, unification of the tasks of judicial proceedings, intersectoral convergence, etc. The paper highlights the importance of procedural principles. The authors propose to consolidate in legislation such of them as justice, equality of everyone before the law and the court, as well as the principle of establishing objective truth. The authors propose to develop and adopt at the level of the federal constitutional law the Fundamentals of Procedural Legislation and Legislation on Judicial Proceedings in the Russian Federation and describe their structural construction.

Keywords: procedural regulation; efficiency; optimization; criteria; conditions; procedural principles; procedural legislation; improvement of procedural legislation; objective truth; justice; reasonableness.

Cite as: Belyaev VP. Procedural Law Regulation: The Problem of Efficiency. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2023;18(11):29-38. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2023.156.11.029-038

Продолжающаяся модернизация и реформирование все сфер жизнедеятельности российского государства с необходимостью требуют соответствующих преобразований в правовом регулировании современных общественных отношений. Разновидностью указанного регулирования выступает процессуально-правовое, имеющее свой объект и предмет, специфическую сущность и содержание, а также обеспечительный механизм. С нашей точки зрения, под процессуально-правовым регулированием следует понимать особый вид правового регулирования общественных отношений, в процессе которого управомоченные субъекты, используя процессуально-правовые средства, осуществляют процессуальную дея-

тельность по обеспечению условий регулятивного и охранительного характера для получения материального правового результата. В свою очередь, процессуально-правовой механизм опосредует функционал этой деятельности, направленной на достижение целей указанного регулирования.

Непосредственно обращаясь к исследованию проблемы повышения уровня эффективности процессуально-правового регулирования, начнем с уяснения самого понятия эффективности, допуская распространение его на такие понятия, как правовое явление, правовой процесс, правовая конструкция, правовое образование и т.д.

Надо сказать, что в науке, в том числе и правовой, представлена довольно обширная пали-

тра мнений относительно эффективности как таковой, а также эффективности права, правового регулирования, правовых актов, законодательства и т.д.¹ Обобщить все и проанализировать — весьма сложная задача, и в рамках настоящей статьи она не ставится. В то же время имеющийся научный багаж свидетельствует о том, что наиболее распространен подход, согласно которому при оценке эффективности права, правовых норм, правового регулирования и т.д. главное заключается в соотношении поставленных целей и достигнутых результатов, что вполне коррелирует и с эффективностью процессуально-правового регулирования и его механизма. Так, С. С. Алексеев считает, что «важнейшая сторона механизма правового регулирования состоит в обеспечении эффективности воздействия права на общественные отношения. Эффективность правового регулирования — это целесообразность и результативность правовых мероприятий, юридических норм»². Современный исследователь В. В. Лапаева, в свою очередь, пишет: «Эффективность любого действия определяется соотношением целей действия, результатов и использованных ресурсов. Действие считается эффективным, если его результатом становится достижение цели, а мера эффективности определяется соотношением результата и затраченных на него ресурсов»³.

Кроме этого, исследование проблемы (проблем) уровня эффективности процессуально-правового регулирования обусловлено необходимостью, хотя бы в кратком изложении, уяснить и такие важные ее составляющие, как критерии и условия (факторы). Одновременно принимаются во внимание критерии эффективности правового регулирования в целом, а также специфика регулирования процессуального. Но в любом варианте во главу угла следует поставить результативность, которая выступает

главным критерием эффективности процессуально-правового регулирования. К другим критериям эффективности данного регулирования отнесем целеполагание, адекватные процессуально-правовые средства, а также юридическую (включая и судебную) практику как итоговый совокупный продукт правоприменительной деятельности и сформулированный на ее основе правоприменительный опыт. Наряду с изложенным, к критериям эффективности процессуально-правового регулирования причислим его динамику, поскольку оно является процессом, как и уровень правового сознания и правовой культуры в обществе.

Определившись с критериями, целесообразно указать и на те условия (факторы), которые оказывают позитивное, как правило, влияние на эффективность рассматриваемого регулирования. Полагаем, что к ним относятся: совершенное, качественное законодательство; состояние законности и правопорядка; адекватность процессуально-правовых средств; опыт правоприменительной деятельности; юридическая (судебная) практика; мониторинг законодательства и правоприменения; оптимизация процессуально-процедурной формы; научное юридическое прогнозирование, а также организационные меры, включающие автоматизацию и информационные технологии; профессиональную подготовку субъектов правоприменительной деятельности и некоторые другие. При этом важна не только поставленная цель и наличие объекта регуляции, но и ряд социальных и другого порядка факторов (среда, средства, способы, сроки, статусы и т.д.), что в своей совокупности оказывает позитивное воздействие на эффективность регулирования процессуально-правового.

В ряду названных выше условий (факторов) повышения уровня эффективности процессуально-правового регулирования неслучайно

¹ Осипов М. Ю. Эффективность правового регулирования: понятие, виды, методика оценивания // Современное право. 2010. № 5. С. 7–10.

² Алексеев С. С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М. : Юрид. лит., 1966. С. 32.

³ Лапаева В. В. Исследование эффективности действия законодательства по результатам правового мониторинга // Наука. Инновации. Образование. 2008. № 1. С. 269.

первым названо совершенное и качественное законодательство, поскольку именно оно оказывает главное определяющее воздействие и играет ведущую роль в указанном процессе. Под совершенным законодательством здесь понимается его полнота, отсутствие рассогласований, коллизий, пробельности, дисбаланса, противоречий, а также стабильность, строгое соответствие правилам юридической техники и др. Совершенное законодательство — это, безусловно, качественное законодательство, о котором В. В. Лапаева отзывается так: «В настоящее время наиболее уязвимым звеном в системе правовых факторов эффективности законодательства является низкое качество законодательства. Качество законодательства можно оценивать как на уровне системы законодательства в целом, так и на уровне отдельных законодательных актов»⁴.

Однако правоприменительная практика свидетельствует о том, что современное процессуальное законодательство нельзя признать совершенным. Так, А. В. Кашанин и С. В. Третьяков считают, что для законодательства свойственны: «а) неполнота закона, или наличие пробелов, обусловленная, в частности, разрывом между абстрактным характером общих норм и конкретностью случая, вынесенного на рассмотрение суда; б) неизбежная противоречивость закона, требующая активности суда по устранению таких противоречий; в) многозначность закона»⁵.

В этом направлении звучат и более жесткие оценки. К примеру, в статье о совершенствовании законодательства Е. В. Кирдяшова пишет: «Критических замечаний в отношении действующего законодательства России не высказывает разве что ленивый»; и при этом делает такой вывод: «...совершенствование законодательства

следует рассматривать как комплексное мероприятие, включающее в себя меры не только технического совершенствования принимаемых актов, но и направленные на исследование реальных потребностей общества в контексте возможностей права и перспектив общественного развития. Законотворчество, вопреки этому, не только дискредитирует, но и разрушает право, дестабилизирует общественный порядок»⁶.

Надо сказать и о том, что к понятию совершенствования законодательства тесным образом примыкает его эффективность и качество. С точки зрения В. В. Лапаевой, эффективность законодательства есть результат его действия в направлении решения соответствующих социально-правовых проблем⁷. В свое время правильно отмечалось, что качество закона выступает одной из предпосылок обеспечения его эффективного действия⁸. Таким образом, в понятие совершенного законодательства для эффективного процессуально-правового регулирования органично входят его качество и эффективность.

Вместе с тем, исследуя названную проблему, нельзя забывать и о других факторах, влияющих на его, скажем так, успешность. В этом плане следует прислушаться к суждению видного ученого Ю. А. Тихомирова о том, что «нужно в полной мере учитывать действия других социальных регуляторов, поскольку использование норм нравственности, традиций, деловых обычаев, актов саморегулирования (местного самоуправления, корпораций, саморегулируемых организаций и т.п.) нередко дает больший эффект и не требует замены их “правовыми дублерами”. Ведь сплошное огосударствление прошлых десятилетий уже было своего рода отрицательным индикатором. И чрезмерное правотворчество сегодня тоже не дает эффекта»⁹.

⁴ Лапаева В. В. Указ. соч. С. 287.

⁵ Кашанин А. В., Третьяков С. В. Действие закона: теоретические условия анализа // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2012. № 4. С. 79.

⁶ Кирдяшова Е. В. Совершенствование законодательства и развитие права // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 4. С. 118, 123.

⁷ Лапаева В. В. Указ. соч. С. 269.

⁸ Поленина С. В. Качество закона и совершенствование правотворчества // Советское государство и право. 1987. № 7. С. 12.

⁹ Тихомиров Ю. А. Эффективность закона: от цели к результату // Журнал российского права. 2009. № 4. С. 9.

Далее, в более конкретном изложении рассмотрим отдельные положения (предложения) применительно к основному условию повышения уровня эффективности процессуально-правового регулирования — совершенное (совершенствование) процессуального законодательства. Здесь уместно отметить круглый стол в октябре 2014 г. на тему «Проблемы развития процессуального законодательства России», материалы которого обобщены в книге «Проблемы развития процессуального права России»¹⁰. На его заседании была выдвинута очень интересная идея — необходимость принятия на уровне федерального конституционного закона (ч. 3 ст. 128 Конституции РФ это позволяет) основ процессуального законодательства Российской Федерации. Также шла речь и о том, что следует поставить на повестку дня разработку федерального конституционного закона об основах законодательства о судопроизводстве Российской Федерации.

Всерьез поддерживая предлагаемую идею, вместе с тем полагаем целесообразным использовать своего рода объединительный подход, в соответствии с которым принять на уровне федерального конституционного закона Основы процессуального законодательства и законодательства о судопроизводстве в Российской Федерации. В названных Основах в качестве обязательных предусмотреть следующие разделы (главы):

- а) общие положения;
- б) система процессуального законодательства и процессуальная (процедурная) форма его применения;
- в) задачи судопроизводства;
- г) принципы судопроизводства (правосудия);
- д) правила (формат, регламент) судебного доказывания;
- е) перечень видов (форм) судопроизводства;
- ж) правовой статус субъектов юридического процесса;
- з) контрольно-надзорные полномочия суда и прокуратуры.

Безусловно, названная структура проекта указанных выше Основ — это только авторский вариант, она может быть расширена, дополнена, изменена и т.п. Тем не менее считаем ее продуктивной и представим некоторые соображения (комментарии) по отдельным главам (статьям) предлагаемых Основ.

Думается, что в число основных положений следует включить смысловые дефиниции таких определяющих категорий, как: понятие и цели процессуально-правового регулирования и его механизма, определение юридического (юрисдикционного) процесса, систему средств судопроизводительной деятельности, а также процессуальные сроки, гарантии и результаты и др.

Относительно вопроса систематизации процессуального законодательства, его унификации и оптимизации процессуально-процедурной формы выскажем свою точку зрения об объединении ГПК РФ и АПК РФ, что активно обсуждается учеными. Конечно же, такое слияние — это средство и способ унификации процессуального законодательства, что является одним из аспектов его совершенствования. Вместе с тем, как представляется, более эффективному сближению процессуальных отраслей (соответственно, и процессуальных кодексов) может послужить межотраслевая конвергенция — достижение единообразия в регламентации отдельных универсальных правовых институтов. Сегодня законодатель и судебная политика не ориентируются на конвергенцию как межотраслевую цель, как и на недопущение противоречий, повторов, несогласованности и т.д. Это становится причиной дивергенции — несогласования универсальных процессуальных институтов, в том числе в гражданском и арбитражном процессах.

Кроме изложенного, на эффективность процессуального законодательства (следовательно, и процессуально-правового регулирования) влияет его избыточность. Дело в том, что расширение объема процессуального законодательства далеко не всегда коррелирует с его качеством (качественностью), что затрудняет

¹⁰ Проблемы развития процессуального права России / под ред. В. М. Жуйкова ; Ин-т законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ. М. : Норма : Инфра-М, 2016. 223 с.

применение его на практике. Поэтому устранение и недопущение избыточности процессуального законодательства, его унификация поспособствуют адекватности процессуально-правового регулирования, повышению уровня его эффективности. «Ни для кого не секрет, что единообразие нормативного регулирования не требует ни обязательного существования единственного, ни текстуального дублирования нескольких процессуальных кодексов. Представляется, что цель унификации — создать регулирование, единообразное по духу закона, а не по его букве. Последнее свидетельствовало бы не столько о высоком качестве правотворчества, сколько о его нормативной избыточности»¹¹.

Полагаем, что нормативной избыточности и в то же время неполноты, низкого качества всего процессуального законодательства и его отдельных институтов (отраслей) и т.д. возможно было бы избежать с помощью мониторинга. Но полноценного и системного мониторинга процессуального законодательства в России никогда не проводилось, не нацелена на него и система мониторинга правоприменения.

Следует упомянуть и о задачах судопроизводства, посредством решения которых достигаются цели процессуально-правового регулирования, но совершенно не унифицированных и законодательно не всегда определенных. Так, УПК РФ вообще отказался от определения задач уголовного судопроизводства, ограничившись лишь его назначением, подчеркнув правозащитную направленность современного уголовного судопроизводства (ст. 6). В свою очередь, действующие ГПК РФ и АПК РФ, регулируя близкие процессуальные отношения, тем не менее по-разному определяют задачи судопроизводства; в КАС РФ задачи административного судопроизводства определены также по-иному (ст. 3

КАС РФ). Думается, что межотраслевая конвергенция позволила бы устранить такие несостыковки, упущения.

Уровень эффективности процессуально-правового регулирования, как и судопроизводства, зависит также от точного и неуклонного использования и соблюдения процессуальных принципов. Однако, как справедливо отмечается в науке, «развитие процессуального законодательства, происходящее отдельно для каждого вида судопроизводства, привело к тому, что даже принципы правосудия, которые, казалось бы, должны быть едиными уже в силу их конституционно-правовой природы, тем не менее различаются во всех процессуальных кодексах не только редакционно, но и по их количеству и содержанию. Ничем не может быть оправдано и различие юридической техники при регулировании принципов судопроизводства. Например, в УПК РФ выделена специальная глава 2, посвященная принципам уголовного судопроизводства. В АПК РФ и ГПК РФ принципы судопроизводства определены в виде отдельных статей в числе прочих основных положений. Кодекс административного судопроизводства РФ предлагает отдельную статью (ст. 6), содержащую перечень из семи принципов административного судопроизводства»¹².

В сюжете о принципах считаем заслуживающим особого внимания такой из них, как принцип справедливости, и вот почему. «Очевидность существования принципа справедливости в системе принципов уголовного судопроизводства никем не оспаривается, но она и не подтверждена прямым закреплением в уголовно-процессуальном нормативном акте»¹³. «Справедливость как правовая категория также не имеет однозначного определения. В теории справедливость признается общеправовым

¹¹ Проблемы развития процессуального права России. С. 71–72.

¹² Проблемы развития процессуального права России. С. 71–72.

¹³ Богаткина Р. Ш. Проблемы реализации и перспективы развития категории «справедливость» в уголовном судопроизводстве // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2020. № 3 (4). С. 339.

¹⁴ Например: Дронова Ю. А., Туманова Л. В. Реплика о справедливости как правовой категории // Вестник Тверского государственного университета. 2020. № 1. С. 113 ; Азаров В. А. Справедливость как первооснова равенства всех перед законом и судом в уголовном процессе России // Вестник Томского государственного университета. Право. 2022. № 43. С. 5–20.

принципом, которому должны соответствовать нормы всех отраслей права, но текстуальное закрепление справедливости как принципа предусмотрено только в Уголовном кодексе Российской Федерации и Кодексе административного судопроизводства Российской Федерации»¹⁴.

Кроме этого, несмотря на то, что действующий УПК РФ содержит отдельно гл. 2 «Принципы уголовного судопроизводства», а, например, статья 297 говорит о справедливости именно приговора, в данном кодифицированном нормативном акте принцип справедливости как таковой не назван. Заметим также, что в ст. 9 КАС РФ законность и справедливость объединены; «Они что — равны?» — возникает вопрос вследствие такой некорректности (общеизвестно, что закон не всегда справедлив, а справедливость не всегда законна).

Важно отметить, что специфической особенностью принципа справедливости является его универсальный характер, поскольку в определенной мере он влияет на содержание других принципов, образно говоря, как бы растворяясь (в той или иной мере, части) в иных, в том числе и процессуальных, принципах. В то же время принцип справедливости не может быть эффективным в отрыве от других процессуальных принципов, которые он как бы «подпитывает», оставаясь при этом автономным, что предопределяет необходимость его нормативного закрепления. Как верно пишет А. В. Мартышин, «именно всеобъемлющий принцип справедливости, тесно связанный с общим благом, может претендовать на высшую ступень в иерархии ценностей. Все другие ценности соизмеряются с ним и признаются лишь в той мере, в какой они справедливы»¹⁵. В свою очередь, Т. А. Комарова справедливость верно считает принципом

и одновременно своеобразным фундаментом процессуального права¹⁶.

В продолжение следует сказать еще о некоторых процессуальных принципах, в частности о принципе равенства граждан перед законом и судом, тесным образом примыкающем к справедливости. Так, ряд исследователей содержания понятия «справедливость» и форм ее реализации в праве считают одним из его центральных компонентов именно равенство граждан перед законом и судом¹⁷.

Но среди принципов, закрепленных, в частности, в гл. 2 УПК РФ, отсутствует равенство всех перед законом и судом, как нет данного положения и в других главах этого кодекса; есть лишь упоминание о «равенстве прав сторон» применительно к принципу состязательности. Тогда как в тексте УПК РСФСР 1960 г. ему была посвящена отдельно статья 14: «Правосудие по уголовным делам осуществляется на началах равенства граждан перед законом и судом независимо от происхождения, социального и имущественного положения, расовой и национальной принадлежности, пола, образования, языка, отношения к религии, рода и характера занятий, места жительства и других обстоятельств»¹⁸. Как представляется, указанный принцип столь важен для эффективного процессуально-правового регулирования, в частности правосудия, что нет необходимости это доказывать. Достаточно предложения о восстановлении в УПК РФ принципа равенства всех перед законом и судом, причем в соответствии с редакцией ст. 19 Конституции РФ.

И в заключение еще об одном принципе, чрезвычайно важном для уголовно-процессуального регулирования (уголовного судопроизводства), значение которого не столь очевидно,

¹⁵ Мартышин О. В. Проблема ценностей в теории государства и права // Государство и право. 2004. № 10. С. 5–14.

¹⁶ Комарова Т. А. Разумность, справедливость и верховенство права как основные начала гражданского судопроизводства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2019. С. 9.

¹⁷ См., например: Равенство в уголовном процессе России / А. М. Баранов, С. А. Кузора, Ю. Г. Овчинников, И. А. Черданцева. М. : Юрлитинформ, 2013. С. 33–35.

¹⁸ Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 08.08.1983 // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1983. № 32. Ст. 1153.

как у «предшественника», как и его сущность и содержание, вызывающие нескончаемую дискуссию в науке. Речь идет о принципе установления объективной истины в уголовном процессе, опять-таки исключенном из действующего УПК РФ и содержащемся в советском уголовно-процессуальном кодексе. В рамках настоящей статьи нет возможности рассмотреть и проанализировать все «за» и «против» указанного принципа¹⁹. Вместе с тем являемся сторонниками мнения тех ученых, которые выступают за восстановление в уголовно-процессуальной деятельности принципа установления объективной истины. Например, И. В. Решетникова указывает, что наблюдается повсеместный отказ от принципа объективной истины, который вступает в противоречие с развивающейся составительностью, что, в свою очередь, приводит к реформированию многих процессуальных институтов. Суд из-за своей пассивности уже при всем желании не может устанавливать истину по делу²⁰. Э. М. Мурадян категорично заявляет, что при отказе от принципа объективной истины происходит отказ от идеи правосудия²¹. Д. А. Аминов считает, что необходимо вновь во главу угла поставить рассмотрение обстоятельств произошедшего в рамках любого уголовного дела через призму правовой категории «объективная истина»²².

Уместно сослаться и на инициативу Следственного комитета Российской Федерации, предложившего внести изменения в УПК РФ, связанные с необходимостью установления объективной истины по уголовному делу в качестве «общеотраслевого принципа уголовного судопроизводства, реализуемого на всех

стадиях производства по уголовному делу», предусмотрев в развитие данного принципа введение дополнительных требований к процессуальной деятельности должностных лиц, уполномоченных осуществлять от имени государства уголовное преследование, а именно: обязанность принимать все меры к всестороннему, полному и объективному выяснению обстоятельств, подлежащих доказыванию; сохранять объективность и беспристрастность, не допуская обвинительного уклона в доказывании²³.

С нашей точки зрения, возвращение в уголовно-процессуальный закон принципа установления объективной истины в уголовном судопроизводстве послужит повышению не только его эффективности, но и в целом эффективности правового обеспечения интересов личности, общества и государства, то есть национальных интересов. Поэтому всецело разделяем и поддерживаем такое суждение Д. А. Туманова: «Поскольку только суд дает ответ на правовой вопрос окончательно, то и механизмы, заложенные в судопроизводстве, должны в максимально возможной степени по сравнению с любыми другими порядками обеспечивать высочайшее качество установления. Это, в свою очередь, предопределяет наличие принципа истины именно в области судопроизводства. В обратном случае судебная деятельность практически ничем (кроме своей помпезности) не будет отличаться от иных форм правоприменения, а следовательно, правосудие будет окончательно изгнано из того места, которое должно являться его домом, т.е. из суда и судопроизводства»²⁴.

¹⁹ Туманов Д. А. Нужен ли современному судопроизводству принцип объективной истины // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 12. С. 28–40.

²⁰ См.: Решетникова И. В. Эволюция гражданского судопроизводства в России // Российская юстиция. 2013. № 1. С. 36–39.

²¹ Мурадян Э. М. Истина как проблема судебного права. М. : Былина, 2002.

²² Аминов Д. И. Современное значение правовой категории «объективная истина» в системе современного судопроизводства // Вестник экономической безопасности. 2021. № 3. С. 103.

²³ Проект федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением института установления объективной истины по уголовному делу» (законопроект № 440058) // URL: https://sledcom.ru/documents/Obsuzhdenija_zakonoproektov/item/1136.

²⁴ Туманов Д. А. Указ. соч. С. 39.

Конечно же, проблема эффективности процессуально-правового регулирования настолько обширна и многогранна, что в рамках одной статьи рассмотреть все ее грани невозможно. Тем не

менее предпринятая попытка, полагаем, станет определенным вкладом в ее разрешение и позволит осуществлять дальнейшие исследования в указанном направлении на благо науки и практики.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Азаров В. А. Справедливость как первооснова равенства всех перед законом и судом в уголовном процессе России // Вестник Томского государственного университета. Право. — 2022. — № 43. — С. 5–20.
2. Алексеев С. С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. — М. : Юрид. лит., 1966. — 187 с.
3. Аминов Д. И. Современное значение правовой категории «объективная истина» в системе современного судопроизводства // Вестник экономической безопасности. — 2021. — № 3. — С. 103–105.
4. Богаткина Р. Ш. Проблемы реализации и перспективы развития категории «справедливость» в уголовном судопроизводстве // Вестник Казанского юридического института МВД России. — 2020. — № 3 (4). — С. 338–342.
5. Дронова Ю. А., Туманова Л. В. Реплика о справедливости как правовой категории // Вестник Тверского государственного университета. — 2020. — № 1. — С. 113–122.
6. Кашанин А. В., Третьяков С. В. Действие закона: теоретические условия анализа // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. — 2012. — № 4. — С. 79–95.
7. Кирдяшова Е. В. Совершенствование законодательства и развитие права // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2018. — № 4. — С. 118–124.
8. Комарова Т. А. Разумность, справедливость и верховенство права как основные начала гражданского судопроизводства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Саратов, 2019. — 22 с.
9. Лапаева В. В. Исследование эффективности действия законодательства по результатам правового мониторинга // Наука. Инновации. Образование. — 2008. — № 1. — С. 269–291.
10. Мартышин О. В. Проблема ценностей в теории государства и права // Государство и право. — 2004. — № 10. — С. 5–14.
11. Мурадян Э. М. Истина как проблема судебного права. — М. : Былина, 2002. — 287 с.
12. Осипов М. Ю. Эффективность правового регулирования: понятие, виды, методика оценивания // Современное право. — 2010. — № 5. — С. 7–10.
13. Поленина С. В. Качество закона и совершенствование правотворчества // Советское государство и право. — 1987. — № 7. — С. 12–19.
14. Проблемы развития процессуального права России / под ред. В. М. Жуйкова; Ин-т законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. — М. : Норма : Инфра-М, 2016. — 223 с.
15. Равенство в уголовном процессе России / А. М. Баранов, С. А. Кузора, Ю. Г. Овчинников, И. А. Черданцева. — М. : Юрлитинформ, 2013. — 168 с.
16. Решетникова И. В. Эволюция гражданского судопроизводства в России // Российская юстиция. — 2013. — № 1. — С. 36–39.
17. Тихомиров Ю. А. Эффективность закона: от цели к результату // Журнал российского права. — 2009. — № 4. — С. 3–9.
18. Туманов Д. А. Нужен ли современному судопроизводству принцип объективной истины // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2021. — № 12. — С. 28–40.

Материал поступил в редакцию 1 мая 2023 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Azarov V. A. Spravedlivost kak pervoosnova ravenstva vseh pered zakonom i sudom v ugolovnom protsesse Rossii // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo. — 2022. — № 43. — S. 5–20.
2. Alekseev S. S. Mekhanizm pravovogo regulirovaniya v sotsialisticheskom gosudarstve. — M.: Yurid. lit., 1966. — 187 s.
3. Aminov D. I. Sovremennoe znachenie pravovoy kategorii «obektivnaya istina» v sisteme sovremennogo sudoproizvodstva // Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti. — 2021. — № 3. — S. 103–105.
4. Bogatkina R. Sh. Problemy realizatsii i perspektivy razvitiya kategorii «spravedlivost» v ugolovnom sudoproizvodstve // Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. — 2020. — № 3 (4). — S. 338–342.
5. Dronova Yu. A., Tumanova L. V. Replika o spravedlivosti kak pravovoy kategorii // Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. — 2020. — № 1. — S. 113–122.
6. Kashanin A. V., Tretyakov S. V. Deystvie zakona: teoreticheskie usloviya analiza // Problemnyy analiz i gosudarstvenno-upravlenschkoe proektirovanie. — 2012. — № 4. — S. 79–95.
7. Kirdyashova E. V. Sovershenstvovanie zakonodatelstva i razvitie prava // Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA). — 2018. — № 4. — S. 118–124.
8. Komarova T. A. Razumnost, spravedlivost i verkhovenstvo prava kak osnovnye nachala grazhdanskogo sudoproizvodstva: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. — Saratov, 2019. — 22 s.
9. Lapaeva V. V. Issledovanie effektivnosti deystviya zakonodatelstva po rezul'tatam pravovogo monitoringa // Nauka. Innovatsii. Obrazovanie. — 2008. — № 1. — S. 269–291.
10. Martyshev O. V. Problema tsennostey v teorii gosudarstva i prava // Gosudarstvo i pravo. — 2004. — № 10. — S. 5–14.
11. Muradyan E. M. Istina kak problema sudebnogo prava. — M.: Bylina, 2002. — 287 s.
12. Osipov M. Yu. Effektivnost pravovogo regulirovaniya: ponyatie, vidy, metodika otsenivaniya // Sovremennoe pravo. — 2010. — № 5. — S. 7–10.
13. Polenina S. V. Kachestvo zakona i sovershenstvovanie pravotvorchestva // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. — 1987. — № 7. — S. 12–19.
14. Problemy razvitiya protsessualnogo prava Rossii / pod red. V. M. Zhuykova; In-t zakonodatelstva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitel'stve Rossiyskoy Federatsii. — M.: Norma: Infra-M, 2016. — 223 s.
15. Ravenstvo v ugolovnom protsesse Rossii / A. M. Baranov, S. A. Kuzora, Yu. G. Ovchinnikov, I. A. Cherdantseva. — M.: YurLitinform, 2013. — 168 s.
16. Reshetnikova I. V. Evolyutsiya grazhdanskogo sudoproizvodstva v Rossii // Rossiyskaya yustitsiya. — 2013. — № 1. — S. 36–39.
17. Tikhomirov Yu. A. Effektivnost zakona: ot tseli k rezul'tatu // Zhurnal rossiyskogo prava. — 2009. — № 4. — S. 3–9.
18. Tumanov D. A. Nuzhen li sovremennomu sudoproizvodstvu printsip obektivnoy istiny // Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA). — 2021. — № 12. — S. 28–40.

DOI: 10.17803/1994-1471.2023.156.11.039-046

Ву Дык Зунг*

Правовое государство как динамичное явление: новый подход к концепции

Аннотация. В юридической науке подходы к правовому государству напрямую влияют на выявление его природы. До сих пор в литературе не было единого понимания правового государства. Статья посвящена анализу и сопоставлению подходов к правовому государству, выявлению противоречий между ними. Современное правовое государство интенсивно изучается в России с 1985 г. Концепция правового государства представлена во многих монографиях, учебниках и статьях в научных журналах. Авторы сходятся во мнении, что правовое государство — это прежде всего государство. Однако далее при конкретизации этого понятия мнения расходятся. Некоторые авторы утверждают, что правовое государство является самостоятельным типом государства. Другие считают, что правовое государство является формой организации политической власти. Бытует мнение, что правовое государство — это форма развития государства, его возможное будущее. Все подходы к правовому государству не в полной мере отражают природу правового государства. В статье предлагается подход к правовому государству как форме организации государственной власти и общества, который позволит гибко строить правовое государство во многих странах с различными внутригосударственными особенностями. Правовое государство является лишь состоянием в процессе развития государства. Оно, безусловно, находится в постоянном движении и будет продолжать развиваться в соответствии с изменением общества.

Ключевые слова: правовое государство; тип государства; специфическое явление; организация политической власти; государственная власть; права и свободы человека; гражданское общество; движение и развитие; широкий спектр применения; условная организация; динамичное явление.

Для цитирования: Ву Дык Зунг. Правовое государство как динамичное явление: новый подход к концепции // Актуальные проблемы российского права. — 2023. — Т. 18. — № 11. — С. 39–46. — DOI: 10.17803/1994-1471.2023.156.11.039-046.

The Rule of Law State as a Dynamic Phenomenon: A New Approach to the Concept

Vu Duc Dung, Postgraduate student, Department of Theory of the State and Law,
Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
9, Sadovaya-Kudrinskaya St, Moscow 125993, Russian Federation
vuducdung.clls@gmail.com

Abstract. In legal science, approaches to the rule of law directly affect the identification of its nature. Until now, there has been no unified understanding of the rule of law in scholarship. The paper is devoted to the analysis

© Ву Дык Зунг, 2023

* Ву Дык Зунг, аспирант кафедры теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
vuducdung.clls@gmail.com

and comparison of approaches to the rule of law and identification of contradictions between them. The modern rule-of-law state has been intensively studied in Russia since 1985. The concept of the rule-of-law state is presented in many monographs, textbooks and articles in academic journals. The author argues that a rule-of-law state is primarily a state. However, further opinions differ when specifying this concept. Some authors argue that the rule-of-law state is an independent type of the state. Others believe that the rule-of-law state is a form of organization of political power. There is an opinion that the rule-of-law state is a form of development of the state, its possible future. All approaches to the rule-of-law state do not fully reflect the nature of the rule-of-law state. The paper proposes an approach to the rule-of-law state as a form of organization of state power and society, which will allow flexibly building a rule-of-law state in many countries with various domestic characteristics. The rule-of-law state is only a stage in the process of State development. It is certainly in constant motion and will continue to evolve in accordance with the changing society.

Keywords: legal state; type of state; specific phenomenon; organization of political power; state power; human rights and freedoms; civil society; movement and development; wide range of applications; conditional organization; dynamic phenomenon.

Cite as: Vu Duc Dung. The Rule of Law State as a Dynamic Phenomenon: A New Approach to the Concept. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2023;18(11):39-46. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2023.156.11.039-046

I. Научные подходы к характеристике правового государства

С древних времен появилась идея правового государства, суть которой состояла в необходимости закона, защиты людей. Солон (638–559), один из семи мудрецов Древней Греции, утверждал, что «государство нуждается прежде всего в законном порядке: беззаконие и междоусобица — наибольшее зло, порядок и закон — самое большое добро для общества»¹. Однако теория правового государства по-настоящему сформировалась только тогда, когда в начале XIX в. в недрах буржуазного государства появился термин «правовое государство»².

Начиная с Новейшего времени, т.е. с начала XX в., используется термин «современное правовое государство»³. К настоящему времени в юридической литературе нет единого понима-

ния правового государства. Существует несколько основных подходов.

1. Правовое государство как тип государства

Профессор Ф. М. Раянов утверждает, что правовое государство представляет собой «самостоятельный тип государства», сформировавшийся в результате развития общества в новый и новейший период⁴. Существование правового государства обособлено от неправового и характеризуется гражданским обществом и другими отличительными чертами. Автор считает, что только правовое государство может обеспечить оптимальную справедливость для людей в мире после буржуазного или социалистического типов государства⁵.

М. И. Пастухов считает, что правовое государство — это «новый тип государственности с

¹ Нерсисянц В. С. Сократ. М., 1977. С. 40.

² Воронцов С. Г., Мингалева Ж. А. Вопросы теории правового государства // Вестник Пермского университета. 2013. Вып. 4 (22). С. 30 ; Кутько В. В., Батова О. В., Городнова О. Н. Правовое государство как явление социально-правовой действительности // Вестник Российского университета кооперации. 2020. № 4 (42). С. 129.

³ Котляревский С. А. Правовое государство и внешняя политика. М., 1909. С. 338–428.

⁴ Раянов Ф. М. Правовое государство и современный мир. СПб. : Юридический центр-Пресс, 2012. С. 78.

⁵ Раянов Ф. М. Указ. соч. С. 47.

характерными признаками, в том числе верховенством Конституции и законов, разделением властей, признанием и соблюдением прав и свобод граждан»⁶.

При таком подходе авторы стремятся представить правовое государство как новое эволюционное состояние человека. Обладая превосходными организационными и управленческими возможностями, этот тип государства является общим знаменателем для всех стран.

На самом деле правовое государство еще не существовало в полной мере ни в одной стране мира. Правовое государство как идеальный тип, к которому можно лишь в большей или меньшей степени приближаться. Однако принято считать, что тип государства — это его экономическая характеристика, основанная на господствующем способе производства. В соответствии с этим выделяют аграрное, индустриальное и информационное государство⁷.

2. Правовое государство как специфическое явление

Профессор М. Н. Марченко определяет, что «правовое государство оставалось и остается государством»⁸. Однако правовое государство содержит специфические особенности, оно не тождественно обществу или общественно-политическим организациям.

По мнению профессора Т. Н. Радько, тогда правовое государство — это прежде всего демократическое государство с фундаментом прав и свобод граждан⁹. И в этом правовом государстве должен содержаться ряд признаков: господство права, верховенство закона, взаимная

ответственность государства и гражданина, разделение властей, многообразие форм собственности, многопартийность, плюрализм¹⁰.

К правовому государству подходят с позиции описания всех его отличительных черт по сравнению с другими государствами, однако оба автора не рассматривают правовое государство как тип государства. Статья 1 Конституции РФ 1993 г. определяет, что Россия есть демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления¹¹. Наряду с демократическими и федеративными элементами, правовое государство является лишь одним из компонентов целостного государства.

3. Правовое государство как форма организации политической власти

Профессор А. В. Малько полагает, что правовое государство — это «организация политической власти», которая создает условия для обеспечения прав и свобод человека и гражданина, недопущения злоупотребления властью¹².

Суть этого подхода состоит в том, что правовое государство есть особая организационная форма политической власти. Политическая власть является ключевым элементом модели правового государства. Именно она устанавливает объем прав и свобод человека и гражданина.

4. Правовое государство как синтез многих аспектов

Правовое государство можно рассматривать синтетически в трех аспектах: формальном,

⁶ Пастухов М. И., Женарь Д. М. Правовое государство как новый тип государства: пути его построения в Беларуси // Сацыяльна-эканамічныя і прававыя даследаванні. 2021. № 3 (65). С. 50.

⁷ Кашанина Т. В. Государство как показатель человеческого развития (в контексте нейробиологии) // Lex russica. 2022. Т. 75. № 10. С. 130–133.

⁸ Марченко М. Н. Теория государства и права : учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2015. С. 433.

⁹ Радько Т. Н. Теория государства и права : учебник для бакалавров. М. : Проспект, 2015. С. 470–471.

¹⁰ Радько Т. Н. Указ. соч. С. 471–476.

¹¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993, с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 01.07.2020) // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/b57f514e606ee66a6f97d072551b16a416610dfc/ (дата обращения: 02.03.2023).

¹² Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права : учебник. 5-е изд. М. : Дело, 2020. С. 130.

материальном и техническом¹³. В формальном смысле правовое государство — это государство, в котором вся деятельность основывается на праве, а законы механически реализуются единообразно для всех органов и людей. В материальном смысле оно характеризуется защитой личности, защитой прав и свобод человека и гражданина. В техническом смысле правовое государство — инструмент и система искусственных правовых приемов, способствующих защите прав и свобод человека и гражданина.

Приведенные выше подходы показывают, что представления о правовом государстве включают в себя сочетание двух основных его сторон. Первая характеризует правовую основу правового государства как государства. С этим утверждением согласно большинство авторов. Вторая касается всеобъемлющего представления общества, государства и личности. Каждый подход опирается на определенную научную базу, поэтому их правильность нельзя отрицать. Однако трансформация модели правового государства в соответствии с развитием общества вызывает противоречия между теорией и практикой.

Человеческая цивилизация формируется и совершенствуется с течением времени, и правовое государство не является исключением, «идея правового государства есть идея общечеловеческая»¹⁴. Зачатки формирования правового государства появились в древние времена, отразившись в мыслях многих известных исследователей, таких как Сократ¹⁵, Платон¹⁶, Аристотель¹⁷.

Если рассматривать правовое государство через призму типа государства, то оно может появиться только в Новое время, связанное с

индустриальным государством. Тип государства представляет собой совокупный результат, а не процесс. Это противоречит тому, что идея правового государства восходит к древности и представляет собой развивающийся процесс.

Правовое государство находится в постоянном движении, меняя свое содержание и осваивая новое пространство. В XIX в. задача идеи о правовом государстве заключалась в том, чтобы атаковать феодализм для построения буржуазного общества¹⁸. Интересы были сосредоточены только на буржуазии, на обеспечении ей свободы торговли и коммерции. Но когда феодальная система была свергнута, новой задачей идеи о правовом государстве стало обеспечение того, чтобы власть принадлежала народу, большинству, а не меньшинству.

Вступив во вторую половину XX в., мысль о правовом государстве распространилась по всему миру. Всеобщая декларация прав человека 1948 г.¹⁹ открыла новую главу в области защиты прав и свобод человека на основе принципа правового государства. Права человека признаются, становятся общим принципом всего мира, никто не имеет права попираť эти ценности.

Подход к правовому государству как специфическому явлению позволяет создать нейтральную и относительно полную его теоретическую модель, но не отражает характер постоянного движения правового государства. Правовое государство по своей сути является живым существом. Его составные элементы могут быть добавлены по мере необходимости или уничтожены, когда они утратили актуальность. Поэтому указанный выше подход не отражает

¹³ Соколов А. Н. Правовое государство: от идеи до ее материализации. Калининград : Янтарный сказ, 2002. С. 12–15.

¹⁴ Корнев А. В. Идеи правового и полицейского государства в дореволюционной России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. М., 1995. С. 6.

¹⁵ Нерсисянц В. С. Указ. соч. С. 47–48.

¹⁶ Асмус В. Ф. Платон. М. : Мысль, 1975. С. 130.

¹⁷ Аристотель. Политика / [пер. с др.-греч. С. М. Роговина]. М. : Рипол Классик, 2010. С. 207.

¹⁸ Соколов А. Н. Указ. соч. С. 29.

¹⁹ Всеобщая декларация прав человека. Принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10.12.1948 // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 02.03.2023).

всех признаков и ценностей, которые правовое государство будет проявлять в будущем.

Правовое государство — это государство, при котором обеспечиваются права и свободы человека, государственная власть ограничивается правом. Эти стороны кодифицируются и претворяются в жизнь через правовые и социальные институты. Правовое государство организует государственную власть в тесной связи с гражданским обществом. Гражданское общество создает платформу для социальной критики, защищает права человека, но находится вне контроля государства. Поэтому, если рассматриваем правовое государство только как организацию политической власти, мы невольно недооцениваем роль внесударственных факторов.

Нельзя отрицать жизнеспособность самого общества, которая поддерживает развитие правового государства, а именно традицию, культуру и правосознание, возникающие в самом сердце общества. Сохранение культурных ценностей и добрых традиций, повышение правосознания людей имеет огромное значение. Используемые социальные инструменты, такие как мораль и традиционные культуры, хотя и находятся вне политической власти, способствуют продвижению к правовому государству.

Подход к правовому государству как синтезу многих аспектов представляется правильным. Однако, если он не указывает на постоянное движение и развитие правового государства, то это также не будет полной характеристикой правового государства. Само правовое государство еще незаконченное социальное явление. Для преодоления недостатков требуется время и опыт.

Итак, указанные выше подходы направлены на отражение свойств правового государства. Однако динамическая природа правового государства не была выражена и описана в этих утверждениях. Движение правового государства — это объективное состояние. И это нельзя изолировать, чтобы определить правильное направление для будущего.

II. Авторская концепция правового государства

Проанализировав плюсы и минусы некоторых подходов к правовому государству, автор считает необходимым предложить свой подход.

К правовому государству я буду подходить комплексно и анализировать два его аспекта. Во-первых, правовое государство — это государство, содержащее в себе специфические признаки. Такое представление имеет консенсус в академическом мире²⁰. Во-вторых, правовое государство является формой организации государственной власти и общества. Мой подход основан на предыдущих исследованиях, но будет более полно описывать природу правового государства.

Характеристиками, отражающими сущность правового государства как формы организации государственной власти и общества, являются:

А. Правовое государство всегда находится в движении и развитии. Правовое государство не является статическим. Единого стандарта правового государства не существует. Общепризнанные его принципы и ценности всего лишь теоретические предположения, которые прорабатываются и используются в процессе строительства правового государства.

Правовое государство, реализованное на Западе, пока не имеет безупречной теории и не всегда пригодно для экспорта в другие страны. На Западе и в других странах оно понимается как ограничитель правительства и открывает возможность гражданам участвовать в управлении обществом. При этом страны могут учиться друг у друга. Неудачи и отклонения от желаемых постулатов правового государства, такие как коррупция, перегруженность судебной системы, безработица, потеря веры людей в закон и т.д., наблюдаются в Соединенных Штатах, Европе и на всем Западе²¹. Поэтому идеального правового государства не стоит ждать.

Б. Правовое государство имеет неограниченное пространство. Практика показывает, что правовое государство может развиваться

²⁰ См.: Доктрины правового государства и верховенства права в современном мире : сборник статей / отв. ред.: В. Д. Зорькин, П. Д. Баренбойм М. : ЛУМ, Юстицинформ, 2013. 560 с.

²¹ Hager B. The Rule of Law: A Lexicon for Policy Makers. 2000. P. 51.

не только в буржуазном государстве, но и в тех странах, которые вступают в индустриальную эпоху.

Статья 5 Конституции Китайской Народной Республики 2018 г. определяет, что «Китайская Народная Республика управляется согласно закону и становится социалистическим правовым государством»²². Статья 23 Основного закона Федеративной Республики Германии 1997 г. гарантирует «соблюдение принципов демократии, правового государства»²³. Статья 2 Конституции Вьетнама 2013 г. определяет, что «Государство Социалистическая Республика Вьетнам есть социалистическое правовое государство, подчиняется народу, создается народом и существует для народа»²⁴. Все три страны в той или иной степени добились сильного экономического развития в процессе построения правового государства, как это предусмотрено высшим законом — конституцией.

Правовое государство выступает продуктом человеческой цивилизации, это своего рода дар всем народам. Ценность правового государства заключается не в присущих ему правилах. Конечной ценностью должно быть улучшение качества жизни людей. Хотя принципы правового государства не воплощаются в равной степени в разных странах, всё же можно считать правовое государство благом для народа, если при этом жизнь людей действительно улучшается. Изучение моделей названных стран необходимо, но применение части или всего предыдущего опыта зависит от выбора каждой страны.

В. Правовое государство обладает широким спектром применения. Правовое государство регулирует не только вопросы, входящие в компетенцию государственной власти, оно может влиять и на решение других вопросов. Организация общественного управления выра-

жается через тесную связь правового государства и гражданского общества.

Правовое государство действительно существует только при определенных экономических, политических, социальных, нравственных, исторических, правовых, а также международных условиях²⁵. Более конкретно эти условия отражаются на уровне правосознания, обеспечения прав людей, экономических показателей, индексе коррупции, количестве и качестве решения судебных дел и жалоб, качестве правоохранительной системы и т.д. Итак, степень развитости правового государства зависит от этих условий. Однако оно само прямо или косвенно способствует развитию общества.

Г. Правовое государство — это условная организация. Речь идет о том, что модель правового государства, основой которого является право, гармонизирует отношения на трех разных уровнях: общество, государство и личность. Государство и право по своей сути экзистенциальны, о чем свидетельствует их тысячелетняя история. До сих пор изменилось лишь наше понимание их формы и способов действия. Механизм, регулирующий общественные отношения, строится на основе права. И это непреложный принцип. Однако правовое государство, как было сказано выше, имеет всеобъемлющий регулятивный характер, поэтому оно может быть полностью эффективным только тогда, когда связано с внеправовыми платформами.

Правовое государство и верховенство права (the rule of law) — две очень близкие доктрины, играющие всё более важную роль в международных связях. По заявлению заместителя Генерального секретаря ООН Яна Элиассона, «верховенство права — краеугольный камень мирного урегулирования международных споров»²⁶.

²² URL: https://chinalaw.center/constitutional_law/china_constitution_revised_2018_russian/ (дата обращения: 02.03.2023).

²³ URL: <https://legalns.com/download/books/cons/germany.pdf> (дата обращения: 02.03.2023).

²⁴ URL: <https://thuvienphapluat.vn/van-ban/Bo-may-hanh-chinh/Hien-phap-nam-2013-215627.aspx> (дата обращения: 02.03.2023).

²⁵ Формирование правового государства в России: путь к справедливому обществу. Саратов, 2008. С. 54.

²⁶ Meetings Coverage and Press Releases. United Nations // URL: <https://press.un.org/en/2013/gal3455.doc.htm> (дата обращения: 02.03.2023).

Согласно проекту The World Justice Project, верховенство права — это прочная система законов, институтов, норм и принципов общества, которая обеспечивает ответственность правительства, справедливый закон, открытое правительство, доступное и беспристрастное правосудие²⁷. В нем правовое государство не рассматривается как государство или тип государства. Подход к правовому государству как форме организации государственной власти и общества сближает эти две доктрины в глобальном мире. Соответственно, страны могут вести переговоры и обмениваться мнениями, чтобы найти общий интерес в определенном диапазоне, тем самым решая проблемы и сохраняя независимость и суверенитет каждой страны.

Заключение

В юридической науке связь между теорией и практикой представляет собой бесконечный круг. Анализ правового государства должен следовать тому же правилу и должен быть направлен на баланс между идеальной теорией и реальностью.

Подход к правовому государству как форме организации государственной власти и общества соответствует его динамической природе. Правовое государство является лишь одним из состояний в процессе развития государства и, безусловно, будет продолжать развиваться вместе с общественными изменениями.

Идея правового государства ориентирована на улучшение общественной жизни, на движение к цивилизованному миру. Правовое государство до настоящего времени во многом остается еще теорией, которая пока не реализована в большом количестве стран мира. Поэтому задача ученых состоит в том, чтобы непрерывно анализировать общественные изменения и давать соответствующие ориентиры для построения правового государства.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Аристотель*. Политика : [пер. с др.-греч. С. М. Роговина]. — М. : Рипол Классик, 2010. — 592 с.
2. *Асмус В. Ф.* Платон. — М. : Мысль, 1975. — 220 с.
3. *Воронцов С. Г., Мингалева Ж. А.* Вопросы теории правового государства // Вестник Пермского университета. — 2013. — Вып. 4 (22). — С. 29–37.
4. Доктрины правового государства и верховенства права в современном мире : сборник статей / отв. ред.: В. Д. Зорькин, П. Д. Баренбойм. — М. : ЛУМ, Юстицинформ, 2013. — 560 с.
5. *Кашанина Т. В.* Государство как показатель человеческого развития (в контексте нейробиологии) // Lex russica. — 2022. — Т. 75. — № 10. — С. 123–137.
6. *Корнев А. В.* Идеи правового и полицейского государства в дореволюционной России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. — М., 1995. — 26 с.
7. *Котляревский С. А.* Правовое государство и внешняя политика. — М., 1909. — 430 с.
8. *Кутько В. В., Батова О. В., Городнова О. Н.* Правовое государство как явление социально-правовой действительности // Вестник Российского университета кооперации. — 2020. — № 4 (42). — С. 128–131.
9. *Марченко М. Н.* Правовое государство и гражданское общество (теоретико-правовое исследование) : учеб. пособие. — М. : Проспект, 2015. — 648 с.
10. *Марченко М. Н.* Теория государства и права : учебник. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Проспект, 2015. — 640 с.

²⁷ What is the Rule of Law? World Justice Project // URL: <https://worldjusticeproject.org/about-us/overview/what-rule-law> (дата обращения: 02.03.2023).

11. Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права : учебник. — 5-е изд. — М. : Дело, 2020. — 528 с.
12. Миронов Д. Н. Правовое государство: происхождение идеи и признаки правового государства // Вестник Бурятского государственного университета. — 2015. — № 2–1. — С. 149–155.
13. Нерсисянц В. С. Сократ. — М., 1977. — 151 с.
14. Пастухов М. И., Женарь Д. М. Правовое государство как новый тип государства: пути его построения в Беларуси // Сацыяльна-эканамічныя і прававыя даследаванні. — 2021. — № 3 (65). — С. 44–50.
15. Радько Т. Н. Теория государства и права : учебник для бакалавров. — М. : Проспект, 2015. — 496 с.
16. Раянов Ф. М. Правовое государство и современный мир. — СПб. : Юридический центр-Пресс, 2012. — 175 с.
17. Соколов А. Н. Правовое государство: от идеи до ее материализации. — Калининград : Янтарный сказ, 2002. — 456 с.
18. Формирование правового государства в России: путь к справедливому обществу. — Саратов, 2008. — 209 с.

Материал поступил в редакцию 21 марта 2023 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Aristotel. Politika: [per. s dr.-grech. S. M. Rogovina]. — M.: Ripol Klassik, 2010. — 592 s.
2. Asmus V. F. Platon. — M.: Mysl, 1975. — 220 s.
3. Vorontsov S. G., Mingaleva Zh. A. Voprosy teorii pravovogo gosudarstva // Vestnik Permskogo universiteta. — 2013. — Vyp. 4 (22). — S. 29–37.
4. Doktriny pravovogo gosudarstva i verkhovenstva prava v sovremennom mire: sbornik statey / otv. red.: V. D. Zorkin, P. D. Barenboym. — M.: LUM, Yustitsinform, 2013. — 560 s.
5. Kashanina T. V. Gosudarstvo kak pokazatel chelovecheskogo razvitiya (v kontekste neyrobiologii) // Lex russica. — 2022. — T. 75. — № 10. — S. 123–137.
6. Kornev A. V. Idei pravovogo i politseyskogo gosudarstva v dorevolyutsionnoy Rossii: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.01. — M., 1995. — 26 s.
7. Kotlyarevskiy S. A. Pravovoe gosudarstvo i vneshnyaya politika. — M., 1909. — 430 s.
8. Kutko V. V., Batova O. V., Gorodnova O. N. Pravovoe gosudarstvo kak yavlenie sotsialno-pravovoy deystvitelnosti // Vestnik Rossiyskogo universiteta kooperatsii. — 2020. — № 4 (42). — S. 128–131.
9. Marchenko M. N. Pravovoe gosudarstvo i grazhdanskoe obshchestvo (teoretiko-pravovoe issledovanie): ucheb. posobie. — M.: Prospekt, 2015. — 648 s.
10. Marchenko M. N. Teoriya gosudarstva i prava: uchebnik. — 2-e izd., pererab. i dop. — M.: Prospekt, 2015. — 640 s.
11. Matuzov N. I., Malko A. V. Teoriya gosudarstva i prava: uchebnik. — 5-e izd. — M.: Delo, 2020. — 528 s.
12. Mironov D. N. Pravovoe gosudarstvo: proiskhozhdenie idei i priznaki pravovogo gosudarstva // Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. — 2015. — № 2–1. — S. 149–155.
13. Nersesyants V. S. Sokrat. — M., 1977. — 151 s.
14. Pastukhov M. I., Zhenar D. M. Pravovoe gosudarstvo kak novyy tip gosudarstva: puti ego postroeniya v Belarusi // Satsyyalna-ekanamichnyya i pravavya dasledavanni. — 2021. — № 3 (65). — S. 44–50.
15. Radko T. N. Teoriya gosudarstva i prava: uchebnik dlya bakalavrov. — M.: Prospekt, 2015. — 496 s.
16. Rayanov F. M. Pravovoe gosudarstvo i sovremennyy mir. — SPb.: Yuridicheskiy tsentr-Press, 2012. — 175 s.
17. Sokolov A. N. Pravovoe gosudarstvo: ot idei do ee materializatsii. — Kaliningrad: Yantarnyy skaz, 2002. — 456 s.
18. Formirovanie pravovogo gosudarstva v Rossii: put k spravedlivomu obshchestvu. — Saratov, 2008. — 209 s.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ И АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС

DOI: 10.17803/1994-1471.2023.156.11.047-064

Е. В. Белякович*

Сроки в контрольно-надзорном законодательстве

Аннотация. Статья посвящена исследованию сроков, установленных Федеральным законом от 31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» и иными нормативными правовыми актами. Рассмотрены темпоральные принципы контрольно-надзорного законодательства, предложена классификация сроков контрольно-надзорного процесса. Отмечено повышение концентрации темпоральности в нормативном регулировании контрольно-надзорной деятельности, направленность законодателя на более детальную временную регламентацию соответствующего процесса. Исследованы единицы времени, оценочные и событийные категории, используемые контрольно-надзорным законодательством в целях установления длительности совершения процессуальных действий. Выявлена неопределенность правового регулирования контрольно-надзорной деятельности посредством единицы времени «день». Раскрыт вопрос о способах управления временем в сфере контрольно-надзорной деятельности в зависимости от состояния срока: приостановление и продление (в пределах срока) и восстановление (в случаях, когда срок истек). Выделено два вида продления срока: автоматическое и заявительное. Приведен перечень сроков, которые могут быть продлены, приостановлены и восстановлены. Определена совокупность обстоятельств, необходимая для восстановления пропущенного срока. Исследован вопрос о сроках совершения процессуальных действий в процедуре досудебного порядка. Обозначены критерии оставления заявления судом без рассмотрения ввиду несоблюдения досудебного порядка. Проведен сравнительно-правовой анализ сроков профилактических мероприятий.

Ключевые слова: срок; контрольно-надзорная деятельность; контрольно-надзорные мероприятия; профилактические мероприятия; досудебный порядок; государственный контроль; государственный надзор; темпоральность; приостановление сроков; восстановление сроков.

Для цитирования: Белякович Е. В. Сроки в контрольно-надзорном законодательстве // Актуальные проблемы российского права. — 2023. — Т. 18. — № 11. — С. 47–64. — DOI: 10.17803/1994-1471.2023.156.11.047-064.

© Белякович Е. В., 2023

* Белякович Елена Васильевна, кандидат юридических наук, судья Арбитражного суда Центрального округа, соискатель Юридического института Российского университета дружбы народов
ул. Кирова, д. 4, г. Калуга, Россия, 248001
beliakovich_ev@mail.ru

Time Limits in the Control and Supervisory Legislation

Elena V. Belyakovich, Cand. Sci. (Law), Judge, Arbitrazh Court of the Central District;
 Doctoral Student, Law Institute of the Peoples' Friendship University of Russia
 4, Kirova St, Kaluga 248001, Russian Federation
 beliakevich_ev@mail.ru

Abstract. The paper is devoted to the examination of the time limits established by Federal Law No. 248-FZ of 31.07.2020 «On State Control (Supervision) and Municipal Control in the Russian Federation» and other regulatory legal acts. The author elucidates temporal principles of the control and supervisory legislation and proposes a classification of the terms of the control and supervisory procedure. The author highlights an increase in the concentration of temporality in normative regulation of control and supervisory activities, the focus of the legislator on a more detailed time limits regulation of the relevant process. The paper examines the time units, estimated and event categories used by the control and supervisory legislation in order to establish the duration of the procedural actions. The author explains uncertainty of the legal regulation of control and supervisory activities by means of the «day» time unit. The question of time management methods in the field of control and supervisory activities, depending on the state of the term, is clarified: suspension and extension (within the term) and restoration (in cases when the term has expired). There are two types of extension of the term: automatic and declarative. The list of terms that can be extended, suspended and restored is given. The set of circumstances necessary to restore the missed deadline has been determined. The question of the timing of procedural actions in the pre-trial procedure is investigated. The author outlines the criteria for leaving the application without consideration due to non-compliance with the pre-trial procedure and carries out a comparative legal analysis of the timing of preventive measures.

Keywords: term; control and supervisory activities; control and supervisory measures; preventive measures; pre-trial procedure; state control; state supervision; temporality; suspension of deadlines; restoration of deadlines.

Cite as: Belyakovich EV. Time Limits in the Control and Supervisory Legislation. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2023;18(11):47-64. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2023.156.11.047-064

Введение

Время — это ценнейший ресурс в современном мире. Постоянно возрастающие скорость и темп жизни объективно требуют темпоральной структурированности публичных процессов, в том числе и контрольно-надзорной деятельности. Как справедливо отметил П. М. Рабинович, право регулирует не время как таковое, а временные (темпоральные) параметры деятельности: ее длительность, скорость и т.д., выступая

одним из средств освоения времени¹. Такой элемент правовой темпорологии, как процессуальный срок, играет существенную роль в рамках важнейшего вида государственной деятельности — государственного контроля и надзора².

Федеральный закон от 31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации»³, постановление Правительства РФ от 10.03.2022 № 336 «Об особенностях организации и осуществления государственного контроля (над-

¹ Рабинович П. М. Время в правовом регулировании (философско-юридические аспекты) // Правоведение. 1990. № 3. С. 19.

² Beliakevich E. V. Terms in the control and supervisory process: new in legislation // SHS Web of Conferences. 14th Session of Euro-Asian Law Congress «The value of law», 2021. Vol. 134, 2022. P. 1–5. URL: <https://doi.org/10.1051/shsconf/202213400093> (дата обращения: 03.04.2023).

³ Здесь и далее в статье, если не указано иное, нормативные документы и материалы судебной практики приводятся по СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 28.05.2023).

зора), муниципального контроля», положения о виде контроля⁴ трансформировали доктрину контрольно-надзорной деятельности в государстве, в том числе закрепив более детальную темпоральную регламентацию соответствующей деятельности посредством института срока.

Контрольно-надзорная деятельность насыщена сроками, образующими темпорально устойчивые рамки, в которых участники контрольно-надзорных правоотношений должны совершить определенные процессуальные действия. Сроки упорядочивают контрольно-надзорную деятельность, обеспечивая определенность, предсказуемость и последовательность процессуальных действий⁵. С точки зрения темпоральных параметров сроки в целом задают темпоральный ритм контрольно-надзорной деятельности, придавая ей динамизм.

Темпоральные принципы в контрольно-надзорном законодательстве

Ценности государства и общества отражаются в принципах. Принципы не применяются к природе и человеческой истории, а абстрагируются из них; не природа и человечество соотносятся с принципами, а, наоборот, принципы верны лишь постольку, поскольку они соответствуют природе и истории⁶. *Tempora mutantur, et nos mutamur in illis*⁷.

Темпоральным новшеством Закона № 284-ФЗ является закрепление в числе принципов государственного контроля (надзора) принципа оперативности (ст. 14), который задает скорость контрольно-надзорных мероприятий и обеспечивает согласованность продолжительности срока с достаточностью и эффективностью контрольно-надзорных действий. Результативность принципа оперативности возможна лишь

при сохранении оптимального баланса между сроком как продолжительностью во времени и качеством контрольно-надзорной деятельности.

Профессор А. Цукерман предложил три фактора измерения правосудия, между которыми в любой судебной системе устанавливается компромисс: поиск правильного решения (истина), продолжительность судебного разбирательства и его стоимость⁸. Перечисленные факторы применимы и к контрольно-надзорному процессу.

Следовательно, при применении принципа оперативности необходимо исключать какую-либо вероятность снижения качества контрольно-надзорного процесса в стремлении к быстрой осуществлению процессуальных действий. Принцип оперативности должен обеспечивать реальные и объективные сроки и не допускать иллюзорность сокращенных сроков.

Помимо прямо предусмотренного Законом № 248-ФЗ принципа оперативности в ракурсе темпорального регулирования контрольно-надзорной деятельности, при исчислении процессуальных сроков предлагается руководствоваться также принципами единообразия, ясности и разумности.

Принцип единообразия ориентирует на единые подходы в целом при исчислении сроков, установленных в рамках контрольно-надзорного процесса.

Принцип ясности обеспечивает четкое понимание границ срока и его продолжительности во времени, в течение которого должно быть совершено то или иное процессуальное действие в рамках контрольно-надзорной деятельности.

Принцип разумности с темпоральной стороны проявляется в контрольно-надзорном законодательстве в двух аспектах:

1) качество и эффективность контрольно-надзорного праворегулирования зависят от достаточности времени для совершения от-

⁴ Во исполнение Закона № 248-ФЗ принято около 60 постановлений Правительства РФ, утверждающих положения о различных видах контроля (надзора).

⁵ *Beliakovitch E. V. Op. cit.*

⁶ *Энгельс Ф. Анти-Дюринг* // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М., 1961. Т. 20. С. 34.

⁷ *Времена меняются, и мы меняемся вместе с ними (лат.).*

⁸ *Zuckerman A. Assessment of Cost and Delay — a Multinational Perspective* // *Procedural Law on the Threshold of the New Millennium: XI World Congress on Procedural Law. Wien, 1999. P. 41–42.*

дельного процессуального действия, что требует обращения к категории разумности срока. Длительность процессуального срока должна быть разумной и объективно необходимой;

2) поскольку не все процессуальные сроки возможно и даже необходимо регламентировать посредством норм контрольно-надзорного законодательства, регулирование темпоральной стороны соответствующего процесса в случае отсутствия прямо предусмотренного срока осуществляется через категорию разумного срока.

Классификация сроков контрольно-надзорного процесса

Справедливо отмечено, что «научная классификация как логико-предметная, творчески аналитическая обработка накопленных знаний и как ее результат позволяет, во-первых, упорядочить накопленные знания об исследуемом предмете; во-вторых, служит необходимым условием его дальнейшего углубленного изучения»⁹.

Новая концепция контрольно-надзорной деятельности предусматривает детальную регламентацию процессуальных действий по времени, что обусловило внедрение значительного количества сроков в соответствующее правовое регулирование. Классификационный метод научного познания позволил выделить два вида сроков контрольно-надзорного процесса¹⁰:

1. Сроки как темпоральный инструмент, определяющий динамику контрольно-надзорной деятельности, например срок проведения рейдового осмотра, срок подачи жалобы на предписание контрольного (надзорного) органа.

2. Сроки как правовое основание проведения контрольных (надзорных) мероприятий (например, истечение срока исполнения решения контрольно-надзорного органа), которые, в свою очередь, в зависимости от расположения на временной шкале делятся на 2 группы:

2.1. Наступивший срок, то есть срок связывается с началом периода, например наступление сроков проведения контрольных (надзорных)

мероприятий, включенных в план проведения контрольных (надзорных) мероприятий.

2.2. Истекший срок, то есть срок фиксируется на окончании периода на темпоральной шкале, например истечение срока исполнения решения контрольного (надзорного) органа об устранении выявленного нарушения обязательных требований.

Категории исчисления сроков

Закон № 248-ФЗ содержит отдельную главу 15 «Сроки», включающую лишь одну статью 86 «Исчисление сроков», раскрывающую сроки через их классификацию:

1) сроки устанавливаются законом либо определяются контрольно-надзорным органом;

2) срок определяется датой (событием) либо периодом, что достаточно распространено и в иных сферах законодательства.

Названная статья в целом предусматривает общие правила исчисления сроков, какие-либо темпоральные особенности в процессе контрольно-надзорной деятельности не предусмотрены.

Контрольно-надзорное законодательство оперирует следующими временными единицами: год (используется достаточно часто), месяц (используется редко), рабочие дни (основная темпоральная единица), календарный день (средняя степень частоты использования), час (применяется в определенных случаях).

Следует отметить, что единица времени «день» в Законе № 248-ФЗ используется неоднозначно, законодателем не выстроено логичное ее применение. Так, согласно ч. 5 ст. 86 Закона № 248-ФЗ срок, исчисляемый днями, исчисляется календарными днями, если иное не установлено названным Законом. И далее правило: если последний день срока приходится на нерабочий день, днем окончания срока считается следующий за ним рабочий день (ч. 6 ст. 86 Закона № 248-ФЗ). Однако единица времени «день» применена лишь в двух случаях (ч. 2

⁹ Нормы советского права / под ред. М. И. Байтина, В. К. Бабаева. Саратов, 1987. С. 157.

¹⁰ *Beliakevich E. V. Op. cit.*

ст. 94 и ч. 11 ст. 96 Закона), что позволяет в силу прямого указания Закона № 248-ФЗ (ч. 5 ст. 86) расценить дни в качестве календарных. Единжды встретилась и категория «календарный день» (ч. 5 ст. 40 Закона № 248-ФЗ): срок подачи жалобы на решение контрольного (надзорного) органа — 30 календарных дней. В основном же законодатель использует единицу времени «рабочий день» (около 30 раз), о которой в ст. 86 Закона № 248-ФЗ ничего не сказано.

Таким образом, закрепляя в ст. 86 Закона № 248-ФЗ правило об исчислении сроков в днях, под которыми понимаются именно календарные дни, законодатель не учел, что непосредственно в нормах указанного Закона практически во всех случаях используется единица времени «рабочий день». Фактически часть 5 ст. 86 Закона № 248-ФЗ не взаимосвязана с используемыми «дневными» временными единицами в тексте закона.

Как представляется, устранение данного несогласования возможно двумя способами:

1) изменить ч. 5 ст. 86 Закона № 248-ФЗ с акцентом на единицу времени «рабочий день», в частности закрепить дефиницию данной категории. Подобный подход содержится в ч. 6 ст. 6.1 Налогового кодекса РФ и в ч. 9 ст. 7.1 Федерального закона от 03.08.2018 № 289-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (рабочий день — это день, не являющийся выходным, нерабочим праздничным и (или) нерабочим днем в соответствии с действующим законодательством);

2) заменить в Законе № 248-ФЗ единицу времени «рабочий день» на «день» согласно ч. 5 ст. 86 Закона № 248-ФЗ.

Из оценочных категорий темпорального характера употребляются категории «незамедлительно», «немедленно». Согласно ч. 12 ст. 66 Закона № 248-ФЗ длительность категории «незамедлительно» составляет не более 24 часов.

Категория «разумный срок» применена в Законе № 248-ФЗ единожды — в предписании об устранении выявленных нарушений должны

быть указаны разумные сроки их устранения (ч. 2 ст. 90). Тем не менее она фактически подразумевается и в иных случаях, когда прямо не предусмотрен конкретный срок для совершения отдельного процессуального действия.

Исследуемая сфера правового регулирования предусматривает определение длительности через событийную категорию, связанную с конкретными фактическими обстоятельствами. Так, в силу ч. 8 ст. 31 Закона № 248-ФЗ проведение контрольного мероприятия переносится на срок, необходимый для устранения контролируемым лицом обстоятельств, препятствующих ему присутствовать при проведении такого мероприятия.

Способы управления временем в сфере контрольно-надзорной деятельности

Позитивное право вынуждено одновременно констатировать господство времени над человеком и разрешить «господство человека над временем»: то есть позитивное право интересуют, с одной стороны, способы подчинения времени, а с другой стороны, способы управления временем¹¹.

Сроки, установленные контрольно-надзорным законодательством, задают скорость контрольно-надзорного процесса, тем самым подчиняя поведение его участников установленным рамкам во времени. При этом законодатель не оставляет без внимания правовую регламентацию инструментария для управления временем в сфере контрольно-надзорной деятельности.

В зависимости от состояния процессуального срока способы управления временем в контрольно-надзорной деятельности делятся на два вида:

— способы, применимые в пределах установленного срока;

— способы, направленные на управление временем по истечении срока.

1. *Управление временем в пределах установленного срока в процессе контрольно-надзорной деятельности* осуществляется посред-

¹¹ Бергель Ж.-Л. Общая теория права / пер. с фр. Г. В. Чуршукова. М., 2000. С. 221.

ством темпоральных «манипуляций», тем либо иным образом изменяющих течение срока, когда данный срок еще не истек, — это продление срока и приостановление срока.

Контрольно-надзорное законодательство предусматривает возможность продления следующих сроков:

- срок рассмотрения жалобы (ч. 2 ст. 43 Закона № 284-ФЗ);
- срок проведения профилактического визита (абз. 3 п. 11(4) постановления Правительства РФ № 336);
- срок предоставления контролируемым лицом документов в ходе контрольного (надзорного) мероприятия (ч. 4 ст. 80 Закона № 284-ФЗ);
- срок исполнения предписания (п. 8 постановления Правительства РФ № 336).

Согласно п. 8 постановления Правительства РФ № 336 в определенных случаях срок исполнения предписания продлевается автоматически, кроме того, контролируемое лицо вправе ходатайствовать о дополнительном продлении срока исполнения предписания. Ввиду сказанного продление процессуального срока в сфере контрольно-надзорной деятельности может быть классифицировано на автоматическое и заявительное. Следует отметить, что автоматическое продление срока является исключительной мерой темпорального характера в сфере публичных правоотношений.

Обращает на себя внимание отсутствие в Законе № 248-ФЗ темпоральной регламентации рассмотрения заявления контролируемого лица о продлении срока исполнения предписания. В судебной практике высказывалась точка зрения о том, что отсутствие такого порядка не свидетельствует о невозможности продления срока исполнения предписания¹².

Порядок и сроки рассмотрения заявления о продлении срока исполнения предписания в определенных случаях предусмотрены пунктом 8 постановления Правительства РФ № 336: заявление направляется контролируемым

лицом в контрольный (надзорный) орган не позднее предпоследнего дня срока после автоматического продления и рассматривается в течение 5 рабочих дней со дня его регистрации. Представляется возможным применять данную норму по аналогии и к иным правоотношениям при продлении срока исполнения предписания. Здесь же отметим необычную темпоральную формулировку — «предпоследний день». С точки зрения юридической техники и законодательной стилистики видится более уместным оборот «не позднее 1 рабочего дня».

Говоря о приостановлении срока, законодатель допускает применение такого темпорального инструмента в отношении следующих сроков:

- срок рассмотрения жалобы приостанавливается со дня направления запроса о предоставлении дополнительных документов до дня их получения уполномоченным органом (ч. 3 ст. 43 Закона № 248-ФЗ);
- срок проведения контрольного (надзорного) мероприятия приостанавливается на срок осуществления экспертиз или испытаний (ч. 13 ст. 65 Закона № 248-ФЗ);
- срок проведения профилактического визита приостанавливается на срок осуществления экспертиз или испытаний (абз. 4 п. 11(4) постановления Правительства РФ № 336).

2. *Управление временем при истекшем процессуальном сроке* осуществляется посредством темпорального инструмента восстановления такого срока.

Контрольно-надзорное законодательство предусматривает лишь единственный срок, который может быть восстановлен в случае его пропуска, — срок на досудебное обжалование (ч. 7 ст. 40 Закона № 248-ФЗ).

Для восстановления пропущенного процессуального срока необходима совокупность следующих обстоятельств:

- заявление о восстановлении процессуального срока;
- факт пропуска срока¹³;

¹² Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 28.02.2023 по делу № А52-2417/2022.

¹³ В некоторых случаях заявители обращаются с ходатайством о восстановлении пропущенного срока, хотя срок фактически не пропущен. Подобная ситуация нередко обусловлена ошибочным исчислением срока. Если такое ходатайство заявлено, а срок еще не истек, в удовлетворении ходатайства надлежит отказать.

— правовая возможность восстановления срока;

— уважительные причины пропуска срока.

Отсутствие одного из приведенных обстоятельств влечет отказ в удовлетворении ходатайства о восстановлении пропущенного срока.

Досудебный порядок

Введение досудебного обжалования решений контрольного (надзорного) органа, действий (бездействия) его должностных лиц является несомненно эффективным правовым инструментом, что уже демонстрирует свои положительные результаты.

Процессуальные сроки, касающиеся процедуры досудебного порядка, отражены в таблице.

Процессуальный документ	Срок обращения	Момент начала исчисления срока	Управление временем	Срок рассмотрения КНО	Управление временем	Срок размещения итогового решения по жалобе
Жалоба на решение КНО ¹⁴ , действия (бездействия) его должностных лиц	В течение 30 календарных дней	Со дня, когда контролируемое лицо узнало или должно было узнать о нарушении своих прав	Возможно восстановление срока	В течение 20 рабочих дней со дня ее регистрации	Продление срока рассмотрения жалобы на 20 рабочих дней	Не позднее 1 рабочего дня со дня принятия
Жалоба на предписание КНО	В течение 10 рабочих дней	С момента получения контролируемым лицом предписания				

Представляется нелогичным использование законодателем в данном случае различных единиц времени (рабочие и календарные дни); темпорально последовательным видится применение единого времяисчисления (либо рабочие, либо календарные дни).

Не совсем понятно, чем руководствовался законодатель, устанавливая различную продолжительность обжалования предписания и решения контрольно-надзорного органа, действий (бездействия) его должностных лиц. В первом случае это 10 рабочих дней, во втором — 30 календарных дней.

Различны и начальные точки исчисления срока обжалования: относительно решения (действий, бездействия) контрольно-надзорного органа, действий (бездействия) его должностных лиц — со дня, когда контролируемое лицо узнало или должно было узнать о нару-

шении своих прав, то есть в относительно определенный во времени момент; в части предписания контрольного (надзорного) органа — с момента получения контролируемым лицом предписания, то есть момент определенный и объективно фиксируемый.

Применительно к сроку обращения с жалобой в рамках досудебного порядка Закон № 248-ФЗ прямо предусматривает возможность восстановления пропущенного по уважительной причине срока (ч. 7 ст. 40).

Начиная с этапа рассмотрения контрольным (надзорным) органом жалоб, процессуальные сроки единообразны:

— рассмотрение жалобы — 20 рабочих дней со дня ее регистрации, предусмотрена возможность продления указанного срока в исключительных случаях на аналогичный период;

¹⁴ Контрольный (надзорный) орган.

- разрешение ходатайства о приостановлении исполнения обжалуемого решения контрольного (надзорного) органа — 2 рабочих дня;
- направление решения о приостановлении либо об отказе в приостановлении обжалуемого решения — 1 рабочий день;
- принятие решения об отказе в рассмотрении жалобы — 5 рабочих дней;
- представление контролируемым лицом дополнительных документов — 5 рабочих дней;
- с момента направления запроса контролируемому лицу о предоставлении дополнительной информации и документов срок рассмотрения жалобы приостанавливается на срок не более чем на 5 рабочих дней;
- размещение решения по результатам рассмотрения жалобы в личном кабинете контролируемого лица — 1 рабочий день.

Говоря о досудебном порядке, необходимо обратить внимание на недопустимость формального подхода при применении соответствующего правового регулирования. Ярким примером служит следующее дело из судебной практики. Общество 15 октября 2021 г. обратилось в суд с заявлением об оспаривании предписания управления МЧС. Определением суда от 03.10.2022 заявление оставлено без рассмотрения, то есть дело рассматривалось в суде в течение года. Впервые о несоблюдении обществом досудебного порядка урегулирования спора управлением МЧС заявлено в пояснениях от 26.08.2022. Ни в отзыве от 30.11.2021 на заявление общества, ни в дальнейшем в судебных заседаниях (до 26 августа 2022 г.) представитель управления МЧС об этом не

заявлял. В поведении управления МЧС также не усматривалось намерения добровольно и оперативно урегулировать возникший спор во внесудебном порядке. Суд кассационной инстанции отменил судебные акты первой и апелляционной инстанций, не согласившись с выводами о несоблюдении досудебного порядка, поскольку оставление без рассмотрения заявления по прошествии года с даты возбуждения производства по делу при наличии доказательств неурегулирования спора во внесудебном порядке лишает права общества на судебную защиту, что является грубым нарушением прав заявителя. Более того, судебной коллегией принято во внимание, что ходатайство об оставлении заявления без рассмотрения заявлено значительно позже изложения правовой позиции по существу спора¹⁵.

Профилактические мероприятия

В статье 45 Закона № 248-ФЗ содержится перечень профилактических мероприятий, которые могут осуществлять контрольные (надзорные) органы: информирование, обобщение правоприменительной практики, меры стимулирования добросовестности, объявление предостережения, консультирование, самообследование, профилактический визит.

Темпоральная составляющая применительно к каждому виду профилактических мероприятий предусмотрена как в гл. 10 Закона № 248-ФЗ, так и в положениях о виде контроля, что наглядно отражено в следующей таблице.

¹⁵ Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 19.01.2023 по делу № А35-9252/2021.

СРОКИ	
Согласно Закону № 248-ФЗ	Согласно положению о виде контроле
Информирование	
Не установлены. <i>Предлагается исходить из разумного срока</i>	Не установлены. <i>Предлагается исходить из разумного срока</i>
Обобщение правоприменительной практики	
Доклад о правоприменительной практике готовится КНО по каждому осуществляемому им виду контроля с периодичностью, предусмотренной положением о виде контроля, но <i>не реже одного раза в год</i> (ч. 3 ст. 47). Доклад о правоприменительной практике утверждается приказом (распоряжением) руководителя КНО и размещается на официальном сайте КНО в сети «Интернет» в <i>сроки, указанные в положении о виде контроля</i> (ч. 4 ст. 47)	Доклад о правоприменительной практике при осуществлении федерального государственного контроля (надзора) в сфере обращения лекарственных средств для медицинского применения утверждается... и размещается на официальном сайте... <i>не позднее 1 марта года, следующего за отчетным</i>¹⁶. Доклад о правоприменительной практике при осуществлении федерального государственного охотничьего контроля (надзора) утверждается... и ежегодно, <i>до 1 апреля года, следующего за отчетным</i>, размещается на официальном сайте¹⁷. Доклад о правоприменительной практике при осуществлении федерального государственного контроля (надзора) в сфере трудового законодательства готовится ежегодно, <i>не позднее 1 июня текущего года, за предыдущий год</i>. Доклад утверждается... и размещается на официальном сайте... <i>не позднее 1 июня текущего года</i>¹⁸. Доклад о правоприменительной практике при осуществлении федерального государственного контроля (надзора) в области гражданской авиации готовится ежегодно, <i>не позднее 1 марта года, следующего за отчетным</i>. Доклад утверждается и размещается на официальном сайте <i>не позднее 3 дней</i> со дня утверждения доклада¹⁹.
Меры стимулирования добросовестности	
Порядок оценки добросовестности контролируемых лиц устанавливается положением о виде контроля (ч. 2 ст. 48). <i>Предлагается исходить из разумного срока</i>	Оценка добросовестности контролируемых лиц проводится <i>в течение 3 рабочих дней</i> со дня поступления сведений об объектах государственного надзора²⁰. Это единственный случай установления срока. <i>В других случаях предлагается исходить из разумного срока</i>

¹⁶ П. 23 Положения о федеральном государственном контроле (надзоре) в сфере обращения лекарственных средств, утв. постановлением Правительства РФ от 29.06.2021 № 1049.

¹⁷ П. 14 Положения о федеральном государственном охотничьем контроле (надзоре), утв. постановлением Правительства РФ от 30.06.2021 № 1065.

¹⁸ П. 19, 20 Положения о федеральном государственном контроле (надзоре) за соблюдением трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права, утв. постановлением Правительства РФ от 21.07.2021 № 1230.

¹⁹ П. 17, 18 Положения о федеральном государственном контроле (надзоре) в области гражданской авиации, утв. постановлением Правительства РФ от 30.06.2021 № 1064.

²⁰ П. 11 Положения о федеральном государственном ветеринарном контроле (надзоре), утв. постановлением Правительства РФ от 30.06.2021 № 1097.

Объявление предостережения	
При наличии у КНО сведений о готовящихся нарушениях обязательных требований... КНО объявляет контролируемому лицу предостережение о недопустимости нарушения обязательных требований и предлагает принять меры по обеспечению соблюдения обязательных требований (ч. 1 ст. 49). <i>Предлагается исходить из разумного срока.</i> В случае принятия КНО решения об объявлении контролируемому лицу предостережения о недопустимости нарушения обязательных требований одновременно с указанным предостережением контролируемому лицу в целях проведения им самообследования соблюдения обязательных требований направляется адрес сайта в сети «Интернет», позволяющий пройти самообследование... (ч. 3 ст. 49). <i>Предлагается исходить из разумного срока</i> Контролируемое лицо вправе после получения предостережения о недопустимости нарушения обязательных требований подать в КНО возражение в отношении указанного предостережения. Порядок подачи и рассмотрения возражения в отношении предостережения устанавливается положением о виде контроля (ч. 4 ст. 49)	Контролируемое лицо вправе после получения предостережения о недопустимости нарушения обязательных требований подать возражение в отношении указанного предостережения. Результат рассмотрения возражения на предостережение направляется контролируемому лицу <i>в течение 20 рабочих дней</i> со дня получения возражения²¹. Контролируемое лицо вправе <i>в течение 15 рабочих дней</i> со дня получения предостережения подать возражение на него. Возражение рассматривается <i>в течение 20 рабочих дней</i> со дня регистрации возражения²². Контролируемое лицо вправе <i>в течение 15 рабочих дней</i> со дня получения предостережения подать возражение, которые рассматриваются КНО <i>в течение 30 календарных дней</i> со дня их получения. В случае принятия представленных контролируемым лицом в возражении доводов инспектор отзывает направленное предостережение и информирует контролируемое лицо об отзыве предостережения <i>в течение 3 рабочих дней</i> с даты его отзыва²³. Контролируемое лицо вправе подать возражение в отношении предостережения в срок <i>не позднее 30 дней</i> со дня получения им предостережения. Возражение рассматривается <i>в течение 30 дней</i> со дня получения. В результате рассмотрения возражения контролируемому лицу направляется ответ с информацией о согласии или несогласии с возражением. В случае принятия представленных в возражении доводов КНО аннулирует направленное ранее предостережение²⁴. Контролируемое лицо <i>в течение 10 рабочих дней</i> со дня получения предостережения вправе подать возражения. Антимонопольный орган осуществляет рассмотрение указанных возражений в срок <i>не более 30 дней</i> со дня их поступления. Информация о результатах рассмотрения возражений направляется в адрес лица²⁵.

²¹ П. 15 Положения о федеральном государственном охотничьем контроле (надзоре).

²² П. 24 Положения о федеральном государственном контроле (надзоре) за состоянием, содержанием, сохранением, использованием, популяризацией и государственной охраной объектов культурного наследия, утв. постановлением Правительства РФ от 30.06.2021 № 1093.

²³ П. 9 Положения о федеральном государственном контроле (надзоре) в области обеспечения качества и безопасности зерна и продуктов переработки зерна, утв. постановлением Правительства РФ от 30.06.2021 № 1079.

²⁴ П. 29 Положения о федеральном государственном земельном контроле (надзоре), утв. постановлением Правительства РФ от 30.06.2021 № 1081.

²⁵ П. 14 Положения о федеральном государственном контроле (надзоре) в сфере рекламы, утв. постановлением Правительства РФ от 30.06.2021 № 1073.

	Возражение в отношении предостережения может быть подано <i>в течение 7 рабочих дней</i> с момента получения контролируемым лицом предостережения. Возражение подлежит рассмотрению в срок <i>не более 10 рабочих дней</i> со дня его регистрации. Информация о принятом решении направляется лицу, подавшему возражение, <i>в течение одного рабочего дня</i> с даты принятия решения ²⁶
Консультирование	
Порядок консультирования определяется положением о виде контроля (п. 3 ст. 50). Контролируемое лицо вправе направить запрос о предоставлении письменного ответа <i>в сроки, установленные Федеральным законом от 02.05.2006 № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации»</i> (ч. 4 ст. 50). Консультирование по однотипным обращениям контролируемых лиц осуществляется посредством размещения на официальном сайте КНО письменного разъяснения (ч. 9 ст. 50). <i>Предлагается исходить из разумного срока</i>	Консультирование может осуществляться должностным лицом контрольного (надзорного) органа или его территориального органа по телефону, посредством видео-конференц-связи, а также на личном приеме ²⁷ . Время консультирования <i>не должно превышать 30 минут</i> ²⁸ . Продолжительность консультирования по телефону и посредством видео-конференц-связи <i>не может превышать 20 минут</i> ²⁹ . Время консультирования <i>не должно превышать 15 минут</i> ³⁰ . Время ожидания контролируемого лица и его представителя при индивидуальном консультировании на личном приеме <i>не может превышать 15 минут</i> . Индивидуальное консультирование на личном приеме каждого контролируемого лица <i>не может превышать 10 минут</i> . Время разговора по телефону <i>не должно превышать 10 минут</i> ³¹ . Время, определенное КНО, для консультирования при личном обращении должно составлять <i>не менее 4 часов</i> в рабочую неделю. В случае консультирования контролируемых лиц в письменном виде ответ контролируемому лицу направляется <i>в течение 20 дней</i> со дня регистрации его обращения ³²

²⁶ П. 25 Положения о федеральном государственном контроле (надзоре) за безопасностью людей на водных объектах, утв. постановлением Правительства РФ от 25.06.2021 № 1014.

²⁷ П. 26 Положения о федеральном государственном контроле (надзоре) в области связи, утв. постановлением Правительства РФ от 29.06.2021 № 1045.

²⁸ П. 28 Положения о федеральном государственном контроле (надзоре) за соблюдением законодательства Российской Федерации о средствах массовой информации, утв. постановлением Правительства РФ от 25.06.2021 № 1020 ; п. 13 Положения о федеральном государственном контроле (надзоре) в сфере электронной подписи, утв. постановлением Правительства РФ от 29.06.2021 № 1044.

²⁹ П. 10 Положения о федеральном государственном контроле (надзоре) в области обеспечения качества и безопасности зерна и продуктов переработки зерна.

³⁰ П. 24 Положения о федеральном государственном ветеринарном контроле (надзоре) ; п. 20 Положения о федеральном государственном контроле (надзоре) в области охраны и использования особо охраняемых природных территорий, утв. постановлением Правительства РФ от 30.06.2021 № 1090 ; п. 17 Положения о федеральном государственном геологическом контроле (надзоре), утв. постановлением Правительства РФ от 30.06.2021 № 1095.

³¹ П. 37 Положения о федеральном государственном контроле (надзоре) в области рыболовства и сохранения водных биологических ресурсов, утв. постановлением Правительства РФ от 25.06.2021 № 996.

³² П. 23 Положения о федеральном государственном контроле (надзоре) в области гражданской авиации.

Самообследование	
Контролируемые лица, получившие высокую оценку соблюдения ими обязательных требований, по итогам самообследования вправе принять декларацию соблюдения обязательных требований (ч. 3 ст. 51). <i>Предлагается исходить из разумного срока.</i> Декларация соблюдения обязательных требований направляется контролируемым лицом в контрольный (надзорный) орган, который осуществляет ее регистрацию и размещает на своем официальном сайте в сети «Интернет» (ч. 4 ст. 51). <i>Предлагается исходить из разумного срока.</i> В случае изменения сведений, содержащихся в декларации соблюдения обязательных требований, уточненная декларация представляется контролируемым лицом в контрольный (надзорный) орган <i>в течение 1 месяца</i> со дня изменения содержащихся в ней сведений (ч. 6 ст. 51)	Сроки не установлены
Профилактический визит	
О проведении обязательного профилактического визита контролируемое лицо должно быть уведомлено <i>не позднее чем за пять рабочих дней</i> до даты его проведения (ч. 5 ст. 52). Контролируемое лицо вправе отказаться от проведения обязательного профилактического визита, уведомив об этом контрольный (надзорный) орган <i>не позднее чем за 3 рабочих дня</i> до даты его проведения (ч. 6 ст. 52). Порядок и сроки проведения обязательного профилактического визита устанавливаются положением о виде контроля (ч. 7 ст. 52). В случае, если при проведении профилактического визита установлено, что объекты контроля представляют явную непосредственную угрозу причинения вреда (ущерба) охраняемым законом ценностям или такой вред (ущерб) причинен, инспектор <i>незамедлительно</i> направляет информацию для принятия решения о проведении КНМ (ч. 9 ст. 52)	Дублируются сроки по уведомлению (<i>5 рабочих дней</i>) и отказу от проведения обязательного профилактического визита (<i>3 рабочих дня</i>). Срок проведения обязательного профилактического визита в одном месте осуществления деятельности либо на одном производственном объекте (территории) <i>не может превышать 1 календарный день</i>³³. Обязательный профилактический визит проводится <i>в течение 1 рабочего дня</i> по месту осуществления деятельности либо путем использования видео-конференц-связи³⁴. Срок проведения профилактического визита не может превышать <i>8 часов</i>³⁵. Срок проведения профилактического визита (обязательного профилактического визита) <i>не может превышать 1 рабочий день</i>. По ходатайству должностного лица руководитель надзорного органа может продлить срок проведения профилактического визита <i>не более чем на 3 рабочих дня</i>³⁶

³³ П. 37 Положения о федеральном государственном контроле (надзоре) на автомобильном транспорте, городском наземном электрическом транспорте и в дорожном хозяйстве, утв. постановлением Правительства РФ от 29.06.2021 № 1043.

³⁴ П. 33 Положения о федеральном государственном контроле (надзоре) в области геодезии и картографии, утв. постановлением Правительства РФ от 25.06.2021 № 1001.

³⁵ П. 31 Положения о федеральном государственном контроле (надзоре) за выполнением частным агентством занятости требований аккредитации на право осуществления деятельности по предоставлению труда работников (персонала), утв. постановлением Правительства РФ от 25.06.2021 № 1008.

³⁶ П. 19 Положения о федеральном государственном геологическом контроле (надзоре).

Проведенный сравнительно-правовой анализ позволил сделать следующие выводы:

1. Информирование

Несмотря на то что процессуальные сроки не установлены, при реализации соответствующего профилактического мероприятия следует руководствоваться категорией разумного срока.

2. Обобщение правоприменительной практики

Положения о виде контроля предусматривают разные временные предельные точки утверждения и размещения на сайте доклада о правоприменительной практике (до 1 марта, до 1 апреля, до 1 июня). Кроме того, в некоторых случаях разделяется по этапам подготовка доклада, его утверждение и размещение на сайте; в других же установлена одна дата, не позднее которой доклад утверждается и размещается на сайте.

Видится излишним дублирование одной и той же даты как для подготовки доклада, так и для его утверждения и размещения на сайте³⁷.

В ином случае выявлен темпоральный пробел: предусмотрен срок подготовки доклада о правоприменительной практике при осуществлении федерального государственного контроля (надзора) в области гражданской авиации, но отсутствует предельный срок его утверждения, с которого также исчисляется 3-дневный срок для размещения доклада на сайте³⁸. В указанном случае наблюдается, с одной стороны, чрезмерная темпоральная детализированность в части установленного срока размещения на сайте, а с другой — отсутствие срока утверждения доклада, что влечет темпоральную неопределенность.

3. Меры стимулирования добросовестности

Ввиду того что в большинстве случаев темпоральное праворегулирование отсутствует,

предлагается руководствоваться подходом о разумности сроков.

4. Объявление предостережения

Закон № 248-ФЗ не предусматривает процессуальных сроков на стадии объявления контролируемому лицу предостережения, а именно срока, в течение которого после получения контрольно-надзорным органом сведений о готовящихся нарушениях должно быть объявлено предостережение (ч. 1 ст. 49), равно как и срока направления предостережения (ч. 3 ст. 49). В положениях о виде контроля данные сроки также не установлены. При таких условиях в указанных случаях предлагается исходить из категории разумного срока.

Процессуальные сроки на стадии подачи и рассмотрения возражений в отношении предостережения в силу прямого указания ч. 4 ст. 49 Закона № 248-ФЗ установлены положениями о виде контроля.

Следует отметить, что положения о виде контроля совершенно по-разному регламентируют темпоральную сторону процедуры возражений на предостережение. Так, выявлены следующие варианты регламентации:

— предусмотрен лишь срок рассмотрения возражения на предостережение без установления срока, в течение которого контролируемое лицо вправе представить возражение³⁹;

— использование различных единиц времени: срок обращения с возражением на предостережение исчисляется в рабочих днях, а срок его рассмотрения — в календарных⁴⁰ либо срок обращения с возражением на предостережение исчисляется в рабочих днях, а срок их рассмотрения указан просто в днях⁴¹;

— срок рассмотрения возражения объединен со сроком направления решения по итогам

³⁷ П. 19, 20 Положения о федеральном государственном контроле (надзоре) за соблюдением трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права.

³⁸ П. 17, 18 Положения о федеральном государственном контроле (надзоре) в области гражданской авиации.

³⁹ П. 15 Положения о федеральном государственном охотничьем контроле (надзоре).

⁴⁰ П. 9 Положения о федеральном государственном контроле (надзоре) в области обеспечения качества и безопасности зерна и продуктов переработки зерна.

⁴¹ П. 14 Положения о федеральном государственном контроле (надзоре) в сфере рекламы.

его рассмотрения⁴² либо вовсе отсутствует срок направления решения по итогам рассмотрения возражения на предостережение⁴³;

— в редких случаях предусмотрен срок информирования об отзыве предостережения, если представленные контролируемым лицом доводы на предостережение будут приняты (3 рабочих дня)⁴⁴;

— начало исчисления сроков определено достаточно четко: для подачи возражения отсчет осуществляется от даты получения предостережения, для срока рассмотрения возражения — от даты его регистрации;

— относительно длительности сроков: диапазон для подачи возражения на предостережение составляет от 7 рабочих дней до 30 дней (вероятно, законодатель имел в виду календарные), для рассмотрения возражения — от 10 рабочих дней до 30 дней (вероятно, также календарные), срок направления решения — 1 рабочий день.

По нашему убеждению, при установлении длительности срока в 30 дней оптимальным видится использование единицы времени «месяц», соответствующей продолжительности по времени, для удобства исчисления в целях правового регулирования.

Оптимальной, а также темпорально логичной и полной видится конструкция нормы Положения о федеральном государственном контроле (надзоре) за безопасностью людей на водных объектах, предусматривающей следующие сроки: для подачи возражений на предостережение — 7 рабочих дней с момента получения контролируемым лицом предостережения, для рассмотрения возражения — 10 рабочих дней со дня его регистрации, для направления принятого решения лицу, подавшему возражение, — 1 рабочий день с даты принятия решения. В числе положительного в данной норме

права следует отметить следующее: основные стадии в процедуре подачи и рассмотрения возражения на предостережения темпорально регламентированы; законодателем применены единые единицы времени (рабочие дни); длительность установленных сроков оптимальна и разумна.

5. Консультирование

Норма ст. 50 Закона № 248-ФЗ, посвященная консультированию, в части процессуальных сроков является бланкетной, отсылая к положению о виде контроля и Федеральному закону от 02.05.2006 № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации». Срок размещения письменного разъяснения по однотипным обращениям контролируемых лиц прямо Законом № 248-ФЗ не предусмотрен, ввиду чего предлагается руководствоваться категорией разумного срока.

Анализ положений о различных видах контроля позволил выявить существование диаметральных подходов к темпоральной регламентации консультирования: с одной стороны, отсутствие какого-либо ограничения по времени⁴⁵, с другой — установление различной длительности консультирования, в том числе в зависимости от формата данного профилактического мероприятия (личный прием, по телефону, посредством видео-конференц-связи).

Так, законодателем установлены следующие временные ограничения для консультирования: не более 30 минут, не более 20 минут по телефону и посредством видео-конференц-связи, не более 15 минут, не более 10 минут.

В отдельных случаях предусмотрена длительность ожидания контролируемого лица при индивидуальном консультировании на личном приеме — не более 15 минут.

Выявлена регламентация минимального времени, отведенного для консультирования

⁴² П. 15 Положения о федеральном государственном охотничьем контроле (надзоре).

⁴³ П. 23 Положения о федеральном государственном контроле (надзоре) за состоянием, содержанием, сохранением, использованием, популяризацией и государственной охраной объектов культурного наследия ; п. 29 Положения о федеральном государственном земельном контроле (надзоре) ; п. 14 Положения о федеральном государственном контроле (надзоре) в сфере рекламы.

⁴⁴ П. 9 Положения о федеральном государственном контроле (надзоре) в области обеспечения качества и безопасности зерна и продуктов переработки зерна.

при личном обращении — не менее 4 часов в рабочую неделю, а также срока направления контролируемому лицу ответа в письменном виде по итогам консультирования⁴⁶.

В постановлении Правительства РФ № 336 (п. 8(2)) предусмотрен срок рассмотрения обращения контролируемого лица по вопросу осуществления консультирования — в течение 10 рабочих дней со дня его регистрации.

6. Самообследование

Закон № 248-ФЗ в минимальной степени темпорально регламентирует профилактические мероприятия по самообследованию. Положения о виде контроля соответствующие сроки не предусматривают.

7. Профилактический визит

Закон № 248-ФЗ предусматривает срок уведомления контролируемого лица о проведении обязательного профилактического визита — не позднее чем за 5 рабочих дней до даты его проведения, а также закреплено право контролируемого лица отказаться от его проведения не позднее чем за 3 рабочих дня.

Категория «незамедлительно» закреплена в отношении действий инспектора по

направлению соответствующей информации при установлении того, что объекты контроля представляют явную непосредственную угрозу причинения вреда (ущерба) охраняемым законом ценностям или такой вред (ущерб) причинен.

В части иной темпоральной регламентации проведения обязательного профилактического визита Закон № 248-ФЗ отсылает к положениям о виде контроля.

В положениях о виде контроля дублируются установленные Законом № 248-ФЗ сроки по уведомлению о проведении обязательного профилактического визита (5 рабочих дней) и по отказу от его проведения (3 рабочих дня).

Положениями о виде контроля срок проведения обязательного профилактического визита ограничен одним рабочим днем⁴⁷, одним календарным днем⁴⁸ либо 8 часами⁴⁹. В постановлении Правительства РФ № 336 срок проведения профилактического визита определен в один день (без уточнения рабочий либо календарный). Таким образом, законодатель, закрепляя продолжительность профилактического визита, использует три варианта единицы времени

⁴⁵ П. 27 Положения о федеральном государственном контроле (надзоре) в области связи.

⁴⁶ П. 23, 25 Положения о федеральном государственном контроле (надзоре) в области гражданской авиации.

⁴⁷ П. 33 Положения о федеральном государственном контроле (надзоре) в области геодезии и картографии ; п. 19 Положения о федеральном государственном геологическом контроле (надзоре) ; п. 32 Положения о федеральном государственном контроле (надзоре) за деятельностью туроператоров и объединения туроператоров в сфере выездного туризма, утв. постановлением Правительства РФ от 30.06.2021 № 1086 ; п. 32 Положения о федеральном государственном контроле (надзоре) за деятельностью аккредитованных организаций, осуществляющих классификацию гостиниц, классификацию горнолыжных трасс, классификацию пляжей, утв. постановлением Правительства РФ от 29.06.2021 № 1042 ; п. 40 Положения о федеральном государственном контроле (надзоре) за соблюдением законодательства Российской Федерации о средствах массовой информации ; п. 30 Положения о федеральном государственном контроле (надзоре) за соблюдением обязательных требований к проведению экзамена по русскому языку как иностранному, истории России и основам законодательства Российской Федерации и выдаче иностранным гражданам сертификата, утв. постановлением Правительства РФ от 15.07.2021 № 1213 ; п. 64 Положения о федеральном государственном контроле (надзоре) за обеспечением безопасности донорской крови и ее компонентов, утв. постановлением Правительства РФ от 29.06.2021 № 1050.

⁴⁸ П. 37 Положения о федеральном государственном контроле (надзоре) на автомобильном транспорте, городском наземном электрическом транспорте и в дорожном хозяйстве.

⁴⁹ П. 31 Положения о федеральном государственном контроле (надзоре) за выполнением частным агентством занятости требований аккредитации на право осуществления деятельности по предоставлению труда работников (персонала).

«день»: просто день, календарный день и рабочий день.

Положениями о виде контроля предусмотрена возможность продления срока проведения профилактического визита не более чем на 3 рабочих дня⁵⁰. Постановлением Правительства РФ № 336 также закреплена возможность продления указанного профилактического мероприятия на срок, необходимый для инструментального обследования, при этом в абз. 3 п. 11(4) постановления срок продления ограничен 3 рабочими днями, а в абз. 2 п. 11(5) — 4 рабочими днями. Однако объективной необходимости установления разной продолжительности срока продления профилактического визита (с разницей лишь в один день) не усматривается.

В силу абз. 3 п. 11(6) постановления Правительства РФ № 336 срок проведения профилактического визита может быть приостановлен на срок осуществления экспертиз или испытаний.

Срок рассмотрения обращений контролируемых лиц по вопросу проведения профилактического визита предусмотрен пунктом 8(2) постановления Правительства РФ № 336 и составляет 10 рабочих дней со дня его регистрации.

Своеобразно изложена темпоральная взаимосвязь между профилактическим визитом и плановым контрольным (надзорным) мероприятием в отношении определенной группы контролируемых лиц (абз. 3 п. 11(3) постановления Правительства РФ № 336): если обращение контролируемого лица с просьбой о проведении профилактического визита поступило не позднее чем за 2 месяца до даты начала проведения планового контрольного (надзорного) мероприятия, такой профилактический визит проводится не позднее чем за 1 месяц до даты проведения планового мероприятия; если профилактический визит проведен в течение 3 месяцев до даты проведения планового мероприятия, то контрольный (надзорный) орган

вправе исключить плановое контрольное (надзорное) мероприятие.

Заключение

Новое контрольно-надзорное законодательство ориентировано на детальную темпоральную регламентацию контрольно-надзорного процесса, воспринимая запрос на ускорение публичных процессов в целом, продиктованный современными реалиями жизни.

В числе главных темпоральных достижений Закона № 284-ФЗ следует признать нормативное закрепление принципа оперативности, помимо которого следует также руководствоваться принципами единообразия, ясности и разумности.

Классификация сроков контрольно-надзорного процесса позволила выделить сроки как темпоральный инструмент, определяющий динамику контрольно-надзорной деятельности, и сроки как правовое основание проведения контрольных (надзорных) мероприятий.

Законодатель использует в Законе № 248-ФЗ основные календарные единицы. Однако в отношении единицы времени «день» не выстроено логичного ее применения, хотя в целях единообразия можно было использовать единое исчисление, в связи с чем предложены варианты устранения имеющегося рассогласования путем внесения изменений в Закон № 248-ФЗ.

Управление временем в сфере контрольно-надзорной деятельности осуществляется способами, применимыми в пределах установленного срока (продление срока и приостановление срока) и по истечении срока (восстановление срока).

Продление срока в сфере контрольно-надзорной деятельности классифицировано на автоматическое и заявительное. При этом авто-

⁵⁰ П. 19 Положения о федеральном государственном геологическом контроле (надзоре) ; п. 24 Положения о федеральном государственном пробирном надзоре, утв. постановлением Правительства РФ от 25.06.2021 № 1015 ; п. 24 Положения о федеральном государственном контроле (надзоре) в области охраны и использования особо охраняемых природных территорий ; п. 26 Положения о федеральном государственном контроле (надзоре) в сфере идентификации и (или) аутентификации, утв. постановлением Правительства РФ от 11.04.2023 № 585.

матическое продление срока является исключительной мерой темпорального характера в сфере публичных правоотношений.

В связи с отсутствием в Законе № 248-ФЗ темпоральной регламентации рассмотрения заявления контролируемого лица о продлении срока исполнения предписания предложено по аналогии применять пункт 8 постановления Правительства РФ № 336. Здесь же выявлена нехарактерная для правовой сферы темпоральная формулировка — «предпоследний день». С точки зрения юридической техники и законодательной стилистики видится более уместным оборот «не позднее 1 рабочего дня».

Предложенный круг обстоятельств, подлежащий установлению при разрешении заявления о восстановлении пропущенного срока, позволяет всесторонне рассмотреть соответствующий процессуальный вопрос, не допуская произвольного восстановления срока и тем самым нивелирования темпоральной правовой регламентации контрольно-надзорного процесса и исключая необоснованный отказ в восстановлении пропущенного срока.

Институт досудебного порядка показал свою эффективность. Тем не менее на уровне

судебного обжалования необходимо исключать формальный подход при применении соответствующего правового регулирования и учитывать критерии оставления заявления судом без рассмотрения ввиду несоблюдения досудебного порядка (потенциальная возможность урегулирования спора мирным путем, заявление о несоблюдении досудебного порядка до изложения доводов по существу, длительность рассмотрения дела в суде).

Анализ сроков профилактических мероприятий, предусмотренных Законом № 248-ФЗ и положениями о виде контроля, показал, что применительно к информированию, мерам стимулирования добросовестности, самообследованию следует руководствоваться категорией разумного срока. В отношении таких профилактических мероприятий, как обобщение правоприменительной практики, объявление предостережения, консультирование, профилактический визит, выявлены совершенно различные подходы к установлению сроков: крайности в насыщенности регламентации (от минимальной до неадекватно подробной), а также совершенно различные сроки для сходных процессуальных действий.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Бержель Ж.-Л. Общая теория права / пер. с фр. Г. В. Чуршукова. — М. : Nota Bene, 2000. — 576 с.
2. Нормы советского права / под ред. М. И. Байтина, В. К. Бабаева. — Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 1987. — 248 с.
3. Рабинович П. М. Время в правовом регулировании (философско-юридические аспекты) // Правоведение. — 1990. — № 3. — С. 19–27.
4. Энгельс Ф. Анти-Дюринг // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. — 2-е изд. — Т. 20. — М. : Политиздат, 1961. — С. 5–338.
5. Belyakovich E. V. Terms in the control and supervisory process: new in legislation // SHS Web of Conferences. 14th Session of Euro-Asian Law Congress «The value of law», 2021. — Vol. 134, 2022. — P. 1–5. — URL: <https://doi.org/10.1051/shsconf/202213400093> (дата обращения: 03.04.2023).
6. Zuckerman A. Assessment of Cost and Delay — a Multinational Perspective // Procedural Law on the Threshold of the New Millennium: XI World Congress on Procedural Law. — Wien, 1999. — P. 41–42.

Материал поступил в редакцию 28 мая 2023 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Berzhel Zh.-L. Obshchaya teoriya prava / per. s fr. G. V. Churshukova. — M.: Nota Bene, 2000. — 576 s.
2. Normy sovetskogo prava / pod red. M. I. Baytina, V. K. Babaeva. — Saratov: Izd-vo Saratovskogo un-ta, 1987. — 248 s.
3. Rabinovich P. M. Vremya v pravovom regulirovanii (filosofsko-yuridicheskie aspekty) // Pravovedenie. — 1990. — № 3. — S. 19–27.
4. Engels F. Anti-Dyuring // Marks K., Engels F. Sochineniya. — 2-e izd. — T. 20. — M.: Politizdat, 1961. — S. 5–338.
5. Beliakovich E. V. Terms in the control and supervisory process: new in legislation // SHS Web of Conferences. 14th Session of Euro-Asian Law Congress «The value of law», 2021. — Vol. 134, 2022. — P. 1–5. — URL: <https://doi.org/10.1051/shsconf/202213400093> (data obrashcheniya: 03.04.2023).
6. Zuckerman A. Assessment of Cost and Delay — a Multinational Perspective // Procedural Law on the Threshold of the New Millennium: XI World Congress on Procedural Law. — Wien, 1999. — P. 41–42.

Эволюция бюджетного процесса Российской Федерации в условиях трансформации бюджетного законодательства

Аннотация. Статья посвящена изучению бюджетного процесса — его легального и доктринальных определений, стадий бюджетного процесса и основных изменений, произошедших в правовом регулировании бюджетного процесса за последнее время. В работе сопоставлены позиции ученых — представителей финансово-правовой науки по указанным вопросам. По результатам исследования сделан вывод, что бюджетный процесс — многогранная и многоаспектная категория финансового права, которая находится в процессе постоянной трансформации и развития. Указывается на то, что в настоящее время отсутствует легальное определение понятия «стадия бюджетного процесса»; данный пробел должен быть устранен посредством дополнения ст. 6 БК РФ. Кроме того, можно сделать вывод, что большинство авторов, повторяя положения бюджетного законодательства, выделяют четыре стадии бюджетного процесса. Концепция четырехстадийного бюджетного процесса является наиболее верной и оправданной, поскольку она возникла в результате длительной эволюции бюджетного процесса. При этом каждая стадия отражает отдельно взятый этап бюджетного процесса, характеризующийся собственными процедурами, сроками, участниками, их полномочиями и иными существенными аспектами. В то же время, несмотря на кажущуюся статичность, проявляемую в неизменности количества и последовательности стадий бюджетного процесса, содержательно он постоянно изменяется и дополняется. Современный бюджетный процесс стремится к более широкому применению программно-целевого подхода, сопряженного с одновременным внедрением инновационных цифровых технологий. Можно ожидать, что в обозримой перспективе цифровизация продолжит оказывать свое влияние на содержание бюджетного процесса.

Ключевые слова: бюджет; бюджетная организация; стадии; стадии бюджетного процесса; проектирование бюджета; рассмотрение и утверждение бюджета; участники бюджетного процесса; бюджетное планирование; исполнение бюджета; получатели средств из бюджета; государственные органы; бюджетная политика; цифровые технологии.

Для цитирования: Болтинова О. В. Эволюция бюджетного процесса Российской Федерации в условиях трансформации бюджетного законодательства // Актуальные проблемы российского права. — 2023. — Т. 18. — № 11. — С. 65–72. — DOI: 10.17803/1994-1471.2023.156.11.065-072.

© Болтинова О. В., 2023

* Болтинова Ольга Викторовна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры финансового права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), почетный работник высшего профессионального образования РФ
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
o.boltinova@mail.ru

The Evolution of the Budget Process of the Russian Federation in the context of Transformation of Budget Legislation

Olga V. Boltinova, Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Financial Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation
9, Sadovaya-Kudrinskaya St, Moscow 125993, Russian Federation
o.boltinova@mail.ru

Abstract. The paper is devoted to the study of the budget process — its legal and doctrinal definitions, the stages of the budget process and the main changes that have occurred in the legal regulation of the budget process. The paper compares the positions of researchers — representatives of financial and legal science on these issues. According to the results of the study, it is concluded that the budget process is a multifaceted and multidimensional category of financial law in the process of constant transformation and development. It is pointed out that there is currently no legal definition of the concept of «stage of the budget process»; this gap should be eliminated by supplementing Article 6 of the Budgetary Code of the Russian Federation. In addition, it can be concluded that most authors, repeating the provisions of the budget legislation, distinguish four stages of the budget process. The concept of a four-stage budget process is the most correct and justified, since it arose as a result of a long evolution of the budget process. At the same time, each stage reflects a separate stage of the budget process, characterized by its own procedures, deadlines, participants, their powers and other essential aspects. At the same time, despite the apparent static nature, manifested in the immutability of the number and sequence of stages of the budget process, its content is constantly changing and being supplemented. The modern budget process strives for a wider application of a program-oriented approach, coupled with the simultaneous introduction of innovative digital technologies. It can be expected that digitalization will continue to have an impact on the content of the budget process in the foreseeable future.

Keywords: budget; budget organization; stages; stages of the budget process; budget design; budget review and approval; participants in the budget process; budget planning; budget execution; recipients of funds from the budget; government agencies; budget policy; digital technologies.

Cite as: Boltinova OV. The Evolution of the Budget Process of the Russian Federation in the context of Transformation of Budget Legislation. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2023;18(11):65-72. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2023.156.11.065-072

Бюджетный процесс — одна из центральных категорий финансового права. От его правильной организации, точности, четкости, наличия действенных механизмов контроля и преодоления кризисных ситуаций зависит эффективность всей финансовой деятельности государства. Вместе с тем бюджетный процесс не является застывшей категорией — с течением времени меняются представления о его содержании, парадигмы его наполнения (количество стадий, процедуры и т.д.). Эволюция бюджетного процесса носит объективный характер, поскольку он развивается параллельно с общественными отношениями. Бюджетный процесс зависит от решаемых государством на том или ином историческом этапе задач, моде-

ли экономических отношений, применяемых технологий и многих иных факторов. В связи с этим представляется необходимым, во-первых, обратить более пристальное внимание на позиции ученых — представителей отечественной финансово-правовой школы по вопросам, связанным с определением бюджетного процесса и его стадий, а во-вторых, выделить некоторые тенденции, которые были характерны для развития бюджетного процесса в Российской Федерации в течение последних нескольких лет.

Для начала следует отметить, что бюджетный процесс на федеральном уровне, уровне субъектов Российской Федерации и муниципальных образований регулируется бюджетным законодательством, точнее — его бюджетно-процессу-

альной частью. Сам рассматриваемый процесс состоит из несколько этапов (стадий): составление, рассмотрение и утверждение, исполнение бюджета, составление и утверждение бюджетной отчетности.

Нормы бюджетно-процессуального законодательства Российской Федерации являются публичными, универсальными и реализуются для решения вопросов, связанных с обеспечением решения задач и функций публичной власти.

Детальное изучение сущности и основных стадий бюджетного процесса проводится специалистами экономической и правовой науки. При этом необходимо отметить, что термин «бюджетный процесс» претерпевал изменения в ходе становления бюджетной системы Российской Федерации в рамках реформирования бюджетного законодательства.

Например, Е. А. Ровинский справедливо отмечал, что «бюджетный процесс СССР представляет собой единство всех стадий формирования и исполнения государственного бюджета СССР, находящихся в постоянном и непрерывном своем возобновлении»¹. В числе стадий бюджетного процесса автор выделял: составление, рассмотрение, утверждение, исполнение, а также утверждение исполнения бюджета².

В. В. Бесчеревных считал, что процесс формирования бюджета — это система, регулируемая нормами бюджетно-процессуального права, государственными органами власти и муниципальными образованиями согласно всем его стадиям. При этом автор выделял стадии разработки проекта бюджета, утверждения бюджета, приведения в исполнение предложенного проекта с последующим предоставлением отчетности за прошедший, выбранный период³.

В контексте рассматриваемого вопроса нельзя оставить без внимания труд М. И. Пискотина

«Советское бюджетное право», в котором детально изучены особенности процессуальных норм, проведена классификация по стадиям и периодам, а также указаны закономерности их повторения. Согласно мнению М. И. Пискотина, для бюджетного процесса характерны этапы формирования, рассмотрения, утверждения и исполнения, а также предоставления отчетности по итогам периода⁴.

В свою очередь, А. И. Худяков критиковал само понятие бюджетного процесса, используя вместо него термин «бюджетное планирование». Так, по мнению автора, «в понятие “бюджетный процесс” можно, во-первых, вложить несколько значений, каждое из которых будет по-своему оправданным и логичным. Во-вторых, финансово-правовое понятие “процесс” существенно отличается от общеправового»⁵. А. И. Худяков считал, что «бюджетный процесс» является «узко специальным понятием финансово-правовой науки, а для всех прочих становится понятным лишь при условии его специального разъяснения»⁶. И напротив, термин «бюджетное планирование», по его мнению, «более понятен, определен и конкретен»⁷. Вместе с тем позволим себе не согласиться с автором. Семантика термина «бюджетное планирование» в большей степени указывает на первую стадию бюджетного процесса. Очевидно, что, например, исполнение бюджета будет выходить за рамки планирования.

Кроме того, в науке предложен подход, согласно которому бюджетный процесс можно рассматривать как в широком, так и в узком смысле. Например, И. И. Полын указывает на то, что бюджетный процесс в узком смысле совпадает с законодательным процессом. Вместе с тем автор определяет бюджетный процесс в узком смысле как «деятельность исполнительных и законодательных органов власти (федер-

¹ Ровинский Е. Советское финансовое право : учеб. пособие для студентов ВЮЗИ. М., 1957. С. 83.

² Ровинский Е. Указ. соч. С. 82.

³ Бесчеревных В. В. Компетенция Союза ССР в области бюджета. М., 1976. С. 148.

⁴ Пискотин М. И. Советское бюджетное право. М., 1972. С. 63.

⁵ Худяков А. И. Финансовое право Республики Казахстан. Особенная часть. Алматы : Баспа, 2001. С. 52.

⁶ Худяков А. И. Указ. соч. С. 51.

⁷ Худяков А. И. Указ. соч. С. 52.

ральных, региональных, местных) по внесению на рассмотрение, рассмотрению и утверждению бюджетного плана на конкретный финансовый год»⁸. Тут, однако, нужно указать на допущенную логическую неточность: законодательный процесс — это со всей очевидностью деятельность законодательных органов. Таким образом, деятельность органов исполнительной власти (как это отмечено в определении) сюда включаться не может. Более точным было бы сказать, что в узком понимании бюджетный процесс включает в себя первые две его стадии — составление плана, а также рассмотрение и утверждение бюджета. Действительно, зачастую бюджетный процесс воспринимается только как деятельность в рамках указанных стадий. В свою очередь, бюджет в широком смысле, с точки зрения И. И. Полина, включает в себя, помимо прочего, деятельность органов государства по исполнению бюджета и составлению отчетности о его исполнении. Кроме того, автор указывает на то, что в бюджетный процесс входит формирование бюджетных фондов. В такой трактовке, полагает автор, бюджетный процесс включает в себя также деятельность налогоплательщиков, плательщиков сборов и иных лиц, участвующих в формировании бюджета⁹. Очевидно, впрочем, что подобный подход необоснованно широк и приводит к тому, что определение бюджетного процесса теряет свою ценность, поскольку получается, что в соответствующей деятельности

участвуют фактически все субъекты финансового права.

И. Н. Мальцева определяет бюджетный процесс как «организационное единство планирования, исполнения и отчетности в бюджетной сфере»¹⁰ и также рассматривает его с широкой и узкой точек зрения, предлагая, однако, несколько иной подход. По ее мнению, традиционное определение бюджетного процесса через четыре его стадии составляет узкое понимание рассматриваемой категории. Бюджетный процесс в его широком значении представляет собой составную часть финансового процесса в целом и проявляется как процесс реализации всей бюджетной деятельности¹¹.

Профессор О. Н. Горбунова определяла бюджетный процесс как совокупность строго регламентированных действий, регулируемых бюджетно-процессуальным законодательством, включающую в себя стадии формирования, рассмотрения, утверждения и приведения бюджета в исполнение с последующей отчетностью за выбранный период¹². Автором также была предпринята попытка применить к бюджетно-правовой материи теорию кибернетики. В частности, О. Н. Горбунова выявляла действие прямых и обратных связей, рассматривая стадию представления отчетности об исполнении бюджета в качестве обратной связи в бюджетной деятельности государства, которая делает эту деятельность прозрачной¹³.

⁸ Полин И. И. Проблемы правового регулирования бюджетного процесса в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. С. 10.

⁹ Полин И. И. Указ. соч. С. 11–12.

¹⁰ Мальцева И. Н. Организация бюджетного процесса в субъекте Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2005. С. 8.

¹¹ Мальцева И. Н. Указ. соч.

При этом И. Н. Мальцева выделяет три обособленные стадии бюджетного периода: 1) бюджетное планирование, включающее в себя составление, рассмотрение и утверждение бюджета, его поквартальное распределение, и последующее по необходимости внесение изменений и дополнений в бюджетный план; 2) организация исполнения бюджета в соответствии с росписью доходов и расходов и их сбалансированностью по бюджетной классификации и в порядке, определенном региональным законодательством; 3) организация составления, рассмотрения и утверждения отчета об исполнении региональных бюджетных планов (Там же. С. 14).

¹² Финансовое право : учебник / под ред. О. Н. Горбуновой. М. : Юристъ, 2006. С. 222.

¹³ Финансовое право : учебник.

В науке распространен подход к трактовке бюджетного процесса в качестве правовой категории, т.е. совокупности правовых норм, регулирующих общественные отношения, складывающиеся в процессе составления, рассмотрения и утверждения проекта бюджета, исполнения бюджета и утверждения отчета о его исполнении. При этом уже упоминавшийся И. И. Полын полагает, что бюджетный процесс представляет собой подотрасль финансового права¹⁴, с чем мы не можем согласиться. Бюджетный процесс (или бюджетно-процессуальное право¹⁵) является частью бюджетного права. Традиционно именно бюджетное право рассматривают в качестве подотрасли финансового права. Таким образом, если мы считаем бюджетный процесс подотраслью, то бюджетное право — это отрасль. Одновременно с этим автор, как уже отмечалось, говорит, что бюджетный процесс — подотрасль именно финансового права. Налицо логическое противоречие.

Таким образом, как мы видим, различные представители правовой науки по-разному определяют сущность бюджетного процесса. При этом, несмотря на расхождения в подходах к пониманию бюджетного процесса, традиционно выделяют четыре его основные стадии: стадию составления проекта бюджета, стадию рассмотрения и утверждения бюджета, стадию исполнения бюджета и стадию составления, рассмотрения и утверждения бюджетной отчетности. В то же время бюджетное законодательство не раскрывает содержание понятия «стадия бюджетного процесса».

Представители теории права определяют стадию как совокупность процессуальных действий, связанных ближайшей целью¹⁶.

Современные представители научного сообщества уверены, что стадии бюджетного процесса представляют собой «урегулированную нормами бюджетного права систему, которая

выстроена на основании логической последовательности со взаимосвязанными процессами внутри организации»¹⁷.

По нашему мнению, стадии бюджетного процесса сопряжены:

- с формированием целей и задач;
- определением количественного и качественного состава участников;
- закреплением сроков реализации стадии;
- подведением итогов выполненных на той или иной стадии действий.

Говоря об основных тенденциях, которые затронули бюджетный процесс, следует отметить, что для первой его стадии — составления проекта бюджета — в первую очередь характерно расширение перечня документов, которые ложатся в основу соответствующей работы органов исполнительной власти. Так, в 2014 г. перечень документов, закрепленный в ст. 172 БК РФ, был дополнен государственными программами, а в 2021 г. — документами, определяющими цели национального развития Российской Федерации и направления деятельности органов публичной власти по их достижению, т.е. национальными проектами. Следует отметить, что введение национальных проектов в рассматриваемый перечень позволило более точно определить основные показатели, которые должны быть достигнуты в процессе бюджетной деятельности, связать разные государственные программы едиными целями, а также добиться концентрации бюджетных ресурсов на соответствующих приоритетных направлениях.

Еще одной особенностью развития бюджетного процесса стало использование так называемого нулевого чтения, которое дает возможность исправить данные основных характеристик проекта бюджета на очередной финансовый год и в более короткий период реализовать стадию рассмотрения и утверждения представленного бюджета. По нашему мнению, нулевое

¹⁴ Полын И. И. Указ. соч. С. 11.

¹⁵ См.: Мартыненко В. Е. Правовое регулирование бюджетного процесса в субъекте Российской Федерации (на примере Санкт-Петербурга) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2006. С. 6.

¹⁶ Малько А. В., Матузов Н. И. Теория государства и права : учебник. М. : Юрист, 2009. С. 331.

¹⁷ Бюджетная система России : учебник / В. А. Парыгина., К. Браун, Дж. Э. Стиглиц, А. А. Тедеев. 3-е изд., испр. и доп. М., 2006. С. 613.

чение может быть рассмотрено как переходная (дополнительная) стадия между составлением и рассмотрением проекта бюджета.

В рамках второй стадии нужно упомянуть об изменившихся сроках внесения законопроекта о федеральном бюджете в законодательный орган (теперь это должно быть сделано до 15 сентября). Напомним, что с 2010 по 2021 г. Правительство РФ было обязано внести проект федерального закона о федеральном бюджете до 1 октября. Приведенное изменение можно только приветствовать, поскольку оно расширяет время, которое законодательный орган может потратить на работу, связанную с рассмотрением и утверждением бюджета. Таким образом, соответствующая стадия перестала восприниматься как формальность.

Наибольшим изменениям подверглась стадия исполнения бюджета. Только за последние четыре года раздел VIII БК РФ был дополнен главами, регулирующими порядок функционирования системы казначейских платежей (гл. 24.2) и закрепляющими основы казначейского обслуживания (гл. 24.3) и казначейского сопровождения (гл. 24.4). Таким образом, с одной стороны, кардинальным образом изменился механизм исполнения бюджета, с другой — трансформировался правовой статус Федерального казначейства, которое, по справедливому замечанию отдельных авторов, фактически «переросло статус федеральной службы» и на сегодняшний момент сочетает функции органа государственной власти и финансовой организации¹⁸. Заметим, что сказанное во многом стало следствием цифровизации финансовой деятельности, т.е. внедрения цифровых финансовых технологий в процессы, связанные с образованием, использованием и контролем за использованием централизованных и децентрализованных фондов денежных средств. Как было правильно отмечено И. В. Петровой, «информационные системы в условиях цифровизации экономики являются

неотъемлемым инструментом, применяемым на всех этапах реализации бюджетных полномочий участниками бюджетного процесса»¹⁹. При этом можно констатировать, что цифровизация привела: к ускорению процесса обмена финансовой информацией в рамках бюджетного процесса, улучшению качества отчетных документов, повышению эффективности использования бюджетных средств и бюджетного контроля. Отдельно следует отметить внедрение информационной системы управления общественными финансами «Электронный бюджет», которая существенно повлияла на бюджетный процесс. В частности, указанная информационная система позволяет обеспечить:

- мониторинг достижения финансовых результатов реализации государственных программ;

- размещение в открытом доступе информации о плановых и фактических финансовых результатах деятельности в сфере управления публичными финансами участников бюджетного процесса;

- интеграцию процессов составления и исполнения бюджетов бюджетной системы Российской Федерации;

- усиление взаимосвязи бюджетного процесса и процедур планирования закупок товаров, работ и услуг для нужд публично-правовых образований и т.д.²⁰

Наконец, в рамках последней стадии бюджетного процесса — составления, внешней проверки, рассмотрения и утверждения бюджетной отчетности — также произошли серьезные изменения. В первую очередь необходимо отметить изменение сроков предоставления отчетности. Так, ранее Правительство РФ должно было направлять годовой отчет об исполнении бюджета на проверку в Счетную палату РФ не позднее 1 июня, а в Государственную Думу — не позднее 1 августа текущего года. Теперь же Правительство РФ должно

¹⁸ Ситник А. А. Система казначейских платежей в национальной платежной системе // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 9 (85). С. 150.

¹⁹ Финтех-право : учебник / под ред. Е. Ю. Грачевой, А. А. Ситника. М. : Издательский центр Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2023. С. 162.

²⁰ Финтех-право : учебник. С. 158–159.

выполнить указанные обязанности не позднее 15 июня текущего года. Таким образом, как и в отношении стадии рассмотрения и утверждения проекта закона о бюджете, законодатель увеличил срок, необходимый для работы с документами, представляемыми Правительством РФ, что также способствует преодолению формального подхода к закреплению сроков в бюджетном процессе.

Кроме того, был расширен перечень сведений, представляемых в рамках бюджетной отчетности: в частности, начиная с 2020 г. необходимо, помимо всего прочего, представлять отчетность по операциям системы казначейских платежей (ст. 264.2-1 БК РФ). Поменялся и порядок представления бюджетной отчетности — теперь по общему правилу это происходит через упомянутую систему «Электронный бюджет». Таким образом, сказанное позволяет еще раз подтвердить принципиальную важность внедрения цифровых технологий в бюджетный процесс.

Перечисленное позволяет лишь в общих чертах проследить процесс трансформации бюджетного процесса. Помимо этого, можно было бы сказать о расширении перечня участников бюджетных правоотношений (что произошло благодаря введению такой категории субъектов, как «получатели средств из бюджета», а также закреплению принципа участия граждан в бюджетном процессе (ст. 28 БК РФ)), изменению подходов к правовому регулированию бюджетной ответственности и бюджетных мер принуждения, усилению бюджетного контроля (например, вследствие введения бюджетного мониторинга в системе казначейских платежей) и т.д.²¹

Следует сделать вывод, что бюджетный процесс — многогранная и многоаспектная категория финансового права, которая находится в постоянной трансформации и развитии. Несмотря на то что бюджетный процесс во многом воспринимается как нечто само собой разумеющееся, проведенное исследование показало, что в науке высказываются разные точки зрения по поводу содержания бюджетного процесса, его наименования и стадий, из которых он состоит. При этом в настоящее время отсутствует легальное определение понятия «стадия бюджетного процесса»; данный пробел должен быть устранен посредством дополнения ст. 6 БК РФ. Большинство авторов, повторяя положения бюджетного законодательства, выделяют четыре стадии бюджетного процесса. Представляется, что концепция четырехстадийного бюджетного процесса является наиболее верной и оправданной, поскольку она возникла в результате длительной эволюции бюджетного процесса. Каждая стадия отражает отдельно взятый этап бюджетного процесса, характеризующийся собственными процедурами, сроками, участниками, их полномочиями и иными существенными аспектами. В то же время, несмотря на кажущуюся статичность, проявляющуюся в неизменности количества и последовательности стадий бюджетного процесса, содержательно он постоянно меняется и дополняется. Современный бюджетный процесс стремится к более широкому применению программно-целевого подхода, сопряженного с одновременным внедрением инновационных цифровых технологий. Можно ожидать, что в обозримой перспективе цифровизация продолжит оказывать свое влияние на содержание бюджетного процесса.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Бесчеревных В. В. Компетенция Союза ССР в области бюджета. — М., 1976. — 176 с.
2. Бюджетная система России : учебник / В. А. Парыгина, К. Браун, Дж. Э. Стиглиц, А. А. Тедеев. — 3-е изд., испр. и доп. — М., 2006. — 750 с.

²¹ См.: постановление Правительства РФ от 25.12.2021 № 2483 «Об утверждении Правил проведения бюджетного мониторинга и применения мер реагирования в целях недопущения финансовых нарушений участниками казначейского сопровождения» // СЗ РФ. 2022. № 1 (ч. II). Ст. 186.

3. Малько А. В., Матузов Н. И. Теория государства и права : учебник. — М. : Юрист, 2009. — 512 с.
4. Мальцева И. Н. Организация бюджетного процесса в субъекте Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Томск, 2005. — 24 с.
5. Мартыненко В. Е. Правовое регулирование бюджетного процесса в субъекте Российской Федерации (на примере Санкт-Петербурга) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — СПб., 2006. — 19 с.
6. Пискотин М. И. Советское бюджетное право. — М. : Юридическая литература, 1971. — 312 с.
7. Полин И. И. Проблемы правового регулирования бюджетного процесса в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2001. — 259 с.
8. Ровинский Е. А. Советское финансовое право : учеб. пособие для студентов ВЮЗИ. — М., 1957. — 192 с.
9. Ситник А. А. Система казначейских платежей в национальной платежной системе // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2021. — № 9 (85). — С. 145–157.
10. Финансовое право : учебник. — 3-е изд., перераб. и доп. / отв. ред. О. Н. Горбунова. — М. : Юрист, 2006. — 587 с.
11. Финтех-право : учебник / под ред. Е. Ю. Грачевой, А. А. Ситника. — М. : Издательский центр Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2023. — 438 с.
12. Худяков А. И. Финансовое право Республики Казахстан. Особенная часть. — Алматы : Баспа, 2001. — 344 с.

Материал поступил в редакцию 22 апреля 2023 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Bescherevnykh V. V. Kompetentsiya Soyuz SSR v oblasti byudzheta. — M., 1976. — 176 s.
2. Byudzhelnaya sistema Rossii: uchebnik / V. A. Parygina, K. Braun, Dzh. E. Stiglits, A. A. Tedeev. — 3-e izd., ispr. i dop. — M., 2006. — 750 s.
3. Malko A. V., Matuzov N. I. Teoriya gosudarstva i prava: uchebnik. — M.: Yurist, 2009. — 512 s.
4. Maltseva I. N. Organizatsiya byudzhelnogo protsessa v subekte Rossiyskoy Federatsii: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. — Tomsk, 2005. — 24 s.
5. Martynenko V. E. Pravovoe regulirovanie byudzhelnogo protsessa v subekte Rossiyskoy Federatsii (na primere Sankt-Peterburga): avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. — SPb., 2006. — 19 s.
6. Piskotin M. I. Sovetskoe byudzhelnoe pravo. — M.: Yuridicheskaya literatura, 1971. — 312 s.
7. Polyn I. I. Problemy pravovogo regulirovaniya byudzhelnogo protsessa v Rossiyskoy Federatsii: dis. ... kand. yurid. nauk. — M., 2001. — 259 s.
8. Rovinskiy E. A. Sovetskoe finansovoe pravo: ucheb. posobie dlya studentov VYuZl. — M., 1957. — 192 s.
9. Sitnik A. A. Sistema kaznacheyskikh platezhey v natsionalnoy platezhnoy sisteme // Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA). — 2021. — № 9 (85). — S. 145–157.
10. Finansovoe pravo: uchebnik. — 3-e izd., pererab. i dop. / отв. ред. О. Н. Горбунова. — М.: Yurist, 2006. — 587 s.
11. Fintekh-pravo: uchebnik / pod red. E. Yu. Grachevoy, A. A. Sitnika. — M.: Izdatelskiy tsentr Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA), 2023. — 438 s.
12. Khudyakov A. I. Finansovoe pravo Respubliki Kazakhstan. Osobennaya chast. — Almaty: Baspa, 2001. — 344 s.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В ИНФОРМАЦИОННОЙ СФЕРЕ

DOI: 10.17803/1994-1471.2023.156.11.073-082

М. Ю. Кузьменков*

Лицензионные соглашения, используемые при распространении программных пакетов машинного обучения

Аннотация. В последнее время всё более актуальным становится рассмотрение вопросов правового регулирования искусственного интеллекта. Большинство юридических работ посвящено исследованию ответственности или правосубъектности, которые возникают или не возникают из деятельности, сопряженной с использованием искусственного интеллекта. Однако для разработчиков соответствующего программного обеспечения более интересным представляется вопрос охраны интеллектуальной собственности, а именно исключительных прав на программы ЭВМ. В частности, интерес представляют виды лицензий, под которыми выпускаются программные продукты с открытым исходным кодом (такие как MIT, GPL, BSD, Apache), их основные характеристики, недостатки и преимущества. Особый интерес представляет правовое регулирование таких лицензионных соглашений в условиях трансграничного оборота программных пакетов, а также существование концепции открытого исходного кода. Кроме того, в целях более глубокого погружения в предметную область исследования в статье рассмотрены базовые концепции из теории машинного обучения.

Ключевые слова: машинное обучение; глубокое обучение; искусственный интеллект; программные пакеты; библиотеки; лицензионные соглашения; исключительные права; право интеллектуальной собственности; нейронные сети; GitHub; GitLab.

Для цитирования: Кузьменков М. Ю. Лицензионные соглашения, используемые при распространении программных пакетов машинного обучения // Актуальные проблемы российского права. — 2023. — Т. 18. — № 11. — С. 73–82. — DOI: 10.17803/1994-1471.2023.156.11.073-082.

© Кузьменков М. Ю., 2023

* Кузьменков Михаил Юрьевич, кандидат юридических наук, ассистент кафедры информационного права и цифровых технологий Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
kuzmenkov.m.u@yandex.ru

License Agreements used in Distribution of Machine Learning Software Packages

Mikhail Yu. Kuzmenkov, Cand. Sci. (Law), Lecturer, Department of IT Law and Digital Technologies,
Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
9, Sadovaya-Kudrinskaya St, Moscow 125993, Russian Federation
kuzmenkov.m.u@yandex.ru

Abstract. Recently, consideration of the issues of legal regulation of artificial intelligence has become increasingly relevant. Most legal works are devoted to the study of responsibility of a legal personality that arises or does not arise from activities involving the use of artificial intelligence. However, for developers of the relevant software, the issue of intellectual property protection, namely, exclusive rights to computer programs, is more interesting. In particular, the types of licenses under which open source software products (such as MIT, GPL, BSD, Apach), their main characteristics, disadvantages and advantages are of interest. Of particular interest is the legal regulation of such license agreements in the context of cross-border turnover of software packages, as well as the existence of the open source concept. In addition, in order to dive deeper into the subject area of the study, the paper discusses basic concepts from the theory of machine learning.

Keywords: machine learning; deep learning; artificial intelligence; software packages; libraries; license agreements; exclusive rights; intellectual property rights; neural networks; GitHub; GitLab.

Cite as: Kuzmenkov MYu. License Agreements used in Distribution of Machine Learning Software Packages. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2023;18(11):73-82. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2023.156.11.073-082

Концепция распространения программного обеспечения с открытым исходным кодом появилась в США в 1980-е гг. При этом под распространением или передачей программного обеспечения с открытым исходным кодом обычно понимают не передачу физических носителей с записанным кодом, а передачу третьим лицам права пользования программным обеспечением. Как правило, фактически такая передача означает импортирование репозитория, хранящих соответствующий код в общем доступе на сервисах хостинга IT-проектов (GitHub, GitLab). Далее в статье под передачей программного обеспечения будет пониматься передача права пользования на соответствующие программы ЭВМ по лицензионному соглашению.

Для более глубокого понимания правового регулирования распространения программных пакетов машинного обучения необходимо выявить особенности таких пакетов. Нужно пояснить отличие данных программ ЭВМ от других, специфику их предметной области.

Хотя понятие «искусственный интеллект» широко используется в юридических исследованиях, данный термин не часто употребляется в среде специалистов в технической сфере. Дело

в том, что «искусственный интеллект» — широкое по своему содержанию понятие, которое не отражает методов, которые были использованы при создании соответствующего программного обеспечения. Обычно специалисты в сфере науки о данных используют такие понятия, как «машинное обучение» и «глубокое обучение». Для понимания природы изучаемого явления данные понятия необходимо различать.

Во-первых, искусственный интеллект включает в себя понятие «машинное обучение», а подвидом машинного обучения является глубокое обучение. Говоря о машинном обучении, стоит сказать, что иногда его называют «поверхностным обучением».

Во-вторых, глубокое обучение основано на нейронных сетях, а машинное обучение — на большом количестве иных известных методов: регрессии, кластерном анализе, опорных векторах и др. Часто искусственный интеллект отождествляют с нейронными сетями, что нельзя считать корректным. Вместе с тем именно нейронные сети являются наиболее популярным инструментом, используемым в индустрии.

Таким образом, понятия «искусственный интеллект», «машинное обучение», «глубокое

обучение» не тождественны, а их соотношение можно отобразить следующим образом (рис. 1):

Машинное обучение основано на построении модели исходя из конкретных признаков данных. В таких случаях задача модели машинного обучения заключается в подборе параметров таким образом, чтобы по определенным признакам данных дать наиболее точное предсказание. Классической задачей для машинного обучения будет предсказание стоимости недвижимого имущества. Например, исследователю может быть дана информация о площади недвижимого имущества, расстоянии до метро, районе города, где находится недвижимость, и другие признаки.

Основываясь только на этих признаках, модель машинного обучения должна будет давать свою оценку стоимости недвижимости и сравнивать такую оценку с реальной стоимостью недвижимости с такими же характеристиками. Затем в автоматическом режиме модель будет

менять свои внутренние параметры, чтобы минимизировать разницу между предсказанной и реальной стоимостью недвижимости.

Такой вид машинного обучения, когда мы заранее знаем результат и сравниваем его с предсказаниями модели (в нашем случае известный результат — это стоимость недвижимости) называется «обучение с учителем». Существует также и «обучение без учителя», когда результат нам заранее не известен. Однако детальный разбор данной концепции выходит за рамки исследуемой темы.

В отличие от машинного обучения, глубокое обучение основано на использовании нейронных сетей. Как отмечается в литературе¹, нейронные сети были созданы по аналогу работы головного мозга человека. Головной мозг человека принимает сигналы через органы чувств, интерпретирует их и выдает некоторый «результат». Таким результатом может быть, например, распознавание запахов, ощущение холодной

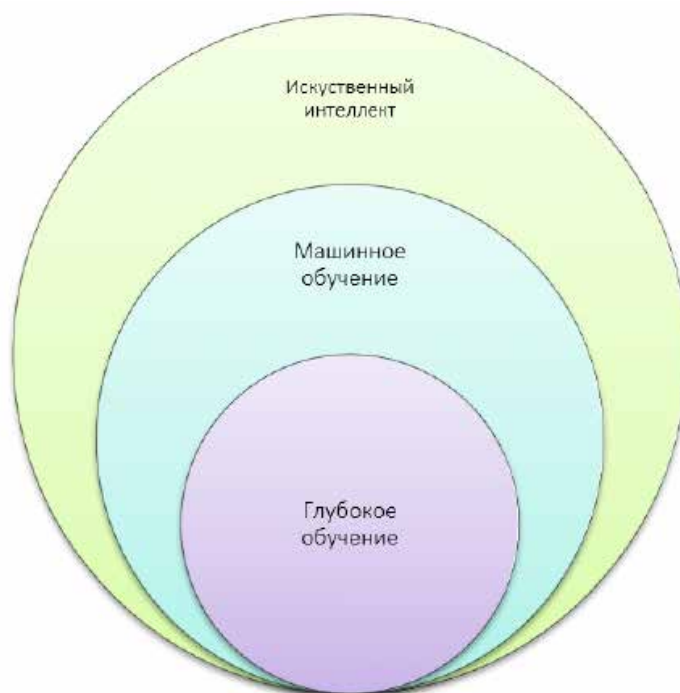

Рис. 1. Соотношение понятий «искусственный интеллект», «машинное обучение», «глубокое обучение»

¹ Горбачевская Е. Н., Краснов С. С. История развития нейронных сетей // Вестник ВУиТ. 2015. № 1 (23). С. 52–56.

или горячей поверхности предмета и т.д. Нейронные сети в мире искусственного интеллекта работают похожим образом. Они принимают на вход некоторую информацию, затем выделяют ее признаки, затем на основе данных признаков осуществляют предсказание, которое необходимо исследователю. Например, если на вход нейронной сети подать изображение кота, то наибольший сигнал будут получать именно те нейроны сети, которые отвечают за «признаки» кота на изображении (особые линии, описывающие форму ушей, глаз и т.д.). Базируясь на таких сигналах, нейронная сеть выдаст ответ — на фотографии изображен кот, а не кто-то еще.

Таким образом, структуру понятий, изображенных на рис. 1, можно конкретизировать следующим образом (рис. 2).

Такой краткий обзор понятий, которые входят в содержание искусственного интеллекта, необходим для дальнейшего анализа лицензионных соглашений, которые применяются при распространении программного обеспечения как в сфере глубокого обучения, так и в сфере машинного обучения.

Создание систем машинного обучения представляется исключительно сложной и времяза-

тратной задачей. А математическая структура нейронных сетей и других моделей машинного обучения в целом остается неизменной. Такие условия привели к появлению компаний, которые выпускают так называемые программные пакеты, которые выполняют часть работы по построению систем машинного обучения за разработчика. Другими словами, разработчику не приходится заново писать тот код, который уже был много раз написан до него. Иногда такие пакеты также называют фреймворками (от англ. framework) или библиотеками.

В мире науки о данных наиболее известными программными пакетами в сфере нейронных сетей сегодня являются PyTorch², TensorFlow³, Keras⁴. С их помощью разработчики могут создавать нейронные сети в сфере компьютерного зрения, работы с текстом, генерации изображений и т.д. В сфере машинного обучения (без использования нейронных сетей) известными являются CatBoost⁵, который относительно недавно создан компанией Яндекс, Scikit-learn⁶, SciPy⁷.

Кроме того, такие программные пакеты могут создаваться не только крупными компаниями, но и отдельными физическими лицами. Например, на сервисах хостинга IT-проектов можно

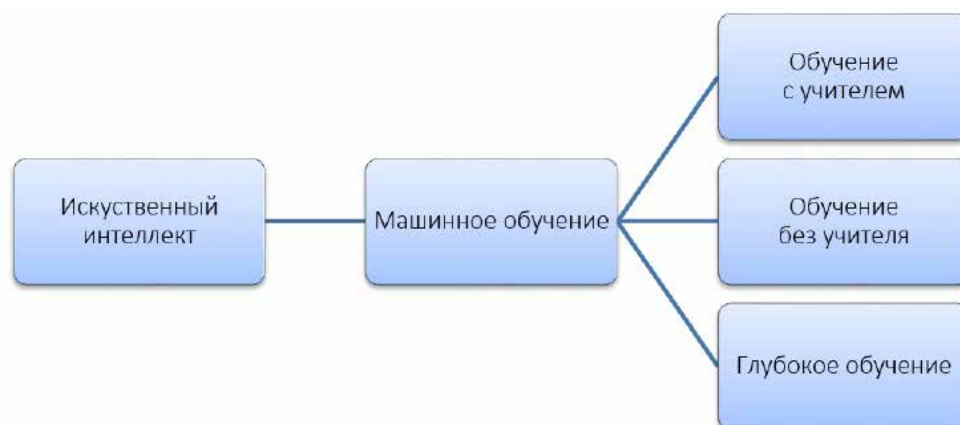

Рис. 2. Структура понятия «искусственный интеллект»

² URL: <https://pytorch.org> (дата обращения: 30.03.2023).

³ URL: <https://www.tensorflow.org/?hl=ru> (дата обращения: 30.03.2023).

⁴ URL: <https://keras.io> (дата обращения: 30.03.2023).

⁵ URL: <https://catboost.ai> (дата обращения: 30.03.2023).

⁶ URL: <https://scikit-learn.org/stable/index.html> (дата обращения: 30.03.2023).

⁷ URL: <https://scipy.org> (дата обращения: 30.03.2023).

нередко встретить реализацию той или иной архитектуры нейронной сети, созданной физическим лицом и доступной всем пользователям.

В таких условиях особый интерес приобретает вопрос о том, как происходит правовое регулирование распространения указанных программных пакетов, особенно с учетом того, что такой оборот по своей природе трансграничен, то есть может охватывать сразу несколько юрисдикций.

Для начала необходимо рассмотреть, как такое распространение программного обеспечения регулируется в России. Статья 1261 ГК РФ определяет понятие программы ЭВМ как «совокупность данных и команд, предназначенных для функционирования ЭВМ и других компьютерных устройств в целях получения определенного результата...». Под определение программы ЭВМ по российскому праву подпадают и программные пакеты, используемые в целях машинного обучения. При этом указывается, что программы ЭВМ получают такую же правовую защиту, как и авторские права на произведения литературы.

У автора программы ЭВМ возникает сразу несколько видов прав. В контексте данной работы наибольший интерес представляют исключительные права автора. В статье 1229 ГК РФ указывается, что «лицо, обладающее исключительным правом на результат интеллектуальной деятельности, вправе использовать такой результат по своему усмотрению любым не противоречащим закону способом». Иными словами, исключительные права на программу ЭВМ подразумевают возможность автора распоряжаться программой, в частности передавать конкретным лицам, разрешать или запрещать использование программы всем разработчикам.

По российскому праву исключительными правами на программу ЭВМ можно распорядиться двумя способами: отчуждение исключительного права и предоставление прав на основании лицензионного договора. При отчуждении исключительного права создатель программного пакета полностью теряет право дальнейшего распоряжения программой. Иными словами, автор программы передает свои исключительные права в полном объеме приобретателю.

Однако больший интерес в рассматриваемой предметной области вызывает предоставление права использования программы ЭВМ на основании лицензионного соглашения. Здесь создатель программы предоставляет право пользования своим программным пакетом пользователям в установленных лицензионным соглашением пределах. В российском праве выделяется два вида лицензий — простая (неисключительная) и исключительная. Первая оставляет за автором право выдавать лицензии на использование программы другим лицам. Вторая такое право не оставляет. Если в лицензии не конкретизирован ее тип, то по умолчанию она считается простой (неисключительной).

Несомненно, разработчики программных пакетов, используемых для целей машинного обучения, могли бы каждый раз составлять новое лицензионное соглашение при очередной передаче прав на пользование программой. Однако в современных условиях развития рынка такой тип передачи прав не эффективен. Дело в том, что многие программные пакеты, в том числе используемые для машинного обучения, распространяются свободно. То есть они всегда доступны для установки и использования любым пользователем во всем мире. Более того, некоторые из них размещены и доступны всем на сервисах хостинга IT-проектов, таких как GitHub или GitLab. Такой способ распространения программного обеспечения называется open source (открытый исходный код).

С середины 1980-х гг. появились, а затем широко распространились на практике различные типы лицензий для программного обеспечения с открытым исходным кодом. Такие лицензии в разной степени разрешают или запрещают пользователям использовать программные пакеты. Сегодня насчитывается более 100 видов таких лицензий, наибольшую популярность приобрели несколько из них. Все лицензии, как правило, делят на два типа: разрешительные и copyleft. Термин «copyleft» происходит от известного термина «copyright», но имеет противоположное значение. Если copyright используют в английском языке для обозначения ограничения распространения программного обеспечения, то copyleft, наоборот, обозначает,

что дальнейшее распространение продукта разрешено под этой же лицензией.

Основные различия всех лицензий для программных пакетов с открытым исходным кодом сводятся к следующим факторам:

- можно ли распространять программный продукт под другой лицензией;
- необходимо ли публиковать исходный код модифицированной версии продукта;
- нужно ли документировать изменения, внесенные в код программного пакета;
- надо ли указывать вид лицензии, под которой изначально распространяется программный пакет.

Одним из первых типов лицензии стала лицензия *General Public License (GPL)* (стандартная общественная лицензия)⁸. Если автор указывает, что его программное обеспечение распространяется по данной лицензии, это значит, что код продукта доступен всем желающим, его разрешено использовать в любых целях, в том числе в коммерческих, изменять и распространять. Однако распространение такого продукта пользователями разрешено при определенных условиях:

- распространение должно проходить под этой же лицензией;
- новый продукт должен иметь открытый исходный код;
- все модификации в коде по сравнению с оригинальным продуктом должны быть документированы;
- указание на первоначального автора должно быть сохранено.

Другой распространенной лицензией является лицензия *MIT*⁹ (разработана Массачусетским технологическим институтом). Если программный пакет распространяется под этой

лицензией, значит, пользователь может свободно использовать данный пакет, в том числе в коммерческих целях, модифицировать его, а также распространять под условиями различных лицензий. Распространение измененного или неизмененного программного обеспечения допускается без опубликования исходного кода.

*Berkeley Source Distribution (BSD)*¹⁰ — еще одна лицензия для проектов с открытым исходным кодом. BSD по своим характеристикам похожа на MIT с некоторыми отличиями. В частности, лицензия BSD может включать следующее требование: «Ни название организации, ни имена ее участников не могут быть использованы для продвижения продуктов, созданных на основе этого программного обеспечения, без специального предварительного письменного разрешения». Иными словами, это требование относительно рекламы продукта, созданного на основе используемого программного пакета. В других отношениях BSD сходна с MIT, то есть пользователи могут распространять свои продукты без открытого исходного кода и под другим видом лицензии.

Еще один распространенный вид лицензии — *Apache License*¹¹. Ее основная особенность состоит в том, что пользователи не обязаны публиковать исходный код измененной версии продукта, а также могут в дальнейшем распространять ее под другой лицензией. Однако все изменения, внесенные в оригинальный продукт, должны быть документированы.

По условиям всех рассмотренных лицензий пользователь должен указывать, по какой лицензии используется данный программный пакет. Приведенную информацию можно обобщить в таблице, расположенной ниже.

⁸ URL: <https://www.gnu.org/licenses/gpl-3.0.html> (дата обращения: 30.03.2023).

⁹ URL: <https://opensource.org/license/mit/> (дата обращения: 30.03.2023).

¹⁰ URL: <https://opensource.org/licenses/bsd-3-clause/> (дата обращения: 30.03.2023).

¹¹ URL: <https://www.apache.org/licenses/LICENSE-2.0.html#redistribution> (дата обращения: 30.03.2023).

Таблица 1

**Сравнение характеристик различных лицензий для программных продуктов
с открытым исходным кодом**

Характеристика лицензии	Лицензии			
	GPL	MIT	BSD	Apache
Коммерческое использование	+	+	+	+
Использование в личных целях	+	+	+	+
Документирование модификации кода	+	—	—	+
Указание на используемый вид лицензии	+	+	+	+
Раскрытие исходного кода	+	—	—	—
Распространение с использованием той же лицензии	+	—	—	—
Распространение с использованием любой другой лицензии	—	+	+	+
Требуется разрешение на использование в рекламных целях	—	—	+	—

Указанные виды лицензий могут иметь собственные версии с незначительными отличиями. Вместе с тем все они разрешают свободное коммерческое использование, а также использование в личных (некоммерческих) целях.

Большинство программных пакетов машинного и глубокого обучения также распространяются с открытым исходным кодом. Поэтому

указанные лицензионные соглашения могут применяться и при распоряжении исключительными правами на программные пакеты машинного обучения.

В следующей таблице указано, какие лицензионные соглашения используются при распространении конкретных программных пакетов машинного обучения.

Таблица 2

**Лицензионные соглашения, используемые при распоряжении исключительными правами
на программные пакеты машинного обучения**

Программный пакет машинного обучения	Лицензия		
	MIT	BSD	Apache
TensorFlow ¹²			+
PyTorch ¹³		+	
Keras ¹⁴			+
CatBoost ¹⁵			+
Scikit-learn ¹⁶	+	+	
SciPy ¹⁷		+	
H2O ¹⁸			+

¹² URL: <https://github.com/tensorflow/tensorflow/blob/master/LICENSE> (дата обращения: 30.03.2023).

¹³ URL: <https://github.com/pytorch/pytorch/blob/master/LICENSE> (дата обращения: 30.03.2023).

¹⁴ URL: <https://github.com/keras-team/keras/blob/master/LICENSE> (дата обращения: 30.03.2023).

¹⁵ URL: <https://github.com/catboost/catboost/blob/master/LICENSE> (дата обращения: 30.03.2023).

¹⁶ URL: <https://github.com/scikit-learn/sklearn-docbuilder/blob/master/LICENSE> (дата обращения: 30.03.2023).

¹⁷ URL: <https://svn.scipy.org/scipylib/license.html> (дата обращения: 30.03.2023).

¹⁸ URL: <https://h2o.ai/legal/license/> (дата обращения: 30.03.2023).

Стоит отметить, что указанные лицензионные соглашения в отечественной юридической литературе иногда называются «свободными лицензиями», в частности в работе О. А. Коркина¹⁹.

Можно согласиться с мнением А. Г. Матвеева²⁰ о том, что такие лицензии можно квалифицировать как открытые лицензии (согласно ст. 1286.1 ГК РФ). Такие лицензии, по сути, представляют собой простые (неисключительные) лицензии, заключенные в упрощенном порядке. Упрощенный порядок выражается в том, что пользователь заключает данное лицензионное соглашение путем присоединения к условиям лицензии, как правило указанным либо на сайте соответствующего программного пакета, либо в том репозитории, где хранится исходный код.

Отдельного внимания заслуживает тот факт, что распоряжение исключительными правами может являться трансграничным, то есть личным законом создателя программного пакета и лицензиата может быть право различных юрисдикций. В этой связи следует обратиться к ст. 1211 ГК РФ, которая устанавливает применимое право для лицензионных соглашений в случаях, когда сторонами не установлена оговорка о применимом праве. В статье установлено, что «в отношении лицензионного договора применяется право страны, на территории которой лицензиату разрешается использование результата интеллектуальной деятельности, а если такое использование разрешается на территориях одновременно нескольких стран, право страны, где находится место жительства или основное место деятельности лицензиара».

Ни в одном из рассмотренных лицензионных соглашений заранее не оговаривается возможность указания страны, где лицензиату разрешается использовать программный пакет.

Таким образом, фактическое использование программного пакета может происходить на территории как одной, так и нескольких юрисдикций. Такая неопределенность не позволяет однозначно установить применимое право для рассмотренных правоотношений.

В отечественной литературе, в частности в работе В. А. Канашевского²¹, указывается, что в различных юрисдикциях придерживаются неодинакового подхода к определению права, применимого к лицензионным соглашениям. В одних предлагается использовать право той страны, где результат интеллектуальной деятельности будет использоваться, в других — право лицензиара. При этом отмечается, что всё же в большинстве юрисдикций предпочтение отдается праву лицензиара.

В зарубежной юридической литературе²² указывается, что в странах Европейского Союза для определения права, применимого к лицензионным соглашениям применяется критерий характерного исполнения (ст. 4 Регламента «Рим I»). Лицом, осуществляющим характерное исполнение, признается лицо, передающее исключительное право, то есть лицензиар. В нашем случае это автор программного пакета.

Принимая во внимание тот факт, что распространение программных пакетов связано больше с его автором, чем с пользователем, целесообразным кажется исходить из п. 9 ст. 1211 ГК РФ, согласно которому «если из закона, условий или существа договора либо совокупности обстоятельств дела явно вытекает, что договор более тесно связан с правом иной страны, подлежит применению право страны, с которой договор более тесно связан». Таким образом, в качестве права, применимого к правоотношениям между лицензиаром и лицензиатом, следует использовать право местонахождения

¹⁹ Коркин О. А. Свободные лицензии на программное обеспечение: правовой опыт России и зарубежных государств // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2016. № 12 (28). С. 186–193.

²⁰ Матвеев А. Г. Создание правовых основ так называемых свободных лицензий в Гражданском кодексе Российской Федерации // Вестник Пермского университета. 2014. № 3. С. 125–135.

²¹ Канашевский В. А. Коллизионное регулирование лицензионных договоров в России и зарубежных странах // Журнал российского права. 2013. № 2 (194). С. 93–101.

²² De Miguel Asensio P. A. Applicable Law in the Absence of Choice to Contracts Relating to Intellectual or Industrial Property Rights // Yearbook of Private International Law. 2008. Vol. 10. P. 211.

лицензиара (то есть создателя программного пакета).

Таким образом, при распространении одного из перечисленных ранее программных пакетов машинного обучения права и обязанности сторон, будут регулироваться правом того государства, где находится лицензиар.

Другим интересным моментом является срок действия лицензионного соглашения. Как правило, стороны сами устанавливают срок, в течение которого лицензиат может использовать результат интеллектуальной деятельности. Однако в лицензионных соглашениях, используемых для распространения программных пакетов с открытым исходным кодом, ситуация другая. Ни в одном лицензионном соглашении (из рассмотренных в статье) явно не указывается срок, на который пользователь получает право использовать программный пакет.

В пункте 4 ст. 1235 ГК РФ устанавливается, что «в случае, когда в лицензионном договоре срок его действия не определен, договор считается заключенным на пять лет...». Но, как было выяснено ранее, российское право не всегда подлежит применению, если речь идет о лицензионных соглашениях на право пользования программными пакетами. Большая часть известных программных библиотек была создана за рубежом. Соответственно, лицензиаром будет иностранное лицо и лицензионные соглашения будут регулироваться не российским, а зарубежным правом — правом того государства, где находится лицензиар. Как видим, требование о пятилетнем сроке не применимо.

В целом существование серьезных ограничений по срокам лицензионных соглашений или строгим правилам сублицензий противоречило бы концепции распространения программного обеспечения с открытым исходным кодом. Ведь основная идея мягких правил по передаче права пользования программами ЭВМ заключается в улучшении программных продуктов за счет усилий сообщества разработчиков, а также в их монетизации за счет сторонних процессов, а не непосредственной продажи права пользования конкретным программным продуктом.

Важно отметить, что по всем широко распространенным на практике видам лицензионных

соглашений для открытого исходного кода не предусматриваются какие-либо платежи. То есть передача права пользования программными пакетами машинного обучения (в том числе перечисленными в данной статье) происходит бесплатно.

Другим интересным моментом является использование сразу нескольких программных пакетов в одном проекте. Строго говоря, большие проекты требуют подключения нескольких самостоятельных программных пакетов. Естественно, каждый пакет распространяется под собственной лицензией и эти лицензии могут не совпадать. Например, подключенные библиотеки могут распространяться под лицензиями MIT и BSD. В таком случае правила каждой из лицензий будут применимы к соответствующей части проекта, где использовался данный пакет. Однако здесь могут возникать коллизии. Например, когда два пакета используют лицензионные соглашения, условия которых противоречат друг другу. Впрочем, такая ситуация возможна лишь теоретически. Анализ используемых лицензионных соглашений показал, что явные противоречия отсутствуют (по крайней мере среди лицензионных соглашений, используемых для проектов с открытым исходным кодом).

Многие интересные решения в сфере машинного обучения выпускаются не только большими компаниями, но и отдельными разработчиками. Часто они публикуют код своих программных пакетов на сервисах хостинга IT-проектов (GitHub, GitLab), при этом не указывая вид лицензионного соглашения, по которому происходит распространение программного пакета.

Отсутствие указания на используемое лицензионное соглашение не означает отсутствия охраны прав интеллектуальной собственности. В таком случае в вопросах распространения программного обеспечения необходимо руководствоваться нормами ГК РФ. В частности, статьей 1229 ГК РФ, где указано, что «отсутствие запрета не считается согласием (разрешением)». Распространение программ ЭВМ без согласия правообладателя невозможно, поскольку распространение подразумевает передачу права пользования программой ЭВМ, которая

может осуществляться лишь с согласия правообладателя.

Таким образом, программные пакеты машинного обучения, как правило, являются программами с открытым исходным кодом. Их распространение означает распоряжение исключительными правами на программу ЭВМ через предоставление права использования данной программы. В мировой практике повсеместно применяются несколько ключевых видов лицензионных соглашений для распо-

ряжения исключительными правами, а именно GPL, MIT, BSD, Apache. Все они разрешают коммерческое использование продуктов, но могут налагать дополнительные ограничения на дальнейшее распространение (сублицензии), а также устанавливать требования относительно внесения модификаций в исходный код. При отсутствии указания на используемую лицензию исходный код запрещено использовать или распространять без разрешения правообладателя.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Горбачевская Е. Н., Краснов С. С. История развития нейронных сетей // Вестник ВУиТ. — 2015. — № 1 (23). — С. 52–56
2. Канашевский В. А. Коллизионное регулирование лицензионных договоров в России и зарубежных странах // Журнал российского права. — 2013. — № 2 (194). — С. 93–101.
3. Коркин О. А. Свободные лицензии на программное обеспечение: правовой опыт России и зарубежных государств // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2016. — № 12 (28). — С. 186–193.
4. Матвеев А. Г. Создание правовых основ так называемых свободных лицензий в Гражданском кодексе Российской Федерации // Вестник Пермского университета. — 2014. — № 3. — С. 125–135.

Материал поступил в редакцию 30 марта 2023 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Gorbachevskaya E. N., Krasnov S. S. Istoriya razvitiya neyronnykh setey // Vestnik VUiT. — 2015. — № 1 (23). — S. 52–56
2. Kanashevskiy V. A. Kollizionnoe regulirovanie litsenzionnykh dogovorov v Rossii i zarubezhnykh stranakh // Zhurnal rossiyskogo prava. — 2013. — № 2 (194). — S. 93–101.
3. Korkin O. A. Svobodnye litsenzii na programmnoe obespechenie: pravovoy opyt Rossii i zarubezhnykh gosudarstv // Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA). — 2016. — № 12 (28). — S. 186–193.
4. Matveev A. G. Sozdanie pravovykh osnov tak nazyvaemykh svobodnykh litsenziy v Grazhdanskom kodekse Rossiyskoy Federatsii // Vestnik Permskogo universiteta. — 2014. — № 3. — S. 125–135.

Патентование и внедрение медицинских технологий в России: теоретические и практические аспекты

Аннотация. В статье исследуется правовое регулирование медицинских технологий через призму института патентования изобретений. Проблемные вопросы, затронутые в настоящем исследовании, носят системный характер, в связи с чем аргументируется необходимость предметного анализа дефиниции «медицинская технология» через ее составляющие — медицинские метод и способ — и обосновывается необходимость их закрепления в законодательстве об охране здоровья. Рассматривается понятие медицинских технологий в зарубежных правовых системах и обосновывается отсутствие необходимости заимствования зарубежного опыта. На основе анализа выданных в Российской Федерации патентов на методы и способы лечения сделан вывод о том, что текущее правовое регулирование позволяет патентовать медицинские технологии как сложный объект, при этом внесение соответствующих изменений в Гражданский кодекс РФ позволит устранить разночтения, имеющиеся в правоприменительной практике. Комплексный подход позволил выявить ряд системных причин, препятствующих эффективному внедрению инноваций в практическую медицину; предлагаются пути их устранения.

Ключевые слова: медицинские технологии; способы и методы профилактики диагностики, лечения, реабилитации, абилитации; патентование; патент; внедрение медицинских технологий; клинические рекомендации; коммерциализация медицинских технологий; изобретение; результаты интеллектуальной деятельности; баланс частных и публичных интересов.

Для цитирования: Кравченко Н. В. Патентование и внедрение медицинских технологий в России: теоретические и практические аспекты // Актуальные проблемы российского права. — 2023. — Т. 18. — № 11. — С. 83–96. — DOI: 10.17803/1994-1471.2023.156.11.083-096.

© Кравченко Н. В., 2023

* Кравченко Наталья Владимировна, аспирант, преподаватель кафедры гражданского права Юго-Западного государственного университета
50 лет Октября ул., д. 94, г. Курск, Россия, 305040
kravchenko-nv46@yandex.ru

Patenting and Implementation of Medical Technologies in Russia: Theoretical and Practical Aspects

Natalia V. Kravchenko, Postgraduate Student, Lecturer, Department of Civil Law,
Southwest State University
94, 50 let Oktyabrya St, Kursk 305040, Russian Federation
kravchenko-nv46@yandex.ru

Abstract. The paper examines the legal regulation of medical technologies in the context of patenting inventions. The problematic issues raised in this study are of a systemic nature, in connection with which the need for a substantive analysis of the definition of «medical technology» through its components — medical method and method — is argued and the need for their consolidation in the legislation on health protection is justified. The author elucidates the concept of medical technologies in foreign legal systems and explains the absence of the need to borrow foreign experience. Based on the analysis of patents issued in the Russian Federation for methods and ways of treatment, it is concluded that the current legal regulation allows patenting medical technologies as a complex object, while making appropriate changes to the Civil Code of the Russian Federation will eliminate discrepancies existing in law enforcement practice. An integrated approach has made it possible to identify a number of systemic causes that hinder the effective implementation of innovations in practical medicine; ways to eliminate them are proposed.

Keywords: medical technologies; methods and methods of prevention, diagnosis, treatment, rehabilitation, habilitation; patenting; patent; introduction of medical technologies; clinical recommendations; commercialization of medical technologies; invention; results of intellectual activity; balance of private and public interests.

Cite as: Kravchenko NV. Patenting and Implementation of Medical Technologies in Russia: Theoretical and Practical Aspects. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2023;18(11):83-96. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2023.156.11.083-096

Современные реалии и прогрессивные достижения последних лет в области медицины способствовали тому, что эта сфера деятельности не только стала инвестиционно привлекательной, но и обозначила вектор стратегического развития Российского государства¹. Коммерциализация медицинских инноваций осуществляется через институт патентования, который представляет собой форму правовой охраны результатов интеллектуального труда.

Согласно прогнозам общий доход от медицинских технологий (далее также — МТ) во всем мире в 2024 г. составит почти 600 млрд долл. США².

Патентная активность российских компаний и научных институтов в области медицины и фармакологии по состоянию на сентябрь 2022 г. остается на уровне прошлых лет³, что, с одной стороны, свидетельствует о стабильности научно-исследовательской деятельности в вышеуказанных сфе-

¹ Указ Президента РФ от 06.06.2019 № 254 «О Стратегии развития здравоохранения в Российской Федерации на период до 2025 года» // СЗ РФ. 2019. № 23. Ст. 2927; Единый план по достижению национальных целей развития Российской Федерации на период до 2024 года и на плановый период до 2030 года (утв. распоряжением Правительства РФ от 01.10.2021 № 2765-р) // СПС «КонсультантПлюс»; Паспорт национального проекта «Здравоохранение» (утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 24.12.2018 № 16) // СПС «КонсультантПлюс».

² Общий доход от медицинских технологий по всему миру 2011–2024 // URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.3f0f4063-632f65fd-143b6d95-74722d776562/https/www.statista.com/statistics/325809/worldwide-medical-technology-revenue/ (дата обращения: 28.09.2022).

³ Юрий Зубов: патентная активность в медицине и фармакологии остается стабильной // URL: <https://rospatent.gov.ru/ru/news/ip-eurasia-21092022> (дата обращения: 22.09.2022).

рах, с другой — показывает наличие стагнации, негативно сказывающейся на положении Российской Федерации в мировом рейтинге патентной активности, который является одним из показателей технологического развития страны. В рамках реализации Указа Президента РФ от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» прогнозируется перемещение России в течение шести лет с занимаемого в текущий момент 8-го на 5-е место в мире по количеству патентных заявок на изобретения. В последние годы мировая активность выросла именно в области патентования медицинских технологий⁴, соответственно, определение проблемных вопросов и поиск пути их решения является актуальной цивилистической задачей.

Цель патентования как гражданско-правового института — защита частных интересов авторов, коммерциализация объектов интеллектуальной собственности. Благодаря патенту и императивной охране исключительных прав, патентообладатели имеют возможность не только окупить свои затраты, но и получить доход (после продажи патента, заключения лицензионных договоров, внедрения в производство), размер которого не лимитирован и зависит от востребованности и эффективности изобретения, соответственно, перспективы рыночного потенциала процедуры патентования очевидны.

Вместе с тем на сегодня дефиниции «медицинская технология» и «инновационная медицинская технология» в доктрине не разработаны, в отечественном законодательстве также не раскрыты.

До 2007 г. действовал приказ Минздравсоцразвития РФ от 31.12.2004 № 346 «Об организации выдачи разрешений на применение медицинских технологий», в котором указывалось, что к новым МТ относятся впервые предлагаемые к использованию и усовершенствованные совокупности методов (приемов, способов)

лечения, диагностики, профилактики, реабилитации, средств, с помощью которых данные методы осуществляются, а в некоторых случаях и способ получения средства, применяемого в данной технологии. Данное определение без изменений было закреплено в приказе Минздравсоцразвития РФ от 20.07.2007 № 488 «Об утверждении Административного регламента Федеральной службы по надзору в сфере здравоохранения и социального развития по исполнению государственной функции по выдаче разрешений на применение новых медицинских технологий» (п. 1.3), утратившего силу в 2012 г.

Общее представление о МТ дает ГОСТ Р 56044-2014 «Оценка медицинских технологий. Общие положения», утвержденный приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 11.06.2014 № 568-ст. Он определяет МТ как методы диагностики, лекарственного и нелекарственного лечения, профилактики и реабилитации, системы охраны и укрепления здоровья, использующиеся в здравоохранении.

Сравнительный анализ дефиниций, раскрытых ранее в приказах и действующем ГОСТе, свидетельствует о наличии как общих (методы профилактики, диагностики, лечения, реабилитации), так и различных составляющих МТ элементов (в ГОСТе наличествует более широкий подход, поскольку в МТ включены системы охраны и укрепления здоровья, в приказах МТ детализируется через совокупность методов, приемов, способов, средств (способов их получения), что является более оправданным).

Обратимся к опыту зарубежных стран — членов Евразийского экономического союза. Согласно ст. 1 Закона Республики Беларусь от 18.06.1993 № 2435-XII «О здравоохранении»⁵ МТ — это совокупность взаимосвязанных медицинских услуг, лекарственных средств и медицинских изделий, которые могут быть использованы при оказании медицинской помощи

⁴ Patent applications in Europe reach record level in 2021 // URL: <https://www.epo.org/news-events/news/2022/20220405.html> ; Инновации в сфере здравоохранения — главный драйвер подачи заявок на европейские патенты в 2020 г. // URL: <https://ru.eureporter.co/eu-2/2021/03/16/healthcare-innovation-main-driver-of-european-patent-applications-in-2020/> (дата обращения: 03.12.2022).

⁵ URL: https://kodeksy-by.com/zakon_rb_o_zdravoohranenii/1.htm (дата обращения: 13.11.2022).

(понятие введено в 2020 г.). Отметим узкий подход законодателя, который сводит понятие МТ к медуслугам, лекарственным и медизделиям, что, как представляется, не раскрывает правовую природу МТ. Более того, МТ обусловлена непосредственным использованием при оказании медпомощи, что исключает отнесение к МТ тех технологий, которые еще не внедрены, находятся на стадии клинических испытаний или применяются в рамках клинической апробации.

Статьей 1 Кодекса Республики Казахстан от 07.07.2020 № 360-VI «О здоровье народа и системе здравоохранения»⁶ введено понятие «инновационные медицинские технологии», которые представлены как совокупность методов и средств научной и научно-технической деятельности, внедрение которых в области медицины (биомедицины), фармации и цифровизации здравоохранения является социально значимым и (или) экономически эффективным. В данном случае наблюдается закрепление именно инновационного признака МТ и ее правовой связи с научными разработками, значимость и эффективность которых определяется еще до их внедрения. В Кодексе также зафиксировано понятие «технологии здравоохранения» — как применение знаний и навыков, которые используются для укрепления здоровья, профилактики, диагностики, лечения болезни, реабилитации пациентов и оказания паллиативной медицинской помощи, включая лекарственные препараты, медицинские изделия, процедуры, манипуляции, операции, скрининговые, профилактические программы, информационные системы (п. 93 ст. 1). Дефиниция с небольшими дополнениями реципирована из резолюции Всемирной организации здравоохранения WHA60.29 «Технологии здравоохранения»⁷.

При этом рассматривая соотношение «технологии здравоохранения» и «медицинские технологии», ВОЗ разграничивает их как общее и частное (соответственно), первое поглощает второе. Непосредственно МТ связывается с медицинским вмешательством⁸. Здесь отправной точкой формирования понятия является функциональный подход и регулированию подлежит не объект, а процесс применения, что может быть обусловлено западным подходом к патентованию методов лечения, а именно их нивелирование, отраженное в Европейской патентной конвенции. Более того, разграничение имеет размытые контуры. Например, как указано в публикации, технологии здравоохранения включают вспомогательные технические средства (белые трости), а МТ — средства реабилитационного вмешательства (костыль). Не исследуя в рамках данной статьи содержательное наполнение технологий здравоохранения, отметим, что они сопряжены с административным регулированием медицинской деятельности, как то: цифровизация медицинской отрасли, внутренний контроль качества, модернизация здравоохранения и т.д.

Думается, что МТ представляет собой комплексное понятие. Анализируя трансформацию дефиниции «технология» через ее понимание философами, социологами, экономистами, юристами, А. А. Мохов, А. Л. Хохлов, А. Н. Яворский констатируют, что в современном правовом значении технологии присущи следующие обязательные признаки: «методы, способы, приемы воздействия на объект материального мира, преобразуемую материю, а также решаемые задачи того или иного вида деятельности, в процессе которого технология используется, применяется»⁹. Конкретизируя понятие МТ, А. А. Мохов приходит к выводу, что «МТ вклю-

⁶ URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=34464437 (дата обращения: 13.11.2022).

⁷ URL: https://apps.who.int/gb/ebwha/pdf_files/WHASSA_WHA60-Rec1/R/reso-60-ru.pdf (дата обращения: 13.11.2022).

⁸ Повышение доступности медицинских технологий и инноваций. На стыке здравоохранения, интеллектуальной собственности и торговли // URL: https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/ru/wipo_pub_628.pdf (дата обращения: 15.11.2022).

⁹ Генетические технологии : учеб. пособие / В. Б. Агафонов, Д. Ю. Белоусов, Г. В. Выпханова [и др.] ; отв. ред. А. А. Мохов. М. : Контракт, 2022. С. 38.

чает в себя методы, способы, приемы воздействия на объект (организм человека, его системы, органы, ткани, клетки) для достижения задач конкретного медицинского вмешательства или их совокупности (диагностика, лечение, профилактика, реабилитация и др.)»¹⁰.

МТ имеют свои особенности. Целеполаганием применения МТ является как выявление определенных признаков состояния человека, позволяющих диагностировать болезни или разрабатывать меры профилактики, так и лечение заболеваний, проведение реабилитационных и абилитационных мероприятий. МТ применяются в медицинской деятельности и воздействуют на организм человека, его органы и клетки, ткани напрямую или опосредованно. В любом случае, МТ направлена на стабилизацию/изменение или выявления состояния пациента. Выбор МТ осуществляет медицинский работник, который должен обладать знаниями и практическими навыками. Поиск подходящего метода лечения, диагностики и т.д. (медицинских методов) является важной составляющей практической деятельности врача. Медицинские методы представляют собой алгоритм: анализ действительности (получение данных, их сравнение, соотнесение), постановка цели/результата (диагностика, профилактика и т.д.), поиск способов ее достижения (использование медицинских приборов, применение лекарственных препаратов, биомедицинских клеточных продуктов, медицинских изделий, роботизированной техники и т.д.). Схематично МТ можно представить следующим образом:

— медицинская технология \$ медицинские методы (методы профилактики, диагностики, лечения, реабилитации, абилитации) \$ способы применения лекарственных препаратов, медицинских изделий, биомедицинских клеточных продуктов и т.д.

Законодательно вышеобозначенные составляющие МТ не раскрыты, хотя упоминаются в следующих нормативных правовых актах:

— Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан

дан в Российской Федерации» (ст. 22 — каждый имеет право получить в доступной для него форме... сведения о... методах оказания медицинской помощи...; ст. 34 — высокотехнологичная медицинская помощь... включает в себя применение новых сложных и (или) уникальных методов лечения, а также ресурсоемких методов лечения с научно доказанной эффективностью...);

— Федеральный закон от 13.03.2006 № 38-ФЗ «О рекламе» (ст. 24 — реклама... методов профилактики, диагностики, лечения и медицинской реабилитации, методов народной медицины);

— постановление Правительства РФ от 28.12.2021 № 2505 «О Программе государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи на 2022 г. и на плановый период 2023 и 2024 годов» (Перечень видов высокотехнологичной медицинской помощи, содержащий в том числе методы лечения...).

Отсутствие законодательно закрепленных конкретизированных правовых категорий позволяет широко трактовать вышеобозначенные понятия, порождает неясность их правоприменения.

Обратимся к этимологии и проведем семантический анализ слов «метод» и «способ», поскольку именно через их взаимоотношенность определяется дефиниция МТ. Метод происходит от греческого μέθοδος и буквально переводится как «путь к чему-либо, способ достижения цели, определенным образом упорядоченная деятельность». Состоит из двух частей: μέτα- и óδος. Первая приставка переводится как «с, вместе с», вторая имеет несколько значений: 1) путь, дорога, улица (в буквальном смысле); 2) русло, течение, направление; 3) путь, движение (в абстрактном смысле); 4) путь, способ, средство (в переносном значении); например, сделать что-то определенным путем, надлежащим способом. Μέθοδος в смысловом значении для древних греков — это что-то вроде входа, разыскания, хода по пути, подхода¹¹.

¹⁰ Мохов А. А. Стратегически значимые медицинские технологии // Государство и право. 2020. № 11. С. 108.

¹¹ Классический философский дискурс: форма слова и этимология. Часть 5: греч. μέθοδος и πρόοδος // URL: <https://sergey-borod.livejournal.com/4902.html> (дата обращения: 20.11.2022).

В различных словарях метод трактуется по-разному, однако можно выделить общее положение о том, что он представляет собой совокупность операций практического/теоретического освоения действительности, направленных на решение конкретной задачи. Здесь явно прослеживается исследовательское начало.

В медицине объектом исследования для медицинского работника является физическое/психическое состояние пациента, которое он оценивает с профессиональной точки зрения для принятия решения относительно выбора алгоритма действий по профилактике, диагностике, лечению, реабилитации, абилитации с целью подтверждения наличия/отсутствия того или иного заболевания, улучшения или стабилизации выявленного состояния здоровья, излечения, реабилитации больного. Выбирая метод лечения, диагностики и т.д., врач с помощью общенаучных методов (анализ, синтез, обобщение, индукция и т.д.) анализирует имеющиеся клинические/физиологические данные (анамнез пациента) и определяет наилучшие применительно к конкретному человеку способы воздействия на его организм (органы, ткани, клетки, психическое состояние).

Таким образом, можно сформулировать следующее понятие: медицинский метод представляет собой совокупность приемов, используемых медицинскими работниками в профессиональной деятельности по определению физического/психического состояния человека и обоснованного выбора способов воздействия на организм человека (органы, ткани, клетки, психическое состояние).

Словарь С. И. Ожегова определяет способ через «действие или систему действий, применяемых при исполнении какой-нибудь работы, при осуществлении чего-нибудь»¹². К таковым можем отнести действия, направленные на изготовление конкретного предмета, а также процессы, направленные на изменение его определенных свойств. Согласно этимологическому словарю русского языка М. Р. Фасмера слово «способ» производно от укр. спосіб, чеш.

zpusob, слвц. sposob, польск. sposob. Переводится как «помощь»¹³. Таким образом, способ представляет собой реальные действия, помогающие осуществить поставленную цель.

Применительно к медицинской деятельности можно говорить о способе в контексте совершения определенных действий, влияющих на физическое/психическое состояние человека, включая использование медицинских изделий, приборов, приспособлений, лекарственных средств и др. То есть действия не направлены на теоретическое обобщение, прослеживается эмпирическое начало.

Аккумулируем вышеизложенное: медицинские методы первичны и могут быть реализованы определенным способом решения конкретной задачи медицинского характера, если в комплексе мероприятий по диагностике, оказанию медицинской помощи и т.д. необходимо применение медицинских изделий, лекарственных средств, психологических приемов и т.п. Например, врачи-хирурги используют хирургические методы лечения, которые, в свою очередь, включают несколько способов. Хирургическое лечение рака легкого может быть выполнено как открытым способом (торакомическим) путем разрезов (бокового, или переднебокового, или заднебокового), так и закрытым (торакоскопическим, с помощью эндовидеотехники). Выбор тактики воздействия осуществляет врач с учетом физиологических особенностей пациента, тяжести заболевания.

При этом пункт 21 ст. 1 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» о взаимосвязи качества медицинской помощи и правильности выбора метода детерминирует постулат о том, что медицинские методы должны быть научно обоснованными, взвешенными, подтвержденными клинической практикой.

Вышеизложенное исследование позволяет нам сделать вывод, что МТ — это основанная на научных знаниях и подтвержденная исследованиями совокупность медицинских методов, определяющих способы использования меди-

¹² URL: <https://slovarozhegova.ru/> (дата обращения: 20.11.2022).

¹³ URL: <https://lexicography.online/etymology/vasmer/> (дата обращения: 20.11.2022).

цинских изделий, лекарственных препаратов, технических средств и иных приемов воздействия на организм человека, его клетки, органы и ткани в профилактических, диагностических, лечебных, реабилитационных, абилитационных целях.

Через призму ст. 1350 ГК РФ рассмотрим возможность патентования МТ как изобретения, которое может быть представлено в виде технического решения, относящегося к продукту (устройству, веществу) или способу (процессу осуществления действия над материальным объектом), к применению продукта или способа по определенному назначению. Буквальное толкование нормы кодекса позволяет определить, что краеугольным камнем дефиниции изобретения является «техническое решение, относящееся к...», которое в ГК РФ не раскрыто.

Существует несколько различных трактовок этого понятия:

- это устройство, изделие, являющееся конструктивным элементом или совокупностью таковых, находящихся в функционально-конструктивном единстве;
- это способ, процесс выполнения взаимосвязанных действий с материальным объектом и с помощью материальных объектов;
- это вещество, материал, искусственно созданное образование, являющееся совокупностью связанных элементов, ингредиентов;
- это определение пути решения той или иной технической задачи, находящееся в строгих рамках и требованиях¹⁴.

Пункт 42 Требований к документам заявки на выдачу патента на изобретение¹⁵ раскрывает сущность изобретения как технического решения через совокупность существенных признаков, достаточную для решения указанной заявителем технической проблемы и получения обеспечиваемого изобретением технического результата.

Таким образом, техническое решение — это раскрытие технической идеи через практически осуществимый технический результат. К последнему Требования к документам заявки на выдачу патента на изобретение относят явление, свойство, а также технический эффект, являющийся следствием явления, свойства, объективно проявляющиеся при осуществлении способа или при изготовлении либо использовании продукта, в том числе при использовании продукта, полученного непосредственно способом, воплощающим изобретение, и характеризующиеся физическими, химическими или биологическими параметрами.

Техническое решение в отношении МТ должно быть выражено в методах профилактики, лечения и т.д. и способах применения медицинских изделий, лекарственных, технических средств и др., взаимообусловленное использование которых оказывает научно обоснованное влияние на состояние организма человека.

Вместе с тем изучение одобренных Роспатентом заявок свидетельствует, что большинство патентов выдается на медицинские изделия, лекарственные средства, способы их применения. Информационный поиск выданных патентов подтверждает, что МТ как таковые не патентуются, что предопределяет необходимость исследования проблематики в этой сфере.

На первый взгляд, по консолидации в своем составе нескольких объектов интеллектуальной деятельности (например, это может быть база данных, используемая в медицинском методе с целью проведения сравнительного анализа клинической ситуации и соотнесения исследуемого случая к тому или иному заболеванию; способ использования медицинского оборудования) МТ сходна с единой технологией, положения о которой изъяты из ч. IV ГК РФ с 1 января 2022 г. по причине отсутствия самостоятельного объекта регулирования¹⁶. Однако в отличие от

¹⁴ Эйсмонт Н. Г. Даньшина В. В., Бирюков С. В. Основы принятия технических решений : учеб. пособие. Омск : Изд-во ОмГТУ, 2021. С. 6–7.

¹⁵ Приложение № 2 к приказу Минэкономразвития России от 21.02.2023 № 107 «О государственной регистрации изобретений» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru. 18.04.2023. № 0001202304180010.

¹⁶ Мерещаков В. А. Отдельные результаты или единая технология? // Патенты и лицензии. 2012. № 4. С. 7–19.

единой технологии, представляющей собой сочетание как подлежащих, так и не подлежащих правовой охране различных результатов интеллектуальной деятельности, МТ имеет конкретную формулу «метод + способ» и образует единое техническое решение. Важно отметить, что правовая конструкция МТ отвечает реалиям развития медицинской отрасли и тенденциям эволюции государства. Ориентиры и приоритеты инновационного развития нашей страны на ближайшее время определены¹⁷ и соотносятся с переходом к персонализированной медицине, высокотехнологичному здравоохранению.

Можно считать, что МТ является сложным объектом, однако в правовые рамки ст. 1240 ГК РФ, определяющей это понятие и содержащей поименованный перечень охраняемых результатов интеллектуальной деятельности, МТ не вписывается. Соответственно, полагаем целесообразным расширить этот перечень. Медицинской технологии как сложному объекту правовая охрана единым патентом может быть предоставлена, если в силу ст. 1375 ГК РФ она образует единый изобретательский замысел.

С учетом изложенного рассмотрим наличие в гражданском законодательстве правовых предпосылок для патентования МТ как единого объекта. Для этого проанализируем фактическое состояние патентования и на конкретных примерах проиллюстрируем, что при отсутствии легального регулирования в действительности МТ патентуются.

1. Патент RU 2 438 717 C2 выдан на *метод лечения* резус-сенсibilизации и профилактики гемолитической болезни плода с использованием плазмафереза и иммуноглобулинотерапии. Формула изобретения, определяющая объем патентуемого технического решения, сформулирована как *способ лечения* резус-сенсibilизации и профилактики развития гемолитической болезни плода, что в нашем понимании связано исключительно с положениями ст. 1350 ГК РФ. Анализируя вышеуказанное запатентованное

изобретение, его описание, предусмотренные основания для применения, последовательность медицинских процедур, способы использования лекарственного препарата и медицинского оборудования, а также ожидаемый эффект, можно определить, что речь идет о запатентованной МТ. Мы можем выделить терапевтический метод — «определяют титр резус-антител и при показаниях выше 1:32 проводят курс лечебного плазмафереза (от 3 до 5 сеансов) с удалением плазмы (вариабельность объема 10–30 %)». Способ по смыслу ст. 1350 ГК РФ определен как процесс осуществления действий над материальным объектом с помощью материальных средств. В указанном случае использован комплекс способов, а именно: внутривенное введение физиологического раствора, произведение эксфузии крови, центрифугирование крови, удаление плазмы с помощью плазмозекстрактора, введение гипертонического раствора альбумина и т.д.

2. Патент RU 2 555 392 C2 на способ лечения острых и хронических ран. Запатентованное изобретение также содержит все элементы МТ. Метод — определение резистентности капиллярной стенки на пораженном участке, исходя из которой врач корректирует длительность процедуры. Непосредственно способы в данной МТ — наложение вакуумной повязки, введение антисептика.

3. Патент RU 2020 117 159 A на метод низкотемпературного лечения. Метод — определение лечебной смеси, индивидуальной реакции организма. Способ — воздействие потоком низкотемпературно-конденсированных лечебных газов, переменное сочетание которых позволяет обеспечить реализацию лечения обширного круга заболеваний.

Статья 1350 ГК РФ определяет следующие вариации объектов интеллектуальной собственности как изобретения: изобретение — продукт, изобретение — способ, изобретение на применение¹⁸ (как расширение такого вида объекта,

¹⁷ Указ Президента РФ от 01.12.2016 № 642 (ред. от 15.03.2021) «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁸ Гаврилов Э. П. Об изобретениях на применение // Патенты и лицензии. Интеллектуальные права. 2012. № 12. С. 10а–16.

как способ¹⁹), соответственно, патентоведы или авторы изобретений формулу изобретения подгоняют под клише указанной статьи. Поэтому мы наблюдаем разночтения между названием патента и формулой изобретения. Например, патент RU 2 583 249 C2 выдан на метод открытой редукционной ринопластики. Формула изобретения: «Способ открытой редукционной ринопластики, заключающийся в выполнении W-образного разреза кожи колумеллы с...». Патент RU 2 186 525 C2 — на метод рентгенодиагностики стриктур толстой кишки, в формуле также записан способ.

Для практического применения это создает определенные сложности, поскольку, как уже было определено выше, способ и метод в медицине отличны друг от друга. Разграничив их и введя эти понятия в Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (далее — Федеральный закон об охране здоровья), мы получим полноценную правовую конструкцию, определяющую субъективную (метод) и объективную (способ) стороны применения МТ. Их реализация может влиять на квалификацию правильности действий медицинского работника, например, в ситуации, когда метод выбран правильно, а способ осуществлен с нарушением.

Проблемы патентования составных частей МТ, таких как метод и способ, до сих пор носят дискуссионный характер²⁰. Например, в западных странах применяется противоположный

(запретительный) подход. Вместе с тем, анализируя европейское регулирование патентования терапевтических, диагностических и хирургических методов с позиции ст. 53 (п. «с») Европейской патентной конвенции, Б. Мэндик приходит к выводу: если можно получить патент, например, на изготовление лекарства или аппарата для гемодиализа, то отказ в патентовании методов их использования является не вполне оправданным, так как в случае применения тех же медицинских изделий в косметических целях метод становится патентоспособным²¹. В связи с этим говорить об имплементации европейского права представляется нецелесообразным.

Патентование отдельно медицинских методов и способов как таковых отечественным законодательством не запрещается, однако ряд исследователей говорят о том, что один из проблемных вопросов капитализации патентов сопряжен с отсутствием адекватного правового механизма защиты, что в итоге и предопределяет зонтичное или фрагментарное патентование²².

Как отмечает Г. М. Зарубинский, патент на способ диагностики, способ лечения с использованием лекарственных средств обладает меньшей юридической силой, поскольку на практике появляются трудности с выявлением нарушений прав патентообладателя. В этом случае они могут выступать как ноу-хау, дополняющие запатентованное вещество²³. К такому же выводу в отношении медицинских изделий приходят Ж. И. Аладышева, А. В. Латынцев²⁴.

¹⁹ Елапов А. А., Переверзев А. П., Бунятян Н. Д., Борисевич И. В. Изменения в правовой охране изобретений в Российской Федерации // Ведомости Научного центра экспертизы средств медицинского применения. 2015. № 2. С. 49–53.

²⁰ См.: Богданов Д. Е. Патентоспособность решений в сфере биопринтных технологий: сравнительно-правовой аспект // Lex russica. 2022. Т. 75. № 2. С. 77–89; Ворожевич А. С. Патентование способов лечения и диагностики: опыт зарубежных стран, выбор России // Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. 2020. № 6. С. 34–42.

²¹ Мэндик Б. Может ли врач быть изобретателем? Исследование, касающееся вопросов патентования хирургических, терапевтических и диагностических методов, с точки зрения юристов // Актуальные проблемы российского права. 2012. № 1 (22). С. 165.

²² Соколов Д. Ю. Современные патентные технологии // Инновации. 2012. № 9 (167). С. 97–98.

²³ Зарубинский Г. М. Некоторые вопросы правовой охраны лекарственных средств в РФ (ч. I) // Ремедиум. 2006. № 2. С. 29–30.

²⁴ Аладышева Ж. И., Латынцев А. В. Особенности защиты интеллектуальной собственности // Ремедиум. 2015. № 4. С. 70.

Разделение статьей 1350 ГК РФ объектов патентования союзом «или» порождает их самостоятельность, что, в свою очередь, предопределяет стратегию патентования изобретений. В действительности мы наблюдаем следующее: автор изобретения патентует объект, затем способ применения (двойное патентование). Помимо последовательного патентования продукта — способа, через некоторое время законодательство позволяет запатентовать применение продукта и способа по новому назначению.

В качестве примера можно привести процесс патентования робот-ассистированной хирургической системы *da Vinci*, который по состоянию на 2018 г. охватывается 71 патентом США на само устройство, его детали, способы выполнения операций²⁵. Это, в свою очередь, увеличивает срок патентной монополии, что, по мнению Э. П. Гаврилова, является несправедливым²⁶.

Следует согласиться с выводами Е. А. Морозова, Ю. В. Вилкова о том, что «идеология развития рынка интеллектуальной собственности должна получать развитие через создание необходимого инструментария, формирование доступной среды обмена интеллектуальной собственностью, а также посредством формирования системы жесткого контроля незаконного использования объектов интеллектуальной собственности»²⁷.

В силу п. 3 ст. 1358 ГК РФ изобретение признается использованным в продукте или способе, если продукт содержит, а в способе использован каждый признак изобретения, приведенный в независимом пункте содержащейся в патенте формулы изобретения, либо признак, эквивалентный ему и ставший известным в качестве такового в данной области техники до даты приоритета изобретения.

Патентование МТ в целом позволит включить в формулу изобретения одновременно медицинский метод и способ, не будет порождать процесс поэтапного и, как следствие, фрагмен-

тарного патентования. Кроме этого, взаимообусловленность ее применения устранил продление патентной защиты изобретений, что, собственно говоря, будет отвечать социальным интересам государства, обеспечит баланс частных и публичных интересов, нивелирует необоснованные преимущества патентообладателей.

Использованные в медицинской деятельности методы и способы зафиксированы в медицинских документах (медкартах, добровольных согласиях пациента), соответственно, представляется возможным доказать нарушения исключительных прав. С учетом темпов развития цифрового здравоохранения и взаимодействия различных его систем создание инструментария, направленного на гармонизацию механизмов защиты результатов интеллектуальной деятельности в виде МТ, является реальным.

Проблемы коммерциализации МТ видятся больше не в формате патентования изобретений, их защиты, а в отсутствии внедрения новшеств.

Так, в силу п. 2.1 ч. 1 ст. 79 Федерального закона об охране здоровья с 1 января 2022 г. запущен процесс поэтапного перехода на оказание медицинской помощи согласно клиническим рекомендациям, которые разрабатываются по каждому заболеванию/состоянию или группе заболеваний/состояний медицинскими некоммерческими организациями. Согласно п. 3 ГОСТа Р 56034-2014 «Клинические рекомендации (протоколы лечения)» протокол представляет собой документ, разрабатываемый для оптимизации медицинской помощи, с целью поддержки принятия решений в определенных клинических ситуациях. Соответственно, исследовательское начало практической деятельности врача будет ограничиваться рамками обязательных рекомендаций, в которых уже присутствует вариативность необходимых медицинских вмешательств и описаны последовательности действий медицинского работника.

²⁵ Эриванцева Т. Н. Патентование разработок в области нейрохирургии: реальность и перспективы // Хирургия позвоночника. 2019. Т. 16. № 1. С. 91.

²⁶ Гаврилов Э. П. Указ. соч. С. 16.

²⁷ Морозов Е. А., Вилков Ю. В. Вопросы коммерциализации интеллектуальной собственности в космической отрасли // Космические аппараты и технологии. 2017. № 2 (20). С. 88–92.

Федеральный закон об охране здоровья (ст. 76) предусматривает возможность пересмотра клинических рекомендаций с учетом результатов клинической апробации, в рамках которой осуществляется практическое применение разработанных и ранее не применявшихся методов профилактики, диагностики, лечения и реабилитации при оказании медицинской помощи для подтверждения доказательств их эффективности (п. 2 Положения об организации клинической апробации методов профилактики, диагностики, лечения и реабилитации и оказания медицинской помощи в рамках клинической апробации методов профилактики, диагностики, лечения и реабилитации (в том числе порядка направления пациентов для оказания такой медицинской помощи), типовой формы протокола клинической апробации методов профилактики, диагностики, лечения и реабилитации, утв. приказом Минздрава России от 02.02.2022 № 46н). Фактически в настоящее время это единственный механизм внедрения инновационных медицинских методов и способов в практическое здравоохранение. Вместе с тем в научной среде отмечается недостаточная правовая урегулированность правоотношений в рамках клинической апробации²⁸, а соотношение количества размещенных на официальном сайте Минздрава России и выданных патентов в области медицины свидетельствует о том, что этот процесс носит длительный характер. Представляется, что способствовать изменению ситуации по внедрению сможет федеральный проект «Развитие сети национальных медицинских исследовательских центров и внедрение инновационных медицинских технологий», согласно которому в России сформирована сеть из 27 национальных медицинских исследовательских центров²⁹, но для значимых результатов нужно время.

Кроме этого, отсутствие в приказе Минздрава России от 28.02.2019 № 103н «Об утвержде-

нии порядка и сроков разработки клинических рекомендаций, их пересмотра, типовой формы клинических рекомендаций и требований к их структуре, составу и научной обоснованности включаемой в клинические рекомендации информации» законодательно урегулированной процедуры исследования запатентованных МТ препятствует развитию достижений в области медицины. Например, с 1 января 2022 г. применяются клинические рекомендации «Острый панкреатит» (постановление Правительства РФ от 17.11.2021 № 1968), в п. 2.4 которых детально расписан порядок и основания проведения инструментальных диагностических исследований. При неясности диагноза и дифференциальной диагностике с другими заболеваниями при отсутствии эффекта от консервативного лечения рекомендуется выполнение компьютерной томографии или магнитно-резонансной томографии органов брюшной полости. В 2018 г. Саратовский государственный медицинский университет имени В.И. Разумовского Министерства здравоохранения РФ зарегистрировал патент RU 2 649 528 С1 на метод ультразвуковой оценки динамики течения острого панкреатита, который является более дешевым и позволяет проводить диагностические исследования пациентам, находящимся в отделении реанимации.

На наш взгляд, отсутствие в приказе Минздрава России соответствующих ориентиров и согласований предопределяет заведомое ограничение возможности исследования и применения запатентованных инновационных решений, снижает эффективность внедрения патентованных медицинских методов, способов, что, в свою очередь, предопределяет нежелание изобретателей патентовать свои изобретения.

Представляется, что необходимо законодательное закрепление механизма внедрения инновационных разработок, основанное на координированных действиях Роспатента и Минздрава РФ. Кроме этого, клинические

²⁸ Мохов А. А., Долгушина Н. В. Правовые проблемы внедрения инноваций в медицинскую практику в порядке клинической апробации // Трансформация моделей правового регулирования объектов инновационной инфраструктуры в современном праве: российский и зарубежный опыт : монография. М. : Проспект, 2021. С. 156–168.

²⁹ URL: <https://minzdrav.gov.ru/poleznye-resursy/natsproektzdravoohranenie/nmits> (дата обращения: 24.12.2022).

рекомендации являются отправной точкой в решении вопроса качества оказанной медицинской помощи, соответственно, их применение обязательно для медицинских учреждений как государственного, так и частного сектора. Такое рамочное клише для медработников всех сфер нивелирует инициативный подход, возможность выбора. Иными словами, получение патента не гарантирует внедрения изобретений в практическую медицину, так как для этого необходимо включение в рекомендации.

Положительное решение этого вопроса, на первый взгляд, может повлечь за собой другой. Включение в состав клинических рекомендаций инновационных МТ, которые защищены патентом, в силу ГК РФ предполагает выплату компенсационных выплат патентообладателям. В этой связи интересным представляется подход А. А. Карцхия к распространению новых технологий. Автор предполагает отказ (процессуальное приостановление действия) применения исключительного права патентообладателя при необходимости широкого использования и внедрения ключевых патентованных решений в общественно значимых областях. То есть речь идет о предоставлении процессуального иммунитета от нарушения патентных прав. В этих

случаях ученый предлагает расширить права специализированных организаций по стандартизации по решению вопроса о передаче права распоряжения патентом на критически важные технологии³⁰.

То есть, не ограничивая круг патентоспособных объектов, можно ввести ограничения на использование и охрану некоторых запатентованных технологий — в виде механизма принудительного лицензирования, установления случаев легального несанкционированного использования разработок³¹.

Проведенное исследование лишь подтверждает, что индустрия МТ, приобретающая как вектор инновационного развития всё большую финансовую привлекательность, нуждается в дополнительной правовой проработке. Проблемные вопросы, поднятые в статье, носят системный характер, их решение возможно только посредством создания целостной системы правового регулирования МТ. Предложенные изменения будут способствовать совершенствованию понятийного аппарата, внедрению в практическую медицину инноваций, основанных на последних научных достижениях, а также соблюдению баланса интересов изобретателей, потребителей, государства и общества.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Аладышева Ж. И., Латынцев А. В. Особенности защиты интеллектуальной собственности // Ремедиум. — 2015. — № 4. — С. 65–70.
2. Богданов Д. Е. Патентоспособность решений в сфере биопринтных технологий: сравнительно-правовой аспект // Lex russica. — 2022. — Т. 75. — № 2. — С. 77–89.
3. Ворожевич А. С. Патентование способов лечения и диагностики: опыт зарубежных стран, выбор России // Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. — 2020. — № 6. — С. 34–42.
4. Гаврилов Э. П. Об изобретениях на применение // Патенты и лицензии. Интеллектуальные права. — 2012. — № 12. — С. 10а–16.

³⁰ Карцхия А. А. Исключительное право стимул или препятствие для инноваций? // Мониторинг правоприменения. 2014. № 1 (10). С. 38.

³¹ Кварцхава Р. Б., Афанасьева Е. Г. 2009.03.037. Ирвин Д. Р. Потерянный рай в патентном праве? Изменение взглядов на патентоспособность технологий. Irvin D. R. Paradise lost in the patent law? Changing visions of the technology in the subject matter inquiry // University of Florida Law Rev. Gainesville, 2008. Vol. 60, No. 4. P. 775–825. Mode of access: http://www.floridalawreview.org/sept08/irwin_a2.pdf // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 4, Государство и право. 2009. № 3. С. 111–114.

5. Генетические технологии : учеб. пособие / В. Б. Агафонов, Д. Ю. Белоусов, Г. В. Выпханова [и др.] ; отв. ред. А. А. Мохов. — М. : Контракт, 2022. — 184 с.
6. Елапов А. А., Переверзев А. П., Бунятян Н. Д., Борисевич И. В. Изменения в правовой охране изобретений в Российской Федерации // Ведомости Научного центра экспертизы средств медицинского применения. — 2015. — № 2. — С. 49–53.
7. Зарубинский Г. М. Некоторые вопросы правовой охраны лекарственных средств в РФ (ч. I) // Ремедиум. — 2006. — № 2. — С. 29–32.
8. Карцхия А. А. Исключительное право стимул или препятствие для инноваций? // Мониторинг правоприменения. — 2014. — № 1 (10). — С. 37–43.
9. Кварцхава Р. Б., Афанасьева Е. Г. 2009.03.037. Ирвин Д. Р. Потерянный рай в патентном праве? Изменение взглядов на патентоспособность технологий. Irvin D. R. Paradise lost in the patent law? Changing visions of the technology in the subject matter inquiry // University of Florida Law Rev. Gainsville, 2008. Vol. 60, No. 4. P. 775–825. Mode of access: http://www.floridalawreview.org/sept08/irwin_a2.pdf // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 4, Государство и право. — 2009. — № 3. — С. 111–114.
10. Мерещаков В. А. Отдельные результаты или единая технология? // Патенты и лицензии. — 2012. — № 4. — С. 7–19.
11. Мохов А. А., Долгушина Н. В. Правовые проблемы внедрения инноваций в медицинскую практику в порядке клинической апробации // Трансформация моделей правового регулирования объектов инновационной инфраструктуры в современном праве: российский и зарубежный опыт : монография. — М. : Проспект, 2021. — С. 156–168.
12. Мохов А. А. Стратегически значимые медицинские технологии // Государство и право. — 2020. — № 11. — С. 106–114.
13. Мэндик Б. Может ли врач быть изобретателем? Исследование, касающееся вопросов патентования хирургических, терапевтических и диагностических методов, с точки зрения юристов // Актуальные проблемы российского права. — 2012. — № 1 (22). — С. 158–174.
14. Эйсмонт Н. Г., Даньшина В. В., Бирюков С. В. Основы принятия технических решений : учеб. пособие. — Омск : Изд-во ОмГТУ, 2021. — 114 с.
15. Эриванцева Т. Н. Патентование разработок в области нейрохирургии: реальность и перспективы // Хирургия позвоночника. — 2019. — Т. 16. — № 1. — С. 88–93.

Материал поступил в редакцию 3 апреля 2023 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Aladysheva Zh. I., Latyntsev A. V. Osobennosti zashchity intellektualnoy sobstvennosti // Remedium. — 2015. — № 4. — С. 65–70.
2. Bogdanov D. E. Patentosposobnost resheniy v sfere bioprintnykh tekhnologiy: sravnitel'no-pravovoy aspekt // Lex russica. — 2022. — Т. 75. — № 2. — С. 77–89.
3. Vorozhevich A. S. Patentovanie sposobov lecheniya i diagnostiki: opyt zarubezhnykh stran, vybor Rossii // Intellektualnaya sobstvennost. Promyshlennaya sobstvennost. — 2020. — № 6. — С. 34–42.
4. Gavrilov E. P. Ob izobreteniyakh na primenenie // Patenty i litsenzii. Intellektualnye prava. — 2012. — № 12. — С. 10а–16.
5. Geneticheskie tekhnologii: ucheb. posobie / V. B. Agafonov, D. Yu. Belousov, G. V. Vypkhanova [i dr.]; otv. red. A. A. Mokhov. — M.: Kontrakt, 2022. — 184 s.

6. Elapov A. A., Pereverzev A. P., Bunyatyan N. D., Borisevich I. V. *Izmeneniya v pravovoy okhrane izobreteniy v Rossiyskoy Federatsii* // *Vedomosti Nauchnogo tsentra ekspertizy sredstv meditsinskogo primeneniya*. — 2015. — № 2. — S. 49–53.
7. Zarubinskiy G. M. *Nekotorye voprosy pravovoy okhrany lekarstvennykh sredstv v RF (ch. I)* // *Remedium*. — 2006. — № 2. — S. 29–32.
8. Kartskhiya A. A. *Isklyuchitelnoe pravo stimul ili prepyatstvie dlya innovatsiy?* // *Monitoring pravoprimeneniya*. — 2014. — № 1 (10). — S. 37–43.
9. Kvartskhava R. B., Afanaseva E. G. 2009.03.037. Irvin D. R. *poteryanny ray v patentnom prave? Izmenenie vzglyadov na patentosposobnost tekhnologiy*. Irvin D. R. *Paradise lost in the patent law? Changing visions of the technology in the subject matter inquiry* // *University of Florida Law Rev. Gainsvill*, 2008. Vol. 60, No. 4. P. 775–825. Mode of access: http://www.floridalawreview.org/sept08/irwin_a2.pdf // *Sotsialnye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 4, Gosudarstvo i pravo*. — 2009. — № 3. — S. 111–114.
10. Mereshchakov V. A. *Otdelnye rezultaty ili edinaya tekhnologiya?* // *Patenty i litsenzii*. — 2012. — № 4. — S. 7–19.
11. Mokhov A. A., Dolgushina N. V. *Pravovye problemy vnedreniya innovatsiy v meditsinskuyu praktiku v poryadke klinicheskoy aprobatsii* // *Transformatsiya modeley pravovogo regulirovaniya obektov innovatsionnoy infrastruktury v sovremennom prave: rossiyskiy i zarubezhnyy opyt: monografiya*. — M.: Prospekt, 2021. — S. 156–168.
12. Mokhov A. A. *Strategicheski znachimye meditsinskie tekhnologii* // *Gosudarstvo i pravo*. — 2020. — № 11. — S. 106–114.
13. Mendyk B. *Mozhet li vrach byt izobretatelem? Issledovanie, kasayushcheesya voprosov patentovaniya khirurgicheskikh, terapevticheskikh i diagnosticheskikh metodov, s tochki zreniya yuristov* // *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. — 2012. — № 1 (22). — S. 158–174.
14. Eysmont N. G., Danshina V. V., Biryukov S. V. *Osnovy prinyatiya tekhnicheskikh resheniy: ucheb. posobie*. — Omsk: Izd-vo OmGTU, 2021. — 114 s.
15. Erivantseva T. N. *Patentovanie razrabotok v oblasti neyrokhirurgii: realnost i perspektivy* // *Khirurgiya pozvonochnika*. — 2019. — T. 16. — № 1. — S. 88–93.

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ И КОРПОРАТИВНОЕ ПРАВО

DOI: 10.17803/1994-1471.2023.156.11.097-110

В. Г. Истомин*

Конкуренция как явление общественной жизни, объект правового обеспечения и защиты

Аннотация. Конкуренция представляет собой разноплановое явление и существует в различных сферах общественной жизни. В процессе исследования данного явления автор приходит к выводу, что конкуренция характеризуется экономическим, социальным и правовым содержанием. Ее экономическое содержание состоит в деятельности хозяйствующих субъектов, соответствующей определенным рыночным законам, обусловленной сложившейся структурой рынка и направленной на достижение наилучших для них результатов. Социальное содержание конкуренции заключается в объективном стремлении каждого индивида добиться значимых преимуществ, получить более комфортные условия жизнедеятельности. Юридическое содержание конкуренции определяется сформировавшимися в обществе и получившими нормативное закрепление представлениями о возможности, допустимости либо, наоборот, недопустимости, запрещенности тех или иных форм и видов рыночного поведения для хозяйствующих субъектов. Исходя из конституционно закрепленного положения о необходимости поддержки конкуренции, а также принимая во внимание, что эффективная рыночная конкуренция возможна лишь при создании благоприятных условий для нее, четком определении правовых форм реализации конкурентных действий, автор высказывает мысль, что в предмет конкурентного права как системы норм должны входить не только отношения по защите конкуренции, но и регулятивные отношения по обеспечению процесса конкуренции, поскольку предназначением защиты является восстановление существовавшего ранее нормального состояния определенных отношений. В связи с этим в рамках конкурентного права целесообразно вести речь о самостоятельном институте обеспечения и развития конкуренции. Данный институт должен включать в себя как общие положения, направленные на поддержку конкуренции, так и положения, касающиеся особенностей обеспечения и развития конкуренции в отдельных сферах экономики. С учетом того, что в современном российском конкурентном праве существует необходимость совершенствования частноправовых механизмов защиты конкуренции, в работе предлагаются конкретные меры, направленные на развитие частного правоприменения.

Ключевые слова: биологическая и социальная конкуренция; содержание конкуренции; теории конкуренции; добросовестность; справедливость; баланс прав и законных интересов; правовой институт; обеспечение и развитие конкуренции; защита конкуренции; частное правоприменение.

Для цитирования: Истомин В. Г. Конкуренция как явление общественной жизни, объект правового обеспечения и защиты // Актуальные проблемы российского права. — 2023. — Т. 18. — № 11. — С. 97–110. — DOI: 10.17803/1994-1471.2023.156.11.097-110.

© Истомин В. Г., 2023

* Истомин Валерий Геннадиевич, кандидат юридических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела права Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук
ул. 8 Марта, д. 66, г. Екатеринбург, Россия, 620990
ValeryVS@rambler.ru

Competition as a Phenomenon of Public Life, an Object of Legal Support and Protection

Valeriy G. Istomin, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Senior Researcher, Department of Law,
Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
66, 8 Marta St, Yekaterinburg, Russia, 620990
ValeryVS@rambler.ru

Abstract. Competition is a diverse phenomenon and it exists in various spheres of public life. In the process of studying this phenomenon, the author comes to the conclusion that competition is characterized by economic, social and legal content. Its economic content includes the activities of economic entities that comply with certain market laws determined by the current structure of the market and aimed at achieving the best results for them. The social element of competition lies in the objective desire of each individual to achieve significant advantages, to get more comfortable living conditions. The legal element of competition is determined by the ideas that have been formed in society and have received regulatory consolidation about the possibility, permissibility or, conversely, inadmissibility, prohibition of certain forms and types of market behavior for economic entities. Proceeding from the constitutional provision on the need to support competition, and also taking into account that effective market competition is possible only with the creation of favorable conditions for it, a clear definition of the legal forms of implementation of competitive actions, the author suggests that the subject of competition law as a system of norms should include not only relations for the protection of competition, but also relations ensuring the competition process, since the purpose of protection is to restore the previously existing normal state of certain relations. In this regard, within the framework of competition law, it is advisable to talk about an independent institution for ensuring and developing competition. This institution should include both general provisions aimed at supporting competition and provisions concerning the specifics of ensuring and developing competition in certain areas of the economy. Taking into account the fact that in modern Russian competition law there is a need to improve private law mechanisms for competition protection, the paper proposes specific measures aimed at the development of private law enforcement.

Keywords: biological and social competition; content of competition; competition theory; integrity; fairness; balance of rights and legitimate interests; legal institution; ensuring and development of competition; protection of competition; private law enforcement.

Cite as: Istomin VG. Competition as a Phenomenon of Public Life, an Object of Legal Support and Protection. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2023;18(11):97-110. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2023.156.11.097-110

Современное российское государство должно уделять серьезное внимание своему поступательному экономическому и социальному развитию. Одним из необходимых условий для такого развития является конкурентное взаимодействие субъектов в различных сферах общественной жизни. О важности стимулирования и поддержки конкуренции свидетельствует, в частности, статья 8 Конституции РФ, закрепляющая этот аспект в качестве конституционного положения. В Указе Президента РФ от 13.05.2017 № 208 «О Стратегии экономической

безопасности Российской Федерации на период до 2030 года»¹ одной из угроз экономической безопасности страны называется ограниченность масштабов российского несырьевого экспорта, связанная с его низкой конкурентоспособностью, а одной из целей государственной политики в сфере обеспечения экономической безопасности обоснованно провозглашается поддержание научно-технического потенциала развития экономики на мировом уровне и повышение ее конкурентоспособности. Распоряжением Правительства РФ от 02.09.2021

¹ Указ Президента РФ от 13.05.2017 № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» // СЗ РФ. 2017. № 20. Ст. 2902.

№ 2424-р утвержден Национальный план развития конкуренции в Российской Федерации на 2021–2025 годы², где решение задачи развития конкуренции рассматривается как элемент обеспечения достижения национальных целей. Таким образом, наличие отношений рыночной конкуренции и конкурентоспособность экономики рассматриваются как признаки, атрибуты развитого государства. В литературе также отмечается, что конкуренция является основой поступательного развития страны, обеспечивает постоянное и динамическое внедрение инновационных технологий в экономику³, максимизирует благосостояние потребителя путем повышения как эффективности распределения ресурсов, так и эффективности производства и стимулирует прогресс⁴. В связи с этим возникают вопросы, в чем заключается сущность конкуренции как общественного явления, в чем состоит ее ценность, а также об основных направлениях развития ее правового регулирования и защиты.

Термин «конкуренция» происходит от латинского слова «concurrentia», являющегося, в свою очередь, производным от concurrere, т.е. «сбегаться, сталкиваться», и означает соперничество, соревнование людей, групп, организаций в достижении сходных целей, лучших результатов в определенной общественной сфере⁵. Данное понятие трактуется и как соперничество или состязание в торговле и промыслах, соискательство, соревнование⁶. Если говорить о конкуренции в широком смысле, то она возможна в самых различных сферах общественной жизни: экономике, политике, трудовых отношениях, причем в биологическом смысле конкуренция

существует и в дикой природе, поскольку выступает одной из форм взаимоотношений между особями одного вида или популяциями разных видов. В свое время внутривидовая и межвидовая конкуренции в животном мире рассматривались Ч. Дарвином как процесс борьбы за существование и естественного отбора. Таким образом, можно вести речь о двух основных разновидностях конкуренции: биологической и социальной. Отличие между ними видится в стремлении людей, индивидов к жизни в обществе, объединению в группы и взаимодействию друг с другом. Конкуренция как социальное явление возникает в процессе взаимодействия людей, включенных в совместную деятельность, и происходит на основе социальных характеристик общества, в частности норм и правил, регламентирующих поведение его членов, а конкуренция в живой природе происходит инстинктивно, стихийно. Результатом конкуренции в человеческом обществе является сознательный социальный отбор, в животном же мире в результате борьбы за существование осуществляется естественный отбор⁷. Помимо конкуренции, в науке называются и иные формы производственного взаимодействия индивидов: соревнование, кооперация и т.д. При этом отмечается, что конкуренция более характерна для обществ, основанных на частной форме собственности и индивидуалистических стандартах социальности. Что же касается тех социумов, где преобладают стандарты коллективистской социальности, а собственность обобществлена, то для них более характерна такая форма состязательности, как соревнование⁸.

² Распоряжение Правительства РФ от 02.09.2021 № 2424-р «Об утверждении Национального плана (“дорожной карты”) развития конкуренции в Российской Федерации на 2021–2025 годы» // СЗ РФ. 2021. № 37. Ст. 6553.

³ Конкурентное право : учебник / под ред. М. А. Егоровой, А. Ю. Кинева. М. : Юстицинформ, 2018.

⁴ Князева И. В. Антимонопольная политика в России : учеб. пособие. М. : Омега-Л, 2006. С. 22.

⁵ Новый энциклопедический словарь. М. : Большая российская энциклопедия, Рипол Классик, 2004. С. 548.

⁶ Даль И. О. Толковый словарь живого великорусского языка. Ч. 2. М. : Тип. Лазаревского института восточных языков, 1863. С. 761.

⁷ Емельянова Л. А. Основы конкуренции как социального явления и ее особенности в профессиональной деятельности // Вестник Московского университета. Серия 18, Социология и политология. 2018. № 4. С. 241–242.

⁸ Летунова О. В. Конкуренция и соревнование как различные виды агональной деятельности // Менеджмент социальных и экономических систем. 2018. № 3. С. 32–38.

Вместе с тем представляется, что недооценка роли конкуренции для развития современной рыночной экономики может способствовать стагнации производства, ухудшению качества и конкурентоспособности продукции и, как следствие, может негативно отразиться на благосостоянии граждан. Справедливо утверждение о том, что, несмотря на расширение таких форм взаимодействия субъектов, как сотрудничество и кооперация, конкуренция остается важной составляющей экономического развития, хотя и в более цивилизованном виде. Большинство современных экономистов полагают, что конкуренция есть безусловное благо для рыночной экономики, без нее обойтись нельзя, альтернативой конкуренции является монополизм⁹.

Если обратиться к анализу многочисленных исследований феномена конкуренции, то можно обнаружить, что наиболее объемно и разнопланово исследуется конкуренция в сфере экономических, хозяйственных отношений. Это неслучайно, поскольку экономика во многом определяет политическую, социальную и иную жизнь общества, а экономические отношения требуют наиболее развернутого и сбалансированного правового регулирования. В связи с этим на примере анализа конкуренции в сфере экономики можно достаточно детально проследить сущность и значение данного явления.

Экономическая конкуренция возникла как результат общественного разделения труда, появления частной собственности и формирования меновых отношений. Высказывается мнение, что конкуренция предполагает обмен, а следовательно, систему меновых хозяйств, а обмен предполагает разделение труда... Чем далее идет процесс разделения труда, тем интенсивнее становится конкуренция¹⁰. Общественное разделение труда, по утверждению К. Маркса, противопоставляет друг другу независимых товаропроизводителей,

не признающих никакого иного авторитета, кроме конкуренции, кроме того принуждения, которое является результатом борьбы их взаимных интересов¹¹. Одним из наиболее известных представителей экономической науки, исследовавших конкурентные отношения, был А. Смит. Он образно сравнивал конкуренцию с «невидимой рукой», которая скрытно определяет поведение участников экономической деятельности¹². При этом каждый индивид, преследуя лишь свои эгоистические цели, как бы направляется этой невидимой рукой в интересах достижения общего блага, поскольку конкуренция в итоге способствует более эффективному распределению и использованию ресурсов. Таким образом, А. Смит обратил внимание на своеобразный дуализм конкуренции: она не только создает возможность удовлетворения частных интересов хозяйствующих субъектов, но и является благом для всех членов общества. Конкуренция позволяет уравнивать спрос и предложение на рынке, находить оптимальные сочетания категорий «цена-качество» и проводит своеобразный отбор среди участников рынка, вынуждая их постоянно совершенствоваться, чтобы сохранить свое положение на рынке и не обанкротиться. Рассмотренная А. Смитом модель конкуренции получила название совершенной. Ее отличительными чертами являются бесконечное множество продавцов и покупателей, каждый из которых не в состоянии влиять на рыночную цену; равный и полный доступ всех участников рынка к информации; однородность товаров, отсутствие продуктовой дифференциации на рынке. Однако подобный вид конкуренции практически не встречается в настоящее время и может быть использован для ее характеристики в качестве некоей идеальной модели. Дело в том, что рыночные отношения характеризуются динамизмом и многообразием и если бы допускаемое теорией совершенной

⁹ Стожко К. П. Экономическая теория : учебник для вузов : в 2 т. Изд. 3-е, испр. и доп. Екатеринбург : Изд. УрГУ, 2004. Т. 2. С. 43, 70–73.

¹⁰ Шершеневич Г. Ф. Курс торгового права : в 4 т. Изд. 4-е. СПб. : Тип. т-ва печ. и изд. дела «Труд», 1908. Т. 2. С. 109.

¹¹ Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения : в 3 т. М. : Политиздат, 1986. Т. 1. С. 368.

¹² Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М. : Эксмо, 2007. С. 443.

конкуренции положение вещей существовало всегда, оно не только не оставило бы места всем видам деятельности, описываемым глаголом «конкурировать», но и сделало бы их, в сущности, невозможными¹³. Впоследствии экономическая наука усилиями таких ученых, как А. Маршалл, Э. Чемберлин, Дж. Робинсон, Й. Шумпетер, М. Портер, разработала теории иных видов состояния рынка — монополии, олигополистической и монополистической конкуренции. При этом ученые постепенно стали проводить различие между монополией как крайним состоянием рынка, сопровождающимся концентрацией соответствующего его сегмента в руках одного субъекта, и монополистической конкуренцией как соперничеством нескольких крупных участников рынка, которое вполне может способствовать эффективному удовлетворению потребностей граждан и внедрению инноваций¹⁴. Абсолютная же рыночная монополия у большинства современных экономистов и экономистов прошлых лет получила негативную оценку, поскольку целью монополии обычно является получение максимальной прибыли безотносительно к тому, происходит или нет удовлетворение интересов и потребностей граждан. Кроме того, монополист обладает возможностью произвольно устанавливать цены на продукцию и регулировать объем производства своих товаров, не считаясь с уровнем спроса на него, что объективно нарушает права потребителей по сравнению с положением дел на конкурентном рынке.

Если обобщить сформировавшиеся в науке подходы к определению сущности конкуренции, то можно выделить следующие виды теорий конкуренции: 1) поведенческая теория; 2) структурная теория; 3) функциональная теория конкуренции.

Согласно поведенческому подходу конкуренция представляет собой постоянно действующий механизм свободной состязательности, соперничества хозяйствующих субъектов в целях достижения для себя наилучших экономических

результатов. Главным здесь выступает понимание конкуренции как деятельности участников рынка. В более поздней неоклассической доктрине поведенческий подход связывал конкуренцию с борьбой за редкие экономические блага (ресурсы) и за возможности потребителя, благодаря которым эти ресурсы можно приобрести. Сторонниками поведенческой теории выступали А. Смит, М. Портер, П. Хейне и ряд других экономистов.

Структурный подход рассматривает конкуренцию как особую ситуацию на рынке, характеризующуюся теми или иными факторами: наличием большого числа независимых покупателей и продавцов либо, наоборот, их отсутствием, степенью сложности входа на рынок, размерами долей хозяйствующих субъектов и их возможностью влиять на условия обращения товаров. В рамках этой концепции акцент смещается с самой борьбы компаний друг с другом на анализ структуры рынка и тех условий, которые господствуют на нем. Данного подхода к трактовке конкуренции придерживались такие ученые, как Ф. Эджуорт, А. Курно, Дж. Робинсон, Э. Чемберлин.

Функциональный подход к определению конкуренции характеризует роль, которую конкуренция играет в экономике. По мнению Й. Шумпетера, Ф. Хайека, Х. Зайделя и ряда других исследователей, конкуренция является тем механизмом, который приводит к внедрению новых технологий, способов организации производства либо выпуску качественно новых товаров. В результате появления каких-то новшеств и соперничества старого с новым соответствующее нововведение либо принимается рынком и субъект, его внедривший, активно развивается, либо позитивной реакции рынка на такое новшество не происходит и субъект не получает конкурентных преимуществ.

Таким образом представляется, что конкуренция как сложное и многоплановое общественное явление имеет экономическое, социальное и юридическое содержание. Экономи-

¹³ Хайек Ф. Смысл конкуренции // Современная конкуренция. 2009. № 3. С. 19.

¹⁴ Гуляев Г. Ю. Эволюция теории конкуренции // Известия Пензенского государственного педагогического университета имени В.Г. Белинского. 2012. № 28. С. 317–321.

ческое содержание конкуренции состоит в деятельности хозяйствующих субъектов, соответствующей определенным рыночным законам, обусловленной сложившейся структурой рынка и направленной на достижение наилучших для себя результатов за счет использования ценовых и неценовых методов состязательности и более эффективного удовлетворения запросов потребителей. Ее социальное содержание заключается в объективном стремлении каждого индивида добиться для себя определенных преимуществ, получить более комфортные условия жизнедеятельности. Иными словами, как писал Г. Ф. Шершеневич, в основе хозяйственной деятельности человека лежит эгоистический мотив и если бы человек совершенно отрекся от личного расчета и проникся альтруистическими мотивами — свободная конкуренция была бы немыслима¹⁵. При определении юридического содержания конкуренции необходимо начать с того, что право должно создать условия для ее стимулирования и развития, а также установить пределы допустимого поведения субъектов при осуществлении конкурентного взаимодействия. Определение таких пределов является непременной задачей и предполагает достижение баланса интересов между стремлением субъектов к достижению личной выгоды и желанием этих же и других индивидов достичь некоей справедливости и сохранить общественный порядок. Как заметил А. Смит, «если мы имеем в виду поступить так, чтобы поведение наше было одобрено беспристрастным наблюдателем... то мы должны в таком случае, как и во всех остальных, умерить наше собственное самолюбие и довести его до такой степени, чтобы оно было признано прочими людьми... Существование общества невозможно, если не будут соблюдаться хоть до известной степени законы спра-

ведливости...»¹⁶. В самом деле, процесс соперничества хозяйствующих субъектов на товарном рынке за достижение тех или иных преимуществ нередко предполагает использование различных приемов, методов конкурентной борьбы. В результате подобного соперничества вполне возможны ситуации, когда хозяйствующие субъекты оказываются не в состоянии продолжать свою деятельность, терпят убытки и даже становятся неплатежеспособными (банкротами). В отдельных случаях от результатов конкурентной борьбы могут страдать и потребители, не зря известный экономист Й. Шумпетер назвал конкуренцию «вихрем созидательного разрушения»¹⁷. Более того, в ряде национальных правовых систем, например во Франции, правовая доктрина и судебная практика традиционно признают право «причинять помехи другому лицу», которое включает в том числе и «право конкурировать в любой области с другим лицом даже и таким способом, как переманивание клиентуры или захват более удобного места»¹⁸, т.е., по сути, речь идет о праве на причинение вреда правомерными конкурентными действиями. Российская юридическая наука также ведет речь о праве на свободную конкуренцию как важнейшем элементе права на осуществление предпринимательской и иной экономической деятельности, реализация которого предполагает возможность причинения помех другим субъектам предпринимательства. Данное право включает правомочие на собственные действия, правомочие требования и правомочие на защиту¹⁹. Таким образом, причинение вреда другим субъектам в ряде случаев может и не считаться правонарушением, поскольку происходит в допустимых пределах конкурентного взаимодействия, а сопровождающее конкурентную борьбу повышение качества продукции, увели-

¹⁵ Шершеневич Г. Ф. Указ. соч. С. 109.

¹⁶ Смит А. Теория нравственных чувств. М. : Республика, 1997. С. 98–99, 103.

¹⁷ Конкурентное право России : учебник. 2-е изд., перераб. и доп. / отв. ред. И. Ю. Артемьев, С. А. Пузыревский, А. Г. Сушкевич. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. С. 24.

¹⁸ Паращук С. А. О конкурентном праве России // Право и бизнес в условиях экономического кризиса: опыт России и Германии / отв. ред. Е. П. Губин, Е. Б. Лаутс. М. : Юрист, 2010.

¹⁹ Предпринимательское право Российской Федерации : учебник. 3-е изд., перераб. и доп. / отв. ред. Е. П. Губин, П. Г. Лахно. М. : Норма, Инфра-М, 2020. С. 559–561.

чение ее ассортимента, создание дополнительной инфраструктуры сбыта, уменьшение цены считаются благом для потребителей. Однако, если методы конкурентной борьбы нарушают морально-этические принципы общества, представления о честном и справедливом ведении бизнеса, они объявляются неправомерными.

Конкуренция многими экономистами трактуется как альтернатива частной власти компаний, и в связи с тем, что частная власть рассматривается как склонная к злоупотреблению, она должна быть ограничена таким образом, чтобы решения любого частного лица, которые оказывают воздействие на других лиц, принимались бы только с согласия последних²⁰. Поэтому представляется, что одна из основных задач конкурентного права заключается в том, чтобы в процессе регулирования экономических отношений соперничества, состязательности выявить и установить те приемы и методы конкурентной борьбы, которые с точки зрения удовлетворения интересов потребителей, принципов справедливости и добросовестности хозяйственного оборота будут считаться правомерными, оправданными, а какие — представляющими опасность для нормального и эффективного осуществления предпринимательской деятельности и функционирования экономики.

В связи с изложенным можно заключить, что юридическое содержание конкуренции определяется сформировавшимися в обществе и получившими нормативное закрепление представлениями о возможности, допустимости либо, наоборот, недопустимости, запрещенности определенных форм и видов рыночного поведения хозяйствующих субъектов. Здесь важно сложившееся в науке и правоприменительной практике понимание начал разумности, добросовестности и справедливости в деятельности

субъектов права. Роль права при этом заключается в том, что оно закрепляет соответствующие положения в качестве норм, придавая им юридическую форму, поскольку под правовой формой понимается основанная на нормах права мера возможного или должного поведения²¹.

Некоторые юристы и экономисты в разное время выступали против антимонопольного регулирования, полагая, что такое регулирование, будучи интервенционистским вмешательством государства в экономику, осуществляется в интересах отдельных компаний, а не общества в целом и монополистические злоупотребления как раз и связаны в первую очередь с вмешательством государства в процессы производства и торговли²². Однако представляется, что защита добросовестной конкуренции и противодействие монополизации рынков — залог экономического развития современного государства, что подтверждается в том числе сегодняшним состоянием экономик ведущих европейских стран. Другое дело, что не должно быть постоянного вмешательства антимонопольных органов в экономическую деятельность, поскольку конкуренция как состояние рынка способна дать хороший результат²³.

В современном российском законодательстве понятие конкуренции содержится в п. 7 ст. 4 Федерального закона от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции», где под ней понимается соперничество хозяйствующих субъектов, при котором самостоятельными действиями каждого из них исключается или ограничивается возможность каждого из них в одностороннем порядке воздействовать на общие условия обращения товаров на соответствующем товарном рынке. В науке данное определение подвергается критике, в частности, за то, что в нем не отражено «собственно юридическое

²⁰ Amato G. Antitrust and the Bounds of Power. Oxford, UK : Hart Publishing, 1997. P. 2–3.

²¹ Красавчиков О. А. Категории науки гражданского права // Избранные труды : в 2 т. М. : Статут, 2005. Т. 2. С. 21.

²² Толочко О. Н. Институт защиты конкуренции в национальном и международном праве: опыт, проблемы, перспективы // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2016. № 6. С. 157–158.

²³ Peeperkorn L. Competition Policy is not a Stopgap! // Journal of European Competition Law & Practice. 2021. Vol. 12. Iss. 6. P. 415–418.

содержание конкуренции»²⁴, а также за то, что оно не охватывает нарушений, совершаемых за счет проявления публичной власти или незаконного поведения вне обладания рыночной властью²⁵. Что касается отсутствия в понятии конкуренции ее юридического содержания, то с указанным замечанием можно согласиться, поскольку определение в самом деле носит сугубо экономический характер. Данный пробел в какой-то мере устраняется через содержащиеся в этой же статье определения различных видов антиконкурентных действий, прежде всего недобросовестной конкуренции как поведения, противоречащего законодательству Российской Федерации, обычаям делового оборота, требованиям добропорядочности, разумности и справедливости. Вместе с тем вполне допустимо и в самом определении конкуренции охарактеризовать ее как деятельность добросовестную, честную, позволяющую обеспечить баланс прав и законных интересов потребителей и предпринимательских структур. Относительно невключения в определение конкуренции иных действий, кроме соперничества хозяйствующих субъектов, в том числе ограничивающих конкуренцию актов и действий органов публичной власти, действий, связанных с нарушением публичных процедур (антимонопольных требований к торгам, порядка заключения договоров в отношении государственного или муниципального имущества и т.п.), следует сказать, что, с одной стороны, такие действия, конечно, имеют место, но, с другой стороны, они относятся скорее не к самой конкуренции как таковой, а к несоблюдению условий, необходимых для ее обеспечения.

Австрийский экономист Ф. Хайек различал конкуренцию как непрерывно идущий процесс, результаты которого непредсказуемы, и

сложившийся в экономике некий рыночный порядок, т.е. созданные в результате государственной политики условия конкуренции, при которых шансы любого случайно выбранного индивидуума на как можно более эффективную реализацию его целей были бы весьма высоки²⁶. При этом сам Ф. Хайек отрицательно относился к идее активного вмешательства государства в рыночные процессы. Анализируя различные подходы к пониманию конкуренции, современные авторы также разделяют конкурентное состояние рынка и конкурентный процесс соперничества, отмечая, что общая теория конкуренции должна выявить объективные рыночные условия, способствующие принятию стратегических решений, реализуемых в соответствующем конкурентном поведении, и предложить меры государственного воздействия с целью создания таких условий²⁷. Развивая данную мысль, можно предположить, что конкурентные действия хозяйствующих субъектов во многом зависят и определяются теми объективными обстоятельствами, которые возникли в результате регулирующего воздействия государства на экономику. Подобные условия обеспечения конкуренции вполне могут быть урегулированы отдельными нормами и не требуют обязательного включения в общее понятие конкуренции. Здесь, в свою очередь, необходимо обратить внимание на следующие моменты. Во-первых, эффективная конкуренция невозможна без правового закрепления таких важных ее предпосылок, как юридическое равенство субъектов перед законом, свобода договора, недопустимость злоупотребления правом, равное признание и защита всех форм собственности, право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной

²⁴ *Тотьев К. Ю.* Конкурентное право (правовое регулирование конкуренции) : учебник. М. : Издательство РДЛ, 2000. С. 22 ; *Писенко К. А., Бадмаев Б. Г., Казарян К. В.* Антимонопольное (конкурентное) право : учебник. СПС «КонсультантПлюс», 2014.

²⁵ *Петров Д. А.* Конкуренция и конкурентная политика в условиях цифровизации экономики // *Право и цифровая экономика.* 2022. № 1. С. 5–13.

²⁶ *Хайек Ф.* Конкуренция как процедура открытия // *Мировая экономика и международные отношения.* 1989. № 12. С. 6–14.

²⁷ *Коваленко А. И.* О конкуренции теорий конкуренции // *Современная конкуренция.* 2010. № 6. С. 107–116.

не запрещенной законом экономической деятельности, а также многих других положений, направленных на формирование основ рыночного правопорядка. Как отмечает С. В. Белых, правовые формы реализации конкуренции заключаются в создании государством юридических условий существования экономической состязательности на рынке и ее поддержке, а также в признании за хозяйствующими субъектами возможности осуществлять конкурентные действия²⁸. Во-вторых, большое значение приобретает не только создание механизма собственно защиты добросовестной конкуренции, но и создание механизма ее стимулирования, предполагающего нормативное закрепление различных мер инвестиционного, инфраструктурного, информационного, общерегулятивного и иного характера, направленных на развитие конкуренции²⁹. Несмотря на то что статья 8 Конституции РФ декларирует необходимость поддержки конкуренции, в Федеральном законе «О защите конкуренции» в числе целей данного Закона цель поддержки либо развития конкуренции отсутствует. Отсутствует она и в Гражданском кодексе РФ. При этом статья 10 ГК РФ содержит запрет на использование гражданских прав в целях ограничения конкуренции, а также на злоупотребление доминирующим положением на рынке. Однако нормативное регулирование условий осуществления рыночной конкуренции является весьма важным. Некоторыми авторами даже проводится деление системы мер, стимулирующих конкуренцию, на меры развития конкуренции, общие для большинства товарных рынков, и специальные меры, применяемые на отдельных отраслевых товарных рынках³⁰. При анализе зарубежных нормативных актов конкурентного права можно встретить значительное коли-

чество норм, направленных на обеспечение конкуренции. Например, в Законе ФРГ против ограничения конкуренции 1958 г. немало положений, касающихся заключения и исполнения государственных контрактов и концессионных соглашений, в том числе в отдельных отраслях деятельности, а Книга четвертая Торгового кодекса Франции, носящая название «О свободе цен и конкуренции», включает в себя нормы, касающиеся ценообразования, проведения переговоров и оформления коммерческих отношений между предпринимателями, контроля за экономической концентрацией. Определенный перечень мер, направленных на поддержку конкуренции, содержится и в названном ранее Национальном плане развития конкуренции в РФ. Данный план предполагает разработку и принятие нормативных актов в сфере биржевой торговли, оказания различных финансовых услуг, в сфере организации и проведения торгов, тарифной политики, оборота природных ресурсов, ценообразования, предоставления государственных и муниципальных преференций и в других областях, которые бы способствовали повышению эффективности рыночной конкуренции.

В связи с изложенным можно сделать вывод о том, что в предмет конкурентного права как системы норм должны входить не только отношения по защите конкуренции, но и отношения по созданию условий для ее осуществления и развития, т.е. регулятивные отношения по обеспечению процесса конкуренции. В самом деле, сама по себе защита представляет собой реализацию охранительной функции права, которая производна от регулятивной функции, поскольку охрана и защита начинают действовать тогда, когда нарушается нормальный процесс развития тех или иных социальных

²⁸ Белых С. В. Конституционно-правовое регулирование конкуренции в Российской Федерации // Конкурентное право. 2022. № 1. С. 6.

²⁹ Об этом см., например: Егорова М. А. Роль институтов развития инновационной инфраструктуры в обеспечении правовой охраны и коммерциализации результатов интеллектуальной деятельности // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 8. С. 72–79.

³⁰ Варламова А. Н. Развитие конкуренции как цель конкурентного права и пути ее достижения // Юрист. 2018. № 11. С. 17–18.

связей, когда ему препятствуют конкретные помехи³¹. Предназначением защиты является восстановление нормального состояния определенных отношений, пресечение нарушений прав и законных интересов субъектов. Поэтому защита предполагает наличие позитивного регулирования соответствующих отношений, и в рамках конкурентного права целесообразно вести речь о самостоятельном институте (субинституте) обеспечения и развития конкуренции. Указанный институт включает в себя как общие положения, касающиеся, например, отдельных принципов предпринимательской деятельности (принципы свободного перемещения товаров, услуг и финансовых средств, недопустимости использования гражданских прав в целях ограничения конкуренции, возможности признания отдельных договоров, формально нарушающих антимонопольное законодательство, допустимыми и др.), особенностей совершения сделок лицами, занимающими доминирующее положение, торгов и других конкурентных способов заключения договоров, контроля за экономической концентрацией, ценообразования, а также некоторые другие нормы гражданского законодательства (в частности, ст. 1007, п. 1, 3 ст. 1033 ГК РФ, п. 2 ст. 10 Федерального закона от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах») и т.п., так и положения, касающиеся особенностей обеспечения конкуренции в отдельных сферах экономики (гл. 3 Федерального закона от 28.12.2009 № 381-ФЗ «Об основах государственного регулирования торговой деятельности», ч. 3, 5, 7, 8 ст. 10, ч. 2 ст. 13, гл. 7.1 Федерального закона «О защите конкуренции» и др.). К общим положениям указанного института можно отнести и закрепленное статьей 9.1 Федерального закона «О защите конкуренции» право хозяйствующего субъекта на создание и внедрение у себя системы внутреннего обеспе-

чения соответствия требованиям антимонопольного законодательства (антимонопольного комплаенса). Конкурентное право допускает и договорное регулирование отношений конкуренции, базирующееся на гражданско-правовом принципе свободы договора. Например, зарубежной, да и российской, практике известны так называемые соглашения о неконкуренции. Так, по одному из дел судом был сделан вывод, что заключение договора о неразглашении информации и запрете конкуренции, запрещающего переход работника в компанию-конкурента или занятие предпринимательской деятельностью в конкретной сфере, не противоречит положениям Трудового кодекса РФ, принципу свободы договора и нарушение условий этого договора может являться основанием для отказа в определенной выплате³². Представляется, что от степени эффективности правового регулирования отношений в сфере поддержки конкуренции будет во многом зависеть достижение тех целей экономического и социального развития, которые ставит перед собой любое государство с рыночной экономикой.

В юридической литературе конкуренция иногда рассматривается как определенное публичное благо, обеспечивающее социально-экономическое благосостояние общества. При этом указывается, что целью конкурентного законодательства является ее развитие³³. Другие авторы, напротив, подчеркивают некоторый дуализм конкуренции, которая, по их мнению, объединяет два начала — глобальное, лежащее в основе рыночных механизмов, и частное, которое выражается в поведении конкретных хозяйствующих субъектов, направленном на получение конкурентных преимуществ и затрагивающем интересы также вполне конкретных конкурентов³⁴. Действительно, отношения состязательности возникают прежде всего между

³¹ Малько А. В., Соломатин А. Ю. Теория государства и права : учеб. пособие. 3-е изд. М. : РИОР: Инфра-М, 2018. С. 88.

³² См., например: апелляционное определение Московского городского суда от 14.10.2014 № 33-34658/14 // СПС «Гарант».

³³ Варламова А. Н. Указ. соч. С. 11–18.

³⁴ Серегин Д. И. Законодательство о защите конкуренции — синтез публичного и частного в праве // Конкурентное право. 2017. № 4. С. 8–9.

определенными хозяйствующими субъектами, которые пытаются наилучшим образом удовлетворить свои имущественные интересы через получение конкурентных преимуществ перед другими участниками рынка. Поэтому конкуренция в первую очередь стимулирует предпринимательскую активность отдельных индивидов и является механизмом реализации их частных целей. С другой стороны, конкуренция существенно влияет на развитие производства и торговли той или иной продукцией, способствует более качественному удовлетворению потребительского спроса и внедрению инноваций. В этом проявляется общественная ценность конкуренции и ее своеобразный дуализм. Причем правовое регулирование конкуренции не является самоцелью, конкуренция не существует ради конкуренции как таковой, а скорее выступает средством достижения более важных целей — развития предпринимательской деятельности, производства и технологий, повышения благосостояния потребителей, достижения баланса частных и публичных интересов.

История становления рыночных отношений свидетельствует, что практически одновременно с возникновением конкуренции стали появляться и различные виды антиконкурентного поведения, нарушающего права и законные интересы контрагентов и потребителей. Еще в начале XX в. юристы указывали, что «всегда имеются такие конкуренты, которые в погоне за покупателем прибегают к обманным и недостойным приемам, вносящим разложение в сферу торговых отношений и подрывающим деятельность здоровых и полезных предприятий»³⁵. Наличие подобных действий, идущих вразрез с установившимися в обществе представлениями о допустимом, обеспечивающем баланс интересов участников рыночных отношений поведении обуславливает необходимость защиты конкуренции. Задачей правового регулирования является формирование широкого комплекса мер защиты, позволяющих наибо-

лее полно восстановить как нарушенные частные, так и публичные интересы. Вместе с тем в современном российском законодательстве наблюдается определенный перекося в сторону административного порядка защиты гражданских прав, нарушенных в результате антиконкурентного поведения. Речь идет прежде всего об обращениях в Федеральную антимонопольную службу с целью реализации ею своих полномочий. Отчасти справедливо утверждение, что гражданско-правовое регулирование не затрагивает сферу конкурентной борьбы и не предлагает предпринимателям правовые средства воздействия на нее³⁶. Наблюдается необходимость совершенствования, в том числе и с учетом зарубежного опыта, частноправовых механизмов противодействия противоправному поведению на рынке. Одной из возможных мер в указанной области могло бы быть установление штрафа за несоблюдение в добровольном порядке обоснованных требований потерпевшего, взыскиваемого в пользу потерпевшего судом по аналогии со штрафом, установленным пунктом 6 ст. 13 Закона РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей», либо введение компенсации за нарушение антимонопольного законодательства, взяв за ее основу, например, размер прибыли правонарушителя за соответствующий период. Еще одним возможным способом защиты прав являются групповые иски, применяемые в США и Великобритании в качестве эффективного механизма противодействия антиконкурентному поведению. В Российской Федерации в контексте относительно недавних изменений процессуального законодательства данная процедура также получила определенное развитие, но насколько предусмотренная законодательством модель группового судопроизводства окажется эффективной в сфере защиты конкуренции — покажет практика. Представляется целесообразным учет в российском конкурентном праве и ряда норм европейского антимонопольного законодатель-

³⁵ Шретер В. Недобросовестная конкуренция // Сборник статей по гражданскому и торговому праву. Памяти профессора Г. Ф. Шершеневича. М. : Статут, 2005. С. 548.

³⁶ Надеждин Н. Н. Конкуренция в российской экономике: проблемы правовой регламентации // Конкурентное право. 2019. № 3. С. 35–36.

ства, касающихся недействительности картельных соглашений, солидарной ответственности их участников, правил возмещения причиненных хозяйствующим субъектам и потребителям убытков, а также некоторых других, в том числе связанных с порядком раскрытия и представления доказательств в рамках судебного разбирательства по делу о нарушении антимонопольных норм.

Нормативное обеспечение конкуренции, совершенствование правового регулирования ее защиты являются важными задачами российского конкурентного права. Внедрение в законо-

дательство норм, позволяющих хозяйствующим субъектам действовать в своих интересах, одновременно удовлетворяя потребности широких слоев населения, а также восстанавливать свои имущественные права в случае их нарушения, будет способствовать сбалансированности экономических отношений в обществе. Антимонопольное законодательство должно чутко улавливать изменения экономических и социальных связей, в том числе их цифровизацию, трансформацию современных рынков с целью достижения максимального регулирующего эффекта и создания надежной правовой основы экономики.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Белых С. В.* Конституционно-правовое регулирование конкуренции в Российской Федерации // Конкурентное право. — 2022. — № 1. — С. 2–7.
2. *Варламова А. Н.* Развитие конкуренции как цель конкурентного права и пути ее достижения // Юрист. — 2018. — № 11. — С. 11–18.
3. *Гуляев Г. Ю.* Эволюция теории конкуренции // Известия Пензенского государственного педагогического университета имени В.Г. Белинского. — 2012. — № 28. — С. 317–321.
4. *Даль И. О.* Толковый словарь живого великорусского языка. Ч. 2. — М. : Тип. Лазаревского института восточных языков, 1863. — 724 с.
5. *Егорова М. А.* Роль институтов развития инновационной инфраструктуры в обеспечении правовой охраны и коммерциализации результатов интеллектуальной деятельности // Актуальные проблемы российского права. — 2021. — № 8. — С. 72–79.
6. *Емельянова Л. А.* Основы конкуренции как социального явления и ее особенности в профессиональной деятельности // Вестник Московского университета. Серия 18, Социология и политология. — 2018. — № 4. — С. 237–255.
7. *Князева И. В.* Антимонопольная политика в России : учеб. пособие. — М. : Омега-Л, 2006. — 526 с.
8. *Коваленко А. И.* О конкуренции теорий конкуренции // Современная конкуренция. — 2010. — № 6. — С. 107–116.
9. Конкурентное право : учебник / под ред. М. А. Егоровой, А. Ю. Кинева. — М. : Юстицинформ, 2018. — 628 с.
10. Конкурентное право России : учебник. — 2-е изд., перераб и доп. / отв. ред. И. Ю. Артемьев, С. А. Пузыревский, А. Г. Сушкевич. — М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. — 493 с.
11. *Красавчиков О. А.* Категории науки гражданского права // Избранные труды : в 2 т. Т. 2. — М. : Статут, 2005. — 494 с.
12. *Летунова О. В.* Конкуренция и соревнование как различные виды агональной деятельности // Менеджмент социальных и экономических систем. — 2018. — № 3. — С. 32–38.
13. *Малько А. В., Соломатин А. Ю.* Теория государства и права : учеб. пособие. — 3-е изд. — М. : РИОР: Инфра-М, 2018. — 213 с.
14. *Маркс К., Энгельс Ф.* Избранные произведения : в 3 т. Т. 1. — М. : Политиздат, 1986. — 635 с.
15. *Надеждин Н. Н.* Конкуренция в российской экономике: проблемы правовой регламентации // Конкурентное право. — 2019. — № 3. — С. 32–36.

16. Новый энциклопедический словарь. — М. : Большая российская энциклопедия, Рипол Классик, 2004. — 1456 с.
17. Паращук С. А. О конкурентном праве России // Право и бизнес в условиях экономического кризиса: опыт России и Германии / отв. ред. Е. П. Губин, Е. Б. Лаутс. — М. : Юрист, 2010. — 264 с.
18. Петров Д. А. Конкуренция и конкурентная политика в условиях цифровизации экономики // Право и цифровая экономика. — 2022. — № 1. — С. 5–13.
19. Писенко К. А., Бадмаев Б. Г., Казарян К. В. Антимонопольное (конкурентное) право : учебник. — СПС «КонсультантПлюс», 2014.
20. Предпринимательское право Российской Федерации : учебник. — 3-е изд., перераб. и доп. / отв. ред. Е. П. Губин, П. Г. Лакно. — М. : Норма, Инфра-М, 2020. — 992 с.
21. Серегин Д. И. Законодательство о защите конкуренции — синтез публичного и частного в праве // Конкурентное право. — 2017. — № 4. — С. 8–11.
22. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. — М. : Эксмо, 2007. — 960 с.
23. Смит А. Теория нравственных чувств. — М. : Республика, 1997. — 351 с.
24. Стожко К. П. Экономическая теория : учебник для вузов : в 2 т. Т. 2. — Изд. 3-е, испр. и доп. — Екатеринбург : Изд. УрГУ, 2004. — 499 с.
25. Толочко О. Н. Институт защиты конкуренции в национальном и международном праве: опыт, проблемы, перспективы // Известия высших учебных заведений. Правоведение. — 2016. — № 6. — С. 151–163.
26. Тотьев К. Ю. Конкурентное право (правовое регулирование конкуренции) : учебник. — М. : Издательство РДЛ, 2000. — 352 с.
27. Хайек Ф. Смысл конкуренции // Современная конкуренция. — 2009. — № 3. — С. 18–27.
28. Хайек Ф. Конкуренция как процедура открытия // Мировая экономика и международные отношения. — 1989. — № 12. — С. 6–14.
29. Шершеневич Г. Ф. Курс торгового права : в 4 т. Т. 2. — Изд. 4-е. — СПб. : Тип. т-ва печ. и изд. дела «Труд», 1908. — 634 с.
30. Шрестер В. Недобросовестная конкуренция // Сборник статей по гражданскому и торговому праву. Памяти профессора Г. Ф. Шершеневича. — М. : Статут, 2005. — С. 548–582.
31. Amato G. Antitrust and the Bounds of Power. — Oxford, UK : Hart Publishing, 1997. — 133 p.
32. Peeperkorn L. Competition Policy is not a Stopgap! // Journal of European Competition Law & Practice. — 2021. — Vol. 12. — Iss. 6. — P. 415–418.

Материал поступил в редакцию 2 апреля 2023 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Belykh S. V. Konstitutsionno-pravovoe regulirovanie konkurentsii v Rossiyskoy Federatsii // Konkurentnoe pravo. — 2022. — № 1. — S. 2–7.
2. Varlamova A. N. Razvitie konkurentsii kak tsel konkurentnogo prava i puti ee dostizheniya // Yurist. — 2018. — № 11. — S. 11–18.
3. Gulyaev G. Yu. Evolyutsiya teorii konkurentsii // Izvestiya Penzenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni V.G. Belinskogo. — 2012. — № 28. — S. 317–321.
4. Dal I. O. Tolkovyy slovar zhivogo velikorusskogo yazyka. Ch. 2. — M.: Tip. Lazarevskogo instituta vostochnykh yazykov, 1863. — 724 s.
5. Egorova M. A. Rol institutov razvitiya innovatsionnoy infrastruktury v obespechenii pravovoy okhrany i kommertsializatsii rezultatov intellektualnoy deyatel'nosti // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. — 2021. — № 8. — S. 72–79.

6. Emelyanova L. A. Osnovy konkurentsii kak sotsialnogo yavleniya i ee osobennosti v professionalnoy deyatel'nosti // Vestnik moskovskogo universiteta. Seriya 18, Sotsiologiya i politologiya. — 2018. — № 4. — S. 237–255.
7. Knyazeva I. V. Antimonopol'naya politika v Rossii: ucheb. posobie. — M.: Omega-L, 2006. — 526 s.
8. Kovalenko A. I. O konkurentsii teorii konkurentsii // Sovremennaya konkurentsia. — 2010. — № 6. — S. 107–116.
9. Konkurentnoe pravo: uchebnik / pod red. M. A. Egorovoy, A. Yu. Kineva. — M.: Yustitsinform, 2018. — 628 s.
10. Konkurentnoe pravo Rossii: uchebnik. — 2-e izd., pererab i dop. / otv. red. I. Yu. Artemev, S. A. Puzyrevskiy, A. G. Sushkevich. — M.: Izd. dom Vysshey shkoly ekonomiki, 2014. — 493 s.
11. Krasavchikov O. A. Kategorii nauki grazhdanskogo prava // Izbrannye trudy: v 2 t. T. 2. — M.: Statut, 2005. — 494 s.
12. Letunova O. V. Konkurentsia i sorevnovanie kak razlichnye vidy agonol'noy deyatel'nosti // Menedzhment sotsialnykh i ekonomicheskikh sistem. — 2018. — № 3. — S. 32–38.
13. Malko A. V., Solomatin A. Yu. Teoriya gosudarstva i prava: ucheb. posobie. — 3-e izd. — M.: RIOR: Infra-M, 2018. — 213 s.
14. Marks K., Engels F. Izbrannye proizvedeniya: v 3 t. T. 1. — M.: Politizdat, 1986. — 635 s.
15. Nadezhdin N. N. Konkurentsia v rossiyskoy ekonomike: problemy pravovoy reglamentatsii // Konkurentnoe pravo. — 2019. — № 3. — S. 32–36.
16. Novyy entsiklopedicheskiy slovar. — M.: Bolshaya rossiyskaya entsiklopediya, Ripol Klassik, 2004. — 1456 s.
17. Parashchuk S. A. O konkurentnom prave Rossii // Pravo i biznes v usloviyakh ekonomicheskogo krizisa: opyt Rossii i Germanii / otv. red. E. P. Gubin, E. B. Lauts. — M.: Yurist, 2010. — 264 s.
18. Petrov D. A. Konkurentsia i konkurentnaya politika v usloviyakh tsifrovizatsii ekonomiki // Pravo i tsifrovaya ekonomika. — 2022. — № 1. — S. 5–13.
19. Pisenko K. A., Badmaev B. G., Kazaryan K. V. Antimonopol'noe (konkurentnoe) pravo: uchebnik. — SPS «KonsultantPlyus», 2014.
20. Predprinimatelskoe pravo Rossiyskoy Federatsii: uchebnik. — 3-e izd., pererab. i dop. / otv. red. E. P. Gubin, P. G. Lakhno. — M.: Norma, Infra-M, 2020. — 992 s.
21. Seregin D. I. Zakonodatel'stvo o zashchite konkurentsii — sintez publichnogo i chastnogo v prave // Konkurentnoe pravo. — 2017. — № 4. — S. 8–11.
22. Smit A. Issledovanie o prirode i prichinakh bogatstva narodov. — M.: Eksmo, 2007. — 960 s.
23. Smit A. Teoriya нравstvennykh chuvstv. — M.: Respublika, 1997. — 351 s.
24. Stozhko K. P. Ekonomicheskaya teoriya: uchebnik dlya vuzov: v 2 t. T. 2. — Izd. 3-e, ispr. i dop. — Ekaterinburg: Izd. UrGU, 2004. — 499 s.
25. Tolochko O. N. Institut zashchity konkurentsii v natsionalnom i mezhdunarodnom prave: opyt, problemy, perspektivy // Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Pravovedenie. — 2016. — № 6. — S. 151–163.
26. Totev K. Yu. Konkurentnoe pravo (pravovoe regulirovanie konkurentsii): uchebnik. — M.: Izdatel'stvo RDL, 2000. — 352 s.
27. Khayek F. Smysl konkurentsii // Sovremennaya konkurentsia. — 2009. — № 3. — S. 18–27.
28. Khayek F. Konkurentsia kak protsedura otkrytiya // Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya. — 1989. — № 12. — S. 6–14.
29. Shershenevich G. F. Kurs torgovogo prava: v 4 t. T. 2. — Izd. 4-e. — SPb.: Tip. t-va pech. i izd. dela «Trud», 1908. — 634 s.
30. Shreter V. Nedobrosovestnaya konkurentsia // Sbornik statey po grazhdanskomu i torgovomu pravu. Pamyati professora G. F. Shershenevicha. — M.: Statut, 2005. — S. 548–582.
31. Amato G. Antitrust and the Bounds of Power. — Oxford, UK: Hart Publishing, 1997. — 133 p.
32. Peeperkorn L. Competition Policy is not a Stopgap! // Journal of European Competition Law & Practice. — 2021. — Vol. 12. — Iss. 6. — P. 415–418.

DOI: 10.17803/1994-1471.2023.156.11.111-117

А. Ю. Бурова*

Цифровая экосистема как способ ведения предпринимательской деятельности: юридический взгляд

Аннотация. В статье цифровая экосистема рассматривается как способ ведения предпринимательской деятельности, выделяются составляющие цифровую экосистему компоненты: цифровая среда, субъекты — участники экосистемы, реализуемые продукты. Автором проанализированы российские цифровые сервисы, которые могут быть отнесены к цифровым экосистемам. Устанавливается, что возможно выделение бизнес-экосистем, функционирование которых направлено на извлечение прибыли, и экосистем, не имеющих коммерческой направленности. На основании проведенного анализа определяется субъектный состав экосистемы, в который входят: холдинговая компания и иные компании, которые осуществляют управление цифровой экосистемой; операторы цифровых платформ; партнеры операторов цифровых платформ, которые реализуют свои продукты через цифровые платформы; пользователи экосистемы, потребляющие продукты партнеров и посреднические услуги операторов цифровых платформ. Автор приходит к выводу о том, что особенности цифровой экосистемы, связанные с ее структурой, должны предопределять содержание будущего законодательного регулирования цифровых экосистем, которое находится в стадии своего становления.

Ключевые слова: цифровая экосистема; бизнес-экосистемы; группа компаний; цифровая платформа; холдинг; оператор цифровой платформы; цифровая среда; пользователи; партнеры; посредническая деятельность.

Для цитирования: Бурова А. Ю. Цифровая экосистема как способ ведения предпринимательской деятельности: юридический взгляд // Актуальные проблемы российского права. — 2023. — Т. 18. — № 11. — С. 111–117. — DOI: 10.17803/1994-1471.2023.156.11.111-117.

Digital Ecosystem as a Way of Doing Business: Legal Perspective

Aleksandra Yu. Burova, Cand. Sci. (Law), Lecturer, Department of Civil Law and Procedure,
Faculty of Law, Lobachevsky University
pr. Gagarina, d. 23, Nizhniy Novgorod, Russia, 603022
ayuburova@yandex.ru

Abstract. The paper examines the digital ecosystem as a way of doing business, and highlights the elements that make up the digital ecosystem: the digital environment, subjects — participants in the ecosystem, products sold. The author analyzed Russian digital services that can be classified as digital ecosystems. It is established that it is possible to speak about business ecosystems, the functioning of which is aimed at making a profit, and ecosystems

© Бурова А. Ю., 2023

* Бурова Александра Юрьевна, кандидат юридических наук, преподаватель кафедры гражданского права и процесса юридического факультета Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского
пр. Гагарина, д. 23, г. Нижний Новгород, Россия, 603022
ayuburova@yandex.ru

that do not have a commercial purpose. Based on the analysis, the elements of the ecosystem are determined, which include: the holding company and other companies that manage the digital ecosystem; digital platform operators; partners of digital platform operators who sell their products through digital platforms; ecosystem users who consume partner products and intermediary services of digital platform operators. The author concludes that the features of the digital ecosystem associated with its structure should determine the content of future legislative regulation of digital ecosystems, which is in its infancy.

Keywords: digital ecosystem; business ecosystems; company group; digital platform; holding; digital platform operator; digital environment; users; partners; mediation activities.

Cite as: Burova AYu. Digital Ecosystem as a Way of Doing Business: Legal Perspective. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2023;18(11):111-117. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2023.156.11.111-117

В последнее время предпринимательство развивается на основе платформенной экономики, которая предполагает использование цифровой платформы для реализации продукции потребителям. Большой доход бизнесу приносит одновременное развитие нескольких разнородных направлений на базе цифровых платформ. Неслучайно многие компании, изначально специализирующиеся на каком-либо одном бизнес-направлении, впоследствии начинают развивать и другие проекты и, пользуясь уже сложившейся репутацией, подталкивают своих клиентов к использованию новых продуктов. Именно этот тренд, заключающийся в дифференциации и расширении круга услуг, предоставляемых клиентам с помощью единой цифровой среды (а нередко — полностью в цифровой среде), получил название цифровой экосистемы. Например, ранее Ozon был известен как книжный интернет-магазин, Сбербанк осуществлял только банковскую деятельность, МТС являлся исключительно оператором мобильной связи. Сейчас каждая из этих групп компаний не ограничивается изначальным видом деятельности, ради которого она создавалась, а предоставляет пользователям широкий круг разнородных услуг: от доставки еды до банковских операций.

Как показывает анализ официальных источников, цифровая экосистема понимается пре-

имущественно как способ ведения предпринимательской деятельности. При этом за рамками сложившегося представления остаются его правовые особенности.

Например, в Концепции общего регулирования деятельности групп компаний, развивающих различные цифровые сервисы на базе одной «экосистемы», представленной Министерством экономического развития РФ в 2021 г.¹, под цифровой экосистемой понимается «клиентоцентричная бизнес-модель, объединяющая две и более группы продуктов, услуг, информации (собственного производства и/или других игроков) для удовлетворения конечных потребностей клиентов (безопасность, жилье, развлечения и т.д.)».

В докладе Банка России экосистема рассматривается как «совокупность сервисов, в том числе платформенных решений, одной группы компаний или компании и партнеров, позволяющих пользователям получать широкий круг продуктов и услуг в рамках единого бесшовного интегрированного процесса»².

В отчете об исследовании цифровых экосистем Института экономической политики имени Е.Т. Гайдара цифровая экосистема предстает как «цифровая платформа, интегрированная с другими цифровыми сервисами и/или цифровыми платформами одной группы компаний/партнеров или органа государственной вла-

¹ URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/cb29a7d08290120645a871be41599850/koncepciya_21052021.pdf (дата обращения: 02.02.2023).

² Экосистемы: подходы к регулированию : доклад Банка России для общественных консультаций. Апрель, 2021 г. // URL: https://www.cbr.ru/Content/Document/File/119960/Consultation_Paper_02042021.pdf (дата обращения: 02.02.2023).

сти, действующая на нескольких отраслевых рынках»³.

В последнем представленном отчете АНО «Цифровая экономика» цифровая экосистема описывается через совокупность следующих признаков: тесная внутренняя интеграция и связанность сервисов; перекрестное субсидирование сервисов; сквозная навигация (сервис поиска); множественность рынков и видов экономической деятельности; количество цифровых сервисов для потребителя; возможность злоупотребления в хозяйственной деятельности (препятствия для новых игроков, ценовая дискриминация); перераспределяемые финансы и ресурсы экосистемы; система лояльности клиентов; логистический (дополнительный) сервис; количество потребителей (уникальных пользователей) и поставщиков экосистемы⁴.

Несмотря на то что выделение в качестве признака цифровой экосистемы возможности злоупотребления в хозяйственной деятельности выглядит сомнительным, в целом можно утверждать, что в экономической сфере понятие цифровой экосистемы является уже сложившимся и представляет собой способ ведения предпринимательской деятельности, характеризующийся предоставлением одной группой компаний разнородных видов услуг с использованием цифровых платформ.

На наш взгляд, цифровую экосистему можно рассматривать как комплексный феномен, включающий в себя несколько компонентов (среда, субъекты, продукт).

1. *Среда.* Цифровая экосистема часто определяется как совокупность цифровых платформ, играющих посредническую роль при продвижении продуктов от производителя к потребителю. Как правило, цифровая экосистема характеризуется наличием интернет-сайта (мобильного приложения), на котором размещена информация

обо всех продуктах, которые может получить пользователь после регистрации в этой экосистеме. Для каждого продукта создается отдельный интернет-сайт (цифровая платформа), управляемый оператором цифровой платформы (компания, входящая в единую группу компаний и созданная специально для реализации данного продукта). Иными словами, в рамках цифровой экосистемы взаимодействие происходит в цифровой среде.

2. *Субъекты.* Цифровая экосистема сама по себе субъектом, а тем более субъектом права не является. Но в ее рамках действуют сразу несколько категорий самостоятельных субъектов. Сюда относятся:

а) холдинговая компания и иные компании, которые осуществляют управление цифровой экосистемой, выстраивают общую политику и стратегию развития бизнеса, определяют его направления и т.п.;

б) операторы цифровых платформ (далее также — операторы), которые специализируются на посредничестве в предоставлении конкретного вида услуг. Чуть реже такие субъекты занимаются не только организационно-технологической деятельностью по поддержанию функционирования цифровой платформы, но и собственной деятельностью по производству какого-либо продукта, реализуемого на цифровой платформе наряду с продуктами иных лиц (партнерами).

Операторы входят в группу компаний цифровой экосистемы на основе корпоративного участия холдинговой компании или иных аффилированных с ней компаний в их уставном капитале.

Стоит отметить, что деятельность операторов цифровых платформ в отдельных сферах уже законодательно регламентируется⁵. Кроме того, частично урегулированы аспекты взаимодейст-

³ Цифровые экосистемы в России: эволюция, типология, подходы к регулированию : отчет об исследовании Института экономической политики имени Е.Т. Гайдара. Июнь, 2022 г. // URL: https://www.iep.ru/files/news/Issledovanie_jekosistem_Otchet.pdf (дата обращения: 02.02.2023).

⁴ Регулирование цифровых экосистем и платформ : отчет АНО «Цифровая экономика». Август, 2022 г. // URL: https://files.data-economy.ru/Docs/Otchet_4_v12.pdf (дата обращения: 02.02.2023).

⁵ См.: Федеральный закон от 02.08.2019 № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Феде-

вия таких операторов (применительно к ним закон использует термин «владелец агрегатора информации о товарах (услугах)» с потребителями⁶;

в) партнеры операторов цифровых платформ, которые реализуют свои продукты через цифровые платформы. В зависимости от сферы функционирования цифровой платформы это могут быть страховщики, рестораны, такси, аптеки и т.п. С каждым из них операторы заключают соответствующие договоры, согласно условиям которых операторы размещают на цифровой платформе информацию о продукте партнера, зачастую выступают посредником в денежных переводах при реализации продукта, а партнер уплачивает оператору комиссию с продаж;

г) пользователи — потребители реализуемых продуктов и посреднических услуг операторов цифровых платформ. Термин «потребители» может использоваться как в узком, так и широком смысле. Узкое (юридическое) понимание данного термина отражено в Законе РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей», с 2018 г. содержащем базовое регулирование взаимоотношений владельцев агрегаторов информации о товарах (услугах), продавцов (исполнителей) и потребителей.

3. *Продукты.* Это те товары и услуги, которые предлагаются пользователям в рамках цифровой экосистемы через специализированные цифровые платформы. Нередко цифровая экосистема разрабатывает собственные продукты, реализуя их наряду с продуктами партнеров.

Таким образом, с юридической точки зрения цифровая экосистема представляет собой не что иное, как систему сложных правоотношений, возникающих в цифровой среде между несколькими операторами цифровых платформ, входящих в одну группу компаний, партнерами и пользователями по поводу реализации принадлежащих партнерам (реже — операторам) разнородных продуктов пользователям с использованием цифровых платформ.

Подлинных цифровых экосистем в России не так много. Большинство предпринимателей долгое время остаются на уровне монопродукта, прежде чем дифференцировать бизнес-направления.

Исследуя опыт российских цифровых экосистем, можно заметить определенные закономерности в их развитии. Как правило, первоначально создается компания, развивающая исключительно одно направление в предпринимательской деятельности. По мере увеличения прибыли, разрастания клиентской базы принимается решение развивать иные направления (в том числе это могут быть некоммерческие, например образовательные, проекты), а для каждого направления создаются отдельные подконтрольные организации. То есть по большому счету с корпоративной точки зрения цифровая экосистема представляет собой группу компаний (холдинг), связанных между собой отношениями значительного влияния или контроля.

Так, до недавнего времени компанию Ozon (головная организация — Ozon Holdings PLC) нельзя было назвать экосистемой, поскольку она занималась производством монопродукта и, будучи агрегатором электронной коммерции, осуществляла посредничество при продаже товаров, предлагая также услуги по курьерской доставке. Однако в настоящее время компания начала широко развивать и другие направления: проект «Ozon Карта», которая выпускается подконтрольным банком «Еком Банк», Ozon fresh — сервис быстрой доставки продуктов питания, бакалеи, бытовой техники, электроники и товаров других категорий, Ozon Travel — онлайн-сервис для организации поездок, где можно забронировать номера в отелях для отпуска, командировки или путешествия, а также железнодорожные и авиабилеты, «Ozon Объявления» — сервис продажи и покупки новых и б/у товаров, «Ozon Моменты» — раздел в приложении Ozon, где пользователи делятся

рации» // СЗ РФ. 2019. № 31. Ст. 4418 ; Федеральный закон от 20.07.2020 № 211-ФЗ «О совершении финансовых сделок с использованием финансовой платформы» // СЗ РФ. 2020. № 30. Ст. 4737.

⁶ Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей» // СЗ РФ. 1996. № 3. Ст. 140.

моментами своей жизни, публикуя фото, видео и трансляции⁷.

Указанные сервисы интегрированы с агрегатором электронной коммерции (маркетплейсом), но для развития каждого направления создаются отдельные юридические лица (например, сам маркетплейс — ООО «Интернет Решения», Ozon Travel — ООО «Интернет — Трэвел», «Ozon Карта» — банк «Еком Банк»).

К крупнейшим экосистемам относится «Яндекс», куда входят 47 компаний (головная организация — нидерландская Yandex N.V.)⁸. При этом из наименования организаций зачастую уже видна их специализация на каком-либо одном сегменте бизнеса. Экосистема объединяет более 85 пользовательских сервисов: поиск и портал, электронная коммерция («Яндекс.Еда», «Яндекс.Доставка», «Яндекс.Такси»), развлечения («Яндекс.Плюс», «Яндекс.Музыка», «Кинопоиск», «Яндекс.Афиша», «Яндекс.Студия»), сервисы объявлений («Авто.ру», «Яндекс.Недвижимость», «Яндекс.Аренда», «Яндекс.Путешествия»), другие бизнес-юниты и инициативы («Яндекс Беспилотные технологии», Yandex Cloud, «Яндекс.Практикум», «Устройства»)⁹.

Крупной экосистемой является VK (бывшая Mail.ru Group), развивающая соцсети, мессенджеры, поисковые системы, платежный сервис VK Pay, социальные сервисы, магазин приложений RuStore, медиапроекты, образовательные проекты и др.

В экосистемы превращаются крупнейшие мобильные операторы связи (МТС и «Мегафон»).

Кроме того, на российском рынке выделяется группа так называемых банковских экосистем. В литературе понятие банковской эко-

системы формулируется следующим образом: «партнерство кредитной организации с иными лицами, обеспечивающее постоянное взаимодействие в информационном пространстве в целях повышения эффективности хозяйственной деятельности»¹⁰. На наш взгляд, данное определение нуждается в уточнении. В настоящее время почти все крупнейшие цифровые экосистемы создали собственные банки. Например, в рамках экосистем «Яндекса», «Озона» или МТС существуют АО «Яндекс.Банк», ПАО «МТС-Банк», ООО «ОЗОН Банк» соответственно¹¹, хотя это не профильное для них направление деятельности. И вряд ли экосистемы указанных групп компаний стоит считать банковскими. По нашему мнению, именно банк должен выступать инициатором и создателем экосистемы — тогда ее можно считать банковской.

Показательно, что закон также проводит разделение между объединениями юридических лиц, в которых кредитная организация имеет главенствующую роль (такие объединения именуются банковскими группами), и объединениями, в которых кредитная организация находится под контролем юридического лица, не относящегося к кредитными организациям (банковский холдинг)¹².

К развитию банками иных видов деятельности с помощью развития цифровых экосистем ученые нередко относятся отрицательно, указывая, что «создание кредитными организациями других юридических лиц, основной деятельностью которых должна являться запрещенная для самих банков торговая, страховая и производственная деятельность, следует квалифици-

⁷ URL: <https://docs.ozon.ru/common/?country=RU> (дата обращения: 08.02.2023).

⁸ URL: <https://yandex.ru/company/entities> (дата обращения: 09.03.2023).

⁹ URL: <https://ir.yandex.ru/key-businesses> (дата обращения: 08.02.2023).

¹⁰ Узденов Ш. Ш. Понятие «банковская экосистема» // Банковское право. 2022. № 3. С. 46–54.

¹¹ Список кредитных организаций, зарегистрированных на территории Российской Федерации по состоянию на 07.03.2023 // URL: https://cbr.ru/banking_sector/credit/FullCoList/ (дата обращения: 09.03.2023).

¹² Ст. 4 Федерального закона от 02.12.1990 № 395-1 «О банках и банковской деятельности» // СЗ РФ. 1996. № 6. Ст. 492.

Отметим, что для признания объединения юридических лиц банковским холдингом необходимо, чтобы доля банковской деятельности в деятельности банковского холдинга составляла не менее 40 %.

ровать как разновидность недобросовестного поведения в форме обхода закона»¹³.

Тем не менее совмещение в рамках одной экосистемы банковской и других видов деятельности — это косвенно допускаемая законом реальность. Несмотря на то что абзац 6 ст. 5 Федерального закона от 02.12.1990 № 395-1 «О банках и банковской деятельности» однозначно запрещает кредитной организации заниматься производственной, торговой и страховой деятельностью, упомянутая ранее возможность создания банковских групп и банковских холдингов практически нивелирует данный запрет.

Например, в экосистему «Сбера» входит 49 компаний¹⁴. Данная экосистема включает в себя около 22 направлений, в том числе: сервисы по доставке продуктов и готовой еды, развлечения, такси, здоровье, учеба, умная среда, облачный провайдер, логистический оператор, страхование, платежный сервис и т.д.¹⁵ Нетрудно заметить, что, как правило, названия всех этих сфер характеризуются общей частью наименования, которая подчеркивает принадлежность сервиса экосистеме («СберМаркет», «Сберзвук», «Сбер ЕАПТЕКА», «Сберкласс», «СберАвто», «СберДиск», «Сберлогистика», «СберСтрахование» и т.д.). То есть очевидно, что экосистема формируется под единым брендом.

То же самое касается экосистемы «Тинькофф», в рамках которой, помимо банковского направления, также реализуются несколько проектов: «Тинькофф Бизнес», «Тинькофф Инвестиции», «Тинькофф Junior», «Тинькофф Путешествия», «Тинькофф Страхование», «Тинькофф Мобайл», «Тинькофф Журнал», «Тинькофф Образование»¹⁶.

В то же время некоторые цифровые платформы иногда ошибочно относят к цифровым экосистемам¹⁷. На наш взгляд, маркетплейс Wildberries экосистемой не является, поскольку он предлагает лишь монопродукт (реализация товаров партнеров) и не обладает разветвленной системой построения бизнеса из-за отсутствия в этом необходимости¹⁸. Следует отметить, что Wildberries начал развивать проект «Цифровые товары», где можно купить и скачать электронные книги и аудиокниги, полезные видеокурсы, сборники кулинарных рецептов, чек-листы, подписки на видеоигры, онлайн-кинотеатры и музыкальные стриминговые сервисы, подарочные сертификаты, но, в сущности, это направление может быть отнесено к посредничеству при продаже товаров либо оказании услуг¹⁹.

С точки зрения вышеустановленных признаков к цифровым экосистемам нельзя отнести и «Авито» (ООО «КЕХ еКоммерц») — электронный каталог объявлений на одной цифровой платформе. Реклама и доставка, предлагаемые данным сервисом, являются сопутствующими услугами, связанными с основной деятельностью.

К цифровой экосистеме (причем к самой крупной в России) с определенной долей условности можно отнести и федеральную государственную информационную систему «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)» (далее — портал Госуслуг). Он объединяет множество пользователей (как граждан, так и юридических лиц), ведомств и организаций, предоставляющих государственные и муниципальные услуги, и функционирует в цифровой среде. В отличие от рассмотренных ранее цифровых экосистем, портал Госуслуг стро-

¹³ Михеева И. Е. Недобросовестные практики в деятельности банковских экосистем // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17. № 7 (140). С. 63.

¹⁴ URL: <http://www.sberbank.ru/help/business/ecosystem> (дата обращения: 13.03.2023).

¹⁵ URL: <https://spec.tass.ru/sber180/ekosistema-sbera> (дата обращения: 08.02.2023).

¹⁶ URL: <https://www.tinkoff.ru/about/> (дата обращения: 08.02.2023).

¹⁷ Например, «Авито» и Wildberries относятся к экосистемам в ранее упомянутых отчетах Института экономической политики имени Е.Т. Гайдара и АНО «Цифровая экономика».

¹⁸ Деятельность маркетплейса осуществляется обществом с ограниченной ответственностью «Вайлдберриз», созданным в 2006 г., где учредителями выступают два физических лица.

¹⁹ URL: <https://digital.wildberries.ru> (дата обращения: 08.02.2023).

ится не на договорных началах с пользователями, а на участии граждан и юридических лиц в административных процедурах по получению государственных и муниципальных услуг. Следовательно, в существовании портала Госуслуг отсутствуют собственно коммерческие начала. Необходимо отметить, что в настоящее время в порядке эксперимента проводится интеграция портала с коммерческими сервисами²⁰, но говорить о том, что существуют предпосылки к приобретению данным сервисом коммерческой направленности, крайне преждевременно.

Исходя из изложенного, целесообразно выделять не только бизнес-экосистемы, но и иные экосистемы, существование которых обусловлено не целью извлечения прибыли, а другими целями (получение государственных и муниципальных услуг, образовательные, социально-культурные цели и др.).

Таким образом, проведенный анализ показывает, что в России сейчас не так много холдингов, которые могут быть охарактеризованы как цифровые экосистемы. Перед нами не стояла задача исследовать каждый из российских цифровых сервисов на предмет их отнесения к цифровым экосистемам. Нами исследованы наиболее известные экосистемы и платформы, с учетом того, что критерия по численности пользователей либо партнеров для экосистем пока не установлено²¹.

Полагаем, что выводы, сформулированные в отношении многокомпонентного характера цифровой экосистемы, равно как и выявленные особенности цифровых экосистем, должны учитываться при определении содержания будущего законодательного регулирования цифровых экосистем, которое находится в стадии своего становления.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Михеева И. Е. Недобросовестные практики в деятельности банковских экосистем // Актуальные проблемы российского права. — 2022. — Т. 17. — № 7 (140). — С. 59–70.
2. Сизимова О. Б., Бурова А. Ю. О принципах построения правового механизма цифрового профилирования граждан // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2023. — № 1. — С. 139–150.
3. Узденов Ш. Ш. Понятие «банковская экосистема» // Банковское право. — 2022. — № 3. — С. 46–54.

Материал поступил в редакцию 5 апреля 2023 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Mikheeva I. E. Nedobrosovestnye praktiki v deyatel'nosti bankovskikh ekosistem // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. — 2022. — T. 17. — № 7 (140). — S. 59–70.
2. Sizimova O. B., Burova A. Yu. O printsipakh postroeniya pravovogo mekhanizma tsifrovogo profilirovaniya grazhdan // Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA). — 2023. — № 1. — S. 139–150.
3. Uzdenov Sh. Sh. Ponyatie «bankovskaya ekosistema» // Bankovskoe pravo. — 2022. — № 3. — S. 46–54.

²⁰ Подробнее об этом см.: Сизимова О. Б., Бурова А. Ю. О принципах построения правового механизма цифрового профилирования граждан // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2023. № 1. С. 142–146.

²¹ Несмотря на предложения установить подобные критерии, на наш взгляд, они не могут быть определяющими при отнесении бизнеса к экосистеме. Возможно, данный критерий будет полезен для градации экосистем на крупные и мелкие и для последующей дифференциации правового регулирования, в том числе с точки зрения антимонопольного законодательства, что уже частично реализовано в настоящее время.

Динамика трудового договора при осуществлении спортивного трансфера

Аннотация. В статье рассмотрены некоторые вопросы, возникающие при прекращении трудовых отношений между спортсменами (тренерами) и спортивными клубами в связи с переходом спортсменов (тренеров) к другим работодателям. Расторжение трудового договора, заключенного между спортсменом (тренером) и спортивным клубом, сопряжено с необходимостью соблюдения не только Трудового кодекса Российской Федерации, но и регламентных норм общероссийских спортивных федераций, которые не являются идентичными. Прекращение трудовых отношений между работником и работодателем может быть обусловлено рядом причин, установленных в законодательстве Российской Федерации, в том числе истечением срока действия трудового договора или волеизъявлением одной из его сторон на досрочное прекращение трудового договора. Досрочное расторжение трудового договора профессионального спортсмена по общему правилу сопровождается компенсационными выплатами при наличии определенных условий (не относящихся к «уважительным причинам» прекращения трудовых отношений), установление которых производится компетентными органами в каждом конкретном случае при наличии спорных ситуаций. Альтернативой досрочному расторжению трудового договора со спортсменом является временный перевод работника к другому работодателю, что предоставляет широкие возможности как работнику, так и работодателю. В этом смысле приостановление трудового договора, являющееся также особенностью трудовых отношений в спорте, имеет потенциал распространения на все категории работников.

Ключевые слова: право; актуальные проблемы; спортивное право; трансфер спортсмена (тренера); lex sportiva; трудовые правоотношения в спорте; уважительные причины расторжения трудового договора со спортсменом; компенсация при расторжении трудового договора; временный перевод спортсмена; приостановление трудового договора.

Для цитирования: Бетехтина В. А. Динамика трудового договора при осуществлении спортивного трансфера // Актуальные проблемы российского права. — 2023. — Т. 18. — № 11. — С. 118–126. — DOI: 10.17803/1994-1471.2023.156.11.118-126.

© Бетехтина В. А., 2023

* Бетехтина Варвара Александровна, аспирант отдела законодательства о труде и социальном обеспечении Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, секретарь Дисциплинарного комитета Федерации хоккея России
Лужнецкая наб., д. 8, стр. 1, г. Москва, Россия, 119270
varyabetekhtina@yandex.ru

Dynamics of an Employment Contract in a Sports Transfer

Varvara A. Betekhtina, Postgraduate Student, Department of Labor and Social Security Legislation, the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation; Secretary of the Disciplinary Committee of the Russian Hockey Federation
Luzhnetskaya nab., d. 8, str. 1, Moscow, Russia, 119270
varyabetekhtina@yandex.ru

Abstract. The paper discusses some issues that arise when the employment relationship between athletes (coaches) and sports clubs is terminated in connection with the transfer of athletes (coaches) to other employers. Termination of an employment contract concluded between an athlete (coach) and a sports club is associated with the need to comply not only with the Labor Code of the Russian Federation, but also with the regulations of all-Russian sports federations, which are not identical. Termination of the employment relationship between an employee and an employer may be due to a number of reasons established in the legislation of the Russian Federation, including the expiration of the employment contract or the will of one of its parties to terminate the employment contract early. Early termination of such an employment contract generally takes place together with compensation payments subject to certain conditions (not related to «valid reasons» for termination of employment relations), the establishment of which is carried out by competent authorities in each specific case if there is a controversial situation. An alternative to early termination of the employment contract with an athlete is a temporary transfer of the employee to another employer, which provides ample opportunities for both the employee and the employer. In this sense, the suspension of an employment contract, which is also a feature of labor relations in sports, has the potential to extend to all categories of workers.

Keywords: law; current issues; sports law; transfer of the athlete (coach); lex sportiva; labor relations in sports; valid reasons for terminating an employment contract with an athlete; compensation upon termination of an employment contract; temporary transfer of an athlete; suspension of the employment contract.

Cite as: Betekhtina VA. Dynamics of an Employment Contract in a Sports Transfer. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2023;18(11):118-126. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2023.156.11.118-126

Определение правового статуса спортсменов и тренеров являлось одним из направлений научной дискуссии среди ученых юристов. Существовало как минимум три точки зрения относительно данного вопроса. Согласно мнению первой группы исследователей регулирование труда спортсменов и тренеров осуществляется исключительно трудовым правом, в том числе ввиду необходимости повышенного уровня правовой и социальной

защиты спортсменов, которая может быть обеспечена только средствами трудового права¹.

Другие исследователи считают, что отношения между спортсменами и спортивными клубами подлежат гражданско-правовому регулированию. Согласно данной точке зрения, деятельность спортсменов в некоторой степени соотносится с деятельностью адвокатов и нотариусов, что подразумевает наделение спортсменов определенным правовым статусом².

¹ Шевченко О. А. Особенности правового регулирования труда профессиональных спортсменов : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.05. М., 2005 ; Мисюрин И. В. Особенности правового регулирования трудовых отношений профессиональных спортсменов в командных видах спорта : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.05. Екатеринбург, 2005 ; Васильев С. В. Особенности трудового договора профессиональных спортсменов и рассмотрение споров в области профессионального спорта : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.05. М., 2006 ; Тукманов С. В. Особенности трудового статуса профессионального футболиста : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.05. М., 2007.

² Васильев В. П. Гражданско-правовое регулирование отношений в области профессионального спорта : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. К., 2006 ; Алтухов С. В. Государственное управление и рыночное само-

Третья точка зрения допускает альтернативу в выборе правового регулирования (гражданско-правовое или трудовое) труда спортсменов³.

Вытекающим из вышеприведенных научных подходов к определению правового статуса спортсменов и тренеров вопросом является также установление правовой природы спортивного трансфера. Нам представляется, что спортивный трансфер является комплексным общественным отношением, одним из направлений правового регулирования которого, наряду с гражданским правом, а также *lex sportiva*, является трудовое право, что коррелирует с научными подходами к определению правового статуса спортсменов и тренеров.

В этой связи важно отметить, что в научной литературе выделяют следующие формы переходов в спорте⁴:

- 1) расторжение трудового договора, заключенного с прежним работодателем, в порядке, установленном пунктом 3 ст. 77, статьей 80 ТК РФ, и заключение нового трудового договора с новым работодателем;
- 2) прекращение трудового договора по соглашению сторон (п. 1 ст. 77 ТК РФ) с последующим заключением трудового договора с другим работодателем;
- 3) перевод работника на работу к другому работодателю, что установлено пунктом 5 ст. 77 ТК РФ;
- 4) временный перевод спортсмена к другому работодателю в порядке, установленном статьей 348.4 ТК РФ.

При этом при реализации соответствующих форм переходов необходимо учитывать специфику правового регулирования данных общественных отношений, а именно наличие специальной главы ТК РФ, посвященной особенностям регулирования труда спортсменов и тренеров, а также регламентное регулирование спортивными федерациями и лигами, о некоторых из них будет сказано далее.

По нашему мнению, дифференциация переходов в спорте не ограничивается исключительно приведенной выше классификацией, однако ввиду того, что целью данной работы является рассмотрение динамики трудового договора при осуществлении спортивного трансфера, считаем целесообразным остановиться подробнее на некоторых особенностях перечисленных трудовых форм переходов в спорте. Актуальность данного вопроса обусловлена необходимостью разрешения спорных ситуаций, которые возникают между спортсменами (тренерами) и спортивными клубами, вытекают из трудовых отношений данных субъектов трудового права, осложненных наличием дополнительных ограничений, установленных регламентными нормами спортивных федераций.

Из приведенной выше классификации следует, что для перехода спортсмена (тренера) из одной физкультурно-спортивной организации в другую необходимо разрешить вопрос относительно складывающихся трудовых правоотношений между ними (расторжение / изменение / приостановление и заключение нового трудо-

регулирование экономики профессионального спорта в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007.

³ Коршунова Т. Ю. Развитие законодательства о труде профессиональных спортсменов / Трудовое право. 2006. № 5–7 ; Скачкова Г. С. Особенности регулирования трудовых отношений в области физической культуры и спорта // Трудовое право. 2002. № 5. С. 65–73 ; Леонов А. С. Правовое регулирование труда спортсменов и тренеров: проблемы и перспективы развития : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 23 ; Рогачев Д. И. О новом Федеральном законе «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» // Материалы II Международной научно-практической конференции «Спортивное право: перспективы развития» / сост. Д. И. Рогачев, М. А. Прокопец. М. : Макс Пресс, 2009. С. 34.

⁴ Васильев С. В. Особенности трудового договора профессиональных спортсменов и рассмотрение споров в области профессионального спорта : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.05. М., 2006. С. 139 ; Мисюрин И. В. Особенности правового регулирования трудовых отношений профессиональных спортсменов в командных видах спорта : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.05. Екатеринбург, 2005. С. 24–25 ; Зайцев Ю. В. Правовая природа переходов спортсменов // Спорт: экономика, право, управление. 2009. № 4. С. 18–24.

вого договора). Как отмечает Ю. П. Орловский, удельный вес различных оснований прекращения трудового договора в общем объеме увольнений не однозначен, наиболее распространенными основаниями является расторжение трудового договора по инициативе работника или по инициативе работодателя⁵.

Расторжение трудового договора по инициативе работника (спортсмена, тренера) осуществляется в том числе с учетом ст. 348.12 ТК РФ, устанавливающей возможность предусмотреть в трудовом договоре условие об обязанности спортсмена или тренера предупреждать работодателей о расторжении трудового договора по собственной инициативе в срок, превышающий один месяц, в случаях, когда согласно регламентным нормам общероссийских спортивных федераций установлены ограничения перехода (условия перехода) в другие спортивные клубы или иные физкультурно-спортивные организации, предусматривающие сроки предупреждения о переходе, превышающие один месяц. Как отмечают исследователи, установление сроков уведомления работодателя о расторжении трудового договора вызвано необходимостью «сохранения стабильности спортивных мероприятий... нормализации рынка труда в спортивной сфере, минимизации злоупотребления правом со стороны спортсменов, тренеров, ситуационно мигрирующих между работодателями»⁶. Положения о стабильности трудовых договоров получили развитие и на уровне регламентных норм общероссийских спортивных федераций.

Другой особенностью расторжения трудового договора по инициативе спортсмена является обязанность спортсмена (но не тренера) произвести в пользу работодателя денежную выплату в случае расторжения трудового договора по инициативе спортсмена без ува-

жительных причин. Аналогичная обязанность возникает у спортсмена и при расторжении трудового договора по инициативе работодателя при наличии оснований, которые относятся к дисциплинарным взысканиям. Но что является уважительными причинами расторжения трудового договора? Согласно позиции Верховного Суда РФ, такие причины предусмотрены частью 3 ст. 80 ТК РФ. При этом уважительность причин расторжения трудового договора спортсменом по собственному желанию устанавливается судом исходя из конкретных обстоятельств дела и с учетом норм, утвержденных общероссийскими спортивными федерациями по видам спорта⁷.

Применение спортивных санкций к стороне-нарушителю при прекращении трудового договора без уважительных причин отвечает принципу стабильности трудовых отношений, установленному в том числе в Регламенте РФС по статусу и переходам (трансферу) футболистов (далее — Регламент РФС)⁸, развивающем принцип соблюдения и уважения трудового договора на протяжении всего срока его действия, провозглашенного Международной федерацией футбола. При этом важно отметить, что нормы Регламента РФС относятся как к работодателю, так и к работнику (спортсмену и тренеру). Наличие уважительных причин досрочного расторжения трудового договора устанавливается Палатой по разрешению споров РФС в каждом конкретном случае в соответствии с п. 1 ст. 11 Регламента РФС, которая к уважительным причинам относит существенное нарушение профессиональным футбольным клубом трудового договора и (или) локальных нормативных актов, содержащих нормы трудового права (перечень нарушений открытый); утрату футбольным клубом профессионального статуса; восстановление любительского статуса

⁵ Орловский Ю. П. Трудовое право России : учеб. пособие. М. : Изд-во РОУ, 1995. С. 84.

⁶ Комментарий к Трудовому кодексу Российской Федерации : постатейный. 6-е изд. / под ред. О. А. Шевченко. М. : Проспект, 2022.

⁷ П. 28 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.11.2015 № 52 «О применении судами законодательства, регулирующего труд спортсменов и тренеров» // СПС «КонсультантПлюс».

⁸ Регламент РФС по статусу и переходам (трансферу) футболистов (утв. постановлением Исполкома РФС № 209.3 от 30.03.2022) // URL: https://rfs.ru/subject/1/documents?cat_id=58 (дата обращения: 15.04.2023).

футболистом-профессионалом в соответствии с Регламентом РФС. Так, в деле по заявлению футболиста к клубу, рассмотренном Палатой по разрешению споров, юрисдикционный орган РФС признал уважительной причиной расторжения трудового договора по инициативе работника его недопуск к тренировочному процессу в общей группе с основной командой клуба (в совокупности с иными факторами: неучастие в стартовых матчах спортивного сезона, невключение в заявку на спортивный сезон).

В противном случае при расторжении работодателем трудового договора без уважительных причин размер компенсации будет определен с учетом принципа позитивного интереса, который выражается в сопоставлении прав стороны, обязательства перед которой не выполнены, с правами этой же стороны, обязательства перед которой были бы выполнены, что подтверждается практикой Международного спортивного арбитражного суда в г. Лозанна, юрисдикционных органов ФИФА и РФС.

Аналогичные положения предусмотрены и Правовым регламентом КХЛ⁹, который при досрочном расторжении контракта профессионального хоккеиста по инициативе клуба устанавливает обязанность выплаты заработной платы за фактически отработанное время и выходное пособие; на хоккеиста, в свою очередь, возложена обязанность выплаты компенсации или денежной выплаты при досрочном расторжении контракта по собственной инициативе или по основаниям, относящимся к дисциплинарным взысканиям.

Интересно отметить, что Регламентом КХЛ не установлен запрет невыплаты выходного пособия в пользу хоккеистов при досрочном расторжении контракта по инициативе хоккейного клуба, что находит соответствующие последствия

на практике. С нашей точки зрения, правовой неурегулированности данного вопроса следует найти разрешение в установлении четкого правила относительно обязательности осуществления соответствующих выплат, что коррелирует с принципами контрактной стабильности, защиты трудовых прав работников.

Как отмечают исследователи, основаниями прекращения трудового договора являются юридические факты, то есть такие жизненные обстоятельства, при наличии которых закон допускает прекращение трудового договора¹⁰. К числу юридических фактов, влекущих прекращение трудового договора, относится в том числе перевод работника к другому работодателю. При этом важно отметить, что особенная глава ТК РФ предусматривает также временный перевод спортсмена к другому работодателю, который не прекращает, а приостанавливает действие трудового договора с возможностью его возобновления в дальнейшем.

Как отмечает М. Ю. Гусов, к числу принципов, в соответствии с которыми осуществляется правовое регулирование переводов на другую работу, относятся недопустимость такого перевода без согласия работника (по общему правилу) и в период временного отсутствия работника на работе, недопустимость установления испытательного срока при переводе на другую работу, сохранение за работником непрерывного трудового стажа, наличие дополнительных гарантий от необоснованных переводов работников¹¹.

Вместе с тем в научной литературе проводят дифференциацию переводов на постоянные и временные, которые, в свою очередь, также классифицируют по различным основаниям. Например, к основаниям дифференциации временных переводов относят принадлежность инициативы временного перевода¹², его

⁹ Правовой регламент КХЛ. Сезоны 2021/2022, 2022/2023, 2023/2024, 2024/2025 // URL: https://www.khl.ru/documents/KHL_legal_regulations_2022.pdf (дата обращения: 20.04.2023).

¹⁰ Гейхман В. Л., Дмитриева И. К. Трудовое право : учебник для вузов. М. : РПА МЮ РФ, 2002. 340 с. С. 131.

¹¹ Гусов М. Ю. Переводы в трудовом праве России: некоторые вопросы теории и практики : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.05. М., 2010. С. 24.

¹² Толкунова В. Н. Переводы по советскому трудовому праву // Советское трудовое право. М. : Высшая школа, 1987. С. 203 ; Гусов М. Ю. Указ. соч.

обязательность¹³, структуру правовых норм, регулирующих порядок временных переводов¹⁴, цели¹⁵.

Согласно типовой форме трансферного контракта о переходе футболиста расторжение трудового договора сопровождается увольнением футболиста в порядке перевода к другому работодателю и заключением с ним нового трудового договора. Важно отметить, что вступление в силу заключенного трудового договора не может быть обусловлено положительными результатами медицинского осмотра спортсмена или предоставлением ему разрешения на осуществление трудовой деятельности в Российской Федерации, что необходимо учитывать при заключении трансферного контракта.

Стандартной формой договора о переходе (обмене) хоккеиста (-ов) установлено, что одновременно с заключением данного договора его стороны (хоккейные клубы) предоставляют друг другу копии прекращенных (расторгнутых) контрактов профессиональных хоккеистов в случае встречного перехода хоккеистов. В стандартной форме договора о переходе хоккеистов между клубами КХЛ и ВХЛ установлено, что такой переход возможен только при согласии хоккеиста на его осуществление и обязательном расторжении контракта профессионального хоккеиста с предыдущим клубом.

Временный переход спортсмена в регламентных нормах общероссийских спортивных федераций может также именоваться арендой. С нашей точки зрения, понятие «аренда» в большей степени применимо к понятию «спортивные права» на спортсмена, включающие в том числе право на допуск к спортивным соревнованиям, но не к спортсмену как к физическому лицу,

соответственно, далее слово «аренда» будет использовано исключительно в смысле аренды спортивных прав на спортсмена, что тоже не является идеальной формулировкой.

Как уже было отмечено выше, изменение трудовых отношений может являться основанием прекращения трудового договора или его приостановления. В научной литературе подчеркивается, что приостановление трудового договора является возможной стадией в динамике трудового договора. О перераспределении работников между регионами и вытекающей из соответствующих обстоятельств необходимости распространить механизм приостановления трудового договора на иных работников сказано Ю. П. Орловским¹⁶, А. С. Леоновым¹⁷, М. Ю. Гусовым¹⁸, которые усматривают возможность при соответствующих изменениях стабилизировать трудовые отношения при возникновении кризисных явлений в экономике.

В ситуации с временным переводом спортсменов к другому работодателю институт приостановления трудового договора не только обеспечивает защиту прав и интересов работников, но также позволяет сохранять стабильность соревнований. Кроме того, как отмечает Д. И. Рогачев, «временная аренда спортсменов» оправдана и даже необходима, с одной стороны, ввиду возможности спортсменов, особенно молодых, проявить себя и совершенствоваться спортивное мастерство в новом клубе, при этом имея гарантии возобновления приостановленного трудового договора, с другой стороны, выгода клубов заключается в возможности просмотра игрока в новых условиях, а также осуществления временного перехода спортсмена с выплатой суммы в меньшем раз-

¹³ Ставцева А. И., Яковлев М. В. Прием и перевод на другую работу. М. : Юрид. лит., 1967. С. 160.

¹⁴ Морейн И. Б. Перевод на другую работу. М. : Юрид. лит., 1965. С. 207.

¹⁵ Циндяйкина Е. П., Цыпкина И. С. Трудовой договор: порядок заключения, изменения и расторжения / под ред. К. Н. Гусова. 3-е изд., перераб и доп. М. : Проспект, 2008. С. 224.

¹⁶ Орловский Ю. П. Трудовое право не ответило на вызов экономического кризиса // Управление персоналом. 2009. № 5. С. 12.

¹⁷ Леонов А. С. Правовое регулирование труда спортсменов и законодательство о профессиональном спорте // Право и государство: теория и практика. 2009. № 10. С. 63–66.

¹⁸ Гусов М. Ю. Указ. соч.

мере, чем при осуществлении трансфера не на условиях «аренды»¹⁹.

В научной литературе также подчеркивалось сомнение относительно соответствия предусмотренных статьей 348.4 ТК РФ ограничений при переводах спортсменов к другому работодателю основополагающим принципам трудового и гражданского законодательства²⁰. Действительно, конструкция временного перевода спортсмена к другому работодателю представляется более надежной по сравнению с практикой заключения одновременно двух трудовых договоров (кратковременного и договора с отложенным сроком вступления в силу), относительно следования второму из которых у сторон возникали недопонимания.

Тем не менее остается актуальным вопрос определения максимального размера срока временного перевода спортсмена. Исследователями подчеркивалась необходимость его увеличения с одного года до трех лет²¹ с учетом временных отрезков спортивных сезонов в каждом виде спорта. Данное предложение представляется нам обоснованным и подлежащим учету при внесении соответствующих изменений в ТК РФ. Однако на сегодня законодатель

придерживается в данной части четкой позиции относительно одного года как максимального срока временного перевода спортсмена к другому работодателю. Данное положение ст. 348.4 ТК РФ получило развитие в регламентных нормах общероссийских спортивных федераций по видам спорта.

Таким образом, рассмотрев динамику трудового договора при осуществлении переходов в спорте, приходим к выводу о неотъемлемости трудовых правоотношений как обязательной составляющей при реализации спортивного трансфера, а также о наличии особенностей в регламентном регулировании соответствующих переходов, которые должны быть учтены при разрешении спорных ситуаций, складывающихся по вопросу осуществления трудовых прав спортсменами (тренерами) при спортивных трансферах. Изучение вопроса динамики трудового договора при спортивных трансферах выявляет актуальные теоретические проблемы соотношения законодательного и регламентного регулирования переходов в спорте, необходимость внесения соответствующих изменений в ТК РФ и регламентные нормы общероссийских спортивных федераций по видам спорта.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Алтухов С. В. Государственное управление и рыночное саморегулирование экономики профессионального спорта в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2007. — 28 с.
2. Васильев С. В. Особенности трудового договора профессиональных спортсменов и рассмотрение споров в области профессионального спорта : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.05. — М., 2006. — 31 с.
3. Васильев С. В. Особенности трудового договора профессиональных спортсменов и рассмотрение споров в области профессионального спорта : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.05. — М., 2006. — 218 с.
4. Васильев В. П. Гражданско-правовое регулирование отношений в области профессионального спорта : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. — К., 2006. — 216 с.
5. Гейхман В. Л., Дмитриева И. К. Трудовое право : учебник для вузов. — М. : РПА МЮ РФ, 2002. — 340 с.

¹⁹ Рогачев Д. И. Модернизация правового регулирования труда спортсменов и тренеров // Новое спортивное законодательство : материалы Международной научно-практической конференции «Спортивное право: перспективы развития» / сост. Д. И. Рогачев. М., 2008. С. 24–30.

²⁰ Гусов М. Ю. Указ. соч.

²¹ Пенцов Д. А. Защита прав игроков при их переходе (трансфере) из одного клуба в другой // Спорт: экономика, право, управление. 2010. № 2. С. 10–16.

6. Гусов М. Ю. Переводы в трудовом праве России: некоторые вопросы теории и практики : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.05. — М., 2010. — 156 с.
7. Зайцев Ю. В. Правовая природа переходов спортсменов // Спорт: экономика, право, управление. — 2009. — № 4. — С. 18–24.
8. Комментарий к Трудовому кодексу Российской Федерации (постатейный). — 6-е изд. / под ред. О. А. Шевченко. — М. : Проспект, 2022.
9. Коршунова Т. Ю. Развитие законодательства о труде профессиональных спортсменов // Трудовое право. — 2006. — № 5–7.
10. Леонов А. С. Правовое регулирование труда спортсменов и законодательство о профессиональном спорте // Право и государство: теория и практика. — 2009. — № 10. — С. 63–66.
11. Леонов А. С. Правовое регулирование труда спортсменов и тренеров: проблемы и перспективы развития : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2009. — 158 с.
12. Мисюрин И. В. Особенности правового регулирования трудовых отношений профессиональных спортсменов в командных видах спорта : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.05. — Екатеринбург, 2005. — 29 с.
13. Морейн И. Б. Перевод на другую работу. — М. : Юрид. лит., 1965.
14. Орловский Ю. П. Трудовое право не ответило на вызов экономического кризиса // Управление персоналом. — 2009. — № 5.
15. Орловский Ю. П. Трудовое право России : учеб. пособие. — М. : Изд-во РОУ, 1995. — 224 с.
16. Пенцов Д. А. Защита прав игроков при их переходе (трансфере) из одного клуба в другой // Спорт: экономика, право, управление. — 2010. — № 2. — С. 10–16.
17. Рогачев Д. И. Модернизация правового регулирования труда спортсменов и тренеров // Новое спортивное законодательство : материалы Международной научно-практической конференции «Спортивное право: перспективы развития» / сост. Д. И. Рогачев. — М., 2008. — С. 24–30.
18. Рогачев Д. И. О новом Федеральном законе «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» // Материалы II Международной научно-практической конференции «Спортивное право: перспективы развития» / сост. Д. И. Рогачев, М. А. Прокопец. — М. : Макс Пресс, 2009.
19. Скачкова Г. С. Особенности регулирования трудовых отношений в области физической культуры и спорта // Трудовое право. — 2002. — № 5. — С. 65–73.
20. Ставцева А. И., Яковлев М. В. Прием и перевод на другую работу. — М. : Юрид. лит., 1967.
21. Толкунова В. Н. Переводы по советскому трудовому праву // Советское трудовое право. — М. : Высшая школа, 1987.
22. Тукманов С. В. Особенности трудоустройства профессионального футболиста : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.05. — М., 2007. — 24 с.
23. Циндякина Е. П., Цыпкина И. С. Трудовой договор: порядок заключения, изменения и расторжения / под ред. К. Н. Гусова. — 3-е изд., перераб и доп. — М. : Проспект, 2008.
24. Шевченко О. А. Особенности правового регулирования труда профессиональных спортсменов : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.05. — М., 2005. — 22 с.

Материал поступил в редакцию 9 мая 2023 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Altukhov S. V. Gosudarstvennoe upravlenie i rynochnoe samoregulirovanie ekonomiki professionalnogo sporta v Rossiyskoy Federatsii: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. — М., 2007. — 28 s.
2. Vasilev S. V. Osobennosti trudovogo dogovora professionalnykh sportsmenov i rassmotrenie sporov v oblasti professionalnogo sporta: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.05. — М., 2006. — 31 s.

3. Vasilev S. V. Osobennosti trudovogo dogovora professionalnykh sportsmenov i rassmotrenie sporov v oblasti professionalnogo sporta: dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.05. — M., 2006. — 218 s.
4. Vaskevich V. P. Grazhdansko-pravovoe regulirovanie otnosheniy v oblasti professionalnogo sporta: dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.03. — K., 2006. — 216 s.
5. Geykhman V. L., Dmitrieva I. K. Trudovoe pravo: uchebnik dlya vuzov. — M.: RPA MYu RF, 2002. — 340 s.
6. Gusov M. Yu. Perevody v trudovom prave Rossii: nekotorye voprosy teorii i praktiki: dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.05. — M., 2010. — 156 s.
7. Zaytsev Yu. V. Pravovaya priroda perekhodov sportsmenov // Sport: ekonomika, pravo, upravlenie. — 2009. — № 4. — S. 18–24.
8. Kommentariy k Trudovomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii (postateynny). — 6-e izd. / pod red. O. A. Shevchenko. — M.: Prospekt, 2022.
9. Korshunova T. Yu. Razvitie zakonodatelstva o trude professionalnykh sportsmenov // Trudovoe pravo. — 2006. — № 5–7.
10. Leonov A. S. Pravovoe regulirovanie truda sportsmenov i zakonodatelstvo o professionalnom sporte // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. — 2009. — № 10. — S. 63–66.
11. Leonov A. S. Pravovoe regulirovanie truda sportsmenov i trenerov: problemy i perspektivy razvitiya: dis. ... kand. yurid. nauk. — M., 2009. — 158 s.
12. Misyurin I. V. Osobennosti pravovogo regulirovaniya trudovykh otnosheniy professionalnykh sportsmenov v komandnykh vidakh sporta: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.05. — Ekaterinburg, 2005. — 29 s.
13. Moreyn I. B. Perevod na druguyu rabotu. — M.: Yurid. lit., 1965.
14. Orlovskiy Yu. P. Trudovoe pravo ne otvetil na vyzov ekonomicheskogo krizisa // Upravlenie personalom. — 2009. — № 5.
15. Orlovskiy Yu. P. Trudovoe pravo Rossii: ucheb. posobie. — M.: Izd-vo ROU, 1995. — 224 s.
16. Pentsov D. A. Zashchita prav igrokov pri ikh perekhode (transfere) iz odnogo kluba v drugoy // Sport: ekonomika, pravo, upravlenie. — 2010. — № 2. — S. 10–16.
17. Rogachev D. I. Modernizatsiya pravovogo regulirovaniya truda sportsmenov i trenerov // Novoe sportivnoe zakonodatelstvo: materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Sportivnoe pravo: perspektivy razvitiya» / sost. D. I. Rogachev. — M., 2008. — S. 24–30.
18. Rogachev D. I. O novom Federalnom zakone «O fizicheskoy kulture i sporte v Rossiyskoy Federatsii» // Materialy II Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Sportivnoe pravo: perspektivy razvitiya» / sost. D. I. Rogachev, M. A. Prokopets. — M.: Maks Press, 2009.
19. Skachkova G. S. Osobennosti regulirovaniya trudovykh otnosheniy v oblasti fizicheskoy kultury i sporta // Trudovoe pravo. — 2002. — № 5. — S. 65–73.
20. Stavtseva A. I., Yakovlev M. V. Priem i perevod na druguyu rabotu. — M.: Yurid. lit., 1967.
21. Tolkunova V. N. Perevody po sovetskomu trudovomu pravu // Sovetskoe trudovoe pravo. — M.: Vysshaya shkola, 1987.
22. Tukmanov S. V. Osobennosti trudopravovogo statusa professionalnogo futbolista: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.05. — M., 2007. — 24 s.
23. Tsindyaykina E. P., Tsyapkina I. S. Trudovoy dogovor: poryadok zaklyucheniya, izmeneniya i rastorzheniya / pod red. K. N. Gusova. — 3-e izd., pererab i dop. — M.: Prospekt, 2008.
24. Shevchenko O. A. Osobennosti pravovogo regulirovaniya truda professionalnykh sportsmenov: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.05. — M., 2005. — 22 s.

Привлечение специалиста к уголовной ответственности по ст. 307 УК РФ

Аннотация. В статье автор анализирует причины возникновения негативного отношения судов к таким доказательствам, как показание и заключение специалиста, активно используемым и стороной защиты, и следствием. Однако их эффективность в настоящий момент весьма невелика в силу того, что в ходе досудебного производства и в суде они зачастую признаются недопустимыми. Наиболее частым обоснованием отказа в приобщении заключения специалиста является тот факт, что специалист не был предупрежден об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения. Однако данное предупреждение не предусмотрено процессуальным кодексом, а само заключение специалиста отсутствует в диспозиции ст. 307 «Заведомо ложные показания, заключение эксперта, специалиста или неправильный перевод» УК РФ, в отличие от ст. 309 «Подкуп или принуждение к даче показаний или уклонению от дачи показаний либо к неправильному переводу» УК РФ. По мнению автора, это происходит из-за несогласованности норм УПК РФ и УК РФ, в результате чего применение ст. 307 УК РФ в отношении специалистов за заведомо ложное показание или заключение фактически нереализуемо. Автор предлагает внести изменения в действующее процессуальное и уголовное законодательство в целях изменения сложившейся ситуации. Так, обосновывается необходимость добавления в ст. 58 УПК РФ положения о предупреждении специалистов об уголовной ответственности по ст. 307 УК РФ, а в ст. 307 УК РФ — заключения специалиста.

Ключевые слова: преступление против правосудия; заведомо ложное заключение специалиста; заведомо ложное показание специалиста; уголовное наказание; предупреждение специалиста; подкуп; склонение; Пленум ВС РФ; структура заключения специалиста.

Для цитирования: Надоненко О. Н. Привлечение специалиста к уголовной ответственности по ст. 307 УК РФ // Актуальные проблемы российского права. — 2023. — Т. 18. — № 11. — С. 127–134. — DOI: 10.17803/1994-1471.2023.156.11.127-134.

© Надоненко О. Н., 2023

* Надоненко Ольга Николаевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминалистики Екатеринбургского филиала Московской академии Следственного комитета Российской Федерации
ул. Щорса, д. 18, г. Екатеринбург, Россия, 620142
expdna@yandex.ru

Bringing an Expert to Criminal Responsibility under Art. 307 of the Criminal Code of the Russian Federation

Olga N. Nadonenko, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor, Department of Criminalistics, Ekaterinburg Branch, Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation
ul. Shchorsa, d. 18, Ekaterinburg, Russia, 620142
expdna@yandex.ru

Abstract. In the paper, the author analyzes the reasons for the negative attitude of the courts towards such evidence as expert opinions that is applied by both the defense and the investigation. However, the effectiveness of such is currently very low because during pre-trial proceedings and in court they are often recognized as inadmissible. The most common justification for refusal to include an expert opinion is the fact that the expert was not notified of criminal responsibility for giving a willfully false statement. However, this kind of caution is not provided for in the procedural code, and the expert opinion itself is not included in the disposition of Art. 307 «Willfully false statement, expert opinion, specialist or incorrect translation» of the Criminal Code of the Russian Federation, in contrast to Art. 309 «Bribery or coercion to give testimony or avoidance of giving testimony or incorrect translation» of the Criminal Code of the Russian Federation. According to the author, this is due to the inconsistency of the norms of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation and the Criminal Code of the Russian Federation, as a result of which the application of Art. 307 of the Criminal Code of the Russian Federation against experts for willfully false statement or opinion is virtually impossible to implement. The author proposes to make changes to the current procedural and criminal legislation in order to improve the current situation. Thus, the need to add to Art. 58 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation provisions on notifying experts about criminal responsibility under Art. 307 of the Criminal Code of the Russian Federation, and in Art. 307 of the Criminal Code of the Russian Federation — expert opinions.

Keywords: crime against justice; willfully false expert opinion; willfully false expert statement; criminal sanction; caution; bribe; corruption; Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation; expert opinion structure.

Cite as: Nadonenko ON. Bringing an Expert to Criminal Responsibility under Art. 307 of the Criminal Code of the Russian Federation. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2023;18(11):127-134. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2023.156.11.127-134

Преступления против правосудия — это общественно опасные деяния, посягающие на общественные отношения в сфере отправления правосудия судом, а также на общественные отношения в сфере содействия суду в отправлении правосудия, оказываемого иными органами и лицами в предусмотренном законодательством порядке¹. Понимание необходимости защиты самого правосудия путем противодействия данному виду преступления не является результатом осознания реальности последних лет. Нормы, обеспечивающие ее

реализацию, присутствовали в Русской Правде, в Новгородской и Псковской судных грамотах, Судебнике 1497 г., Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., Уголовном уложении 1903 г., уголовных кодексах республик СССР². Эта группа преступлений не относится исключительно к преступлениям, порожденным политической и экономической системой России. Принципы правосудия изложены в ряде международных документов, таких как Всеобщая декларация прав человека ООН 1948 г., Конвенция о защите прав человека и основных

¹ Российское уголовное право. Общая и Особенная части : учебник : в 3 т. 2-е изд., испр. и доп. / под ред. докт. юрид. наук, проф. Н. А. Лопашенко. М. : Юрлитинформ, 2014. Т. 3 : Особенная часть. С. 447.

² Лобанова Л. В. Преступления против правосудия: теоретические проблемы классификации и законодательной регламентации. Волгоград : Изд-во Волгоград. гос. ун-та, 1999. С. 16–20.

свобод (Рим, 1950 г.), Основных принципах независимости судебных органов ООН 1985 г. и др.

Осознание того, что искажение истины препятствует справедливому разрешению уголовного дела, нарушает нормальное функционирование судебной системы, работу органов следствия и дознания и может препятствовать вынесению законного, обоснованного и справедливого приговора суда³, подводит нас к пониманию актуальности вопросов организации противодействия данному виду преступлений.

Одним из инструментов, с помощью которого достигается установление истины по уголовному делу, является привлечение лиц, обладающих специальными познаниями, для оказания различного рода помощи следствию. В процессуальной форме эта помощь выражается действиями сведущих лиц, получивших статус судебного эксперта и судебного специалиста.

Изначально функционал этих сведущих лиц был четко определен и разделен: эксперты производят судебные экспертизы, специалисты помогают следователю в производстве следственных действий и консультируют его по вопросам своей специализации. Однако в дальнейшем стремление законодателя уравновесить возможности защиты и обвинения привели к тому, что на специалиста стали смотреть как на некую альтернативу эксперту. В уголовном процессе появились не только показания специалиста, но и заключение специалиста (ст. 80 УПК РФ), которые, в свою очередь, действующим законодательством допускаются в качестве доказательства (ст. 74 УПК РФ)⁴ по уголовному делу.

Но на практике возникла парадоксальная ситуация: несмотря на то, что согласно ч. 2 ст. 17 УПК РФ никакие доказательства не имеют заранее установленной силы, суды демонстрируют

крайне негативное отношение к ним, в особенности к заключению специалиста. Причем это проявляется именно в том случае, когда документ обозначен как «заключение специалиста». В то же время другие документы (по существу, являющиеся заключениями сведущих лиц, т.е. специалистов) под различными названиями, например «итоги аудиторской проверки», «отчет об инспектировании», «рецензия» и т.п., принимаются судами наравне с другими доказательствами по делу в качестве «иных» письменных доказательств, на что уже обращали внимание представители научного сообщества⁵. Возможно, дифференцированный подход к письменным доказательствам вызван тем, что большинство таких документов имеют нормативный регламент анализа данных и их оформления, в то время как норма о заключении специалиста в УПК РФ не получила дальнейшего развития, в отличие от заключения эксперта.

Другой причиной непринятия судами заключения специалиста является то, что специалист не несет уголовной ответственности за заведомо ложное заключение, в отличие от эксперта. Это явилось следствием изменений, принятых в Уголовном кодексе еще в 2003⁶ году и действующих до сих пор. В настоящий момент мы имеем несоответствие как между нормами УПК РФ и УК РФ, так и внутри самого Уголовного кодекса Российской Федерации. Речь идет о ст. 307 и 309 УК РФ и ст. 58 и 74 УПК РФ.

Согласно Федеральному закону от 08.12.2003 № 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» статья 307 УК РФ, исходя из измененного наименования, должна была содержать положения относительно заведомо ложных пока-

³ Уголовное право России. Части Общая и Особенная : учебник / под ред. А. В. Бриллиантова. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2016. С. 1024.

⁴ Федеральный закон от 04.07.2003 № 92-ФЗ (ред. от 29.12.2010) «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 04.04.2023).

⁵ Терсинцева Е. В. О злоупотреблениях со стороны экспертов и специалистов как участников судопроизводства // Адвокатская газета. 2019. № 9 (290). URL: <https://al-cg.com/news/o-zloupotrebleniah-so-storony-ekspertov-i-specialistov-kak-uchastnikov-sudoproizvodstva-stata-tersincevoj-ev-v-advokatskoj-gazete> (дата обращения: 04.04.2023).

заний и заключений эксперта и специалиста. Однако вышеуказанным Федеральным законом часть первая была изменена следующим образом: «слова “заключение эксперта” заменить словами “заключение или показание эксперта, показание специалиста”...». Таким образом, из содержания по непонятным основаниям было исключено «заключение специалиста». Если данное несоответствие явилось следствием технической ошибки, то нам совершенно непонятно, сколько же времени необходимо для того, чтобы ее исправить. Данная редакция существует уже почти 20 лет, об этом несоответствии между наименованием и содержанием отмечалось неоднократно в работах различных авторов⁶. Тем не менее статья остается неизменной, и специалист до сих пор не может быть привлечен к ответственности за дачу заведомо ложного заключения, которое при этом уголовно-процессуальным законодательством допускается как доказательство (ст. 74 УПК РФ).

Кроме вышеуказанного различия, содержащегося в ст. 307 УК РФ, по нашему мнению, имеется еще и противоречие данной нормы содержанию ст. 309 УК РФ. Правки, внесенные в ст. 309 УК РФ тем же Федеральным законом, содержали указание, как на показания, так и на заключение специалиста. В итоге согласно действующему Уголовному кодексу Российской Федерации подкуп, принуждение специалиста к даче ложного заключения является уголовно наказуемым деянием.

Таким образом, мы имеем странную ситуацию, когда склонение специалиста к даче ложного заключения (т.е., по сути, к даче заведомо ложного заключения) — уголовное преступле-

ние, а сам факт дачи заведомо ложного заключения специалистом таковым не является и по закону не преследуется.

Завершает изложенную нами несогласованность нормативных положений тот факт, что ст. 58 УПК РФ не содержит указания на то, что специалист должен быть предупрежден об ответственности за дачу заведомо ложного заключения или показаний. Этот пробел можно было бы считать в некотором роде компенсированным п. 26 Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2022 № 20 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях против правосудия»⁸. В нем говорится, что «судам следует иметь в виду, что предусмотренные статьей 307 УК РФ деяния признаются уголовно наказуемыми при условии их совершения лицом, которое было предупреждено об уголовной ответственности по указанной норме согласно процессуальному законодательству в рамках соответствующего вида судопроизводства (в частности, уголовного, гражданского, административного)». Однако в данной редакции указывается, что предупреждение следует делать согласно процессуальному законодательству, т.е. в рассматриваемой нами ситуации — согласно УПК РФ, который в настоящий момент не предусматривает данного действия в отношении специалистов.

Возможно, поскольку заведомо ложные показания специалиста присутствуют в диспозиции ст. 307 УК РФ, следователь вправе расширительно трактовать данный пункт и предупредить специалиста об ответственности за дачу заведомо ложных показаний. Об этом же заявляет и Конституционный Суд в определении от 31.01.2023

⁶ Федеральный закон от 08.12.2003 № 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 04.04.2023).

⁷ Дегтярева Н. И. О некоторых направлениях совершенствования законодательства об ответственности за преступления против правосудия, связанные с сокрытием и фальсификацией доказательств // Российский следователь. 2009. № 22. С. 13–16; Шапиро Л. Г. Проблемы правового регулирования института заключения специалиста в уголовном судопроизводстве // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2015. № 4 (105). С. 204–208; Брянская Е. В., Рукавишников П. П. Допустимость заключения и показаний специалиста в процессе доказывания по уголовному делу // Академический юридический журнал. 2019. № 2. С. 35–41.

⁸ Пленум Верховного Суда РФ от 28.06.2022 № 20 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях против правосудия» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 04.04.2023).

№ 6-О/2023⁹: «По смыслу правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, изложенной в ряде его решений... однородные по своей природе отношения должны в силу принципа юридического равенства регулироваться сходным образом. Следовательно, привлечение к участию в деле специалиста, основания и порядок назначения и производства судебных экспертиз, проверка и оценка их результатов в качестве доказательств предполагают соблюдение единых правил и условий». Однако автор полагает, что правильнее внести соответствующие дополнения в процессуальный закон, чтобы не порождать двойственные ситуации на практике.

К тому же ситуацию с заключением специалиста это никак не разрешает, поскольку нельзя предупреждать об ответственности за то, что не является объективной стороной преступления, предусмотренного законом. Более того, в настоящий момент выполнение рекомендации о предупреждении специалиста об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения можно рассматривать как его обман со стороны представителей закона, поскольку ее не существует в УК РФ.

Таким образом, несмотря на то что за заведомо ложные показания специалиста предусмотрена ответственность по ст. 307 УК РФ, реализовать ее представляется проблематичным, в связи с тем, что для специалиста не предусмотрено процессуальным законодательством предупреждение об этом. Заведомо ложное заключение специалиста в принципе не является уголовно наказуемым деянием.

Безнаказанность специалистов как за дачу заведомо ложных показаний, так и за выполнение аналогичных заключений порождает у них иллюзию вседозволенности, что не может не приводить к вполне обоснованному недоверию

со стороны судов к данным доказательствам. Однако это недоверие должно быть обосновано анализом содержания заключения специалиста или его показаний, а не формальной оценкой наличия или отсутствия предупреждения, как это зачастую происходит сейчас. Вероятно, судье проще воспользоваться формальным поводом, нежели разбираться по существу в данном вопросе. И это несмотря на то, что свидетели и потерпевшие, предупрежденные об ответственности, все равно по различным основаниям дают заведомо ложные показания, равно как и эксперты. Утверждение о том, что «у суда нет оснований сомневаться в истинности заключения эксперта, поскольку последний был предупрежден об ответственности за дачу заведомо ложного заключения», разбивается самой же судебной практикой¹⁰, как и тем, что если бы таких заключений не было, то и наказания за это не было бы. Следовательно, разница между заключением специалиста и эксперта в рассматриваемой ситуации заключается не в наличии или отсутствии предупреждения, а в наличии или отсутствии наказания. По закону степень доверия к обоим доказательствам должна быть одинаковой, оба документа должны оцениваться не по формальным признакам, а по содержанию. Слепое доверие к заключению эксперта наносит такой же вред правосудию, как и бездумный отказ в рассмотрении заключения специалиста. При этом желание найти формальный признак, позволяющий не проводить критической оценки заключения специалиста, а априори считать его недостоверным, иногда принимает интересные формы. Так, в качестве признака заведомой ложности заключения специалиста предлагают оценивать гонорар, выплаченный ему. Если он несоразмерно высок, то это будет свидетельствовать о его личной заинтересованности¹¹.

⁹ Определение Конституционного Суда РФ от 31.01.2023 № 6-О/2023 «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шевцова Сергея Анатольевича на нарушение его конституционных прав пунктом 31 части второй статьи 74 и частью третьей статьи 80 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision662936.pdf> (дата обращения: 11.04.2023).

¹⁰ Тарасов А. А., Шарипова А. Л. Уголовно-процессуальный аспект дифференциации уголовной ответственности эксперта и специалиста за дачу заведомо ложных показаний и заключений // Legal Concept. 2017. № 3 Т. 16. С. 24 ; Акопов В. И., Маслов Е. Н. Право в медицине. М. : Книга-сервис, 2002.

¹¹ Брянская Е. В., Рукавишников П. П. Указ. соч. С. 40.

Авторы только не конкретизируют, по каким критериям и кто будет определять соразмерность гонорара выполненным работам и уровню квалификации специалиста. Нам также непонятно, почему данное предложение не предусматривает аналогичного подхода и к ситуации с гонорами за производство судебных экспертиз. Тем более что подавляющее большинство сведущих лиц выступают в уголовном процессе и как специалисты, и как эксперты. Они могут приобретать данные процессуальные статусы даже в рамках одного уголовного дела. Поэтому предполагать, что человек за высокий гонорар в статусе специалиста будет давать заведомо ложные заключения и показания, а в статусе эксперта будет кристально честен, на наш взгляд, несколько странно.

В попытке разработать механизм по стимулированию сведущих лиц к ответственному отношению к своим показаниям и заключениям нам представляется интересным предложение Е. В. Терсинцевой о создании реестра недобросовестных специалистов/экспертов¹², равно как и предложения других авторов о создании официального реестра судебных экспертов и судебно-экспертных организаций¹³. В случае реализации второго предложения внутри такого реестра возможно создание рейтинговой системы как для сведущих лиц, так и для организаций. В таком рейтинге у специалиста / эксперта можно будет размещать сведения о результатах повторных судебных экспертиз по его заключениям, о признании его заключений или показаний в качестве специалиста недопустимыми, заведомо лож-

ными. Однако при создании таких реестров или рейтингов существует определенная опасность впасть в другую крайность, когда суды не будут оценивать заключение, а будут учитывать только положение сведущего лица в них, автоматически приравнивая рейтинг к качеству выполненного исследования. Ведь в настоящее время мы как раз и наблюдаем аналогичное рейтингование, при котором заключение судебного эксперта всегда выше заключения судебного специалиста, даже если их выполняет один и тот же человек.

Тем не менее, какой бы мы ни выбрали подход к оценке достоверности заключений и показаний специалистов, какое бы решение ни приняло общество в части учета добросовестных судебных специалистов/экспертов, проблематику привлечения специалиста к ответственности по ст. 307 УК РФ можно разрешить исключительно правовым путем.

По нашему мнению, необходимо внести изменения как в статью 307 УК РФ, так и в статью 58 УПК РФ.

Заключение специалиста должно быть включено в диспозицию ст. 307 УК РФ, которую можно изложить следующим образом: «заведомо ложные показания свидетеля, потерпевшего либо заключение или показание эксперта, специалиста, а равно заведомо неправильный перевод в суде либо в ходе досудебного производства». Данное предложение ранее озвучивалось и другими авторами¹⁴.

Статью «Специалист» в Уголовно-процессуальном кодексе РФ следует дополнить п. 5 следующего содержания: «За дачу заведомо лож-

¹² Терсинцева Е. В. Указ. соч.

¹³ Миллюхин П. В приоритете объективность // Адвокатская газета. 09.11.2021. URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/v-prioritete-obektivnost/> (дата обращения: 12.04.2023); Аминев Ф. Г. О проблемах производства новых видов и родов судебных экспертиз негосударственными судебно-экспертными организациями // Актуальные проблемы права и государства в XXI веке. 2019. Т. 11. № 1. С. 40–46; Абдуллин Р. Р. О проблемах и перспективах развития негосударственных судебно-экспертных организаций в России // Евразийская адвокатура. 2020. № 6 (49). С. 102.

¹⁴ Бельский А. И. Пробелы правовой регламентации уголовной ответственности специалиста // Вестник Белгородского юридического института МВД России. 2012. № 1. С. 56; Шапиро Л. Г. Указ. соч. С. 208; Тарасов А. А., Шарипова А. Л. Указ. соч. С. 24; Брянская Е. В., Рукавишников П. П. Указ. соч. С. 40; Шмарев А. И. К вопросу о месте в системе доказательств заключения специалиста // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2019. № 4 (12). С. 69.

ного заключения, показания специалист несет ответственность в соответствии со статьей 307 УК РФ».

Полагаем, что реализация данных предложений позволит повысить качество показаний и заключений специалистов, которые уже не будут относиться к ним безответственно, полагаясь на свою безнаказанность со стороны закона. Это,

в свою очередь, приведет к тому, что в судах к их показаниям и заключениям будут относиться с большим доверием или как минимум исчезнет формальный повод для их отвода в связи с тем, что специалист не был предупрежден об ответственности по ст. 307 УК РФ, и суды будут оценивать заключения, показания специалистов по существу.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Абдуллин Р. Р. О проблемах и перспективах развития негосударственных судебно-экспертных организаций в России // Евразийская адвокатура. — 2020. — № 6 (49). — С. 101–105.
2. Акопов В. И., Маслов Е. Н. Право в медицине. — М. : Книга-сервис, 2002. — 352 с.
3. Аминев Ф. Г. О проблемах производства новых видов и родов судебных экспертиз негосударственными судебно-экспертными организациями // Актуальные проблемы права и государства в XXI веке. — 2019. — Т. 11. — № 1. — С. 40–46.
4. Бельский А. И. Пробелы правовой регламентации уголовной ответственности специалиста // Вестник Белгородского юридического института МВД России. — 2012. — № 1. — С. 55–57.
5. Брянская Е. В., Рукавишников П. П. Допустимость заключения и показаний специалиста в процессе доказывания по уголовному делу // Академический юридический журнал. — 2019. — № 2. — С. 35–41.
6. Дегтярева Н. И. О некоторых направлениях совершенствования законодательства об ответственности за преступления против правосудия, связанные с сокрытием и фальсификацией доказательств // Российский следователь. — 2009. — № 22. — С. 13–16.
7. Лобанова Л. В. Преступления против правосудия: теоретические проблемы классификации и законодательной регламентации. — Волгоград : Издательство Волгоградского государственного университета, 1999. — 268 с.
8. Российское уголовное право. Общая и Особенная части : учебник : в 3 т. Т. 3. Особенная часть. — 2-е изд., испр. и доп. / под ред. докт. юрид. наук, проф. Н. А. Лопашенко. — М. : Юрлитинформ, 2014. — 664 с.
9. Тарасов А. А., Шарипова А. Л. Уголовно-процессуальный аспект дифференциации уголовной ответственности эксперта и специалиста за дачу заведомо ложных показаний и заключений // Legal Concept. — 2017. — Т. 16. — № 3. — С. 21–25.
10. Терсинцева Е. В. О злоупотреблениях со стороны экспертов и специалистов как участников судопроизводства // Адвокатская газета. — 2019. — № 9 (290). — URL: <https://al-cg.com/news/o-zloupotrebleniah-so-storony-ekspertov-i-specialistov-kak-uchastnikov-sudoproizvodstva-stata-tersincevoj-ev-v-advokatskoj-gazete> (дата обращения: 04.04.2023).
11. Уголовное право России. Части Общая и Особенная : учебник / под ред. А. В. Бриллиантова. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Проспект, 2016. — 1184 с.
12. Шапиро Л. Г. Проблемы правового регулирования института заключения специалиста в уголовном судопроизводстве // Вестник Саратовской государственной юридической академии. — 2015. — № 4 (105). — С. 204–208.
13. Шмарев А. И. К вопросу о месте в системе доказательств заключения специалиста // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. — 2019. — № 4 (12). — С. 67–71.

Материал поступил в редакцию 7 апреля 2023 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Abdullin R. R. O problemakh i perspektivakh razvitiya negosudarstvennykh sudebno-ekspertnykh organizatsiy v Rossii // *Evraziyskaya advokatura*. — 2020. — № 6 (49). — S. 101–105.
2. Akopov V. I., Maslov E. N. *Pravo v meditsine*. — M.: Kniga-servis, 2002. — 352 s.
3. Aminev F. G. O problemakh proizvodstva novykh vidov i rodov sudebnykh ekspertiz negosudarstvennymi sudebno-ekspertnymi organizatsiyami // *Aktualnye problemy prava i gosudarstva v XXI veke*. — 2019. — T. 11. — № 1. — S. 40–46.
4. Belskiy A. I. Probely pravovoy reglamentatsii ugovnoy otvetstvennosti spetsialista // *Vestnik Belgorodskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*. — 2012. — № 1. — S. 55–57.
5. Bryanskaya E. V., Rukavishnikov P. P. Dopustimost zaklyucheniya i pokazaniy spetsialista v protsesse dokazyvaniya po ugovnomu delu // *Akademicheskii yuridicheskii zhurnal*. — 2019. — № 2. — S. 35–41.
6. Degtyareva N. I. O nekotorykh napravleniyakh sovershenstvovaniya zakonodatelstva ob otvetstvennosti za prestupleniya protiv pravosudiya, svyazannye s sokrytiem i falsifikatsiey dokazatelstv // *Rossiyskiy sledovatel*. — 2009. — № 22. — S. 13–16.
7. Lobanova L. V. *Prestupleniya protiv pravosudiya: teoreticheskie problemy klassifikatsii i zakonodatelnoy reglamentatsii*. — Volgograd: Izdatelstvo Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta, 1999. — 268 s.
8. *Rossiyskoe ugovnoe pravo. Obshchaya i Osobennaya chasti: uchebnik: v 3 t. T. 3. Osobennaya chast.* — 2-e izd., ispr. i dop. / pod red. dokt. yurid. nauk, prof. N. A. Lopashenko. — M.: Yurlitinform, 2014. — 664 s.
9. Tarasov A. A., Sharipova A. L. Ugolovno-protsessualnyy aspekt differentsiatsii ugovnoy otvetstvennosti eksperta i spetsialista za dachu zavedomo lozhnykh pokazaniy i zaklyucheniye // *Legal Concept*. — 2017. — T. 16. — № 3. — S. 21–25.
10. Tersintseva E. V. O zloupotrebleniyakh so storony ekspertov i spetsialistov kak uchastnikov sudoproizvodstva // *Advokatskaya gazeta*. — 2019. — № 9 (290). — URL: <https://al-cg.com/news/o-zloupotrebleniah-so-storony-ekspertov-i-specialistov-kak-uchastnikov-sudoproizvodstva-stata-tersincevoj-ev-v-advokatskoj-gazete> (data obrashcheniya: 04.04.2023).
11. *Ugovnoe pravo Rossii. Chasti Obshchaya i Osobennaya: uchebnik / pod red. A. V. Brilliantova*. — 2-e izd., pererab. i dop. — M.: Prospekt, 2016. — 1184 s.
12. Shapiro L. G. Problemy pravovogo regulirovaniya instituta zaklyucheniya spetsialista v ugovnom sudoproizvodstve // *Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii*. — 2015. — № 4 (105). — S. 204–208.
13. Shmarev A. I. K voprosu o meste v sisteme dokazatelstv zaklyucheniya spetsialista // *Kriminalistika: vchera, segodnya, zavtra*. — 2019. — № 4 (12). — S. 67–71.

Сущность административной преюдиции как правового явления

Аннотация. Одна из современных тенденций развития уголовного законодательства России проявляется в увеличении числа норм с административной преюдицией. Подобные нормы закрепляются в большинстве глав Уголовного кодекса РФ, что подчеркивает их значимость для законодателя. В данных условиях не вызывает сомнений тот факт, что для правильного применения указанных норм необходимо в первую очередь верно истолковывать сущность административной преюдиции, понимать ее основное назначение и признаки. Сегодня в уголовном законе отсутствует легальное толкование данного термина, что обуславливает появление всё новых подходов к определению административной преюдиции в уголовном праве. Однако они не раскрывают в полной мере ее сущность, а лишь затрагивают ее отдельные признаки. Особо принципиальным моментом, подчеркивающим значимость выявления правовой природы административной преюдиции, является то, что в науке не утихают споры относительно допустимости подобных норм в уголовном праве в принципе. В отсутствие единства в используемой терминологии законодателем предлагаются и разные способы закрепления административной преюдиции в уголовно-правовых нормах. Закономерным итогом такого неоднозначного подхода к формулированию составов преступлений с административной преюдицией становится сложность в интерпретации признаков подобных составов преступлений. В то же время очевидно, что указанные уголовно-правовые нормы, в силу единства их правового назначения, должны закрепляться единообразно. Единообразие должно проявляться как в использовании единой терминологии, так и в применении одинакового подхода к конструированию таких составов преступлений. В связи с этим актуален поиск комплексного подхода к установлению сущности административной преюдиции как особого уголовно-правового явления.

Ключевые слова: административная преюдиция; неоднократность; общественная опасность; правовая сущность; правовое явление; превенция; правовая тождественность деликтов; уголовно-правовая норма; уголовное право; уголовные правоотношения.

Для цитирования: Лактюхин А. О. Сущность административной преюдиции как правового явления // Актуальные проблемы российского права. — 2023. — Т. 18. — № 11. — С. 135–145. — DOI: 10.17803/1994-1471.2023.156.11.135-145.

The Essence of Administrative Prejudicial Effect as a Legal Phenomenon

Artem O. Laktyukhin, Postgraduate Student, Department of Criminal Law and Procedure,
Esenin Ryazan State University
ul. Svobody, d. 46, Ryazan, Russia, 390000
laktjuhinar@gmail.com

Abstract. One of the modern trends in the development of criminal legislation in Russia is manifested in an increase in the number of norms with administrative prejudicial effect. Such norms are enshrined in most chapters of the Criminal Code of the Russian Federation, which emphasizes their importance for the legislator. In these conditions, there is no doubt that for the correct application of these norms it is necessary, first, to correctly interpret the essence of administrative prejudicial effect, to understand its main purpose and characteristics. Today in criminal law there is no legal interpretation of this term, which leads to the emergence of ever new approaches to the definition of administrative prejudice in criminal law. However, they do not fully reveal its essence, but only touch on its individual features. A particularly fundamental point that emphasizes the importance of identifying the legal nature of administrative prejudicial effect is that in science there are ongoing debates regarding the admissibility of such norms in criminal law in principle. In the absence of unity in the terminology used, the legislator also proposes different ways to consolidate administrative prejudicial effect in criminal law. The logical result of such an ambiguous approach to the formulation of crimes with administrative prejudicial effect is the difficulty in interpreting the elements of such crimes. At the same time, it is obvious that these criminal law norms, due to the unity of their legal purpose, must be established uniformly. Uniformity should be manifested both in the use of uniform terminology and in the application of the same approach to the construction of such crimes. In this regard, it is relevant to search for an integrated approach to establishing the essence of administrative prejudicial effect as a special criminal legal phenomenon.

Keywords: administrative prejudicial effect; repetition; public danger; legal essence; legal phenomenon; prevention; legal identity of torts; criminal law; criminal law; criminal legal relations.

Cite as: Laktyukhin AO. The Essence of Administrative Prejudicial Effect as a Legal Phenomenon. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2023;18(11):135-145. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2023.156.11.135-145

В отечественном уголовном законодательстве первые нормы с административной преюдицией появились еще в советский период. Тем не менее до сих пор в законе не закреплена дефиниция термина «административная преюдиция», в связи с чем, по нашему мнению, в науке складывается «неопределенность» в части толкования уголовно-правовых норм с административной преюдицией. Проблема неопределенности правовых положений и ранее поднималась в науке¹. Кроме того, Конституционный суд также указывал на недопустимость

существования неопределенности в праве, так как она порождает произвольное понимание и толкование заложенного смысла, что напрямую противоречит конституционному принципу равенства всех перед законом и судом². Важность определенности уголовно-правовых норм также обуславливается необходимостью соблюдения принципа *nullum crimen, nulla poena sine lege* («нет преступления, нет наказания без указания на то в законе»)³. В связи с исключительным характером уголовно-правовых норм наибольшую значимость приобретает точное и недву-

¹ Третьякович Е. В. Семантическая неопределенность в российском праве // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2018. № 5-2. С. 285–290.

² Постановление Конституционного Суда РФ от 25.04.1995 № 3-П // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6482/ (дата обращения: 20.03.2023).

³ Постановление Конституционного Суда РФ от 10.02.2017 № 2-П // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_212659/ (дата обращения: 20.03.2023).

смысленное закрепление в законе характеристик преступлений или их отдельных признаков. Непосредственно это относится к нормам с административной преюдицией, отсутствие единообразного научного понимания которых обусловлено неопределенностью законодательного подхода к их регламентации. С учетом изложенного допустим, что преодоление такой неопределенности возможно при установлении действительной сущности административной преюдиции и, как следствие, закреплении ее законодательной дефиниции.

Вопрос необходимости использования в современном законе уголовно-правовых норм с административной преюдицией является дискуссионным. В науке встречается множество позиций ученых как позитивно отзывающихся об использовании таких норм в уголовном праве России⁴, так и мнения о недопустимости их внедрения в современный уголовный закон⁵. Полагаем, что с учетом роста числа подобного рода норм данная дискуссия уже не является актуальной. Речь в таком случае должна идти скорее о принятии административной преюдиции как особой черты некоторых уголовно-правовых норм и о поиске единых и правильных способов ее закрепления и толкования в уголовном законе России.

В самом общем виде суть административной преюдиции заключается в признании некоторых административных правонарушений при их повторном совершении в течение определенного периода, преступными. Общественная опасность является неотъемлемым признаком любого преступления, что непосредственно отражено в его дефиниции (ст. 14 УК РФ). Обращение к положениям КоАП РФ позволяет констатировать формальное отсутствие такого

признака административного правонарушения. Тем не менее мы согласны с Л. М. Прокументовым в том, что любые деликты следует считать общественно опасными, так как они причиняют вред конкретным общественным отношениям⁶. В то же время анализ составов преступлений с административной преюдицией показывает, что их диспозиция отличается от диспозиции большинства тождественных правонарушений только характеристикой субъекта. Следует ли это обстоятельство рассматривать как обуславливающее рост общественной опасности деяния?

Мы считаем, что, признавая конкретное деяние деликтом или преступлением и устанавливая меры ответственности за их совершение, законодатель исходит из принципа соразмерности степени опасности деяния и характера необходимого к назначению наказания для достижения законодательных задач. Устанавливая меры административно-правового воздействия на нарушителя за первый деликт, законодатель признает их достаточными. По нашему мнению, дифференциация санкций в зависимости от интенсивности совершения сходных деликтов обуславливает стремление законодателя ужесточить ответственность нарушителя за неоднократную тождественную противоправную деятельность. Именно переоценка законодателем характера повторного тождественного деликтного поведения как деяния, демонстрирующего недостижение превентивных задач в результате первичного применения административно-правовых санкций, становится основанием для признания повышения уровня общественной опасности содеянного и его перевода в разряд преступлений с административной преюдицией.

⁴ Иванчин А. В. Концептуальные основы конструирования состава преступления : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2015. С. 51 ; Тарасова Ю. Е. Формы множественности преступлений и конструкции множественного совершения деяний в российском уголовном праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. С. 31.

⁵ Кузнецова Н. Ф. Кодификация норм о хозяйственных преступлениях // Вестник Московского университета. Серия 11, Право. 1993. № 4. С. 28 ; Лопашенко Н. А. Административной преюдиции в уголовном праве — нет! // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2011. № 3 (23). С. 71.

⁶ Прокументов Л. М. Основание криминализации (декриминализации) деяний // Вестник Томского государственного университета. Право. 2014. № 4 (14). С. 82.

В советской уголовно-правовой науке административная преюдиция определялась как закреплённая конструкцией состава преступления преюдициальная связь между несколькими аналогичными правонарушениями, совершенными в течение года после применения к виновному мер административного взыскания за одно из правонарушений, в силу которой содеянное оценивалось как преступление⁷. В современных реалиях данное толкование административной преюдицией неприемлемо, поскольку в законодательной терминологии отсутствует понятие «административное взыскание», и речь сегодня идет не об аналогичных, а тождественных правонарушениях. Тем не менее сама идея, сформулированная И. О. Грунтовым, находит свое отражение и в современных работах. В одной из них автор сначала указывает на трансформацию юридической ответственности, а затем подчеркивает последствия в виде трансформации правонарушения в преступление⁸. Полагаем, что в данном случае «трансформация» создается искусственно. Действительную сущность административной преюдиции разумнее раскрывать через описание повторных тождественных правонарушений. Именно такие нарушения в полной мере отражают преюдициальную связь между деликтами, на наличие которой указывал позже А. Н. Некрасов⁹, характеризуя административную преюдицию. «Тождественность» как черта конкретных деликтов означает их юридическое сходство. В таком случае мы сталкиваемся в вышеуказанных работах с парадоксом — два идентичных правонарушения по-разному оцениваются. Следует отметить, что акцент на «трансформации» в уголовно-правовых нор-

мах с административной преюдицией делался также в работе А. Н. Доброва и С. А. Барановой. Однако ученые подчеркивали трансформацию только юридической ответственности из административной в уголовную¹⁰. Считаем, что в таком контексте термин «трансформация» уместен и допустим.

Значительный вклад в развитие учений об административной преюдиции внес Ч. Ф. Мустафаев. Ученый рассматривал ее как специфический способ придания уголовно-правовой нормой факту законного и обоснованного применения административного взыскания за деликт значения обязательного обстоятельства для отнесения совершенного после этого деяния (аналогичного по объективной стороне) к числу преступлений¹¹. Однако при таком толковании сущности административной преюдиции не восполняется ключевой пробел — используется термин, который слишком обобщенно раскрывает ее значение. Из самого подхода к толкованию не ясно, что включает в себя «придание», как именно оно реализуется, а также в чем заключается истинное содержание административной преюдиции. Более того, данный термин не соответствует и логике возрастания уровня общественной опасности деяния. Общественная опасность существует вне зависимости от «мнения» законодателя и является категорией объективной. Следовательно, законодатель может только закрепить за деянием уже существующий признак общественной опасности в соответствующем нормативном правовом акте. В этой части более точным определением административной преюдиции является то, при котором ученые оперируют термином «при-

⁷ Грунтов И. О. Уголовно-правовые нормы с административной преюдицией : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Минск, 1985. С. 7.

⁸ Эргашева З. Э. Административная преюдиция в уголовном праве : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. С. 25–26, 135, 170.

⁹ Некрасов А. П. Административная преюдиция как преюдициальная связь между правонарушением и преступлением // Globus. 2022. Т. 8. № 2 (67). С. 63–66.

¹⁰ Добров А. Н., Баранова С. А. Институт административной преюдиции: понятие, сущность, техника // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. 2020. № 2. С. 204.

¹¹ Мустафаев Ч. Ф. Административная преюдиция в уголовном праве : дис. ... канд. юрид. наук. Баку, 1986. С. 177.

знание»¹². Использование данного термина указывает на формальное закрепление законодателем повышенного уровня общественной опасности за конкретным деянием.

Важный этап в становлении административной преюдиции как уголовно-правового явления связан с научной деятельностью В. И. Колосовой. Ученый истолковал ее сущность как особый способ привлечения лица к уголовной ответственности. В качестве условий привлечения она выделила совершение деликта (как правило, в течение года) после наложения наказания за одно или несколько «таких же» деяний¹³. Принципиально новым в данном подходе является то, что основной акцент в определении делается на роль нарушителя как основного адресата уголовно-правового воздействия. Термин «привлечение к уголовной ответственности» полнее охватывает факт возрастания общественной опасности повторного деяния. При этом нивелируется некий субъективный элемент, который характерен для процесса придания, где отчетливо прослеживается ключевая роль именно органов государственной власти или должностных лиц, участвующих в таком «придании», а не суда. В связи с этим такой существенный признак административной преюдиции, как возрастание общественной опасности деяния при повторном совершении деликта, точнее отражается при употреблении термина «привлечение к уголовной ответственности».

Обособленным подходом к толкованию административной преюдиции является ее отождествление с разновидностью юридиче-

ской техники. В некоторых работах встречается определение сущности административной преюдиции как приема юридической техники¹⁴, в других — как ее средства¹⁵, в третьих — как специального инструмента юридической техники¹⁶.

А. В. Богданов в своей работе отождествил административную преюдицию с особым приемом юридической техники. В то же время в работе ученый не проводит детального изучения сущности таких приемов, а также не приводит обстоятельства, доказывающие отнесение данных признаков к административной преюдиции. В таком случае вряд ли можно с точностью утверждать о достоверности указанного предложения к толкованию административной преюдиции. Мы же полагаем, что административная преюдиция не является уникальным приемом юридической техники. Особенность данного вида норм заключается в том, что для установления их содержания необходимо обратиться к нормам КоАП РФ. При этом такой «прием» весьма сходен с институтом рецидива, который также предполагает обращение к иным нормам для установления истинной сути правовой нормы. Следовательно, рассуждать об «уникальности» подобного приема вряд ли допустимо, ведь в противном случае рецидив преступлений можно также отнести к подобной категории. Более того, важным признаком приема юридической техники является его целесообразное и рациональное использование, реализуемое по установленным правилам. Тем не менее в современном уголовном законе административная преюдиция не обрела единой формы — в нор-

¹² Безверхов А. Г. Административная преюдициальность в уголовном законодательстве России: истории, реалии, перспективы // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Право». 2011. № 2 (10). С. 39 ; Пшеничных И. М. Административная преюдиция: необоснованный риск для уголовного законодательства // Юридическая техника. 2019. № 13. С. 593.

¹³ Колосова В. И. Административная преюдиция как средство предупреждения преступлений и совершенствования уголовного законодательства // Вестник Нижегородского университета имени Н.И. Лобачевского. 2011. № 5 (1). С. 247.

¹⁴ Богданов А. В. Административная преюдиция в уголовном праве России : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. С. 12–13.

¹⁵ Маркунцов С. А. Административная преюдиция как особое средство юридической техники и ее использование в Уголовном кодексе Российской Федерации // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2016. № 4. С. 31–42.

¹⁶ Подолян А. П. Преступления с административной преюдицией // Эпомен. 2019. № 34. С. 233.

мах Особенной части УК РФ по-разному определяются как срок привлечения к уголовной ответственности в результате повторного совершения тождественного проступка, так и количество подобных проступков. Исходя из этого, полагаем, что раскрытие сущности административной преюдиции как приема юридической техники представляется невозможным.

Как уже отмечено, административная преюдиция рассматривается в том числе как самостоятельное средство юридической техники. При этом одним из средств юридической техники являются юридические конструкции¹⁷. Частным примером юридических конструкций выступают формально-материальные конструкции, о которых писали Д. В. Мирошниченко и К. Р. Колесник при исследовании правовой природы административной преюдиции. Согласно их позиции, «формальный» признак данных конструкций предполагает совершение тождественных деликтов, а «материальный» — общественную опасность субъекта правонарушения, совершенного повторно¹⁸. Данное толкование представляется неверным. Для подтверждения этого заключения следует соотнести признаки юридических конструкций и административной преюдиции. По мнению некоторых ученых, для появления в законе юридической конструкции необходимо предварительно проанализировать совокупность научных знаний о данном правовом явлении, провести ретроспективное исследование его становления в праве, а также учесть практику его толкования в правоприменитель-

ной деятельности¹⁹. Нельзя не отметить особый вклад Л. Л. Кругликова в научное осмысление сущности юридических конструкций. Исследователь подчеркивает важность юридической конструкции как специфического индикатора фактического и юридического соответствия содержания нормы права тому юридическому смыслу, который был изначально заложен при создании самой нормы²⁰.

Опираясь на изложенные учеными признаки, у административной преюдиции усматривается отсутствие значительного накопленного правоприменительного опыта или единого законодательного подхода к ее толкованию как признака некоторых составов преступлений. Более того, отождествление повышения уровня общественной опасности деяния с изменением статуса субъекта преступления представляется некорректным. Только объект посягательства и его объективная сторона предопределяют изменение уровня общественной опасности деяния²¹. Следовательно, раскрытие сущности административной преюдиции через категорию «юридическая конструкция» как частного проявления юридической техники мы считаем неточным.

Интересным представляется идея О. С. Одоева о соотношении административной преюдиции с отдельным видом правового состояния²². В юридической науке выделяют такие признаки правового состояния, как длящийся характер, законодательное закрепление, взаимосвязь с экономическими, социальными и иными уровнями социального развития и др.²³ В таком

¹⁷ Кругликов Л. Л., Спиридонова О. Е. Юридические конструкции и символы в уголовном праве : монография. СПб. : Юридический центр-Пресс, 2005. С. 49–56.

¹⁸ Мирошниченко Д. В., Колесник К. Р. Понятие административной преюдиции в уголовном праве России // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2018. № 1. С. 60.

¹⁹ Ананьева А. А. «Юридическая конструкция»: к вопросу об определении понятия // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2016. Т. 26. № 1. С. 144 ; Сапун В. А. Юридическая конструкция как правовое средство юридической техники // Юридическая техника. 2013. № 7-2. С. 678.

²⁰ Кругликов Л. Л., Спиридонова О. Е. Указ. соч. С. 89.

²¹ Прокументов Л. М. Указ. соч. С. 83.

²² Одоев О. С. Административная преюдиция в уголовном праве России и стран СНГ : монография. М. : Юриспруденция, 2018. С. 155.

²³ Новикова Ю. С. Правовое состояние как категория права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2005. С. 6 ; Парфенов А. В. Понятие и социально-юридическая природа правового состояния // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2007. № 2 (3). С. 4–7.

случае следует более детально проанализировать понятие административной преюдиции, предложенное О. С. Одоевым. Фактически, отождествляя административную преюдицию с правовым состоянием, ученый отождествляет понятия «административная преюдиция» и «административная наказанность». В свою очередь, последнее, с точки зрения исследователя, одновременно следует рассматривать и как условие административной преюдиции. Мы же считаем, что состояние административной наказанности напрямую связано со сроками, указанными в ст. 4.6 КоАП РФ. Факт же совершения лицом повторного тождественного проступка в пределах этого срока допускает применение административной преюдиции. Следовательно, последняя возникает и прекращается в момент непосредственно применения уголовно-правовой нормы с административной преюдицией, то есть вынесения соответствующего приговора суда. Это также вытекает из того, что в рамках отдельно взятых решений суд в качестве установления признака специального субъекта указывает на факт предшествующего несения административного наказания или привлечения к административной ответственности, а не на наличие состояния административной преюдиции²⁴. В данных обстоятельствах толкование сущности административной преюдиции через категорию «правовое состояние» мы считаем неточным.

Весьма интересными представляются подходы к толкованию административной преюдиции, предложенные З. Э. Эргашевой и Л. А. Хлестаковой с Н. А. Редковым. Под преступлением с административной преюдицией они понимают совершение общественно опасных деяний²⁵.

Однако, как отмечено выше, и деликты, и преступления обладают признаком общественной опасности. В то же время отождествлять уровни их опасности было бы некорректным. При установлении общественной опасности деяния необходимо разграничивать характер и степень такой опасности. Последняя предполагает, какие меры правового воздействия необходимо применить к нарушителю, и зависит от интенсивности самого посягательства²⁶. Вышеназванные ученые не указывают на возрастающий уровень общественной опасности деяния, а связывают ее возникновение с фактом совершения такого деяния. С нашей точки зрения, более точным был бы подход, объясняющий позицию законодателя к изменению уровня общественной опасности административного правонарушения, совершенного повторно. Учитывая большое разнообразие видов нарушений, следует верно определить критерий повышения их опасности. Как справедливо отметил Л. М. Прокументов, важную роль при установлении степени опасности посягательства играет социальная значимость конкретных общественных отношений. Результатом изменения их значимости является переоценка степени общественной опасности соответствующего посягательства²⁷. Мы считаем, что данный подход к обоснованию возрастания степени опасности деяний наиболее точно отражает сущность административной преюдиции. Последовательный выбор сначала административно-правовых, а затем уголовно-правовых мер демонстрирует то, как законодатель признает адекватность правовых мер воздействия неоднократному деликтному поведению. В данном случае, по нашему мнению,

²⁴ Приговор Вологодского районного суда Вологодской области от 22.09.2020 по делу № 1-16/2020 // URL: <https://clck.ru/sLnCS> (дата обращения: 01.09.2022) ; приговор Волгодонского районного суда Ростовской области от 07.09.2020 по делу № 1-481/2020 // URL: <https://clck.ru/sKHBP> (дата обращения: 01.09.2022).

²⁵ Хлестакова Л. А., Редков Н. А. Институт административной преюдиции в уголовном праве: понятие и функции // Суверенное государство и его право: актуальные проблемы юридической науки и правоприменительной практики в современной России (к 370-летию со времени принятия Соборного уложения 1649 года) : сборник трудов XVI Всероссийских декабрьских юридических чтений в Костроме. Кострома, 12–13 декабря 2019 г. : в 2 т. / сост. Н. В. Ганжа [и др.] ; отв. ред. Г. Г. Бриль, В. В. Груздев. Кострома : Костромской государственный университет, 2020. С. 58–64 ; Эргашева З. Э. Указ. соч. С. 8.

²⁶ Прокументов Л. М. Указ. соч. С. 87, 88.

²⁷ Прокументов Л. М. Указ. соч. С. 87.

фактически происходит изменение общественных отношений с точки зрения их деликтной интенсивности, вследствие чего происходит и переоценка уровня общественной опасности самих деяний.

На основе вышеизложенного мы приходим к выводу о том, что разные ученые пытались охарактеризовать сущность административной преюдиции через такие термины, как «юридическая техника», «юридическая конструкция», «правовое состояние» и пр. Тем не менее ни один из данных терминов в точности не подходит для отражения истинной сущности административной преюдиции в уголовном праве. С нашей точки зрения, для ответа на вопрос, как охарактеризовать ключевой смысл административной преюдиции, необходимо исходить из следующего.

Во-первых, если рассмотреть порядок применения уголовно-правовых норм с административной преюдицией, то можно выявить несколько самостоятельных, но взаимосвязанных элементов или этапов их реализации. В качестве таких этапов можно рассматривать первоначальный факт совершения административного правонарушения, привлечение лица к административной ответственности и назначение лицу административного наказания, разъяснение ему возможных правовых последствий в случае повторного совершения тождественного деяния, повторное совершение тождественного деяния в пределах установленных сроков, привлечение лица к уголовной ответственности. Именно на последнем этапе неоднократное деяние оценивается как уголовно наказуемое. Другими словами, мы говорим об обязательном наличии цепочки взаимосвязанных и взаимозависимых событий и действий, порождающих возможность применения уголовно-правовых норм с административной преюдицией. При этом последняя фактически возникает лишь в результате признания соответствующего повторного деликта преступным. В таком случае административную преюдицию можно рассматривать как особую форму переоценки общественной опасности деяния, реализация которой возможна при соблюдении определенных предварительных условий. С нашей точки зрения,

последовательность тождественных административных правонарушений, создающая уголовно-правовую конструкцию указанных норм, выступает содержанием такой формы.

Во-вторых, любое из указанных выше условий предполагает его законодательную регламентацию. Следовательно, в таком случае сущность административной преюдиции должна толковаться через категории «правовое» или «установленное законом», так как только нормы административного и уголовного права содержат разъяснения о характере уголовно-правовых норм с административной преюдицией. Последнее суждение одновременно наталкивает нас на мысль о том, что административная преюдиция является межотраслевым правовым явлением.

В-третьих, применение административной преюдиции не ограничено какими-либо конкретными областями реализации или объектами правовой охраны. Напротив, ее применение допустимо для регулирования любой из групп общественных отношений. Более того, она не ограничена и кругом лиц, в отношении которых данная процедура может быть осуществлена. В таком случае мы приходим к еще одной сущностной характеристике — универсальности административной преюдиции. Однако это не означает, что каждое административное правонарушение в случае повторности должно стать уголовно наказуемым. В данном контексте «универсальность» административной преюдиции предполагает, что последняя может быть использована как одна из мер усиления ответственности за повторное противоправное поведение, посягающее на объект охраны, который защищается нормами и уголовного, и административного права.

В-четвертых, не следует забывать об основном назначении уголовно-правовых норм с административной преюдицией — общей и частной превенции. Именно последовательность привлечения к разным видам ответственности — от содержащей менее жесткие к содержащей более жесткие меры государственного принуждения предполагает «правовое воспитание» субъектов правоотношений в духе уважения к закону и его соблюдения.

Итак, сегодня в науке нет единого подхода к толкованию сущности административной преюдиции как самостоятельного уникального правового явления. При этом в условиях динамичного внедрения уголовно-правовых норм с признаком административной преюдиции игнорировать этот пробел невозможно. Безусловно, требование законодательной регламентации противоправного деяния известно еще со времен римского права. Тем не менее, несмотря на такую очевидность требования, современный законодатель до сих пор не разработал единого подхода к толкованию административной преюдиции в уголовном праве. Более того, принимая новые уголовно-правовые нормы с административной преюдицией, законодатель использует разные под-

ходы к их конструированию. Способом восполнения данного пробела может стать включение в текст УК РФ дефиниции административной преюдиции.

С учетом вышеобозначенных черт сущность административной преюдиции можно истолковать как особую универсальную правовую форму переоценки правоприменителем уровня общественной опасности деяния (и, как результат, перевода административно-правовых отношений в разряд уголовно-правовых) вследствие его неоднократного совершения одним и тем же лицом в определенный срок при условии, что ранее примененные административно-правовые меры воздействия оказались недостаточными и не оказали надлежащего превентивного эффекта на нарушителя.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Ананьева А. А.* «Юридическая конструкция»: к вопросу об определении понятия // Известия Байкальского государственного университета. — 2016. — Т. 26. — № 1. — С. 141–148.
2. *Безверхов А. Г.* Административная преюдициальность в уголовном законодательстве России: истории, реалии, перспективы // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Право». — 2011. — № 2 (10). — С. 39–52.
3. *Богданов А. В.* Административная преюдиция в уголовном праве России : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2019. — 251 с.
4. *Добров А. Н., Баранова С. А.* Институт административной преюдиции: понятие, сущность, техника // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. — 2020. — № 2. — С. 202–208.
5. *Грунтов И. О.* Уголовно-правовые нормы с административной преюдицией : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Минск, 1985. — 22 с.
6. *Иванчин А. В.* Концептуальные основы конструирования состава преступления : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — Екатеринбург, 2015. — 50 с.
7. *Колосова В. И.* Административная преюдиция как средство предупреждения преступлений и совершенствования уголовного законодательства // Вестник Нижегородского университета имени Н.И. Лобачевского. — 2011. — № 5 (1). — С. 246–254.
8. *Кругликов Л. Л., Спиридонова О. Е.* Юридические конструкции и символы в уголовном праве : монография. — СПб. : Юридический центр-Пресс, 2005. — 344 с.
9. *Кузнецова Н. Ф.* Кодификация норм о хозяйственных преступлениях // Вестник Московского университета. — Серия 11, Право. — 1993. — № 4. — С. 12–21.
10. *Лопашенко Н. А.* Административной преюдиции в уголовном праве — нет! // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. — 2011. — № 3 (23). — С. 64–71.
11. *Маркунцов С. А.* Административная преюдиция как особое средство юридической техники и ее использование в Уголовном кодексе Российской Федерации // Право. Журнал Высшей школы экономики. — 2016. — № 4. — С. 31–42.

12. *Мирошниченко Д. В., Колесник К. Р.* Понятие административной преюдиции в уголовном праве России // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. — 2018. — № 1. — С. 58–62.
13. *Мустафаев Ч. Ф.* Административная преюдиция в уголовном праве : дис. ... канд. юрид. наук. — Баку, 1986. — 203 с.
14. *Некрасов А. П.* Административная преюдиция как преюдициальная связь между правонарушением и преступлением // Globus. — 2022. — Т. 8. — № 2 (67). — С. 63–66.
15. *Новикова Ю. С.* Правовое состояние как категория права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Екатеринбург, 2005. — 28 с.
16. *Одоев О. С.* Административная преюдиция в уголовном праве России и стран СНГ : монография. — М. : Юриспруденция, 2018. — 190 с.
17. *Парфенов А. В.* Понятие и социально-юридическая природа правового состояния // Юридическая наука и правоохранительная практика. — 2007. — № 2 (3). — С. 4–7.
18. *Подольян А. П.* Преступления с административной преюдицией // Эпомен. — 2019. — № 34. — С. 231–235.
19. *Прокументов Л. М.* Основание криминализации (декриминализации) деяний // Вестник Томского государственного университета. Право. — 2014. — № 4 (14). — С. 81–91.
20. *Пшеничнов И. М.* Административная преюдиция: необоснованный риск для уголовного законодательства // Юридическая техника. — 2019. — № 13. — С. 592–594.
21. *Сапун В. А.* Юридическая конструкция как правовое средство юридической техники // Юридическая техника. — 2013. — № 7-2. — С. 676–679.
22. *Тарасова Ю. Е.* Формы множественности преступлений и конструкции множественного совершения деяний в российском уголовном праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2019. — 31 с.
23. *Третьякович Е. В.* Семантическая неопределенность в российском праве // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. — 2018. — № 5-2. — С. 285–290.
24. *Хлестакова Л. А., Редков Н. А.* Институт административной преюдиции в уголовном праве: понятие и функции // Суверенное государство и его право: актуальные проблемы юридической науки и правоприменительной практики в современной России (к 370-летию со времени принятия Соборного уложения 1649 года) : сборник трудов XVI Всероссийских декабрьских юридических чтений в Костроме. Кострома, 12–13 декабря 2019 г. : в 2 т. / сост. Н. В. Ганжа [и др.] ; отв. ред. Г. Г. Бриль, В. В. Груздев. — Кострома : Костромской государственный университет, 2020. — С. 58–64.
25. *Эргашева З. Э.* Административная преюдиция в уголовном праве : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2018. — 215 с.

Материал поступил в редакцию 29 апреля 2023 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. *Ananeva A. A.* «Yuridicheskaya konstruktsiya»: k voprosu ob opredelenii ponyatiya // Izvestiya Baykalskogo gosudarstvennogo universiteta. — 2016. — Т. 26. — № 1. — С. 141–148.
2. *Bezverkhov A. G.* Administrativnaya preyuditsialnost v ugovnom zakonodatelstve Rossii: istorii, realii, perspektivy // Vestnik Samarskoy gumanitarnoy akademii. Seriya «Pravo». — 2011. — № 2 (10). — С. 39–52.
3. *Bogdanov A. V.* Administrativnaya preyuditsiya v ugovnom prave Rossii: dis. ... kand. yurid. nauk. — М., 2019. — 251 с.
4. *Dobrov A. N., Baranova S. A.* Institut administrativnoy preyuditsii: ponyatie, sushchnost, tekhnika // Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta Ministerstva vnutrennikh del Rossii. — 2020. — № 2. — С. 202–208.
5. *Gruntov I. O.* Ugolovno-pravovye normy s administrativnoy preyuditsiyey: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. — Minsk, 1985. — 22 с.

6. Ivanchin A. V. Kontseptualnye osnovy konstruirovaniya sostava prestupleniya: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. — Ekaterinburg, 2015. — 50 s.
7. Kolosova V. I. Administrativnaya preyuditsiya kak sredstvo preduprezhdeniya prestupleniy i sovershenstvovaniya ugovnogo zakonodatelstva // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta imeni N.I. Lobachevskogo. — 2011. — № 5 (1). — S. 246–254.
8. Kruglikov L. L., Spiridonova O. E. Yuridicheskie konstruksii i simvoly v ugovnom prave: monografiya. — SPb.: Yuridicheskiy tsentr-Press, 2005. — 344 s.
9. Kuznetsova N. F. Kodifikatsiya norm o khozyaystvennykh prestupleniyakh // Vestnik Moskovskogo universiteta. — Seriya 11, Pravo. — 1993. — № 4. — S. 12–21.
10. Lopashenko N. A. Administrativnoy preyuditsii v ugovnom prave — net! // Vestnik Akademii Generalnoy prokuratury Rossiyskoy Federatsii. — 2011. — № 3 (23). — S. 64–71.
11. Markuntsov S. A. Administrativnaya preyuditsiya kak osoboe sredstvo yuridicheskoy tekhniki i ee ispolzovanie v Ugolovnom kodekse Rossiyskoy Federatsii // Pravo. Zhurnal Vyshey shkoly ekonomiki. — 2016. — № 4. — S. 31–42.
12. Miroshnichenko D. V., Kolesnik K. R. Ponyatie administrativnoy preyuditsii v ugovnom prave Rossii // Uchenye trudy Rossiyskoy akademii advokatury i notariata. — 2018. — № 1. — S. 58–62.
13. Mustafaev Ch. F. Administrativnaya preyuditsiya v ugovnom prave: dis. ... kand. yurid. nauk. — Baku, 1986. — 203 s.
14. Nekrasov A. P. Administrativnaya preyuditsiya kak preyuditsialnaya svyaz mezhdu pravonarusheniem i prestupleniem // Globus. — 2022. — Т. 8. — № 2 (67). — S. 63–66.
15. Novikova Yu. S. Pravovoe sostoyanie kak kategoriya prava: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. — Ekaterinburg, 2005. — 28 s.
16. Odov O. S. Administrativnaya preyuditsiya v ugovnom prave Rossii i stran SNG: monografiya. — M.: Yurisprudentsiya, 2018. — 190 s.
17. Parfenov A. V. Ponyatie i sotsialno-yuridicheskaya priroda pravovogo sostoyaniya // Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika. — 2007. — № 2 (3). — S. 4–7.
18. Podolyan A. P. Prestupleniya s administrativnoy preyuditsiei // Epomen. — 2019. — № 34. — S. 231–235.
19. Prozumentov L. M. Osnovanie kriminalizatsii (dekriminalizatsii) deyanii // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo. — 2014. — № 4 (14). — S. 81–91.
20. Pshenichnov I. M. Administrativnaya preyuditsiya: neobosnovanny risk dlya ugovnogo zakonodatelstva // Yuridicheskaya tekhnika. — 2019. — № 13. — S. 592–594.
21. Sapun V. A. Yuridicheskaya konstruksiya kak pravovoe sredstvo yuridicheskoy tekhniki // Yuridicheskaya tekhnika. — 2013. — № 7-2. — S. 676–679.
22. Tarasova Yu. E. Formy mnozhestvennosti prestupleniy i konstruksii mnozhestvennogo soversheniya deyanii v rossiyskom ugovnom prave: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. — M., 2019. — 31 s.
23. Tretyakovich E. V. Semanticheskaya neopredelennost v rossiyskom prave // Mezhdunarodnyy zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk. — 2018. — № 5-2. — S. 285–290.
24. Khlestakova L. A., Redkov N. A. Institut administrativnoy preyuditsii v ugovnom prave: ponyatie i funktsii // Suverennoe gosudarstvo i ego pravo: aktualnye problemy yuridicheskoy nauki i pravoprimeritel'noy praktiki v sovremennoy Rossii (k 370-letiyu so vremeni prinyatiya Sobornogo ulozheniya 1649 goda): sbornik trudov XVI Vserossiyskikh dekabriskikh yuridicheskikh chteniy v Kostrome, Kostroma, 12–13 dekabrya 2019 g.: v 2 t. / sost. N. V. Ganzha [i dr.]; otv. red. G. G. Bril, V. V. Gruzdev. — Kostroma: Kostromskoy gosudarstvennyy universitet, 2020. — S. 58–64.
25. Ergasheva Z. E. Administrativnaya preyuditsiya v ugovnom prave: dis. ... kand. yurid. nauk. — M., 2018. — 215 s.

КРИМИНАЛИСТИКА И КРИМИНОЛОГИЯ. СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА

DOI: 10.17803/1994-1471.2023.156.11.146-153

А. Б. Смушкин*

Криминалистическая робототехника: основы концепции

Аннотация. В статье подчеркивается повышенная актуальность разработки робототехнических комплексов специального назначения, которые могут быть использованы в следственной деятельности по обнаружению, фиксации и изъятию следов и иных доказательств. С учетом ускорения цифровой трансформации всех сфер деятельности автор предлагает новую частную теорию криминалистической робототехники. Констатируется, что у данной частной теории большой потенциал развития в новую отрасль криминалистической техники. В статье рассмотрены предлагаемая структура частной теории, объект, предмет, общая и частные задачи криминалистической робототехники. Большое внимание уделено закономерностям, изучаемым данной частной теорией. Автор разрабатывает свою трактовку терминов «криминалистический робот» и «криминалистический робототехнический комплекс». Констатируется, что полицейская робототехника и криминалистическая робототехника используются в разных, но иногда пересекающихся областях. При этом одно и то же устройство может выступать инструментом как полицейской, так и криминалистической робототехники. Подводя итог исследованию, автор подчеркивает повышенную сложность автономной криминалистической робототехники и констатирует, что в рамках предлагаемой теории криминалистической робототехники должны быть разработаны общие рекомендации по минимизации ошибок и проблем при использовании как автономного программируемого робота, так и робота, оснащенного искусственным интеллектом.

Ключевые слова: криминалистическая техника; робот; роботизированный комплекс; криминалистическая робототехника; автономный робот; полицейская робототехника; частная теория; искусственный интеллект; дистанционная криминалистика; дистанционные следственные действия.

Для цитирования: Смушкин А. Б. Криминалистическая робототехника: основы концепции // Актуальные проблемы российского права. — 2023. — Т. 18. — № 11. — С. 146–153. — DOI: 10.17803/1994-1471.2023.156.11.146-153.

© Смушкин А. Б., 2023

* Смушкин Александр Борисович, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и процесса Поволжского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) в г. Саратове, доцент кафедры криминалистики Саратовской государственной юридической академии
ул. имени А.Н. Радищева, д. 55, г. Саратов, Россия, 410003
skif32@yandex.ru

Forensic Robotics: Basic Concepts

Aleksandr B. Smushkin, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor, Department of Criminal Law and Procedure, Volga Institute (Branch) of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russian Federation) in Saratov, Associate Professor, Department of Criminology, Saratov State Law Academy
ul. imeni A.N. Radishcheva, d. 55, Saratov, Russia, 410003
skif32@yandex.ru

Abstract. The paper emphasizes the increased relevance of the development of special purpose robotic systems that can be used in investigative activities to detect, record and seize traces and other evidence. Taking into account the acceleration of digital transformation of all areas of activity, the author proposes a new private forensic theory of forensic robotics. It is stated that this particular theory has great potential for development into a new branch of forensic technology. The paper discusses the proposed structure of a particular theory, object, subject, general and specific tasks of forensic robotics. Much attention is given to the patterns studied by this particular theory. The author develops his own interpretation of the terms «forensic robot» and «forensic robotic complex». It is stated that police robotics and forensic robotics are used in different, but sometimes overlapping areas. Moreover, the same device can act as a tool for both police and forensic robotics. Summing up the study, the author emphasizes the increased complexity of autonomous forensic robotics and states that within the framework of the proposed theory of forensic robotics, general recommendations should be developed to minimize errors and problems when using both an autonomous programmable robot and a robot equipped with artificial intelligence.

Keywords: forensic technology; robot; robotic complex; forensic robotics; autonomous robot; police robotics; private theory; artificial intelligence; remote forensics; remote investigative actions.

Cite as: Smushkin AB. Forensic Robotics: Basic Concepts. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2023;18(11):146-153. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2023.156.11.146-153

Одним из вариантов реализации дистанционной поисковой познавательной деятельности является использование управляемых или полностью автоматических комплексов, проводящих следственные действия. Для целей нашего исследования к таким комплексам мы относим устройства, осуществляющие свою деятельность как под дистанционным управлением оператора, так и в частично или полностью автоматизированном режиме. Конечно, полностью все следственные действия и все функции следователя, на наш взгляд, такие устройства охватить пока не могут, однако, имея функцию распознавания, могут помочь на месте производства следственного действия в экстремальных условиях, труднодоступной местности и иных ситуациях, требующих ускоренного изучения места, могут

существенно повысить эффективность и оперативность расследования. Как верно отметила Г. Г. Камалова, «получение экспериментальных данных в экстремальных и иных опасных условиях осуществленное средствами робототехники, позволяет обеспечивать личную безопасность сотрудников правоохранительных органов и иных лиц, участвующих в следственных действиях, оперативно-розыскных мероприятиях или специальных операциях, что особо значимо в местах подготовки и совершения террористических актов, производства взрывных устройств, их элементов и взрывчатых веществ, расследовании техногенных катастроф»¹.

Указом Президента от 07.07.2011 № 899² робототехнические комплексы специального назначения отнесены к приоритетным направлениям развития науки, технологий и техники

¹ Камалова Г. Г. Состояние и перспективы компьютеризации судебной экспертизы // Информационные технологии в науке, образовании и производстве (ИТНОП-2018) : VII Международная научно-техническая конференция, Белгород, 17–19 октября 2018 г. : сборник трудов. Белгород : ГИК, 2018. С. 256.

в Российской Федерации. Это обуславливает повышенную актуальность разработки вопросов применения робототехники в различных сферах правоохранительной деятельности.

В последнее время многие авторы начинают исследования в области роботов полицейского или даже следственного назначения. В отечественном ГОСТе в сфере робототехники под роботом понимается «исполнительный механизм, программируемый по двум или более степеням подвижности, обладающий определенной степенью автономности и способный перемещаться во внешней среде с целью выполнения задач по назначению». В примечании к определению уточняется, что «в состав робота входят система управления и интерфейс системы управления»³. Современное развитие робототехники уже позволяет применять отдельные разработки при выполнении служебных задач правоохранительной деятельности.

Можно отметить, что в зарубежных публикациях активно бытует термин «полицейская робототехника» (police robotics)⁴. Российские авторы определяют «полицейского робота» как «программируемый механизм, способный автономно выполнять задачи в интересах полиции». При этом понятие полицейского робототехнического комплекса можно определить как «комплекс, состоящий из одного или нескольких полицейских роботов, их рабочих органов и любых механизмов, оборудования, приборов

или датчиков, обеспечивающих выполнение роботом функционального назначения (задания)»⁵, также он указывает, что «под механизмом можно понимать не только материальные, но и виртуальные, программно-технологические решения»⁶.

Не оспаривая полностью рассматриваемый подход, отметим лишь, что механизм, представляющий только виртуальные, программно-технические решения, не будет иметь возможность перемещаться во внешней среде, иметь достаточную степень автономности и подвижности в ней, то есть не будет соответствовать характеристике, данной в ГОСТ Р 60.0.0.4-2019/ISO 8373:2012, а также международном стандарте ISO 8373:2012* «Роботы и робототехнические устройства. Словарь» (ISO 8373:2012 «Robots and robotic devices — Vocabulary», IDT). Чисто программные решения, на наш взгляд, имеют самостоятельную нишу ботов, программных комплексов и, таким образом, выходят за категорию «робот».

С учетом данного подхода под криминалистическими роботами можно понимать программируемый или дистанционно управляемый механизм, осуществляющий обнаружение, фиксацию, изъятия следов преступлений и иных доказательств в криминалистических целях, а также предупреждение преступлений.

Под криминалистическим робототехническим комплексом мы предлагаем понимать

² Указ Президента РФ от 07.07.2011 № 899 «Об утверждении приоритетных направлений развития науки, технологий и техники в Российской Федерации и перечня критических технологий Российской Федерации» (ред. от 16.12.2015) // СПС «КонсультантПлюс».

³ ГОСТ Р 60.0.0.4-2019/ISO 8373:2012. Роботы и робототехнические устройства. Термины и определения. Утвержден и введен в действие приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 14.02.2019 № 31-ст (идентичен международному стандарту ISO 8373:2012* «Роботы и робототехнические устройства. Словарь» (ISO 8373:2012 «Robots and robotic devices — Vocabulary», IDT).

⁴ Looking to the future of police robotics. The use of robotics in police work requires an integration of policy, infrastructure and common sense // URL: <https://www.policeone.com/explosives-eod/articles/looking-to-the-future-of-police-robotics9OzOWqIPn103Oaoi/> (дата обращения: 24.01.2023) ; *Spilsbury L., Spilsbury R.* Robotics. CuttingEdge Technology. eBook, 2017. P. 38 ; *Kumagai Jean.* Techno cops [police robotic and electronic technology] // Spectrum, IEEE. 2003. P. 39.

⁵ *Лукашов Н. В.* Организационные и правовые основы применения полицейских робототехнических комплексов в органах внутренних дел Российской Федерации // Труды Академии управления МВД России. 2020. № 3 (55). С. 213.

⁶ *Лукашов Н. В.* Указ. соч.

систему, состоящую из одного или нескольких роботов любого вида базирования, их органов, иного оборудования, применяемого роботом для своего функционирования, коммуникации, обнаружения, фиксации, изъятия следов иных криминалистических релевантных объектов, а также их возможного анализа.

Основной предпосылкой роботизации определенной отрасли является накопленный объем данных по технологиям совершения определенных действий в ходе выполнения конкретных функций, позволяющий систематизировать и стандартизировать последовательность этих действий и, как следствие, алгоритмизировать их.

Нам представляется, что в криминалистической деятельности объем потенциально программируемых, алгоритмизируемых действий также достаточно велик. В криминалистику постоянно интегрируются достижения не только естественных, но и технических наук. Количество и степень разработок в рассматриваемой области, развивающаяся наукометрия, уровень теоретической разработанности, потребности практики уже позволяют предложить новую теорию криминалистической техники — криминалистическую робототехнику. Полицейская робототехника и криминалистическая робототехника используются в разных, но иногда пересекающихся областях. При этом одно и то же устройство может выступать инструментом как полицейской, так и криминалистической робототехники.

Роботизированные устройства в рамках криминалистической робототехники могут использоваться для помощи в выявлении, сборе и анализе следов преступлений и расследовании преступлений в целом. В самом общем виде криминалистическая робототехника может включать в себя разработку и применение робототехнических систем, таких как автоматизированные и программируемые роботы, для

сбора доказательств и предотвращения преступлений.

Нетрудно заметить, что применение криминалистической робототехники может выступать как в дистанционно управляемом, так и в автономном или смешанном режимах.

Дистанционно управляемый робот полностью находится под контролем оператора.

Автономный робот представляет собой как полностью программируемый (пусть и самообучаемый) вариант, так и технический комплекс, действующий на основе принципов когнитивной робототехники, искусственного интеллекта.

Смешанные комплексы — это комплексы, автоматически выполняющие доставку к месту, общий поиск и иные легко алгоритмизируемые действия, но потом передающие управление оператору.

Роботы также могут быть использованы для анализа данных, которые могут привести к обнаружению преступлений и помочь правоохранительным органам принять правильные решения.

Так, Е. Н. Быстряков и И. В. Усанов несколько своих разработок посвятили идее киберследователя⁷. На базе анализа научных публикаций они делают вывод о необходимости внедрения новой отрасли криминалистической техники — криминалистической робототехники. Данная идея представляется достаточно актуальной. Под криминалистической робототехникой они понимают «отрасль криминалистической техники, которая изучает практику применения специальной робототехники в процессе пресечения, предотвращения, раскрытия, расследования, профилактики преступлений и административных правонарушений с целью разработки рекомендаций относительно конструирования и модернизации робототехнических средств, а также усовершенствования приемов, методов и способов применения указанных средств в целях оптимизации установления объективной истины по делу»⁸. Авторы также разработали

⁷ Быстряков Е. Н., Усанов И. В. Криминалистическая робототехника как новая отрасль криминалистической техники // Проблемы уголовного процесса, криминалистики и судебной экспертизы. 2016. № 1 (7). С. 17–21 ; Они же. Киберследователь // Там же. 2017. № 1 (9). С. 29–32.

⁸ Быстряков Е. Н., Усанов И. В. Криминалистическая робототехника как новая отрасль криминалистической техники. С. 21.

примерную структуру отрасли: «1) основные понятия КР (понятие и сущность КР, структура КР, понятие и классификация роботов и робототехнических комплексов и т.д.); 2) исследование устройства роботов и робототехнических комплексов, применяемых в процессе криминалистической деятельности; 3) анализ практики применения криминалистических роботов и робототехнических комплексов; 4) разработка научных рекомендаций, направленных на оптимизацию конструкции криминалистических роботов и робототехнических комплексов, а также технических приемов, методов и способов их применения в практической деятельности»⁹. Однако нам представляется, что в данной структуре фактически перечислены цели новой отрасли, а не ее структура.

Можно заметить, что большинство отраслей криминалистической техники получило путевку в жизнь по предметному принципу — по видам исследуемых следов. Однако можно согласиться с Н. П. Яблоковым, что разработку получают систематизация и специализация криминалистической техники по методам и задачам работы с доказательствами¹⁰. Основанием новых эмпирических разработок, составляющих определенную научную теорию, являются потребности практики. При этом эмпирические положения, составляющие теорию, должны быть научно разработаны, не противоречивы, актуальны. Их результаты полны и достоверны. Переход же научной теории в новую научную отрасль, безусловно, возможен только после практического апробирования ее разработок. На настоящий момент робототехника в ходе расследования, конечно, еще делает только первые шаги, поэтому мы предлагаем говорить о теории криминалистической робототехники с потенциалом развития в дальнейшем в новую отрасль криминалистической техники.

С точки зрения техники построения научной информации ее структура нам видится в следующей форме:

1. Теоретические основы криминалистической робототехники и система отрасли.

2. Основы применения автоматических и дистанционно управляемых беспилотных устройств в ходе расследования преступлений.

3. Основы применения наземных робототехнических комплексов при расследовании преступлений.

4. Основы построения и применения виртуальных экспертных систем в криминалистической робототехнике.

5. Специфика использования когнитивной робототехники в криминалистических целях.

Общая задача новой теории будет производна от задачи криминалистики в целом — оптимизация своими научными разработками деятельности правоохранительных органов по выявлению, раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений. Данная общая задача реализуется достижением следующих частных:

— разработка понятийного аппарата отрасли;

— исследование генезиса применения в криминалистике робототехнических комплексов;

— исследование устройства роботов и робототехнических комплексов, применяемых в процессе деятельности по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений;

— анализ отечественной практики применения криминалистических роботов, беспилотных устройств и робототехнических комплексов;

— изучение зарубежного опыта применения робототехники в целях выявления, раскрытия и расследования преступлений;

— разработка концепции применения робототехнических комплексов в криминалистической деятельности;

— разработка научных рекомендаций, направленных на оптимизацию конструкции криминалистических роботов и робототехнических комплексов;

⁹ Быстряков Е. Н., Усанов И. В. Криминалистическая робототехника как новая отрасль криминалистической техники. С. 21.

¹⁰ Яблоков Н. П. Криминалистика. М. : Юрайт, 2011. С. 78.

— разработка технических приемов, методов и способов их применения в практической деятельности.

Объектом новой теории будут общественные отношения в сфере использования роботизированных технологий для выявления, раскрытия, расследования и предупреждения преступлений. Предмет же теории — разработка инструментов (роботов, робототехнических комплексов и т.д.), методов, а также технических и иных криминалистических рекомендаций по использованию робототехники в сфере предварительного расследования.

К закономерностям, изучаемым данной частной теорией, мы можем отнести:

1. Закономерности развития криминалистической робототехники.
2. Закономерности алгоритмизации поисково-познавательной деятельности и программирования криминалистических робототехнических комплексов, а также управления ими.
3. Закономерности автоматизированной идентификации.
4. Закономерности функционирования виртуальных экспертных систем.

Применение разработок в области криминалистической робототехники не требует изменений законодательства. Оно будет основано на нормах действующего УПК. УПК не запрещает использовать наземных роботов и БПЛА в ходе следственного действия. По нашему мнению, дистанционно управляемый или даже запрограммированный робот могут применяться на основании ч. 6 ст. 164 УПК РФ, которая гласит, что «при производстве следственных действий могут применяться технические средства и способы обнаружения, фиксации и изъятия следов преступления и вещественных доказательств. Перед началом следственного действия следователь предупреждает лиц, участвующих в следственном действии, о применении технических средств».

Е. Н. Быстряков и И. В. Усанов в своих работах выделили полевой робототехнический комплекс и кабинетный вариант. При этом, рассматривая «кабинетный» вариант, они указали,

что это «стационарный робот, носитель высоко-развитого искусственного интеллекта, по сути, это апгрейд АРМС, позволяющий производство “вербальных” следственных действий: допросов, очных ставок, предъявлений для опознания, следственных экспериментов»¹¹. Однако, рассматривая данное предложение, следует учитывать, что общение — это не только коммуникация, взаимный обмен информацией, но и отчасти эмоциональный интеллект, интуиция. Между тем даже сильный искусственный интеллект (до которого еще далеко разработчикам) не может проявлять эмоциональный интеллект, чувствовать эмоции собеседника. Конечно, имеются программы бесконтактного распознавания эмоций по внешним признакам, но вряд ли этого достаточно для распознавания не отдельной эмоции, а системы взаимосвязанных эмоций в ходе общения в контексте окружающей среды (ситуации допроса, жизненных ситуаций допрашиваемого, социально-политической, экономической обстановки и т.д.). Это может быть особенно важно в контексте следственных действий, где эмоциональный интеллект может быть не менее важным, чем интеллектуальные способности. Поэтому представляется, что пока еще роботизированные комплексы смогут использоваться практически только в невербальных следственных действиях.

Таким образом, реализация в рамках криминалистики нового направления криминалистической техники — «криминалистической робототехники» — позволит существенно повысить результативность практической криминалистической деятельности, ускорить расследование преступлений и снизить тем самым загруженность следователя-человека.

При использовании автономных роботов необходимо учитывать этические и юридические нормы, связанные с конфиденциальностью, использованием личных данных и права на приватность, чтобы защитить права и свободы людей. Следует разработать соответствующие процедуры и протоколы для обработки собранных роботами данных, а также для взаимодействия

¹¹ Быстряков Е. Н., Усанов И. В. Киберследователь. С. 32.

роботов с правоохранительными органами и другими заинтересованными сторонами.

Не будем подробно рассматривать деятельность роботов, оснащенных искусственным интеллектом. Этот вопрос требует отдельного масштабного рассмотрения, что в формате данной статьи нереально. Авторы посвящают разработку вопросов использования искусственного интеллекта в криминалистических целях монографии¹² и иные работы монографического уровня. Отметим лишь, что специфика использования робота, оснащенного искусственным интеллектом, связана с ограниченной контролируемостью такой техники.

Большинство ученых отмечают так называемую проблему черного ящика, когда невозможно точно установить последовательность выводов искусственного интеллекта и причину, по которым он пришел к определенному выводу. Вышесказанное, безусловно, требует разработки специфических рекомендаций. В рамках предлагаемой нами теории криминалистической робототехники должны быть разработаны общие рекомендации по минимизации возможных ошибок и проблем при использовании как автономного программируемого робота, так и робота, оснащенного искусственным интеллектом.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Бахтеев Д. В. Искусственный интеллект: этико-правовые основы : монография. — М. : Проспект, 2021. — 176 с.
2. Быстряков Е. Н., Усанов И. В. Киберследователь // Проблемы уголовного процесса, криминалистики и судебной экспертизы. — 2017. — № 1 (9). — С. 29–32.
3. Быстряков Е. Н., Усанов И. В. Криминалистическая робототехника как новая отрасль криминалистической техники // Проблемы уголовного процесса, криминалистики и судебной экспертизы. — 2016. — № 1 (7). — С. 17–21.
4. Использование искусственного интеллекта при выявлении, раскрытии, расследовании преступлений и рассмотрении уголовных дел в суде / Д. В. Бахтеев, Е. А. Буглаева, А. И. Зазулин [и др.]. — М. : Юрлитинформ, 2022. — 216 с.
5. Камалова Г. Г. Состояние и перспективы компьютеризации судебной экспертизы // Информационные технологии в науке, образовании и производстве (ИТНОП-2018) : VII Международная научно-техническая конференция, Белгород, 17–19 октября 2018 г. : сборник трудов. — Белгород : ГИК, 2018. — С. 254–258.
6. Лукашов Н. В. Организационные и правовые основы применения полицейских робототехнических комплексов в органах внутренних дел Российской Федерации // Труды Академии управления МВД России. — 2020. — № 3 (55). — С. 210–221.
7. Яблоков Н. П. Криминалистика. — М. : Юрайт, 2011. — 303 с.
8. Kumagai J. Techno cops [police robotic and electronic technology] // Spectrum, IEEE. — 2003. — P. 34–39.
9. Looking to the future of police robotics. The use of robotics in police work requires an integration of policy, infrastructure and common sense // URL: <https://www.policeone.com/explosives-eod/articles/looking-to-the-future-of-police-robotics9OzOWqIPn103Oaoi/> (дата обращения: 24.02.2023).
10. Spilsbury L., Spilsbury R. Robotics. — eBook, 2017. — 48 p.

Материал поступил в редакцию 26 апреля 2023 г.

¹² Использование искусственного интеллекта при выявлении, раскрытии, расследовании преступлений и рассмотрении уголовных дел в суде / Д. В. Бахтеев, Е. А. Буглаева, А. И. Зазулин [и др.]. М. : Юрлитинформ, 2022 ; Бахтеев Д. В. Искусственный интеллект: этико-правовые основы : монография. М. : Проспект, 2021.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Bakhteev D. V. *Iskusstvennyy intellekt: etiko-pravovye osnovy: monografiya*. — M.: Prospekt, 2021. — 176 s.
2. Bystryakov E. N., Usanov I. V. *Kibersledovatel // Problemy ugovnogo protsessa, kriminalistiki i sudebnoy ekspertizy*. — 2017. — № 1 (9). — S. 29–32.
3. Bystryakov E. N., Usanov I. V. *Kriminalisticheskaya robototekhnika kak novaya otrasl kriminalisticheskoy tekhniki // Problemy ugovnogo protsessa, kriminalistiki i sudebnoy ekspertizy*. — 2016. — № 1 (7). — S. 17–21.
4. *Ispolzovanie iskusstvennogo intellekta pri vyyavlenii, raskrytii, rassledovanii prestupleniy i rassmotrenii ugovnykh del v sude* / D. V. Bakhteev, E. A. Buglaeva, A. I. Zazulin [i dr.]. — M.: Yurlitinform, 2022. — 216 s.
5. Kamalova G. G. *Sostoyanie i perspektivy kompyuterizatsii sudebnoy ekspertizy // Informatsionnye tekhnologii v nauke, obrazovanii i proizvodstve (ITNOP-2018): VII Mezhdunarodnaya nauchno-tekhnicheskaya konferentsiya, Belgorod, 17–19 oktyabrya 2018 g.: sbornik trudov*. — Belgorod: GiK, 2018. — S. 254–258.
6. Lukashov N. V. *Organizatsionnye i pravovye osnovy primeneniya politseyskikh robototekhnicheskikh kompleksov v organakh vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii // Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii*. — 2020. — № 3 (55). — S. 210–221.
7. Yablokov N. P. *Kriminalistika*. — M.: Yurayt, 2011. — 303 s.
8. Kumagai J. *Techno cops [police robotic and electronic technology] // Spectrum, IEEE*. — 2003. — P. 34–39.
9. *Looking to the future of police robotics. The use of robotics in police work requires an integration of policy, infrastructure and common sense* // URL: <https://www.policeone.com/explosives-eod/articles/looking-to-the-future-of-police-robotics9OzOWqIPn103Oaoi/> (data obrashcheniya: 24.02.2023).
10. Spilsbury L., Spilsbury R. *Robotics*. — eBook, 2017. — 48 p.

Нотариальная охрана цифровых прав участников корпораций

Аннотация. Статья посвящена исследованию способов нотариальной охраны цифровых прав участников корпораций. В работе рассматриваются понятие и виды цифровых прав, возможные сделки, которые могут заключаться на внешнекорпоративном уровне с цифровыми активами, в том числе криптовалютами и токенами, дается оценка правовому регулированию обращения NFT. В статье исследуются риски заключения смарт-контрактов, сторонами которых являются организации, а также оценивается их защищенность и гарантированность, рассматриваются перспективы привлечения стороннего арбитра в лице нотариуса с целью охраны прав и законных интересов сторон. Нотариат давно зарекомендовал себя как эффективный механизм внесудебной охраны и защиты прав граждан и юридических лиц, а наличие у нотариусов собственной электронной инфраструктуры и многоуровневой системы страхования ответственности позволяет считать нотариальную форму охраны эффективным средством соблюдения баланса интересов и законности заключаемых сделок. Проблематика защиты цифровых прав стремительно привлекает к себе всё больше внимания в цивилистической науке. Реализация смарт-контрактов в Сети выявила ряд проблем, таких как невозможность внесения изменений в заключенный договор и влияние порока воли на всю цепочку отношений, возникающих в технологии блокчейн. С точки зрения участия корпораций в цифровых транзакциях также возникает множество вопросов относительно проверки надлежащих полномочий представителя на заключение сделки и соблюдения всех процедур одобрения сделки, а также извещения заинтересованных лиц. Ввиду того, что цифровые активы отнесены к категории имущества, к ним применяются гражданско-правовые последствия, относящиеся к данной категории объектов гражданских прав.

Ключевые слова: нотариус; корпорация; корпоративные отношения; цифровая валюта; криптовалюта; токен; цифровой актив; блокчейн; смарт-контракт; цифровые активы; контракт.

Для цитирования: Цветкова Е. С. Нотариальная охрана цифровых прав участников корпораций // Актуальные проблемы российского права. — 2023. — Т. 18. — № 11. — С. 154–163. — DOI: 10.17803/1994-1471.2023.156.11.154-163.

© Цветкова Е. С., 2023

* Цветкова Екатерина Сергеевна, врио нотариуса города Москвы Цветкова Максима Сергеевича, аспирант кафедры предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
luckykatya@mail.ru

Notarial Protection of Digital Rights of Corporate Participants

Ekaterina S. Tsvetkova, Acting Notary, Moscow Notary Tsvetkov Maksim Sergeevich, Postgraduate Student, Department of Business and Corporate Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
luckykatya@mail.ru

Abstract. The paper is devoted to the study of methods for notarial protection of digital rights of corporate participants. The work examines the concept and types of digital rights, possible transactions that can be concluded at the external corporate level with digital assets, including cryptocurrencies and tokens, and assesses the legal regulation of the circulation of NFTs. The paper examines the risks of concluding smart contracts to which organizations are parties, and also evaluates their security and warranty, and examines the prospects for attracting a third-party arbitrator in the person of a notary in order to protect the rights and legitimate interests of the parties. The notary has long established itself as an effective mechanism for extrajudicial protection and protection of the rights of citizens and legal entities, and the presence of notaries' own electronic infrastructure and a multi-level liability insurance system allows us to consider the notarial form of protection as an effective means of maintaining a balance of interests and the legality of concluded transactions. The issue of protecting digital rights is rapidly attracting more and more attention in civil science. The implementation of smart contracts on the Internet has revealed a number of problems, such as the impossibility of making changes to the concluded agreement and the influence of vice of will on the entire chain of relationships arising in blockchain technology. In terms of corporate participation in digital transactions, there are also many questions raised regarding verifying that the representative is properly authorized to enter into a transaction and that all procedures for approving the transaction and notifying interested parties have been followed. Since digital assets are classified as property, they are subject to civil law consequences related to this category of objects of civil rights.

Keywords: notary; corporation; corporate relations; digital currency; cryptocurrency; token; digital asset; blockchain; smart contract; digital assets; contract.

Cite as: Tsvetkova ES. Notarial Protection of Digital Rights of Corporate Participants. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2023;18(11):154-163. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2023.156.11.154-163

С развитием цифровизации и компьютерных технологий смарт-контракты стремительно вошли в международный хозяйственный оборот и за непродолжительное время зарекомендовали себя как успешный механизм проведения транзакций. Умные контракты не требуют длительной подготовки, многочисленных согласований и личного присутствия сторон. Аprobация смарт-контрактов в корпоративных отношениях показывает повышенный интерес бизнеса к данным операциям.

Представляется, что смарт-контракт можно определить как специальный программный код, выполняемый робототехникой, обеспечивающий автоматическое исполнение обязательств

сторон при наступлении заранее определенных ими условий.

В литературе встречается мнение, что с точки зрения содержания смарт-контракт кажется полностью связанным с понятием контракта, установленным национальной правовой системой¹. Однако видится более правильным иной подход, сформулированный в цивилистике. Стоит согласиться с позицией, что смарт-контракты не являются полноценными гражданско-правовыми договорами, а лишь представляют собой инструменты, упрощающие заключение обычного договора в цифровой среде или же посредством использования информационных технологий, в частности блокчейна. По своей

¹ Cuccuru P. Blockchain e automazione contrattuale. Riflessioni sugli smart contract // La Nuova giurisprudenza civile commentata. 2017. Vol. 33. № 1. P. 111.

сути такой контракт представляет собой последовательность закодированных действий при принятии условий типового договора, например при совершении электронных платежей или купли-продажи при заключении сделки на онлайн-бирже².

Можно выделить ряд ключевых аспектов, ввиду которых смарт-контракты становятся привлекательными для бизнеса:

1. Для заключения смарт-контракта не требуется привлечения третьего лица (например, оператора связи), есть только контрагенты по сделке.

2. Стороны получают гарантированность исполнения заранее обусловленных ими обязательств, которые являются неотъемлемой цепочкой блокчейна и не могут быть подвергнуты одностороннему изменению ввиду особой защищенности информации криптографическими ключами. Безопасность обеспечивается шифрованием.

3. При расчетах применяется автоматическая упрощенная система расчетов в цифровой валюте, не требующая подтверждения от банков и ожидания транзакций или применения иных механизмов по оплате фиатными деньгами. При подписании смарт-контракта происходит незамедлительное изменение баланса стороны, которая должна произвести оплату.

4. Происходит автоматическая архивация всех транзакций, включая все логи, проверки и данные о транзакции, что способствует максимальной прозрачности заключаемых сделок.

5. Стороны подписывают контракты приватными электронными цифровыми подписями, что исключает риск фальсификации подписи и печати, что нередко происходит на бумажных контрактах.

6. Возможность осуществления международных транзакций в отношении любых объектов прав и использование цифровой валюты в качестве средства электронного платежа.

Стоит отметить, что в реалиях существования санкций на международной политической

и экономической арене создается серьезный плацдарм для стремительной цифровизации бизнеса и использования смарт-контрактов для проведения различных транзакций. В ряде случаев заключение классических договоров и проведение банковских операций между организациями становится затруднительным. Расчеты же по смарт-контрактам представляют собой аналогию депозита и аккредитива и позволяют миновать банк в качестве посредника и миновать уплату процентов за операции. Безусловно, для корпораций такие условия являются весьма привлекательными.

Повышенный интерес к заключению смарт-контрактов на децентрализованной информационной платформе вызван тем, что они позволяют получить моментальное исполнение обязательств при достижении сторонами заранее оговоренных условий. Технология, используемая для реализации смарт-контрактов, называется блокчейн. Она представляет собой цепочку информации, защищенной криптографическими ключами. В юридической литературе отмечается потенциал блокчейн-технологии, в частности, указывается, что «блокчейн-технология способна стать органичной экономической оболочкой сети Интернет, обслуживающей онлайн-платежи, децентрализованный обмен, приобретение и расходование токенов ценности»³.

Итак, безусловные положительные стороны заключения смарт-контрактов очевидны, однако, исследуя вопрос об активном внедрении смарт-контрактов в корпоративные отношения, мы сталкиваемся с множеством вопросов, а именно:

Насколько защищенными и неоспоримыми в действительности являются умные контракты?

Способны ли такие электронные инновационные соглашения, не требующие привлечения посредника, в полной мере гарантировать соблюдение законности и обеспечить охрану прав сторон или теория цифровизации экономических корпоративных отношений является утопичной?

² Морхат П. М. Смарт-контракты и искусственный интеллект: гражданско-правовой взгляд // Юридические исследования. 2018. № 5. С. 2.

³ Свон М. Блокчейн: схема новой экономики. М., 2017. С. 16.

Кто будет нести ответственность, в том числе перед третьими лицами, в случае нарушения порядка проведения транзакций и включения в условия договора противоречащих закону условий или неполучения необходимых одобрений и согласований со стороны участника данной сделки?

Какое правовое регулирование присуще отношениям, вытекающим из смарт-контрактов, к какой юрисдикции должны относиться данные отношения, если контрагенты сделки находятся в разных юрисдикциях?

При всей видимой защищенности программного кода в практике всё же встречаются случаи мошенничества и злоупотребления правом при заключении и исполнении смарт-контрактов. Написание программного кода, являющегося основой умных контрактов, может содержать ошибки, что в итоге может привести к невозможности исполнения условий договора или к неправомерному списанию криптовалюты.

Традиционный договор имеет более удобный формат с точки зрения описания положений и условий сделки, а также корректировки и внесения изменений, заключения дополнительных соглашений. Если по каким-то причинам звено цепочки смарт-контракта нарушается на каком-то этапе, даже при наличии форс-мажорных обстоятельств или обстоятельств, заранее не оговоренных при составлении контракта, программа незамедлительно спишет криптовалюту со счета, а также неустойку. Такие сложности могут принести корпорациям большие убытки и повлечь долгие судебные споры. Но как раз на этом этапе возникнет новая сложность, которая будет заключаться в отсутствии правового регулирования умных контрактов. Смарт-контракты не регулируются действующим российским законодательством. На них не распространяется действующее законодательство о рынке ценных бумаг. А если контрагенты по сделке находятся в разных юрисдикциях, то

возникает серьезная коллизия, которая, на наш взгляд, должна быть разрешена на международном уровне путем заключения международных договоров.

К сожалению, практике известны случаи вывода денежных средств из смарт-контрактов путем совершения мошеннических действий. Примером может служить атака на смарт-контракт the DAO, в результате которой злоумышленниками было выведено 3,64 млн эфира (нативная монета Ethereum), что на момент взлома составляло 53 млн долл., или 5 % всех ETH, находившихся в то время в обращении, в новый фонд под названием DarkDAO⁴.

Отсутствие контроля государства и привлечения нотариуса к проведению сделок в электронном пространстве ведет к неизбежному потоку легализации средств под видом инвестирования в различные проекты. Видится, что привлечение нотариуса к заключению смарт-контрактов снизит процент сомнительных и мошеннических действий в сети. В настоящее время нотариат активно взаимодействует с Росфинмониторингом по вопросам проверки лиц, причастных к экстремистской и террористической деятельности, а также отслеживания сомнительных операций, которые могут вести к легализации доходов. Росфинмониторинг регулярно проводит курсы для нотариусов, а Федеральная нотариальная палата направляет рекомендации нотариусам по выявлению признаков сомнительности сделок, исходя из существующей статистики. Нотариат давно рекомендовал себя как эффективный механизм внесудебной охраны и защиты прав граждан и юридических лиц, а наличие у нотариусов собственной электронной инфраструктуры и многоуровневой системы страхования ответственности позволяет считать нотариальную форму охраны эффективным средством соблюдения баланса интересов и законности заключаемых сделок.

⁴ Шин Л. Величайшая загадка в истории криптовалют: кто взломал The DAO и украл \$53 млн // URL: <https://www.forbes.ru/tekhnologii/457485-velicajsa-zagadka-v-istorii-kriptovalut-kto-vzlomal-the-dao-i-ukral-53-mln> (дата обращения: 13.03.2023).

⁵ Савельев А. И. Некоторые риски токенизации и блокчейнизации гражданско-правовых отношений // Закон. 2018. № 2. С. 38.

Ввиду того что практически любое имущество и имущественные права могут быть реализованы в форме токенов, то есть в цифровом пространстве, такие сделки нуждаются в новом правовом регулировании. Как справедливо отмечает А. И. Савельев, «подобного рода токенизация означает вытеснение традиционного правового режима, выработанного в отношении порядка распоряжения соответствующим объектом гражданских прав, режимом, установленным качественно иным регулятором — программным кодом, прикрытым квазидоговорной оболочкой»⁵.

Отсутствие надлежащего правового регулирования договорной ответственности, возникающей из смарт-контрактов, и отсутствие нормативно-правовой базы в области договорной ответственности является серьезной проблемой, поскольку все этапы исполнения обязательств решаются компьютерами. Умные контракты не обладают достаточной гибкостью для корректировки условий, если все положения изначально подробно не прописаны в программном коде.

Средством платежа по обязательствам, вытекающим из смарт-контрактов, выступает цифровая валюта. Основной характеристикой криптоактивов, включая криптовалюты, является то, что их возникновение и распоряжение ими возможны только в рамках распределенной информационной системы (в подавляющем большинстве случаев речь идет о технологии блокчейн)⁶. В цивилистике отмечается противоречие, вытекающее из положений правового регулирования цифровой валюты, а именно то, что согласно определению, данному цифровой валюте, она является средством платежа, однако анализ ст. 14 данного Закона показывает

обратное, так как в этой статье говорится, что цифровая валюта не может являться встречным предоставлением за передаваемые товары и услуги, не может приниматься в качестве оплаты и иным образом⁷.

Следует согласиться с позицией Е. В. Ушаковой и Л. А. Рудакова, которые отметили, что изначально под цифровым активом можно понимать набор автономных, уникально идентифицируемых цифровых данных, наделенных признаками ценности. То есть это актив, характеризующийся тремя составляющими: экономической (принимает участие в экономических отношениях, в частности в гражданском обороте); правовой (защищается нормами права); информационной (фиксируется, хранится, передается и обменивается посредством цифровых технологий и используется в информационном пространстве)⁸.

Представляется верным замечание М. А. Егоровой, О. В. Кожевиной о том, что криптовалюта обладает имущественной ценностью, фактически может быть предметом относительных правоотношений и лицо, которому принадлежит криптовалюта, может осуществлять над ней свою власть, пользоваться и распоряжаться ею, то есть, по сути, осуществлять сделки⁹. Судебная практика исходит из того, что цифровые активы относятся к категории иного имущества. К примеру, такая позиция выражена в постановлении Девятого арбитражного апелляционного суда от 15.05.2018 № 09АП-16416/2018 по делу № А40-124668/2017¹⁰. Такой подход к определению цифровых прав является важным для хозяйственной деятельности корпораций ввиду того, что в данном случае цифровые активы могут выступать в качестве предмета сделок,

⁶ Михеева И. Е. Альтернативный взгляд на правовое регулирование технологии блокчейн // Юрист. 2021. № 11. С. 14.

⁷ Цинделиани И. А., Нигматулина Л. Б. Криптовалюта как объект гражданско-правового и финансово-правового регулирования // Финансовое право. 2018. № 7. С. 19.

⁸ Ушакова Е. В., Рудаков Л. А. Классификация цифровых прав // Вопросы устойчивого развития общества. 2021. № 6. С. 5.

⁹ Егорова М. А., Кожевина О. В. Место криптовалюты в системе объектов гражданских прав // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 1. С. 84.

¹⁰ Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 15.05.2018 № 09АП-16416/2018 по делу № А40-124668/2017 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 13.03.2023).

заключаемых корпорациями. В качестве примера можно привести залог токенов Waves, принятый Экспобанком в качестве обеспечения по договору индивидуальной банковской ссуды¹¹. Рассуждая более кардинально, можно предположить, что цифровая валюта является важным средством глобализации экономики, что особенно актуально в связи с внедрением санкций со стороны зарубежных стран. Эфиры и токены не затруднены в обороте, на них не оказывает влияние сложившаяся политическая обстановка, в рамках которой возникает множество сложностей по проведению фиативных расчетов, проведения транзакций, согласования сделок и безналичного перевода денежных средств. Цифровые активы обезличены, безопасность транзакций обеспечивается множественностью машин, сосредоточенных в различных точках мирового интернет-пространства.

Цифровые активы также могут быть включены в конкурсную массу и быть использованы для удовлетворения требований кредиторов. В делах о банкротстве это является важным решением с позиции защиты прав кредиторов. Расчет с кредиторами цифровыми активами должника-банкрота является эффективным экономическим инструментом в сложившихся реалиях и отвечает требованиям современного хозяйственного рынка. Как мы видим, современный бизнес активно интегрируется в цифровую экономику, все шире применяя на различных этапах своего развития искусственный интеллект. И таким образом, несмотря на то что криптоактивы не обеспечены силой государства и не признаются деньгами, нельзя отрицать то, что они однозначно относятся к категории имущества. Нотариусы всё чаще привлекаются к делам о банкротстве для охраны интересов кредиторов. Так, суд обязал должника в течение

10 рабочих дней с момента изготовления определения в присутствии нотариуса передать финансовому управляющему должника данные доступа к биткоин-кошельку (сайт доступа к кошельку, уникальный номер кошелька, пароль к кошельку) в машиночитаемом виде в файле формата doc или docx на электронном носителе и лично присутствовать у нотариуса при входе в биткоин-кошелек для составления акта-приема передачи имущества (биткоинов) с целью включения его в конкурсную массу должника. Данная позиция выражена в постановлении Арбитражного суда Московского округа от 15.08.2019 по делу № А40-12639/16¹².

Следует согласиться с мнениями К. А. Корсика и А. А. Парфенчиковой, что технология блокчейн несет в себе отдельные проблемы. Так, если порок воли появился хотя бы у одного из участников цепочки сделок, совершаемых в системе блокчейн, в итоге все сделки становятся недействительными. Существенным недостатком также становится невозможность внесения в рамках системы блокчейн каких-либо изменений в уже заключенный договор¹³.

Возникают ситуации, когда участникам требуется использовать внесудебные и судебные формы защиты своих прав и предоставить соответствующие доказательства, и таким образом стороны применяют нотариальные формы охраны своих прав. Положения ч. 5 ст. 69 АПК РФ устанавливают презумпцию достоверности обстоятельств, подтвержденных нотариусом, и такие обстоятельства являются преюдициально значимыми для суда. Данная позиция нашла свое отражение в постановлении Девятого арбитражного апелляционного суда от 07.06.2022 № 09АП-26709/2022 по делу № А40-1876/2015¹⁴.

Видится, что в участии корпораций при заключении смарт-контрактов может возникнуть

¹¹ Смородская П. Вот токенный залог. В России выдан первый кредит под криптовалюту // Коммерсантъ. № 148. 19.08.2020. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4458824> (дата обращения: 02.03.2023).

¹² Постановление Арбитражного суда Московского округа от 15.08.2019 по делу № А40-12639/16 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 13.03.2023).

¹³ Корсик К. А., Парфенчикова А. А. Трансформация российского нотариата в новых экономических условиях // Государственная служба. 2020. Т. 22. № 1 (123). С. 94.

¹⁴ Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 07.06.2022 № 09АП-26709/2022 по делу № А40-1876/2015 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 13.03.2023).

немало вопросов. Ведь отсутствие посредника (например, нотариуса) не может гарантировать соблюдение всех необходимых условий для проведения сделки. Речь идет в первую очередь о соблюдении процедуры одобрения принятия решений органами управления юридического лица, подтверждение полномочий этих органов, проверку получения всех необходимых согласий и соблюдения процедуры извещения заинтересованных лиц. В современных реалиях получается, что такие смарт-контракты могут быть оспоримы заинтересованными лицами в судебном порядке.

Важным критерием цифровых прав является то, что они должны быть названы в таком качестве законом. Иными словами, если дефиниция конкретного цифрового отношения не зафиксирована в нормативном правовом акте, то правовой силой оно наделаться не может. Ж. Ю. Юзефович, В. Е. Хазова справедливо отмечают, что, поскольку отношения с использованием цифровых прав только стали составной частью гражданского права, еще не сложилось полное понимание, какие объекты гражданского оборота непосредственно относятся к цифровым правам, а какие являются смежными, например относятся к обязательствам или к объектам интеллектуальной собственности¹⁵.

На практике же происходит активное внедрение в оборот большого количества новых цифровых продуктов, отличающихся высокой ликвидностью и, соответственно, привлекающих интерес инвесторов. Однако в настоящий момент данные продукты не находят своего правового регулирования. К таким цифровым продуктам можно отнести, к примеру, невзаимозаменяемые токены — NFT, которые по своей природе не могут быть квалифицированы ни в качестве цифровой валюты, ни в качестве цифровых активов. Согласимся с позицией А. А. Ситника, отождествляющего природу NFT с цифровыми правами¹⁶, однако отсутствие указания на это в законе не позволяет применять пра-

вовое регулирование цифровых прав к отношениям, связанным с NFT. Международный бизнес активно внедряет NFT в свои продукты. В качестве примера можно привести NFT — кроссовки Nike, продукцию компании LG и CocaCola. NFT используются бизнесом в качестве программ лояльности и поощрения клиентов, которые, в свою очередь, могут перепродать токены и получать свои проценты.

Относясь к категории иного имущества, цифровые права как объекты гражданских прав могут вноситься в уставный капитал корпораций, выступать в качестве предмета обеспечения исполнения обязательств, выступать в качестве средства платежа в транзакциях и иным образом вовлекаться в корпоративные имущественные отношения. Ввиду вышеизложенного вопрос о нотариальной охране корпоративных цифровых прав становится как никогда актуальным.

Наиболее распространенным способом нотариальной охраны цифровых корпоративных прав является нотариальная процедура обеспечения доказательств. В данном контексте речь в первую очередь идет о составлении протокола осмотра письменного доказательства нотариусом в рамках ст. 102 и 103 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате. Обеспечение доказательств может проводиться как путем осмотра интернет-страницы, на которой размещенная децентрализованная электронная площадка, и осмотра личного кабинета, включая архивацию транзакций, фиксацию кодов и иных юридических фактов, которые могут возникнуть в рамках реализации цифровых прав. Однако обеспечение доказательств не сводится исключительно к осмотру информации, находящейся в сети Интернет. В качестве примера можно привести инвестиционные товарищества, коммерческие товарищества, хозяйственные общества или ассоциации (союзы) корпораций, которые объединяют свои капиталы для получения цифровых активов путем создания так называе-

¹⁵ Юзефович Ж. Ю., Хазова В. Е. Цифровые права как объекты гражданских прав // Гражданское право. 2022. № 5. С. 16.

¹⁶ Ситник А. А. NFT как объект правового регулирования // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 12. С. 90.

мых ферм. С целью охраны прав сторон таких отношений может потребоваться осмотр вещественных доказательств нотариусом (например, помещений, машин, используемых для майнинга). Важно отметить, что доказательства, полученные нотариусом, имеют преюдициальный характер и особую доказательственную силу ввиду того, что деятельность нотариуса гарантирована государством, нотариус беспристрастен и при осуществлении своих полномочий действует от имени Российской Федерации. Судебная практика идет по пути принятия данных доказательств по спорам, возникающим в киберпространстве, в качестве допустимых. В качестве примера можно привести определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 30.06.2021 № 88-10336/2021¹⁷.

Вторым важным примером нотариальной охраны цифровых прав корпораций является удостоверение нотариальных сделок, предметом которых выступают цифровые активы. В качестве примера можно привести залог токенов в обеспечение исполнения обязательств.

На нотариуса возлагается обязанность проверить легитимность данной сделки и полномочия по распоряжению цифровой валютой. К сожалению, в действующем законодательстве в настоящий момент отсутствует перечень проверочных действий, который должен возлагаться на нотариуса по установлению полномочий стороны по распоряжению цифровыми правами. Видится, что в настоящий момент такую информацию нотариус устанавливает из заверений сторон и путем осмотра личного кабинета заявителя на электронной цифровой площадке. Вместе с тем возникает вопрос, по какому критерию проводится оценка данного имущества. Факт участия нотариуса в охране цифровых прав способствует интеграции государственной системы в данные отношения. Так, цифровым активам придается денежная оценка, исходя из которой при совершении нотариальных действий взимается государственная пошлина, предусмотренная действующим налоговым законодательством, а также происходит признание факта владения,

пользования и распоряжения ею и, как следствие, наличие права собственности в отношении данного объекта.

Включение цифровых прав в предмет нотариальных корпоративных сделок повышает заинтересованность сторон к выбору данной формы охраны прав. Так, в соответствии со ст. 90 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате нотариальные договоры являются основанием для бесспорного совершения исполнительной надписи нотариуса. Таким образом, в случае неисполнения обязательств по договору заинтересованная сторона может во внесудебном порядке получить исполнительный документ. Видится, что в данном случае в исполнительном документе должен быть указан специальный код, идентифицирующий данные о цифровом активе. Данное требование, на наш взгляд, должно получить свое отражение в Регламенте совершения нотариусами нотариальных действий, устанавливающем объем информации, необходимой нотариусу для совершения нотариальных действий, и способ ее фиксирования. По аналогии цифровые права также могут быть предметом медиативных корпоративных отношений, которые также являются эффективным элементом внесудебного урегулирования корпоративных конфликтов, а придание законодателем силы исполнительного документа данным отношениям значительно повышают их актуальность для бизнеса. Процесс внесудебного урегулирования корпоративных споров представляет особую сложность ввиду того, что, помимо их общего законодательного регулирования, они подотчетны также внутренним локальным актам и соглашениям участников, таким как корпоративные договоры, договоры об осуществлении прав участников, акционерные соглашения, которые, в свою очередь, могут вносить серьезные дополнения в порядок осуществления прав участников и их взаимодействия друг с другом и третьими лицами. Привлечение нотариуса к данным отношениям видится целесообразным, обоснованным, а вместе с тем менее затратным

¹⁷ Определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 30.06.2021 № 88-10336/2021 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 13.03.2023).

по финансовому и временному фактору, нежели участие в судебных разбирательствах.

Необходимо расширить перечень полномочий нотариуса по охране корпоративных прав в рамках цифровизации экономики, так как это способствует актуализации обращения к нотариусу со стороны бизнеса, активно использующего цифровые ресурсы в своей деятельности.

Так, предлагается расширить ст. 88.1 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате в части полномочий нотариуса по депонированию, добавив в нее полномочия нотариуса по депонированию цифровых активов, хранению кодов, предоставления данных доступа к биткоин-кошельку (сайт доступа к кошельку, уникальный номер кошелька, пароль к кошельку).

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Егорова М. А., Кожевина О. В.* Место криптовалюты в системе объектов гражданских прав // Актуальные проблемы российского права. — 2020. — № 1. — С. 81–91.
2. *Корсик К. А., Парфенчикова А. А.* Трансформация российского нотариата в новых экономических условиях // Государственная служба. — 2020. — Т. 22. — № 1 (123).
3. *Михеева И. Е.* Альтернативный взгляд на правовое регулирование технологии блокчейн // Юрист. — 2021. — № 11. — С. 13–18.
4. *Морхат П. М.* Смарт-контракты и искусственный интеллект: гражданско-правовой взгляд // Юридические исследования. — 2018. — № 5. — С. 1–6.
5. *Савельев А. И.* Некоторые риски токенизации и блокчейнизации гражданско-правовых отношений // Закон. — 2018. — № 2. — С. 36–51.
6. *Свон М.* Блокчейн: схема новой экономики. — М., 2017.
7. *Ситник А. А.* NFT как объект правового регулирования // Актуальные проблемы российского права. — 2022. — № 12. — С. 84–93.
8. *Смородская П.* Вот токенный залог. В России выдан первый кредит под криптовалюту // Коммерсантъ. № 148. — 19.08.2020. — URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4458824> (дата обращения: 13.03.2023).
9. *Ушакова Е. В., Рудаков Л. А.* Классификация цифровых прав // Вопросы устойчивого развития общества. — 2021. — № 6.
10. *Цветкова Е. С.* Проблематика применения медиативных процедур в корпоративных отношениях // Нотариус. — 2023. — № 1. — С. 11–15.
11. *Цинделиани И. А., Нигматулина Л. Б.* Криптовалюта как объект гражданско-правового и финансово-правового регулирования // Финансовое право. — 2018. — № 7. — С. 16–23.
12. *Шин Л.* Величайшая загадка в истории криптовалют: кто взломал The DAO и украл \$53 млн // URL: <https://www.forbes.ru/tekhnologii/457485-velicajsaagzagadka-v-istorii-kriptovalut-kto-vzlomal-the-dao-i-ukral-53-mln> (дата обращения: 13.03.2023).
13. *Юзефович Ж. Ю., Хазова В. Е.* Цифровые права как объекты гражданских прав // Гражданское право. — 2022. — № 5. — С. 15–18.
14. *Cuccuru P.* Blockchain e automazione contrattuale. Riflessioni sugli smart contract // La Nuova giurisprudenza civile commentata. — 2017. — Vol. 33. — № 1. — P. 107–119.

Материал поступил в редакцию 14 июня 2023 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Egorova M. A., Kozhevina O. V. Mesto kriptovalyuty v sisteme obektov grazhdanskikh prav // Aktual'nye problemy rossiyskogo prava. — 2020. — № 1. — S. 81–91.
2. Korsik K. A., Parfenchikova A. A. Transformatsiya rossiyskogo notariata v novykh ekonomicheskikh usloviyakh // Gosudarstvennaya sluzhba. — 2020. — T. 22. — № 1 (123).
3. Mikheeva I. E. Alternativnyy vzglyad na pravovoe regulirovanie tekhnologii blokcheyn // Yurist. — 2021. — № 11. — S. 13–18.
4. Morkhat P. M. Smart-kontrakty i iskusstvennyy intellekt: grazhdansko-pravovoy vzglyad // Yuridicheskie issledovaniya. — 2018. — № 5. — S. 1–6.
5. Savelev A. I. Nekotorye riski tokenizatsii i blokcheynizatsii grazhdansko-pravovykh otnosheniy // Zakon. — 2018. — № 2. — S. 36–51.
6. Svon M. Blokcheyn: skhema novoy ekonomiki. — M., 2017.
7. Sitnik A. A. NFT kak obekt pravovogo regulirovaniya // Aktual'nye problemy rossiyskogo prava. — 2022. — № 12. — S. 84–93.
8. Smorodskaya P. Vot tokennyy zalog. V Rossii vydan pervyy kredit pod kriptovalyutu // Kommersant. № 148. — 19.08.2020. — URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4458824> (data obrashcheniya: 13.03.2023).
9. Ushakova E. V., Rudakov L. A. Klassifikatsiya tsifrovyykh prav // Voprosy ustoychivogo razvitiya obshchestva. — 2021. — № 6.
10. Tsvetkova E. S. Problematika primeneniya mediativnykh protsedur v korporativnykh otnosheniyakh // Notarius. — 2023. — № 1. — S. 11–15.
11. Tsindeliiani I. A., Nigmatulina L. B. Kriptovalyuta kak obekt grazhdansko-pravovogo i finansovo-pravovogo regulirovaniya // Finansovoe pravo. — 2018. — № 7. — S. 16–23.
12. Shin L. Velichayshaya zagadka v istorii kriptovalyut: kto vzlomal The DAO i ukral \$53 mln // URL: <https://www.forbes.ru/tekhnologii/457485-velicajsa-zagadka-v-istorii-kriptovalut-kto-vzlomal-the-dao-i-ukral-53-mln> (data obrashcheniya: 13.03.2023).
13. Yuzefovich Zh. Yu., Khazova V. E. Tsifrovye prava kak obekty grazhdanskikh prav // Grazhdanskoe pravo. — 2022. — № 5. — S. 15–18.
14. Cuccuru P. Blockchain e automazione contrattuale. Riflessioni sugli smart contract // La Nuova giurisprudenza civile commentata. — 2017. — Vol. 33. — № 1. — P. 107–119.

Проблема признания Палестины в контексте реализации палестинским народом права на самоопределение

Аннотация. В статье исследуется проблема признания Палестины в современном международном праве. Анализируются международные документы и резолюции Организации Объединенных Наций, принятые по вопросу о конфликте в Палестине. Автор на основании анализа международных документов делает вывод, что Палестина отвечает всем критериям государственности, но израильская оккупация препятствует созданию жизнеспособного палестинского государства. Несмотря на различные усилия, проводимые по достижению урегулирования палестинского вопроса, мирный процесс оказался в тупиковой ситуации. Этому способствует политика и практика оккупирующей державы закрепить фактическое положение оккупируемых территорий в нарушение своих правовых обязательств. На сегодняшний день Палестина признана более 138 государствами и Генеральная Ассамблея ООН резолюциями неоднократно подтверждала право на самоопределение. Необходимо активизировать усилия, предпринимаемые международным сообществом, чтобы положить конец этому непримиримому конфликту, представляющему угрозу международному миру и безопасности.

Ключевые слова: признание Палестины; статус Иерусалима; право на самоопределение; конфликт в Палестине; признание новых государств; ближневосточный конфликт; принципы международного права; критерии государственности; оккупированные территории; частично признанные государства.

Для цитирования: Хасанов А. А. Проблема признания Палестины в контексте реализации палестинским народом права на самоопределение // Актуальные проблемы российского права. — 2023. — Т. 18. — № 11. — С. 164–173. — DOI: 10.17803/1994-1471.2023.156.11.164-173.

The Problem of Recognition of Palestine in the context of the Palestinian People's Realization of the Right to Self-Determination

Anvar A. Khasanov, Postgraduate Student, the Institute of Legislation and Comparative Law
under the Government of the Russian Federation
Bolshaya Cheremushkinskaya St., d. 34, Moscow, Russia, 117218
anv.khasanov@gmail.com

Abstract. The paper examines the problem of recognition of Palestine in modern international law. International documents and United Nations resolutions adopted on the issue of the conflict in Palestine are analyzed. The author,

© Хасанов А. А., 2023

* Хасанов Анвар Алишерович, соискатель Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации
Большая Черемушkinsкая ул., д. 34, г. Москва, Россия, 117218
anv.khasanov@gmail.com

based on an analysis of international documents, concludes that Palestine meets all the criteria for statehood, but the Israeli occupation prevents the creation of a viable Palestinian state. Despite various efforts being made to reach a solution to the Palestinian issue, the peace process has reached a deadlock. This is facilitated by the policy and practice of the occupying power to consolidate the de facto position of the occupied territories in violation of its legal obligations. To date, Palestine is recognized by more than 138 states and the UN General Assembly has repeatedly confirmed the right to self-determination through resolutions. The efforts of the international community must be intensified to put an end to this irreconcilable conflict, which poses a threat to international peace and security.

Keywords: recognition of Palestine; status of Jerusalem; right to self-determination; conflict in Palestine; recognition of new states; Middle East conflict; international law principles; criteria for statehood; occupied territories; partially recognized states.

Cite as: Khasanov AA. The Problem of Recognition of Palestine in the context of the Palestinian People's Realization of the Right to Self-Determination. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2023;18(11):164-173. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2023.156.11.164-173

Конфликт в Палестине как в международном аспекте, так и с точки зрения прав человека рассматривается Организацией Объединенных Наций с 1947 г., практически с первых лет ее существования. С этого времени Генеральной Ассамблеей и Советом Безопасности были приняты десятки резолюций, большинство из которых остались невыполненными и по сей день. На протяжении многих десятилетий международное сообщество признает право палестинского народа на самоопределение и создание собственного независимого государства.

ООН в течение более полувека пыталась восстановить мир в этом регионе. Генеральная Ассамблея ООН ежегодно рассматривала вопросы, связанные с конфликтами в Палестине, включая вопрос об оккупированных палестинских территориях, беженцах, правовом статусе Иерусалима и т.д. В документах ООН отразилась вся история развития событий в этом регионе¹.

Народ Палестины, наследник древней цивилизации, начал свою борьбу за независимость в начале двадцатого века. После распада Отто-

манской империи Лига Наций передала мандат на Палестину под управление Великобритании. Правительство Великобритании дало противоречивые обязательства относительно создания на территории Палестины «еврейского национального очага»², в результате чего возник конфликт, который в дальнейшем рассматривался ООН³.

Изучив различные варианты, Генеральная Ассамблея ООН 29 ноября 1947 г. приняла резолюцию № 181 (II), предусматривавшую создание арабского и еврейского государства с международным статусом для Иерусалима. Предусмотренный этой резолюцией план раздела не принес мира, а насилие переросло в войну на Ближнем Востоке. Израиль провозгласил свою независимость и в результате последующих войн оккупировал большую часть Палестины, значительно превышающую территорию, которая была провозглашена резолюцией Генеральной Ассамблеи о разделе⁴.

Палестинская проблема распространилась на соседние арабские государства и переросла в ближневосточный конфликт. Арабо-израильский конфликт акцентирует внимание между-

¹ Блищенко В. И., Солнцева М. М. Региональные конфликты и международное право (вторая половина XX — начало XXI века) : учеб. пособие. М. : Городец, 2005. С. 202.

² Мак-Магон А. Г. Переписка Мак-Магона — Хусейна 1915–1916 гг. и вопрос о Палестине : документы и материалы (Предисловие). М. : Роспэн, 2008. С. 5.

³ Истоки и история проблемы Палестины, 1917–1988 годы. Исследование ООН // URL: <https://www.un.org/unispal/ru/origins-and-evolution-of-the-palestine-problem/part-i-1917-1947/> (дата обращения: 15.03.2023).

⁴ A/RES/181 (II) от 29.11.1947. Будущее правительство Палестины // URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/040/42/IMG/NR004042.pdf?OpenElement> (дата обращения: 15.03.2023).

народного сообщества как источник опасной напряженности, который представляет собой угрозу международному миру и безопасности. Конфликт на Ближнем Востоке необходимо рассматривать не как локальный, носящий сугубо региональный характер, а как проблему международного уровня. Как писал известный юрист-международник И. П. Блищенко, налицо ярко выраженный международно-правовой аспект⁵.

8 декабря 1970 г. Генеральная Ассамблея признала право палестинского народа на самоопределение и констатировала, что уважение этого неотъемлемого права является необходимым элементом для установления справедливого и прочного мира на Ближнем Востоке⁶.

ООН неоднократно подтверждала права палестинского народа на самоопределение, независимость, освобождение от колониального и иностранного господства любыми имеющимися в его распоряжении средствами⁷, а также на возвращение к своим очагам и имуществу, откуда они были незаконно перемещены и изгнаны⁸.

Организация освобождения Палестины (далее — ООП) была наделена Генеральной Ассамблеей статусом наблюдателя для участия

в работе международных конференций, проводимых ООН⁹. Впоследствии этот статус стал действовать во всех органах ООН¹⁰. Позднее Генеральная Ассамблея признала провозглашение государства Палестина и подтвердила необходимость освобождения территорий, оккупированных с 1967 г. Палестине были предоставлены дополнительные права и привилегии относительно участия в работе Генеральной Ассамблеи и международных конференций¹¹.

29 августа 1983 г. в Женеве была созвана международная конференция по вопросу о Палестине. На конференции были приняты руководящие принципы, которые предусматривали осуществление палестинским народом права на самоопределение и создание собственного независимого государства, уход Израиля с территорий, оккупированных с 1967 г., включая Иерусалим, прекращение создания поселений, признание недействительными всех законодательных и административных мер, которые направлены на изменение статуса Иерусалима, а также право всех государств региона на существование в безопасных и международно признанных границах¹².

⁵ Блищенко И. П., Кудрявцев В. Д. Агрессия Израиля и международное право. М. : Международные отношения, 1970. С. 3.

⁶ Резолюция ГА A/RES/2672 (XXV) от 08.12.1970. Ближневосточное агентство ООН для помощи палестинским беженцам и организации работ // URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/352/01/IMG/NR035201.pdf?OpenElement> (дата обращения: 15.03.2023).

⁷ Давыдов Р. М. Палестинская проблема : документы ООН, международных организаций и конференций. М., 1984. С. 181 ; Резолюция ГА: A/RES/2787 (XXVI) от 06.12.1971. Значение всеобщего осуществления права народов на самоопределение и скорейшего предоставления независимости колониальным странам и народам для эффективной гарантии и соблюдения прав человека // URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/331/11/IMG/NR033111.pdf?OpenElement> (дата обращения: 15.03.2023).

⁸ Резолюция ГА: A/RES/3236 (XXIX) от 22 ноября 1974 г. Вопрос о Палестине // URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/741/56/IMG/NR074156.pdf?OpenElement> (дата обращения: 15.03.2023).

⁹ Резолюция ГА: A/RES/3237 (XXIX) от 22.11.1974. Статус наблюдателя для Организации освобождения Палестины // URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/741/57/IMG/NR074157.pdf?OpenElement> (дата обращения: 15.03.2023).

¹⁰ Вопрос о Палестине и Организация Объединенных Наций. Нью-Йорк, 2008. С. 26. URL: <https://www.un.org/unispal/ru/2017/08/29/questionofpalestineandun/> (дата обращения: 15.03.2023).

¹¹ Резолюция СБ: A/RES/52/250 от 07.07.1998. Участие Палестины в работе ООН // URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N98/773/13/PDF/N9877313.pdf?OpenElement> (дата обращения: 15.03.2023).

¹² A/38/497 от 12.10.1983. Письмо Председателя Комитета по осуществлению неотъемлемых прав палестинского народа от 10.12.1983 на имя Генерального секретаря // URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/GL0/214/58/PDF/GL021458.pdf?OpenElement> (дата обращения: 15.03.2023).

Министры иностранных дел девяти стран — членов Европейского экономического сообщества опубликовали в Венеции 13 июня 1980 г. заявление, согласно которому «палестинский народ должен получить возможность до конца осуществить свое право на самоопределение, напоминают, что Израиль должен прекратить оккупацию территорий удерживаемых им со времени конфликта 1967 г... Страны ЕЭС считают, что поселения, а также демографические и имущественные изменения незаконны с точки зрения международного права»¹³.

Совет министров Организации африканского единства 21–26 июня 1993 г. в Каире заявил «о своей полной поддержке палестинского народа и арабских стран, которые являются жертвами израильской агрессии», поддержал «законность борьбы палестинского народа под руководством ООП, единственного законного представителя, с целью возвращения своих оккупированных территорий и осуществления своих неотторжимых и неотъемлемых национальных прав»¹⁴.

Все эти решения на международном и региональном уровнях полностью поддерживают право палестинского народа на самоопределение.

На сегодняшний день международное сообщество выработало подход, согласно которому ближневосточное урегулирование должно основываться на осуществлении всех соответствующих резолюций, включая резолюции: № 242 от 22.11.1967, № 338 от 22.10.1973, № 1515 от 19.11.2003¹⁵, и следующих основных принципах:

— «уход Израиля с оккупированной палестинской территории, включая Иерусалим;

— гарантирование мер обеспечения мира и безопасности всех государств региона, в пределах безопасных и международно признанных границ;

— решение проблемы палестинских беженцев в соответствии с резолюцией № 194 Генеральной Ассамблеи от 11.12.1948; ликвидация поселений на оккупированных с 1967 г. территориях;

— гарантирование свободы доступа к святым местам¹⁶;

— гарантирование осуществления неотъемлемых прав палестинского народа, прежде всего прав на самоопределение и создание собственного независимого государства»¹⁷.

Позиция России по палестино-израильскому конфликту сводится к следующему. Мирное урегулирование конфликта должно основываться на принципе сосуществования двух государств — Израиля и Палестины в международно признанных границах. Восточный Иерусалим рассматривается как столица будущего палестинского государства, а Западный Иерусалим — столица Государства Израиль. Израильская оккупация должна быть прекращена, нарушения прав человека, конфискация земель, снос палестинских строений, создание поселений нарушают нормы международного права. Признанными посредниками сопровождения палестино-израильского урегулирования являются России, США, ЕС и ООН.

Несмотря на различные попытки по урегулированию палестино-израильского конфликта,

¹³ A/35/299, S/14009 от 20.06.1980. Письмо постоянного представителя Италии при ООН от 16.06.1980 на имя Генерального секретаря // URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/GL0/121/71/PDF/GL012171.pdf?OpenElement> (дата обращения: 15.03.2023).

¹⁴ A/48/322 от 19.08.1993. Сотрудничество между ООН и ОАЕ // URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N93/458/72/IMG/N9345872.pdf?OpenElement> (дата обращения: 15.03.2023).

¹⁵ Резолюция СБ: S/RES/1884 (2009) от 27.08.2009. Положение на Ближнем Востоке // URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N09/496/62/PDF/N0949662.pdf?OpenElement> (дата обращения: 15.03.2023).

¹⁶ Резолюция ГА: A/RES/47/64 от 22.03.1993. Вопрос о Палестине // URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N93/168/07/IMG/N9316807.pdf?OpenElement> (дата обращения: 15.03.2023).

¹⁷ Резолюция ГА: A/RES/66/17 от 30.11.2011. Мирное урегулирование вопроса о Палестине // URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N11/459/86/PDF/N1145986.pdf?OpenElement> (дата обращения: 15.03.2023).

мирный процесс оказался в тупиковой ситуации. Этому способствуют политика и практика оккупирующего государства, закрепляющие фактическое положение оккупированных территорий в нарушение его правовых обязательств по плану «дорожная карта»¹⁸, резолюций ООН и принципов международного права.

23 сентября 2011 г. председатель Палестинской автономии Махмуд Аббас представил в ООН заявление Палестины о приеме в члены ООН и заявил, что Палестина является миролюбивым государством и принимает на себя обязательства, закрепленные в Уставе ООН¹⁹.

На заседаниях Комитета по приему новых членов рассматривались вопросы о соответствии конкретным критериям, установленным в ст. 4 Устава ООН.

В соответствии с Конвенцией Монтевидео о правах и обязанностях государств 1933 г., государство как субъект международного права должно иметь постоянное население, определенную территорию, правительство и способность вступать в отношения с другими государствами.

Относительно первых двух критериев было установлено, что Палестина соответствует им. Отсутствие четко закрепленных границ не является препятствием для создания государства. Поднимались вопросы по поводу контроля палестинской территории, поскольку движение ХАМАС де-факто является органом власти в секторе Газа. Правительство Палестины не может осуществлять полный контроль над своей территорией, поскольку подвергается оккупации. Но оккупация не означает передачу суверенитета иностранному государству.

Палестина также удовлетворяет критериям о наличии правительства и способности вступать в отношения с другими государствами. В соответствии с докладами Всемирного банка, Международного валютного фонда и Специального комитета по координации международной помощи палестинцам, правительственные функции Палестины являются достаточными для функционирования государства²⁰.

Палестина является членом Движения неприсоединения, Организации исламского сотрудничества, Экономической и социальной комиссии для Западной Азии. 31 октября 2011 г. Генеральная конференция ЮНЕСКО проголосовала за признание Палестины в качестве члена организации, что явилось важной вехой в усилиях палестинцев, направленных на международное признание. Более того, в 2015 г. Палестина стала участником Международного уголовного суда. В сентябре 2018 г. Палестина была избрана председателем «Группы 77» на 2019 г. В соответствии с этим правом Палестина полномочна делать заявления, вносить предложения и поправки.

Что касается критериев членства о выполнении обязательств, предусмотренных Уставом ООН, и желании эти обязательства выполнять, а также о том, что претендент должен быть «миролюбивым» государством, констатировалось, что Палестина соответствует этим критериям. Когда Израиль вступал в ООН, было дано обещание Израиля выполнять обязательства по Уставу ООН, что являлось достаточным основанием для его признания. Палестина является миролюбивой ввиду приверженности достижению справедливого урегулирования конфликта²¹.

¹⁸ S/RES/1515 от 19.11.2003. Положение на Ближнем Востоке, включая палестинский вопрос // URL: <http://www.un.org/russian/document/scresol/res2003/res1515.htm> (дата обращения: 15.03.2023).

¹⁹ A/66/371 S/2011/592 от 23.09.2011. Заявление Палестины о приеме в члены ООН // URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N11/512/60/PDF/N1151260.pdf?OpenElement> (дата обращения: 15.03.2023).

²⁰ A/67/364-S/2012/701. Доклад Генерального секретаря «Мирное урегулирование вопроса о Палестине» // URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N12/507/26/pdf/N1250726.pdf?OpenElement> (дата обращения: 15.03.2023).

²¹ S/2011/705 от 11.11.2011. Доклад Комитета по приему новых членов, касающийся заявления Палестины о приеме в члены ООН // URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N11/585/57/PDF/N1158557.pdf?OpenElement> (дата обращения: 15.03.2023).

Анализируя основные признаки государственности, можно сделать вывод о наличии у Палестины всех атрибутов государства. Палестина сформировала правительство, парламент, палестинские силы безопасности, судебную систему, являющиеся фундаментом государства.

20 апреля 2014 г. Палестина направила Генеральному секретарю ООН документы о присоединении к ряду международных договоров. К ним относятся семь основных договоров по защите прав человека и один факультативный протокол (Международный пакт о гражданских и политических правах, Международный пакт о социальных и культурных правах, Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации, Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, Конвенция о правах ребенка и Факультативный протокол о правах ребенка, касающийся участия детей в вооруженных конфликтах, и др.). Всё это также свидетельствует о том, что Палестина реализует в своей международной деятельности всё больше прав, характерных для независимого государства.

26 ноября 2012 г. Генеральная Ассамблея постановила предоставить Палестине статус государства-наблюдателя при ООН.

Таким образом, более 138 государств признали Палестину, но на сегодняшний день не решена проблема окончательного урегулирования статуса Палестины в качестве независимого государства и не реализовано право палестинского народа на самоопределение.

Несмотря на то что международно-правовые документы о праве народов на самоопределение в явной и недвусмысленной форме не увязывали вопросы права на самоопределение какого-либо народа с его признанием в качестве независимого государства, тем не менее в отношении арабского народа Палестины Генеральная Ассамблея 26 ноября 2012 г. в резолюции 67/19 «Статус Палестины в Организации Объединенных Наций» подтвердила, ссылаясь на ранее принятые резолюции, право палестинского народа на самоопределение, включая его право на создание собственного независимого государства Палестина. В Декларации о предо-

ставлении независимости колониальным странам и народам ООН заявила, что подчинение народов иностранному игу и господству и их эксплуатация является отрицанием основных прав человека, противоречит Уставу ООН и препятствует развитию сотрудничества и установлению мира во всем мире.

Вместе с тем сохраняется состояние фактического признания Палестины со стороны ООН и отказа в признании более чем 50 государствами, среди которых многие важнейшие политические игроки на международной арене, такие как США, Великобритания, Канада, большинство стран Евросоюза, Япония. Сложилась парадоксальная ситуация: с одной стороны, количество признавших Палестину государств достаточно для получения большинства голосов в Генеральной ассамблее ООН для приема в члены организации, с другой стороны, ряд постоянных членов Совета Безопасности, и прежде всего США, не признали Палестину в качестве государства как субъекта международного права. Это позволяет заключить, что на современном уровне развития международных отношений полное юридическое признание нового государства наступает с принятием ее в члены ООН. Отсюда следует, что Палестина сформировалась как независимое государство — полноправный субъект международного права. Однако незавершенность приема в полноправные члены ООН сохраняет актуальность расширения ее признания со стороны хотя бы постоянных членов Совета Безопасности. В целях укрепления международно-правового статуса Палестины следует использовать различные политические меры, направленные на изменение позиции правительств государств, отказывающих в предоставлении признания. Важным ресурсом является использование общественных неправительственных организаций для оказания влияния на общественное мнение.

Подобным примером является обращение Европейского Совета по международным отношениям к Европейскому парламенту ЕС в поддержку признания государства Палестины в конце 2014 г. Ведущие общественные деятели стран Европейского Союза выделили пять причин, по которым Европейскому пар-

ламенту следует голосовать в пользу признания палестинского государства. Хотя перечисленные основания не носят юридического характера, само их появление является свидетельством растущего понимания ненормальности сложившейся ситуации. Признание — это не только символический акт, поскольку оно дает ряд практических преимуществ, которые могут помочь остановить ухудшение ситуации в области безопасности. Были названы 5 причин, по которым Европейский парламент должен проголосовать за признание палестинского государства: 1) позиция ЕС по урегулированию конфликта основана на решении о сосуществовании двух государств — Израиля и Палестины; 2) ЕС вложило почти 2,5 млрд евро в поддержку создания палестинского государства; 3) признание Палестины может послужить стимулом для возобновления переговоров и повлечет за собой обязанность ЕС переформатировать свою политику в соответствии с принципами и нормами, отвергающими оккупацию; 4) признание Палестины направлено против оккупации, а не против Израиля, т.к. перспективы безопасности и существования Израиля зависят от существования рядом палестинского государства в международно признанных границах; 5) поддержка устремлений палестинцев в создании собственного независимого государства окажет сдерживающее влияние на конфликт и послужит подтверждением приверженности дипломатии. Признание является политической альтернативой вооруженному сопротивлению палестинцев²².

Для расширения признания независимости Палестины необходима долгосрочная стратегия, которая учитывает изменяющиеся политические, экономические, дипломатические условия. Это позволит Палестине адаптироваться к переменам и эффективно использовать возможности для получения признания. Общественная поддержка и создание единого фронта внутри страны и за ее пределами может помочь привлечь внимание мировой общественности к проблеме признания Палестины и обретения

независимости. Сотрудничество с международными организациями, обращение в международные органы, суды и трибуналы, создание рабочих групп для более тесного сотрудничества с иностранными государствами позволит защитить права палестинцев и укрепить позицию на международной арене. Политика Израиля, направленная на использование возникшего дипломатического кризиса в мирных переговорах и одновременное аннексирование палестинских территорий, ведет к отрицанию государственности Палестины. Такая динамика способствует росту нестабильности и дискриминации палестинцев, создавая при этом раздвоенность правовой системы на оккупированных палестинских территориях не в пользу последних. Палестинцам отказано в равных правах с гражданами Израиля, а также в защите международным гуманитарным правом. Де-юре Израиль ввел режим систематической дискриминации. В некоторых частях Западного берега реки Иордан палестинцы и евреи живут рядом друг с другом, но закон им предоставляет совершенно разные права. Действия Израиля подрывают попытки палестинцев реализовать свое право на самоопределение. В результате сохраняется систематическая практика расовой дискриминации на оккупированных территориях, которая может разрешаться только путем прекращения оккупации. Попытки изолировать сектор Газа от других оккупированных палестинских территорий препятствуют созданию жизнеспособного, территориально непрерывного палестинского государства, что создает необходимость реанимирования палестинских структур управления. Международное сообщество и главные игроки в палестинско-израильском конфликте должны сотрудничать, чтобы положить конец незаконно затянувшейся израильской оккупации и вернуть полный контроль над палестинскими территориями. Необходимо активизировать усилия по воспрепятствованию незаконному захвату земель и созданию системы расовой дискриминации, привлекая Израиль к ответственности в соответствии с международным правом. Неза-

²² Five Reasons to Recognise a Palestinian State // URL: https://ecfr.eu/article/commentary_five_reasons_to_recognise_a_palestinian_state360/ (дата обращения: 15.03.2023).

конная поселенческая деятельность Израиля не должна признаваться иностранными государствами и международными организациями. Квартет международных посредников должен продолжать содействовать соблюдению Израилем своих обязательств, в том числе как оккупирующей державе, в соответствии с четвертой Женевской конвенцией и другими применимыми нормами международного права. Отсутствие осмысленного дипломатического процесса снижает перспективы реализации решения, предусматривающего создание двух государств, что может привести к усилению применения насилия с обеих сторон.

Международные организации и главные органы ООН, такие как Генеральная Ассамблея ООН, Совет Безопасности ООН, Совет ООН по правам человека и Международный Суд, неоднократно давали разъяснения относительно применимости к палестино-израильскому конфликту международно-правовой базы. Институты ЕС также объясняли применимость международного гуманитарного права и международного права прав человека к оккупированным палестинским территориям. Палестинцы пытались прибегнуть к международным механизмам привлечения к ответственности, таким как Международный уголовный суд, для защиты своих прав и обеспечения ответственности за незаконные действия Израиля. Однако правительства третьих стран игнорировали, а в некоторых случаях и активно блокировали такие процессы (например, США и Великобритания). Сдержанность международного сообщества и отсутствие механизма привлечения к ответственности Израиля срывает мирный процесс и создает условия для дальнейшей оккупации палестинских территорий. Дальнейшее игнорирование международных норм и неспособность международных организаций применить санкции в отношении Израиля при-

ведет к подрыву доверия к этим институтам и радикализации населения в регионе. Проблема признания Палестины также связана с разногласиями между двумя главными фракциями в Палестине — ФАТХ и ХАМАС. Некоторые страны не хотят признавать Палестину из-за всех политических разногласий между ними. Поэтому палестинскому движению необходима общая платформа для объединения и выражения своих интересов.

Сохраняющееся отсутствие каких-либо реальных перспектив прекращения оккупации влияет на стратегическое видение палестинцев, которое пока что по-прежнему сосредоточено на дипломатической поддержке. Однако вера в то, что дипломатическим путем Палестина не сможет стать независимой, может привести к росту общественной поддержки альтернативных стратегий деоккупации. Движение «Бойкот, отчуждение, санкции» (BDS) служит ярким примером этой тенденции²³. В качестве альтернативы может возникнуть усиление общественной поддержки возвращения к вооруженному сопротивлению и преобладанию насилия в регионе.

Члены Совета Безопасности ООН в декабре 2016 г. поддержали резолюцию № 2334, в которой содержался призыв всех государств к тому, чтобы государства проводили различие в рамках своих соответствующих взаимоотношений между территорией Государства Израиль и территориями, оккупируемыми с 1967 г.²⁴ В связи с этим все государства должны предпринимать дифференцированный подход в своих двусторонних отношениях с Израилем, не признавая его поселенческую деятельность.

Как подтверждено в Консультативном заключении Международного Суда относительно правовых последствий строительства стены на оккупированной палестинской территории, среди нарушенных Израилем обязательств есть

²³ Бойкот, отчуждение, санкции (BDS) — это палестинское движение за свободу, справедливость и равенство. В настоящее время BDS представляет собой активное глобальное движение, состоящее из союзов, академических ассоциаций и массовых движений по всему миру. URL: <https://bdsmovement.net/>.

²⁴ Резолюция СБ S/RES/2334 (2016) // URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N16/463/93/PDF/N1646393.pdf?OpenElement> (дата обращения: 15.03.2023).

ряд обязательств *erga omnes*²⁵. Такие обязательства затрагивают все государства в силу своей правовой природы и значимости. В частности, они предполагают обязанность непризнания незаконного положения на оккупированных палестинских территориях, воздержание от оказания помощи или содействия и обеспечения того, чтобы любые возникшие препятствия в реализации палестинским народом права на самоопределение были устранены.

Несмотря на то что Совет Безопасности несет главную ответственность за поддержание международного мира и безопасности и в связи с этим может возложить на государства конкретные обязанности по соблюдению принятых мер, его постоянные члены вряд ли по политическим причинам допустят их принятие. Также маловероятно, что они введут санкции против Израиля, если его действия будут квалифицированы как угроза международному миру и безопасности. Однако Генеральная Ассамблея в соответствии со ст. 14 Устава ООН может рекомендовать «меры мирного улаживания» различных ситуаций.

Если Совет Безопасности в результате разногласий постоянных членов не может обеспечить свою главную функцию по поддержанию международного мира и безопасности, то Генеральная Ассамблея вправе сделать рекомендации членам ООН относительно принятия коллективных мер. Например, запросить консультативное заключение Международного Суда для дальнейшего разъяснения законности присут-

ствия Израиля на оккупированной палестинской территории и его юридических последствий для других государств, как это было сделано в заключении от 21.06.1971 в отношении присутствия Южной Африки в Намибии.

Таким образом, обеспечение исполнения Израилем своих обязательств в соответствии с международным правом и принятыми резолюциями ООН является первоочередной задачей мирового сообщества для прекращения оккупации Палестины. Отрицание Израилем права на создание палестинского государства является нарушением резолюции Генеральной Ассамблеи № 181, единственного международного документа, в котором закреплено право израильтян на создание своего государства. Соблюдение этой резолюции было условием вступления Израиля в члены ООН, которое было грубо нарушено с самого начала. Государство Палестина имеет все юридические основания требовать от Совета Безопасности ООН рассмотрения вопроса о немедленном прекращении оккупации и выполнения всех соответствующих резолюций по палестинскому вопросу. Однако Израиль неоднократно нарушает принятые резолюции ООН и общепризнанные принципы международного права, что создает необходимость введения механизма для привлечения его к ответственности. Создание независимого, территориально непрерывного палестинского государства со столицей в Иерусалиме является одним из необходимых элементов для обеспечения мира на Ближнем Востоке.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Блищенко В. И., Солнцева М. М. Региональные конфликты и международное право (вторая половина XX — начало XXI века) : учеб. пособие. — М. : Городец, 2005. — 496 с.
2. Блищенко И. П., Кудрявцев В. Д. Агрессия Израиля и международное право. — М. : Международные отношения, 1970. — 80 с.
3. Вопрос о Палестине и Организация Объединенных Наций. — Нью-Йорк, 2008. — 130 с. — URL: <https://www.un.org/unispal/ru/2017/08/29/questionofpalestineandun/> (дата обращения: 15.07.2023).

²⁵ A/ES-10/273. Консультативное заключение Международного Суда относительно правовых последствий строительства стены на оккупированной палестинской территории // URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/consultative-opinions/consultative-opinions-2004-ru.pdf> (дата обращения: 15.03.2023).

4. Давыдков Р. М. Палестинская проблема : документы ООН, международных организаций и конференций. — М., 1984. — 240 с.
5. Истоки и история проблемы Палестины, 1917–1988 годы. Исследование ООН // URL: <https://www.un.org/unispal/ru/origins-and-evolution-of-the-palestine-problem/> (дата обращения: 30.07.2023).
6. Мак-Магон А. Г. Переписка Мак-Магона — Хусейна 1915–1916 гг. и вопрос о Палестине : документы и материалы (Предисловие). — М. : Роспэн, 2008.
7. Статус Иерусалима. ООН. — Нью-Йорк, 1997. — 49 с. — URL: <https://www.un.org/unispal/ru/2017/08/25/the-status-of-jerusalem/> (дата обращения: 15.03.2023).

Материал поступил в редакцию 27 августа 2023 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Blishchenko V. I., Solntseva M. M. Regionalnye konflikty i mezhdunarodnoe pravo (vtoraya polovina XX — nachalo XXI veka): ucheb. posobie. — M.: Gorodets, 2005. — 496 s.
2. Blishchenko I. P., Kudryavtsev V. D. Agressiya Izrailya i mezhdunarodnoe pravo. — M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1970. — 80 s.
3. Vopros o Palestine i Organizatsiya Obedinennykh Natsiy. — Nyu-York, 2008. — 130 s. — URL: <https://www.un.org/unispal/ru/2017/08/29/questionofpalestineandun/> (data obrashcheniya: 15.07.2023).
4. Davydkov R. M. Palestinskaya problema: dokumenty OON, mezhdunarodnykh organizatsiy i konferentsiy. — M., 1984. — 240 s.
5. Istoki i istoriya problemy Palestiny, 1917–1988 gody. Issledovanie OON // URL: <https://www.un.org/unispal/ru/origins-and-evolution-of-the-palestine-problem/> (data obrashcheniya: 30.07.2023).
6. Mak-Magon A. G. Perepiska Mak-Magona — Khuseyna 1915–1916 gg. i vopros o Palestine: dokumenty i materialy (Predislovie). — M.: Rospen, 2008.
7. Status Ierusalima. OON. — Nyu-York, 1997. — 49 s. — URL: <https://www.un.org/unispal/ru/2017/08/25/the-status-of-jerusalem/> (data obrashcheniya: 15.03.2023).

Европейский Союз в глобальной конкуренции юрисдикций

Аннотация. Международные правовые режимы — фактор упорядочения взаимоотношений между субъектами международных отношений, конструктивного взаимодействия, координации политики и разрешения противоречий. При возникновении коллизий взаимодействие правовых систем государств, региональных объединений и международных организаций может носить как взаимодополняющий, так и конкурентный характер, влияя на правовую квалификацию действий сторон. Состязательность проявляется при интерпретации действий одних и тех же субъектов в рамках разных юрисдикций. Столкновение интересов сторон, как подтверждают примеры из договорно-правовой практики отношений ЕС с США, Канадой и рядом других стран, вполне преодолимо. Сгусток противоречий, характеризующих современную обстановку на европейском континенте, придает экзистенциальный характер поиску всеми сторонами рациональной стратегии разрешения кризиса. Предназначение международного права — переводить противоречия в правовую плоскость во избежание эскалации напряженности в отношениях противоборствующих сторон. Объективная оценка позиций мировых центров сил и базовых правовых принципов, которыми они руководствуются в стратегии глобального присутствия, требует учета проблем, породивших смену прежней установки на «интеграцию интеграций» прямым столкновением сторон. Критический анализ ключевых направлений реализации Евросоюзом внешних компетенций, включая санкционное (с разной степенью эффективности, осуществляемых в последние годы), важно для понимания стратегии, которую осуществляет Брюссель. Нынешний кризис — серьезная проверка ЕС на стрессоустойчивость, а системы ценностей Союза — на жизнестойкость в неблагоприятных внешних условиях. Предмет рассмотрения в данной статье — реальные возможности Евросоюза предлагать альтернативу конфронтационному сценарию.

Ключевые слова: Европейский Союз; внешние компетенции; международное право; правовой режим; правовые нормы и принципы; договорно-правовые отношения; конкуренция юрисдикций; нормативно-правовая конкуренция; нормативная нейтральность; санкции.

Для цитирования: Лаптёнок В. О. Европейский Союз в глобальной конкуренции юрисдикций // Актуальные проблемы российского права. — 2023. — Т. 18. — № 11. — С. 174–190. — DOI: 10.17803/1994-1471.2023.156.11.174-190.

© Лаптёнок В. О., 2023

* Лаптёнок Виолетта Олежна, аспирант кафедры интеграционного права и прав человека МГИМО МИД России
пр. Вернадского, д. 76, г. Москва, Россия, 119454
viola160596@gmail.com

The European Union in Global Competition of Jurisdictions

Violetta O. Laptenok, Postgraduate Student, Department of Integration Law and Human Rights,
MGIMO University
pr. Vernadskogo, d. 76, Moscow, Russia, 119454
viola160596@gmail.com

Abstract. International legal regimes are a factor in regulating relationships between subjects of international relations, constructive interaction, policy coordination and resolution of contradictions. When conflicts arise, the interaction of the legal systems of states, regional associations and international organizations can be both complementary and competitive in nature, affecting the legal qualification of the parties' actions. Competitiveness manifests itself in the interpretation of the actions of the same entities within different jurisdictions. The conflict of interests of the parties, as confirmed by examples from the contractual legal practice of relations between the EU and the USA, Canada and a number of other countries, is quite surmountable. The cluster of contradictions characterizing the current situation on the European continent gives an existential character to the search by all parties for a rational strategy for resolving the crisis. The purpose of international law is to put contradictions into the legal plane in order to avoid escalation of tension in relations between the warring parties. An objective assessment of the positions of the world centers of power and the basic legal principles that guide them in the strategy of global presence requires taking into account the problems that gave rise to the replacement of the previous attitude towards «integration of integrations» by a direct clash of the parties. A critical analysis of the key areas of the EU's implementation of external competencies, including sanctions (implemented with varying degrees of effectiveness in recent years), is important for understanding the strategy that Brussels is implementing. The current crisis is a serious test of the EU's resistance to stress, and of the Union's value system for resilience in unfavorable external conditions. The subject of this paper is the real possibilities of the European Union to offer an alternative to the confrontational scenario.

Keywords: European Union; external competencies; international law; legal regime; legal norms and principles; contractual and legal relations; competition of jurisdictions; regulatory competition; normative neutrality; sanctions.

Cite as: Laptenok VO. The European Union in Global Competition of Jurisdictions. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2023;18(11):174-190. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2023.156.11.174-190

В сфере международных отношений, где, по логике вещей, должно иметь место торжество универсальных ценностей, нарастает борьба между правовыми системами за доминирование в процессе выработки международных принципов, стандартов, норм и правил. Мир пребывает «в нестабильном переходном состоянии»¹, когда право, в известном смысле, всё более переходит в разряд «средств цивилизованного ведения» гибридных войн², что ставит

в повестку дня вопрос о выживаемости основополагающих международных институтов³.

В условиях обретающей всё более жесткий характер конкуренции на всех мировых площадках в активное противостояние со странами Запада вступила Россия. Это стратегическое соперничество и «гонка на выживание» сопровождается стремительно растущим накалом глобальной конкуренцией юрисдикций⁴. Весьма ощутимая в обычных обстоятельствах,

¹ Асимметрии региональных интеграционных проектов XXI века / под ред. В. И. Михайленко. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2018. С. 13.

² Совершенная форма войны — правовая / Федеральная палата адвокатов Российской Федерации (ФПА РФ), 15.05.2019.

³ Лукьянов Ф. Когда предохранитель становится запалом // Россия в глобальной политике. 31.08.2022. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/predohranitel-stanovitsya-zapalom/> (дата обращения: 30.10.2023).

⁴ Herbst J. E., Åslund A., Kramer D. J., Vershbow A., Whitmore B. Global Strategy 2022: Thwarting Kremlin Aggression Today for Constructive Relations Tomorrow // Atlantic Council Strategic Papers. Scowcroft Centre for Strategy and Security. Feb., 2022. P. 36.

она многократно обостряется при возникновении форс-мажорных и кризисных ситуаций. Объективная оценка способности ЕС предлагать свои варианты развития событий на европейском континенте, альтернативные эскалации конфронтации, и добиваться их реализации — показатель степени реального влияния этого интеграционного объединения как субъекта международных отношений на дальнейшую эволюцию обстановки на континенте; его способности обеспечивать — в правовом плане в роли субъекта международного права — легитимизацию своих действий и избранной стратегии в глазах международного сообщества, разочарованного «выхолащиванием принципов демократии», в том числе через международные структуры⁵.

В своей внешней проекции правовые режимы государств призваны обеспечивать наиболее благоприятные в сложившихся обстоятельствах условия ведения дел с контрагентами в международных отношениях. Достигается это через сложное взаимодействие сторон посредством взаимных компромиссов, обоюдных уступок и договоренностей. В экономическом отношении эффективность национального правового режима определяется привлекательностью условий ведения бизнеса, динамикой деловой активности, притока инвестиций и капиталовложений, статистикой роста предприятий малого и среднего бизнеса, в том числе с иностранным участием, показателями повышения уровня жизни и благосостояния граждан.

Опыт ЕС, ЕАЭС, БРИКС и других крупных региональных и глобальных проектов свидетельствует, что участие в подобных интеграционных объединениях — важный фактор, обеспечивающий существенное снижение транзакционных издержек предпринимательской деятельности. Совместное продвижение особых экономических, политических и иных интересов через региональные формирования существенно облегчает входящим в них государствам решение более широких задач по защите общих инте-

ресов в контексте взаимодействия с внешними партнерами.

Ведущие державы прагматично стремятся обратить сформированные ими системные взаимозависимости с внешними партнерами, оформленные в виде двусторонних договоров и многосторонних соглашений, в инструмент, обеспечивающий преимущества в реализации внешнеполитических задач. В целях усиления своего воздействия на «внешнюю среду» национальные и региональные правовые режимы активно соперничают за преимущественное влияние своих систем нормативно-правового регулирования за пределами собственной территориально-пространственной юрисдикции. Решение этой задачи существенно облегчается в случае международного признания правовой обоснованности и достоинств продвигаемых сторонами принципов многостороннего взаимодействия и их поддержки со стороны преобладающего большинства стран.

Фактическое обладание собственной материальной и ресурсной базой — будь то финансовые, технологические, интеллектуальные, сетевые, информационные источники, военнотехнические или иные средства — эффективно подкрепляет реализацию провозглашаемых принципов такого международного взаимодействия. Этот фактор облегчает завоевание широкой поддержки внешних инициатив и усилий по их продвижению. Международные режимы выступают в этом процессе инструментом упорядочения взаимоотношений между субъектами международных отношений посредством координации действий и, при необходимости, разрешения коллизий. Это крайне актуально, особенно в кризисных ситуациях. Декларируемой целью при этом является совершенствование и повышение качества международного сотрудничества, упрощение товарообмена, содействие интеллектуальному и научно-техническому прогрессу, расширение доступа к передовым технологиям и т.д.

⁵ Müller G., Raube K., Sus M., Deo A. Diversification of International Relations and the EU: Understanding the Challenges — Envisioning a New Governance Architecture for a Global Europe // ENGAGE Working Paper Series. No. 1. October 2021. P. 14.

Предполагается, что международные режимы охватывают совокупность «явных или подразумеваемых принципов, норм, правил и процедур принятия решений, в отношении которых обнаруживается совпадение ожиданий действующих субъектов»⁶. Поэтому эффективная внешняя демонстрация преимуществ национальных нормативно-правовых систем (а в случае ЕС — наднациональных) — составная часть общей стратегии ведущих стран мира и их группировок, включая Евросоюз, в глобальной конкуренции за влияние на универсальные нормы и стандарты. Подобная «внешняя проекция» национальной/наднациональной юрисдикции — своего рода компонент внешнеполитической стратегии. В случае ее успешной реализации внешние партнеры, присоединяясь к тому или иному «режиму», выражают готовность поступиться частью уже имеющихся у них прерогатив ради благоприятных предпосылок для внешнего взаимодействия на долгосрочной основе. Итогом является формирование глобальных правовых режимов и в конечном итоге мирового порядка.

Взаимодействие правовых режимов представляет интерес не только с точки зрения взаимопереплетения обязательств, принимаемых на себя участвующими сторонами в рамках двусторонних, региональных и международных договоров и соглашений, но и в плане взаимного влияния этих режимов при определении процедур урегулирования международных споров и разрешения разногласий политического, торгового, финансового и иного характера. Совпадение сфер, регулируемых в рамках разных правовых режимов, расширяет диапазон альтернативных возможностей, имеющихся в распоряжении участвующих сторон, повышая тем самым их маневренность в отстаивании своих интересов — в зависимости от ситуации — за счет механизмов как двусторонних режимов, так и/или региональных либо международных.

Евросоюз входит в тройку ведущих экономических систем мира. В восприятии внешних наблюдателей членство в ЕС стало устойчиво ассоциироваться с принадлежностью к «золотому миллиарду», «зоне комфорта», обширному и влиятельному геополитическому пространству, создающему ощущение благополучия и безопасности. Его процветание опирается на открытую глобальную экономическую систему, свободное движение четырех факторов производства, обширные и углубляющиеся партнерские связи с внешним миром. И, что очень важно, — на беспрепятственный доступ к мировым ресурсам, которые рассматриваются в Глобальной стратегии ЕС как «общее достояние человечества»⁷.

Стремительное расширение географических границ, возможность решения задач европейской интеграции за счет дешевых внешних ресурсов и благоприятная в целом общеполитическая атмосфера в регионе создали у Евросоюза ощущение перехода в фазу относительно беспрепятственного развития. Практически с момента своего образования Союз приступил к процессу консолидации обретенных «завоеваний» и «конкурентных преимуществ», закреплению своих лидирующих позиций в рамках сложившегося мирового порядка, последняя коррекция которого состоялась в завершающее десятилетие XX в. Основная ставка была сделана на «мягкую силу», систему благоприятного для ЕС нормативного регулирования региональных и международных отношений, сформированные при участии Евросоюза действующие стандарты функционирования «кровеносной системы» мировой экономики и укрепление обслуживающих ее интересы финансовых центров.

Сложившиеся правовые режимы закрепляют достигнутый к началу XXI в. баланс сил, фактически фиксируя зоны ответственности в соответствии с их распределением между центрами влияния. Ключевая их функция — свое-

⁶ Krasner S. Structural Causes and Regime Consequences: Regimes as Intervening Variables // International Organisation. 1982. Vol. 36. № 2. P. 185.

⁷ Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe. A Global Strategy for the European Union's Foreign and Security Policy. 2016. P. 7, 8.

временно предотвращать и разрешать возможные правовые и иные коллизии, подрывающие позиции архитекторов современного международного порядка. Что не снимает, однако, остроты постоянной конкуренции их собственных юрисдикций.

Обеспечение собственной безопасности по всему периметру границ осуществляется Европейским Союзом как непосредственно в прямых контактах с третьими странами, так и опосредованно через участие в многочисленных международных режимах (нераспространения ОМУ, соблюдения прав человека и т.д.), регулирование международных отношений в рамках многосторонних организаций (ООН, МВФ, ВТО, ВОЗ и др.) и соглашений (ГАТС и т.д.). При этом извлечению преимуществ из доминирования в многосторонних международных организациях отводится особая роль.

Участие стран в региональных объединениях и международных организациях и следование согласованным в этих рамках правовым режимам призваны служить фактором, сдерживающим крайние проявления глобальной конкурентной борьбы. Членство в региональных интеграционных альянсах является также формальным ограничителем возможностей участвующих стран автономно влиять в одностороннем порядке на изменение правового режима в той или иной регулируемой сфере деятельности.

Собственная правовая база внешних компетенций ЕС — ст. 216–219 ДФЕС — и многочисленные подписанные им международные соглашения позволяют Союзу активно участвовать в нормотворческой деятельности на глобальном уровне. Как и в период становления Европейского единого рынка, стандартизация на основе норм, продвигаемых Евросоюзом через специализированные международные правовые режимы, помноженная на экономию на масштабе европейского рынка, обеспечивает европейским корпорациям существенные дополнительные преимущества. Потому борьба за влияние на процессы стандартизации и контроль в этой

сфере международного сотрудничества традиционно носит особо острый характер.

Международная легитимизация и закрепление европейских норм и правил в международных стандартах существенно облегчают в последующем их использование в качестве предварительного условия, базовых принципов и основы формирования системы долгосрочных отношений с внешними партнерами уже на двусторонней и региональной основе. Упрощая Евросоюзу процесс продвижения своих экономических и политических интересов за пределами собственной юрисдикции, подобная практика позволяет ему оказывать всё более серьезное влияние на механизмы глобального управления, принципы, правила и системы менеджмента внешних партнеров, формируя их организационную подчиненность⁸.

Этим во многом объясняется то предпочтение, которое ЕС отдает в правовом отношении «цивилизованному продвижению» собственных правил через международные структуры, и та высокая активность, которой характеризуется участие Брюсселя в формировании международных и региональных правовых режимов. Степень восприимчивости третьих стран и их юрисдикций к таким нормам и стандартам выполняет функцию «нормативного фильтра», позволяющего определять как «правовую лояльность» Евросоюзу, так и его возможности сковывать свободу маневра своих внешних партнеров в «поле многовариантных политических ориентаций», альтернативных ЕС.

В то же время право ЕС, регламентирующее порядок осуществления дипломатической деятельности, остается еще во многом не унифицированным. С одной стороны, имеет место общая компетенция ЕС по осуществлению «внешней деятельности» и она регламентирована положениями части V ДФЕС («Компетенция ДФЕС»). С другой — существует специальная компетенция по реализации общей внешней политики и политики безопасности Евросоюза, которая регулируется собственными правилами и про-

⁸ EU Law Beyond EU Borders. The Extraterritorial Reach of EU Law. Vol. XXVII/1 / ed. by M. Cremona, J. Scott. Oxford : University Press, 2019. P. 1.

цедурами — статьей 21(2) Договора о Европейском Союзе. При этом ключевую роль в определении внешних компетенций Евросоюза играет пункт «а» этой статьи (защита своих ценностей, основных интересов, безопасности, независимости и целостности), поскольку именно достижению этих целей подчинена вся внешнеполитическая деятельность Союза.

В западной юриспруденции термины «регулятивная конкуренция» и «межюрисдикционная конкуренция» зачастую сопровождаются такими определениями, как «гонка за первенство», «гонка уступок», «гонка по нисходящей»⁹, — когда в рамках реализации своих внешних компетенций страны и их правовые системы конкурируют между собой в борьбе за привлечение инвестиций, создание наиболее благоприятных условий для деловой активности, оптимизацию систем налогообложения, логистики и территориальной дислокации современных производств, управления технологическими процессами и т.д. Эта конкуренция юрисдикций может: а) побуждать к смягчению требований, регламентирующих производственные процессы; б) побуждать к ужесточению требований по допуску на рынки; в) служить основанием для консервации сложившейся специфики юрисдикций разных государств.

Подобная конкуренция правовых систем негативно влияет на деловую конъюнктуру и социальные стандарты. Создавая корпорациям возможность перенесения бизнеса в юрисдикцию с более низкими требованиями в области социальной защиты, она тем самым обеспечивает им ощутимые преимущества в зависимости от территориального размещения производственных мощностей и инфраструктуры. Благодаря этим факторам корпорации добиваются

дополнительных преимуществ перед конкурентами, оптимизируют структуру налогообложения, извлекая сверхприбыли.

Иллюстрируя растущую политизацию гонки юрисдикций в борьбе за перераспределение мировых финансовых потоков, утечка данных относительно масштабов офшоризации деятельности ведущих корпораций мира, ставших достоянием гласности в 2019 г., охватывала 1,3 млн транзакций с участием 238 тыс. компаний, в основном официально зарегистрированных в налоговых убежищах¹⁰.

В этой связи концепция «нормативной конкуренции» рассматривается в зарубежных исследованиях в сопоставлении с концепцией «нормативной нейтральности», призванной обеспечить конкурирующим между собой субъектам хозяйственной деятельности равные условия на основе единых нормативных требований и правил ведения дел. В этой системе отношений право одного субъекта всегда ограничивается правом другого. А предпочтительность применения той или иной из конкурирующих юрисдикций определяется, исходя из характера и условий международных договоров, регулирующих соответствующую сферу деятельности.

Однако даже формально нейтральные структуры, например Международной сети по вопросам конкуренции, представляют собой мощные механизмы влияния в лице национальных антимонопольных органов ведущих стран мира, обладающих компетенцией в области конкуренции, ее политической, доктринальной и правовой составляющих¹¹ и, соответственно, возможностями прямого и опосредованного влияния на разработку антимонопольной политики и реализацию правоприменительной практики¹².

⁹ Carruthers B. G., Lamoreaux N. R. Regulatory Races: The Effects of Jurisdictional Competition on Regulatory Standards // *Journal of Economic Literature*. 2016. Vol. 54. № 1. P. 52–97.

¹⁰ Garside J. Troika Laundromat Revelations Hit European Bank Shares // *The Guardian*. Mar. 5, 2019. URL: <https://www.theguardian.com/world/2019/mar/05/troika-laundromat-revelations-hit-european-bank-shares> (дата обращения: 07.04.2023).

¹¹ Townley C., Guidi M., Tavares M. The Law and Politics of Global Competition: Influence and Legitimacy in the International Competition Network. London : Oxford University Press, 2022. P. 2.

¹² Townley C., Guidi M., Tavares M. Law and Politics of Global Competition: Why and How Non-state Actors Seek Influence in the International Competition Network // *Utilities Law Review*. 2022. Vol. 23. № 4. P. 139.

Ограниченность собственных ресурсов Евросоюза — ключевой побудительный мотив концентрации его усилий на внешних факторах поддержания динамики своего развития за счет гарантированного доступа к зарубежным источникам природных, демографических, трудовых, энерго- и других ресурсов, необходимых для устойчивой эволюции западноевропейского общества. Зеленый пакт для Европы, переход на низкоуглеродную экономику, внедрение экологически чистой энергетики, снижение уровня выбросов CO₂ в атмосферу и другие инициативы последних лет свидетельствуют, однако, о нахождении Евросоюза в плену надежд на, как и прежде, процветание, преимущественно за счет уступок и благорасположенности внешних партнеров. Эти расчеты эксперты считают все менее обоснованными, как и надежды ЕС на упрочение собственной экономической, политической и военной мощи с опорой на сложившийся миропорядок¹³.

Евросоюз уже столкнулся с серьезными и все возрастающими препятствиями в практической реализации стратегии геополитической экспансии и сохранения беспрепятственного доступа к эксплуатации ресурсной базы в зоне соседства и за ее пределами на выгодных для себя условиях торговых соглашений, в обмен на программы помощи в целях развития, предоставляемые Евросоюзом кредиты и инвестиции и с использованием иных внешнеполитических инструментов. Опора на «потенциал европейских ценностей»¹⁴ и инструменты «мягкой силы» под защитой собственных правовых стандартов, норм и правил, позволявшая достигать поставленных целей в периоды благополучия и благоденствия, оказалась не столь действенной в нынешней кризисной ситуации.

Использование внешними партнерами ЕС своих конкурентных преимуществ в интересах достижения геополитических целей побуждает Евросоюз к поиску ассиметричного ответа. Среди ключевых направлений — использование эффекта масштаба европейского рынка и инвестиционных потоков для усиления давления на внешних партнеров, влияние на глобальные товарно-производственные цепочки, воздействие на формирование экономических и политических предпочтений третьих стран. В том числе посредством имеющегося у ЕС нормативного потенциала, широкого обращения к санкционным механизмам, возможностям внешнего управления ключевыми структурами подчиненных стран и вплоть до применения средств военно-технического назначения.

Римским договором, несмотря на общее положение о порядке и процедуре заключения договоров, было предусмотрено лишь два вида международных соглашений: соглашение об ассоциации и торговое соглашение. В обновленных учредительных договорах ЕС это положение дополнено нынешней статьей 252 Договора о функционировании Европейского Союза (ДФЕС), применяемой ЕС, как правило, в увязке с одним из видов явных компетенций.

С 2006 г. ЕС отменил приостановленную было практику заключения двусторонних соглашений¹⁵ и к настоящему времени завершил ряд переговоров, подписав более 70 двусторонних торгово-экономических соглашений¹⁶. В том числе: 27 по экономическому партнерству (в том числе 1 в статусе временного применения с Ганой и 1 промежуточное с Кот-д'Ивуар); 15 по ассоциации (включая 9 об ассоциации, 5 об ассоциации с сильным торговым компонентом; 1 об ассоциации с дополнительным протоколом

¹³ Leonard M., Shapiro J. Sovereign Europe, Dangerous World: Five Agendas to Protect Europe's Capacity to Act. 2020. P. 18.

¹⁴ Strategic Autonomy for Europe — the Aim of Our Generation — Speech by President Charles Michel to the Bruegel think tank. Council of the EU. Speech 603/20. 28.09.2020. P. 3.

¹⁵ Global Europe: Competing in the World: A Contribution to the EU's Growth and Jobs Strategy. European Commission, Brussels, 04.10.2006 COM(2006) 567 final // URL: <https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=COM:2006:0567:FIN:en:PDF> (дата обращения: 08.04.2023).

¹⁶ Negotiations and Agreements. European Commission // URL: <https://ec.europa.eu/trade/policy/countries-and-regions/negotiations-and-agreements/> (дата обращения: 08.04.2023).

и 1 временное об ассоциации); 6 по стабилизации и ассоциации с балканскими странами; 3 по свободной торговле; 3 об установлении зоны свободной торговли; 3 о таможенном союзе (Андорра, Сан-Марино; Турция). Перечень включает: 2 соглашения по партнерству и сотрудничеству; 2 временных партнерских соглашения; 2 временных соглашения об экономическом партнерстве; 2 о всеобъемлющем и расширенном партнерстве (Армения, Канада); 2 глобальных соглашения (Япония; Мексика); 2 просто соглашения (Швейцария; Фарерские острова); 1 о торговле и сотрудничестве (Великобритания); 1 соглашение об экономической зоне с Исландией; 1 торговое соглашение (Перу, наряду с Колумбией и Эквадором); 1 временное об ассоциации; 1 глубокое и всеобъемлющее соглашение о свободной торговле и ассоциации (Украина)¹⁷.

По ряду направлений Евросоюз инициировал новый переговорный процесс по заключению более преференциальных соглашений, нежели в практике либо из ведущих мировых держав¹⁸. «Прорывным», по оценке занимавшего тогда пост председателя Европейской комиссии Ж. М. Баррозу, стало подписание между ЕС и Канадой, входящей в «Большую семерку», вступившего на временной основе в силу в 2017 г. Всеобъемлющего торгово-экономического соглашения (CETA)¹⁹ — «первого соглашения такого типа между двумя развитыми экономиками»²⁰. Этот документ, пришедший на смену прежнему Рамочному соглашению, предусматривает беспрецедентно высокие в договорно-правовой практике ЕС обязательства, в том чис-

ле в области охраны труда, защиты окружающей среды и устойчивого развития. Устранено 99 % (в том числе 98 % уже на стадии временного применения) всех тарифных ограничений между обеими сторонами. Товары и услуги (в сфере финансов, телекоммуникаций, энергетики, транспорта и т.д.) европейских поставщиков получили возможность прочно закрепиться на емком рынке Северной Америки.

Впервые Канада открыла для компаний ЕС возможность участвовать в тендерах на поставку продукции в рамках программ государственных закупок на всех уровнях — федеральном и субфедеральном. ЕС добился существенного повышения в Канаде уровня защиты интеллектуальной собственности, что было важным для европейского фармацевтического сектора, а также в области продовольственной безопасности и закрепления за европейской сельскохозяйственной продукцией определенного географического происхождения установленных в ЕС географических наименований — чего длительное время добивались европейские экспортеры. При этом признается соответствие требованиям Соглашения «импортируемых товаров, услуг и инвестиций, отвечающих внутренним требованиям, включая правила и положения»²¹. Соглашение — несомненный успех Евросоюза.

В то же время сопоставимость европейского и североамериканского рынков по объему, экономической мощи, темпам модернизации посредством целенаправленных законодательных инициатив и по численности потребителей — 444 млн в сменившей НАФТА Североамериканской зоне свободной торговли и более 510 млн

¹⁷ Составлено на базе официальных данных Еврокомиссии. См.: Negotiations and Agreements. European Commission.

¹⁸ Youngs R., Ülgen S. The European Union's Competitive Globalism in Rewiring Globalisation / ed. by S. Ülgen et al. Carnegie Europe. Carnegie Endowment for International Peace. Feb. 17, 2022. P. 52.

¹⁹ Comprehensive and Economic Trade Agreement (CETA) between Canada, of the one part, and the European Union and its Member States, of the other part // Official Journal of the European Union. L 11/23. 14.01.2017.

²⁰ EU and Canada conclude negotiations on trade deal. Press release. Oct. 18, 2013 // URL: <http://ec.europa.eu/trade/creating-opportunities/bilateral-relations/countries/canada/> (дата обращения: 08.04.2023).

²¹ Preamble, Joint Interpretative Instrument on the Comprehensive Economic and Trade Agreement (CETA) between Canada and the European Union and its Member States // Official Journal of the European Union. L 11/3. 14.01.2017 // URL: [https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:22017X0114\(01\)&from=EN](https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:22017X0114(01)&from=EN) (дата обращения: 08.04.2023).

у Европейского единого рынка²² — вывела обе стороны на новый виток глобального соперничества. Евросоюзом, наряду с рыночными механизмами экономического роста, в этом партнерстве-соперничестве активно используются политические инструменты, институциональные механизмы, процессы экономической глобализации, технологических сетевых взаимозависимостей, наконец, сам геополитический фактор расширения границ и, соответственно, сфер влияния ЕС. В процессе утверждения суверенитета собственной международной правосубъектности ЕС широко применяет также регуляторные внешнеполитические инструменты и механизмы.

В политическом плане европейцы ужесточали позиции в отношении Вашингтона, как правило, всякий раз, когда американские санкции задевали их стратегические интересы²³. Среди недавних примеров — проходившее с переменным успехом противостояние между Брюсселем и Вашингтоном вокруг «иранского досье» в контексте «ядерной сделки» с Тегераном. Выход США в 2018 г. из подписанного в июле 2015 г. Совместного всеобъемлющего плана действий (СВПД) и восстановление Вашингтоном в полном объеме антииранских санкций²⁴ побудили Евросоюз к прямому оспариванию правомерности экстерриториального применения Соединенными Штатами своего национального законодательства за пределами собственной юрисдикции и его распространения посредством вторичных санкций на европейских партнеров.

В предшествующий период — в середине 1990-х гг., когда администрация Б. Клинтона и Конгресс США предприняли попытки интернационализации своих антииранских санкций, Евросоюз в целях защиты интересов европейских компаний от экстерриториальных санкций США принял Блокирующий статут, и Вашингтон отказался от их распространения на европейские компании. Напротив, в 2000-х гг. на уступки пошел уже ЕС, поддержав американские санкции, направленные против Ирана и КНДР. Восстановление экстерриториального действия американских антииранских санкций в 2018 г. и их распространение, например, на всех без исключения покупателей иранской нефти явились весьма чувствительным ударом, как по экономическим (к тому времени европейские компании уже основательно освоили иранский рынок), так и по политическим интересам ЕС.

В ответ Брюссель пошел на возобновление действия Блокирующего статута 1996 г.²⁵ Этот правовой документ позволяет европейским экономическим операторам «требовать возмещение убытков, возникших в результате применения экстерриториальных санкций США», нейтрализуя, таким образом, «действия на территории ЕС любых основанных на таких санкциях решений каких бы то ни было иностранных судебных инстанций»²⁶. Более того, «никакие решения не подпадающих под юрисдикцию Сообщества судебных инстанций, трибуналов или же административных органов, прямо или косвенно приводящих в исполнение (внешние)

²² 25 лет Европейскому единому рынку: главные достижения. От истоков Единого рынка до наших дней (1993–2018) // URL: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/25_let_evropeyskomu_edinomu_rynku.pdf (дата обращения: 07.04.2023).

²³ Тимофеев И. Н. Европа под огнем санкций США. Специальный доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай» для Петербургского международного экономического форума. Июнь 2019. С. 14 // URL: ru.valdaiclub.com#valdaiclub (дата обращения: 18.02.2023).

²⁴ Executive Order 13846 of August 6, 2018. Reimposing Certain Sanctions with Respect to Iran // URL: https://www.treasury.gov/resource-center/sanctions/Programs/Documents/08062018_iran_eo.pdf (дата обращения: 06.04.2023).

²⁵ Updating Blocking Statute in Support of Iran Nuclear Deal Enter into Force. August 6, 2018 // URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/IP_18_4805 (дата обращения: 06.04.2023).

²⁶ Doc. 31996R2271. Council Regulation (EC) No. 2271/96 of 22 November 1996 protecting against the effects of the extra-territorial application of legislation adopted by a third country, and actions based thereon or resulting therefrom.

законы или производящих основанные на них или вытекающие из них действия, не могут быть признаны или подлежать исполнению каким бы то ни было образом»²⁷. Речь здесь идет о Законе о национальной обороне на 1993 финансовый год²⁸; Законе о кубинской демократии 1992 года (разд. 1704 и 1706)²⁹; Законе о свободе Кубы и демократической солидарности (1996) (Закон Хелмса — Бэртона)³⁰; Законе о санкциях против Ирана и Ливии (1996)³¹. Тогда как «каждое государство-член должно определить санкции, которые должны быть наложены в случае нарушения любых соответствующих положений настоящего Регламента. Такие санкции должны быть пропорциональными и сдерживающими»³².

Право на возмещение любого ущерба, включая судебные издержки, имеет любое зарегистрированное юридическое или физическое лицо, являющееся резидентом ЕС и гражданином одного из его государств-членов по смыслу ст. 11 Блокирующего статута. Речь идет о лицах, находящихся на территории Сообщества, включая его воздушное пространство и территориальные воды, либо на борту воздушного или морского судна, осуществляющего операции под флагом одного из государств — членов ЕС. Это положение распространяется на международную торгово-экономическую, связанную с движением капиталов или сопутствующую им видам деятельность (ст. 1)³³.

Однако ЕС столкнулся с ситуацией «добровольного» — под страхом штрафных санкций со стороны Вашингтона — следования европейскими корпорациями экстерриториальному действию внутреннего законодательства США при сохранении (внешне) политической лояльности европейских компаний Брюсселю,

обеспечившему им собственную правовую поддержку.

В этом противостоянии юрисдикций ЕС принял немало посреднических усилий между США и Ираном по вопросу о восстановлении «ядерной сделки» с целью защиты интересов деловых кругов Евросоюза от негативного воздействия восстановленных Соединенными Штатами первичных и вторичных антииранских санкций против третьих стран. Наметившийся прогресс застыл в 2022 г. ввиду выдвинутых Тегераном дополнительных требований к администрации Дж. Байдена предоставить гарантии, исключающие возможность повторного отказа США от Соглашения, как это уже имело место при Д. Трампе в 2018 г. Однако пойти на такой шаг Вашингтон не решился, поскольку «ядерная сделка» приобретала бы уже характер политического соглашения, а не только юридически обязывающего договора.

Среди многочисленных примеров столкновения национальных юрисдикций в конкурентной борьбе государств и их объединений за сферы влияния — коллизии, связанные с экстерриториальным применением национального законодательства; блокирование иностранных активов; арест заграничной собственности и замораживание золотовалютных средств зарубежных стран и многие другие, узнаваемо характеризующие нынешнюю ситуацию глобального санкционного противостояния. Крайним проявлением расхождения интересов сторон становятся введение эмбарго, торговые войны и прямое военное противоборство. Именно в эту тревожную фазу вступила современная Европа.

Существенная подверженность Евросоюза внешнему влиянию со стороны США, кото-

²⁷ Art. 4. Doc. 31996R2271.

²⁸ H.R.5006 — National Defense Authorization Act for Fiscal Year 1993.

²⁹ Title XVII Cuban Democracy Act 1992, sections 1704 and 1706.

³⁰ Public Law 104–114, Cuban Liberty and Democratic Solidarity (Libertad) Act of 1996 (Helms — Burton Act). 22 USC 6021 note. Mar. 12, 1996 [H.R. 927] // URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/PLAW-104publ114/pdf/PLAW-104publ114.pdf> (дата обращения: 07.04.2023).

³¹ Public Law 104–172: Iran and Libya Sanctions Act signed on 5 August 1996, U. S. Congress. URL: <https://www.congress.gov/104/plaws/publ172/PLAW-104publ172.pdf> (дата обращения: 09.04.2023).

³² Art. 9. Doc. 31996R2271.

³³ Art. 6. Doc. 31996R2271.

рые «в гораздо большей степени, чем Европа, способны к перепрограммированию мирового порядка»³⁴, его непоследовательность в отстаивании своих внешнеполитических и внешнеэкономических интересов вплоть до готовности действовать себе в ущерб питают нарастающий скептицизм среди европейских экспертов и многих политиков, предрекающих Евросоюзу удел скорее объекта конкурентной борьбы между ведущими глобальными центрами силы, нежели «автономного» субъекта международного права. Способность сохранять взвешенный подход к разрешению коллизий в кризисных ситуациях, оставаться приверженным правовым методам и рациональной линии поведения, как никогда, важны для ЕС в нынешних условиях, если он рассчитывает сохранить свою привлекательность в глазах внешних партнеров. Эти качества подверглись в последнее время серьезному испытанию.

Вместе с тем существуют и примеры решительного отстаивания Евросоюзом своих интересов и даже готовности широко применять санкции в отношении стран пятерки постоянных членов Совета Безопасности ООН — США, Китая, России, неуступчивых, ввиду обладания правом вето, к внешнему воздействию со стороны других субъектов международных отношений и даже по отношению к универсальным средствам сдерживания.

Выход Китая, России, Индии и ряда других «растущих экономик» на авансцену глобальной политики как держав, добивающихся пересмотра мирового порядка, уже не отвечающего их геополитическим ожиданиям, — самый серьезный вызов современному Западу³⁵. Разработка целым рядом экономически влиятельных стран обособленной системы двусторонних, региональных и многосторонних институтов под руководством «Новой Большой восьмерки» стран восходящей экономики, создание ими альтер-

нативных инструментов собственной финансовой безопасности — Нового банка развития, Азиатского банка инфраструктурных инвестиций, механизмов, связанных с инициативой «Один пояс, один путь» — создают угрозу их инициативного вычленения из существующей глобальной финансовой системы. Проводимые ими мероприятия существенно подтачивают основы сложившегося мирового порядка, в котором Евросоюз обладает ощутимыми «преференциями».

Привлекательным преимуществом этих альтернативных инициатив для третьих стран является отсутствие обременительной политической ангажированности и обусловленности финансовых транзакций, присущих деятельности ныне доминирующих мировых финансовых центров. В том числе ЕС, как крупнейшего в мире донора. Далеко не все внешние партнеры Евросоюза — получатели займов готовы беспрекословно выполнять политические и экономические указания извне, будь то голосование в международных организациях, предоставление своей территории под размещение иностранных военных баз или передача управления под внешний контроль.

Среди реальных экзистенциальных угроз, побудивших Евросоюз к «геополитическому пробуждению»³⁶, — события на Украине и на этом фоне осознание того, насколько высока зависимость его собственной внутренней безопасности от поддержания мира за пределами непосредственных границ ЕС. Являясь многосторонней системой, действующей в рамках более крупной, глобальной нелиберальной парадигмы, Европейский Союз предстал перед необходимостью определить свое место в зарождающемся качественно новом миропорядке, очертания которого все явственнее проступают в последние годы и, похоже, формируют новую реальность.

³⁴ Лаптёнок В. О. Великобритания: несостоявшийся европейский марьяж (в тисках Брекзита) // Наука, образование, культура. 2018. № 6 (30). С. 34.

³⁵ Pickrell R., Choi D. Former Navy SEAL Commander Says Putin has Outplayed the US and Russia is the Greatest External Security Threat // Business Insider. Feb. 5, 2021.

³⁶ Scazzieri L. The EU's Geopolitical Awakening? / Centre for European Reform. London — Brussels — Berlin, Mar. 3, 2022.

События показывают, что Евросоюз, изначально замышлявшийся как интеграционное объединение экономической направленности, пройдя — с разной степенью успеха — фазу формирования экономического и валютного союза, эволюционирует уже не только в политический, но и в военно-политический союз. И это качественно новая ситуация с далеко идущими последствиями, как в геополитическом плане, так и с международно-правовой точки зрения. Прямым подтверждением этого тезиса является существенно возросшая консолидация собственных рядов ЕС в «разогретой» до предела нынешней обстановке на европейском континенте и уже проявившиеся последствия такой динамики.

Неготовность ЕС к разработке и применению всеобъемлющих инструментов и механизмов защиты своих интересов от негативного воздействия вторичных американских санкций «компенсируется» существенно возросшей активностью на альтернативных направлениях. Структурные преобразования, проведение которых в зоне общего соседства стимулирует ЕС, всё более обретают характер целенаправленной стратегии по вытеснению России из глобального стратегического пространства. Основным инструментом реализации этой задачи в последние годы стали санкционные механизмы. Общий пакет антироссийских санкционных решений, принятых странами Запада с 2014 г., составил (по состоянию на 24 февраля 2023 г.) 14 153 ограничительные меры и только с февраля 2022 г. охватывал более 11 458 субъектов. Доля ЕС в этом пакете достаточно существенна (1 638) и только с февраля 2022 г. составляет 1 390 санкционных решений³⁷.

Одна из характерных особенностей современных европейских реалий — нарастающая конкуренция между Евросоюзом и другим

интеграционным проектом, представленным Евразийским экономическим союзом (ЕАЭС). Особенно остро она ощущается в зоне «общего соседства», а фактически — на постсоветском пространстве, где условия участия разных стран в альтернативных правовых режимах зачастую являются взаимоисключающими, что подчеркивает конкурентный характер противоборствующих юрисдикций.

В целях повышения «восприимчивости» третьих стран к своим инициативам, усиления влияния в регионе и вовлечения стран зоны соседства в проекты европейской региональной интеграции Евросоюз в обмен на переход этих стран на стандарты ЕС предлагает им доступ к своему рынку «на предсказуемых, транспарентных и отвечающих требованиям ВТО условиях»³⁸. В том числе посредством введения режима и создания зоны свободной торговли, формирования ассоциированных и партнерских связей, а в отношении Украины и Молдовы — вплоть до статуса кандидатов на вступление в ЕС, предоставленного этим странам в июне 2022 г. даже без соблюдения ранее установленных требований.

Со своей стороны, в борьбе за расширение сферы охвата собственной юрисдикции, «преобразование ближнего зарубежья в зону мира, добрососедства, устойчивого развития и процветания» и формирование в долгосрочной перспективе «единого общеконтинентального» «интегрированного экономического и политического пространства в Евразии»³⁹ Россия встречно предоставляет странам, вовлеченным в единые с ней интеграционные проекты и программы, ощутимые стимулы и торгово-экономические преференции. В итоге с созданием Таможенного союза с участием России, Казахстана и Белоруссии (1995), а в последующем уже в более широком формате — ЕвразЭС (2000) и ЕАЭС (2015)

³⁷ Russia Sanctions Dashboard. Castellum.AI, Feb. 24, 2023.

³⁸ Dragheva R., Delcour L., Jaroszewicz M., Kardas S., Ungureanu C. How Bilateral, Regional and International Regimes Shape the Extent, Significance and Nature of Interdependencies. EU-STRAT Working Paper № 8. European Union's Horizon 2020, Freie Universität Berlin. March 2018. P. 13.

³⁹ Пп. 49, 54 и 49(5) Концепции внешней политики Российской Федерации, утв. Указом Президента РФ от 31.03.2023 № 229 // Официальный сайт Президента России.

сформировано новое ядро постсоветского пространства⁴⁰ и закреплён «внешний круг» стран — партнеров России. Таким образом, обозначен нынешний периметр зоны российского влияния. Но и в более широком плане статьей 36 (Тарифные преференции в отношении товаров, происходящих из развивающихся стран и (или) наименее развитых стран) «Договора о Евразийском экономическом союзе» предусмотрено предоставление «тарифных преференций в отношении товаров, происходящих из развивающихся стран-пользователей единой системы тарифных преференций Союза» (ст. 36(1)) — в размере 75 % от ставок ввозных таможенных пошлин Единого таможенного тарифа Евразийского экономического союза (ст. 36(2)), а наименее развитых стран — «нулевые ставки» (ст. 36(3))⁴¹.

Это вывело на новый уровень и оказывает серьезное влияние не только на «интеграционное соперничество» на постсоветском пространстве и формирование политики стран, оказавшихся в «буферной зоне» соседства с ЕС, но и на динамику внутрирегиональных отношений на европейском континенте, но и в более широком глобальном контексте. О возрастающей конфронтационности противостояния на европейском континенте свидетельствуют неоднозначные международные оценки зеркальных политик стран НАТО белорусско-российских договоренностей в рамках Союзного государства относительно размещения на территории Белоруссии российского ядерного оружия⁴².

Подобная конкуренция ведущих мировых юрисдикций позволяет третьим странам, лавируя между полюсами, извлекать дополнительные экономические выгоды и дивиденды, побуждая противоборствующие в этом состязании центры, с одной стороны, постоянно повышать ставки и бонусы в отношении «лояльных»

партнеров, а с другой — ужесточать ограничительные меры в отношении «недружественно настроенных» стран.

Развитие ситуации на европейском континенте и переход глобальной конкуренции юрисдикций из стадии состязательности правовых режимов в фазу прямой военной конфронтации свидетельствует о вступлении Евросоюза в новую фазу своей эволюции, когда уже сформировалось понимание далеко не беспредельных границ беспрепятственной экспансии европейского интеграционного проекта и, следовательно, возрастающей зависимости его дальнейших перспектив от внешних факторов. Балансирование внутрирегионального противостояния на грани трансформации в *глобальное столкновение* становится все менее устойчивым. Единственным ограничителем, препятствующим такой эскалации, остается благоразумие участвующих сторон.

Конкуренция юрисдикций и правовых режимов — явление весьма распространенное в современной международной практике и само по себе международному праву не противоречит. В условиях такой конкуренции стабильность мирового порядка обеспечивается сбалансированностью интересов ведущих стран мира, обладающих необходимым экономическим и военно-политическим потенциалом для реализации своих стратегических устремлений. Достижимый в итоге компромисс закрепляется правовыми режимами.

Подтверждая отмеченное еще И. Кантом свойство правовых рамок предотвращать губительную и сохранять благотворную конкуренцию, международное право выполняет в этом процессе функцию системы коммуникации и перевода политических и экономических конфликтов в плоскость правовых разногласий, устраняя соблазн решать возникающие проблемы посредством прямой конфронтации.

⁴⁰ Путин В. В. Новый интеграционный проект для Евразии — будущее, которое рождается сегодня // Известия. 04.10.2011.

⁴¹ Статья 36 Договора о Евразийском экономическом союзе (подписан в г. Астане 29.05.2014; ред. от 24.03.2022, с изм. и доп., вступ. в силу с 03.04.2023).

⁴² Путин заявил о размещении тактического ядерного оружия в Белоруссии // lenta.ru. 26.03.2023. URL: <https://lenta.ru/news/2023/03/26/yadernoye/> (дата обращения: 31.03.2023).

В условиях стремительно меняющейся обстановки на европейском континенте и в мире происходит переоценка ценностей — как пересмотр своих приоритетов самим Евросоюзом, так и внешнего восприятия ЕС третьими странами — участниками многосторонних международных форумов и организаций. Сформировав разветвленную комплексную систему внешних связей по широкому спектру направлений, подпадающих под его внешние компетенции, — от классических внешнеторговых до продвижения демократии и собственной системы ценностей — ЕС продолжает эволюционировать как политико-правовая система *sui generis*, которая подвергается серьезному испытанию в условиях нового этапа трансформации мирового порядка. На наших глазах происходит постепенная трансформация и милитаризация Евросоюза. Кризис современной системы международных отношений является проверкой ЕС на стрессоустойчивость, а проповедуемой Союзом системы ценностей — на жизнестойкость в неблагоприятных для ЕС внешних условиях.

Использование Евросоюзом в качестве инструмента влияния и даже «гибридного оружия» глобальных взаимозависимостей, своего доминирующего положения в ряде сфер (распределение финансовых потоков, НИОКР, патентное право, искусственный интеллект и др.) международного «разделения труда» между основными центрами силы и достигнутого в силу разных исторических причин в рамках сложившегося мирового порядка превосходства на ряде направлений международного взаимодействия — реальный факт. Действенность применения этих

инструментов, однако, остается вопросом дискуссионным и подверженным влиянию политических соображений и идеологических предпочтений инстанций и субъектов, вовлеченных в процессы анализа и оценки. Введение в параметры и критерии анализа практики реализации внешних компетенции ЕС фактора эффективности с точки зрения степени достижения поставленных целей является инструментом политико-правового мониторинга реализации региональных и глобальных стратегий Евросоюза.

Позволяя институтам наднациональной надстройки ЕС в постоянном режиме отслеживать степень соответствия и продвижения к намеченным целям, это одновременно и индикатор необходимости внесения в них изменений, диктуемых меняющейся оперативной ситуацией и условиями геополитической обстановки. Подобные инструменты абсолютно необходимы для интеграционного объединения, претендующего не только на статус экономического и валютного союза, но и на роль политического и тем более уже военно-политического союза.

Ввиду возрастающих признаков агрессивности в использовании сложившихся сетевых и асимметричных взаимозависимостей в разных сферах взаимодействия ведущих центров сил остро ощущается необходимость в разработке норм и принципов международного права, регулирующих порядок реализации глобальных взаимозависимостей. Складываются условия для разработки нового вида, нового направления в международном праве — права реализации системных взаимозависимостей в рамках международного экономического порядка.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Асимметрии региональных интеграционных проектов XXI века / под ред. В. И. Михайленко. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2018. — 476 с.
2. Лаптёнок В. О. Великобритания: несостоявшийся европейский марьяж (в тисках Брекзита) // Наука, образование, культура. — 2018. — № 6 (30). — С. 30–36.
3. Лукьянов Ф. Когда предохранитель становится запалом // Россия в глобальной политике. — 31.08.2022. — URL: <https://globalaffairs.ru/articles/predohranitel-stanovitsya-zapalom/> (дата обращения: 30.10.2023).
4. Путин В. В. Новый интеграционный проект для Евразии — будущее, которое рождается сегодня // Известия. — 04.10.2011.

5. Путин заявил о размещении тактического ядерного оружия в Белоруссии // Lenta.ru. — 26.03.2023. — URL: <https://lenta.ru/news/2023/03/26/yadernoye/> (дата обращения: 31.03.2023).
6. Совершенная форма войны — правовая // Федеральная палата адвокатов Российской Федерации (ФПА РФ). — 15.05.2019.
7. Тимофеев И. Н. Европа под огнем санкций США. Специальный доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай» для Петербургского международного экономического форума. — Июнь 2019. — 20 с. // URL: ru.valdaiclub.com#valdaiclub (дата обращения: 18.02.2023).
8. 25 лет Европейскому единому рынку: главные достижения. От истоков Единого рынка до наших дней (1993–2018) // URL: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/25_let_evropeyskomu_edinomu_rynku.pdf (дата обращения: 07.04.2023).
9. Carruthers B. G., Lamoreaux N. R. Regulatory Races: The Effects of Jurisdictional Competition on Regulatory Standards // Journal of Economic Literature. — 2016. — Vol. 54. — № 1. — P. 52–97.
10. Dragneva R., Delcour L., Jaroszewicz M., Kardas S., Ungureanu C. How Bilateral, Regional and International Regimes Shape the Extent, Significance and Nature of Interdependencies. — EU-STRAT Working Paper. — № 8. — European Union's Horizon 2020. — Freie Universität Berlin. — March 2018. — 47 p.
11. EU and Canada conclude negotiations on trade deal. Press release. — Oct. 18, 2013 // URL: <http://ec.europa.eu/trade/creating-opportunities/bilateral-relations/countries/canada/> (дата обращения: 08.04.2023).
12. EU Law Beyond EU Borders. The Extraterritorial Reach of EU Law. Vol. XXVII/1 / ed. by M. Cremona, J. Scott. — Oxford : Oxford University Press, 2019. — 234 p.
13. Garside J. Troika Laundromat Revelations Hit European Bank Shares // The Guardian. — Mar. 5, 2019. — URL: <https://www.theguardian.com/world/2019/mar/05/troika-laundromat-revelations-hit-european-bank-shares> (дата обращения: 07.04.2023).
14. Global Europe: Competing in the World: A Contribution to the EU's Growth and Jobs Strategy. European Commission. — Brussels, 04.10.2006 — COM(2006) 567 final // URL: <https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=COM:2006:0567:FIN:en:PDF> (дата обращения: 08.04.2023).
15. Herbst J. E., Åslund A., Kramer D. J., Vershbow A., Whitmore B. Global Strategy 2022: Thwarting Kremlin Aggression Today for Constructive Relations Tomorrow. Atlantic Council Strategic Papers. Scowcroft Centre for Strategy and Security, Feb., 2022. — 64 p.
16. Krasner S. Structural Causes and Regime Consequences: Regimes as Intervening Variables // International Organisation. — 1982. — Vol. 36. — № 2. — P. 185–205.
17. Leonard M., Shapiro J. Sovereign Europe, Dangerous World: Five Agendas to Protect Europe's Capacity to Act. — 2020. — 60 p.
18. Müller G., Raube K., Sus M., Deo A. Diversification of International Relations and the EU: Understanding the Challenges — Envisioning a New Governance Architecture for a Global Europe // ENGAGE Working Paper Series. — № 1. — October 2021. — 53 p.
19. Negotiations and Agreements. European Commission // URL: <https://ec.europa.eu/trade/policy/countries-and-regions/negotiations-and-agreements/> (дата обращения: 08.04.2023).
20. Pickrell R., Choi D. Former Navy SEAL Commander Says Putin has Outplayed the US and Russia is the Greatest External Security Threat // Business Insider. — Feb. 5, 2021.
21. Scazzieri L. The EU's Geopolitical Awakening? / Centre for European Reform. — London — Brussels — Berlin. — Mar. 3, 2022.
22. Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe. A Global Strategy for the European Union's Foreign and Security Policy. — 2016.
23. Strategic Autonomy for Europe — the Aim of Our Generation. Speech by President Charles Michel to the Bruegel think tank / Council of the EU. — Speech 603/20. — 28.09.2020. — 3 p.
24. Summary of the 2018 National Defence Strategy of the United States of America. Sharpening the American Military's Competitive Edge // URL: <https://dod.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/2018-National-Defense-Strategy-AbstractAbstract.pdf> (дата обращения: 07.04.2023).

25. Townley C., Guidi M., Tavares M. Law and Politics of Global Competition: Why and How Non-state Actors Seek Influence in the International Competition Network // *Utilities Law Review*. — 2022. — Vol. 23. — № 4. — P. 136–140.
26. Townley C., Guidi M., Tavares M. The Law and Politics of Global Competition: Influence and Legitimacy in the International Competition Network. — London : Oxford University Press, 2022. — 371 p.
27. Updating Blocking Statute in Support of Iran Nuclear Deal Enter into Force. — August 6, 2018 // URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/IP_18_4805 (дата обращения: 06.04.2023).
28. Youngs R., Ülgen S. The European Union's Competitive Globalism in Rewiring Globalisation / ed. by S. Ülgen et al. — Carnegie Europe. Carnegie Endowment for International Peace. — Feb. 17, 2022. — 157 p.

Материал поступил в редакцию 10 апреля 2023 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Asimmetrii regionalnykh integratsionnykh projektov XXI veka / pod red. V. I. Mikhaylenko. — Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2018. — 476 s.
2. Laptenok V. O. Velikobritaniya: nesostoyavshiysya evropeyskiy maryazh (v tiskakh Brekzita) // *Nauka, obrazovanie, kultura*. — 2018. — № 6 (30). — S. 30–36.
3. Lukyanov F. Kogda predokhranitel stanovitsya zapalom // *Rossiia v globalnoy politike*. — 31.08.2022. — URL: <https://globalaffairs.ru/articles/predokhranitel-stanovitsya-zapalom/> (дата обращения: 30.10.2023).
4. Putin V. V. Novyy integratsionnyy proekt dlya Evrazii — budushchee, kotoroe rozhdaetsya segodnya // *Izvestiya*. — 04.10.2011.
5. Putin zayavil o razmeshchenii takticheskogo yadernogo oruzhiya v Belorussii // *Lenta.ru*. — 26.03.2023. — URL: <https://lenta.ru/news/2023/03/26/yadernoye/> (дата обращения: 31.03.2023).
6. Sovershennaya forma voyny — pravovaya // *Federalnaya palata advokatov Rossiyskoy Federatsii (FPA RF)*. — 15.05.2019.
7. Timofeev I. N. Evropa pod ognem sanktsiy SSHA. Spetsialnyy doklad Mezhdunarodnogo diskussionnogo kluba «Valday» dlya Peterburgskogo mezhdunarodnogo ekonomicheskogo foruma. — Iyun 2019. — 20 s. // URL: ru.valdaiclub.com#valdaiclub (дата обращения: 18.02.2023).
8. 25 let Evropeyskomu edinomu rynku: glavnye dostizheniya. Ot istokov Edinogo rynku do nashikh dney (1993–2018) // URL: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/25_let_evropeyskomu_edinomu_rynku.pdf (дата обращения: 07.04.2023).
9. Carruthers B. G., Lamoreaux N. R. Regulatory Races: The Effects of Jurisdictional Competition on Regulatory Standards // *Journal of Economic Literature*. — 2016. — Vol. 54. — № 1. — P. 52–97.
10. Dragneva R., Delcour L., Jaroszewicz M., Kardas S., Ungureanu C. How Bilateral, Regional and International Regimes Shape the Extent, Significance and Nature of Interdependencies. — EU-STRAT Working Paper. — № 8. — European Union's Horizon 2020. — Freie Universität Berlin. — March 2018. — 47 p.
11. EU and Canada conclude negotiations on trade deal. Press release. — Oct. 18, 2013 // URL: <http://ec.europa.eu/trade/creating-opportunities/bilateral-relations/countries/canada/> (дата обращения: 08.04.2023).
12. EU Law Beyond EU Borders. The Extraterritorial Reach of EU Law. Vol. XXVII/1 / ed. by M. Cremona, J. Scott. — Oxford: Oxford University Press, 2019. — 234 p.
13. Garside J. Troika Laundromat Revelations Hit European Bank Shares // *The Guardian*. — Mar. 5, 2019. — URL: <https://www.theguardian.com/world/2019/mar/05/troika-laundromat-revelations-hit-european-bank-shares> (дата обращения: 07.04.2023).
14. Global Europe: Competing in the World: A Contribution to the EU's Growth and Jobs Strategy. European Commission. — Brussels, 04.10.2006 — COM(2006) 567 final // URL: <https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=COM:2006:0567:FIN:en:PDF> (дата обращения: 08.04.2023).

15. Herbst J. E., Åslund A., Kramer D. J., Vershbow A., Whitmore B. Global Strategy 2022: Thwarting Kremlin Aggression Today for Constructive Relations Tomorrow. Atlantic Council Strategic Papers. Scowcroft Centre for Strategy and Security, Feb., 2022. — 64 p.
16. Krasner S. Structural Causes and Regime Consequences: Regimes as Intervening Variables // International Organisation. — 1982. — Vol. 36. — № 2. — P. 185–205.
17. Leonard M., Shapiro J. Sovereign Europe, Dangerous World: Five Agendas to Protect Europe's Capacity to Act. — 2020. — 60 p.
18. Müller G., Raube K., Sus M., Deo A. Diversification of International Relations and the EU: Understanding the Challenges — Envisioning a New Governance Architecture for a Global Europe // ENGAGE Working Paper Series. — № 1. — October 2021. — 53 p.
19. Negotiations and Agreements. European Commission // URL: <https://ec.europa.eu/trade/policy/countries-and-regions/negotiations-and-agreements/> (data obrashcheniya: 08.04.2023).
20. Pickrell R., Choi D. Former Navy SEAL Commander Says Putin has Outplayed the US and Russia is the Greatest External Security Threat // Business Insider. — Feb. 5, 2021.
21. Scazzieri L. The EU's Geopolitical Awakening? / Centre for European Reform. — London — Brussels — Berlin. — Mar. 3, 2022.
22. Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe. A Global Strategy for the European Union's Foreign and Security Policy. — 2016.
23. Strategic Autonomy for Europe — the Aim of Our Generation. Speech by President Charles Michel to the Bruegel think tank / Council of the EU. — Speech 603/20. — 28.09.2020. — 3 p.
24. Summary of the 2018 National Defence Strategy of the United States of America. Sharpening the American Military's Competitive Edge // URL: <https://dod.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/2018-National-Defense-Strategy-AbstractAbstract.pdf> (data obrashcheniya: 07.04.2023).
25. Townley C., Guidi M., Tavares M. Law and Politics of Global Competition: Why and How Non-state Actors Seek Influence in the International Competition Network // Utilities Law Review. — 2022. — Vol. 23. — № 4. — P. 136–140.
26. Townley C., Guidi M., Tavares M. The Law and Politics of Global Competition: Influence and Legitimacy in the International Competition Network. — London: Oxford University Press, 2022. — 371 p.
27. Updating Blocking Statute in Support of Iran Nuclear Deal Enter into Force. — August 6, 2018 // URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/IP_18_4805 (data obrashcheniya: 06.04.2023).
28. Youngs R., Ülgen S. The European Union's Competitive Globalism in Rewiring Globalisation / ed. by S. Ülgen et al. — Carnegie Europe. Carnegie Endowment for International Peace. — Feb. 17, 2022. — 157 p.

ПРАВО И ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-72703 от 23 апреля 2018 г., ISSN 2618-8198;
- ✓ издается с 2018 г., выходит 4 раза в год;
- ✓ основные языки журнала: русский, английский;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ);
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ материалы размещаются в СПС «КонсультантПлюс» и «ГАРАНТ».

«Право и цифровая экономика» — международное научное и научно-практическое издание. Журнал посвящен рассмотрению проблем правового регулирования цифровой экономики России и иностранных государств.

Круг читателей журнала: государственные служащие, практикующие юристы в сфере правового регулирования цифровой экономики, предпринимательского и конкурентного права, малого и среднего бизнеса, предприниматели, научные работники, преподаватели, аспиранты, магистранты и студенты юридических факультетов вузов, а также читатели, интересующиеся проблемами и актуальными вопросами развития правового регулирования цифровой экономики России и иностранных государств.

Основные рубрики журнала:

✓ Государственное регулирование цифровой экономики.	✓ Финансовые технологии в действующем российском и международном правовом поле.
✓ Правовое регулирование криптовалюты и майнинга.	✓ Цифровые технологии в сфере интеллектуальной собственности и инноваций.
✓ Краудфандинг (проблемы и перспективы).	✓ Правовой статус смарт-контрактов.
✓ Правовое регулирование больших данных.	✓ Защита прав и законных интересов участников цифровых рынков.
✓ Технология блокчейн и криптовалют (bitcoin, Copernicus, Ethereum и т.д.).	✓ Информационная безопасность.
✓ Интересы и противоречия, связанные с применением блокчейна в финансовой сфере.	✓ Консорциумы промышленного Интернета: правовая природа и особенности регулирования.

KUTAFIN LAW REVIEW

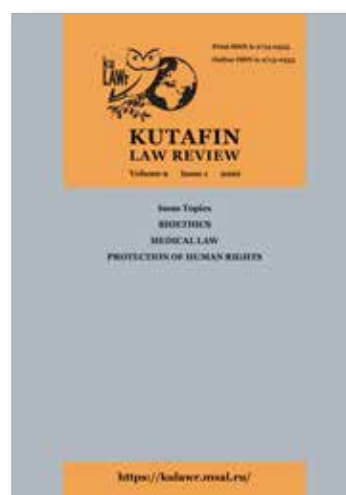
Мультиотраслевой научный юридический журнал, который издается на английском языке с сентября 2014 г. и выходит четыре раза в год. Журнал нацелен на интеграцию российской правовой науки в мировое юридическое сообщество, организацию диалога правоведов по актуальным проблемам теоретической и практической юриспруденции, расширение кругозора и интеллектуальных горизонтов представителей российского правоведения, повышение узнаваемости и авторитета наших ученых-юристов.

Журнал публикует статьи известных и начинающих ученых, юристов-практиков. Главный критерий отбора публикаций — это качество содержания, которое отражает талант автора, его эрудицию и профессионализм в исследуемой сфере, добросовестность и глубину проведенного анализа, использование богатого арсенала научной методологии, актуальность проблематики и новизну результатов проведенного исследования.

Данное издание создает уникальную возможность писать и публиковать научные статьи на английском языке в целях существенного расширения профессиональной читательской аудитории, повышения индекса цитирования, выхода на международный научный уровень.

В качестве авторов, членов редакционного совета и редакционной коллегии с журналом Kutafin Law Review сотрудничают выдающиеся российские и зарубежные специалисты в различных областях юриспруденции.

The best ideas are always welcomed!

Редакционная подписка на журналы Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Журналы Университета распространяются через объединенный каталог «Пресса России» и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис».

Подписаться на журнал можно с любого месяца. Подписные индексы журналов:

«Актуальные проблемы российского права» – 11178, Lex russica – 11198,

«Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» – 40650, «Право и цифровая экономика» – 39492.

Будем рады видеть Вас в числе подписчиков!

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ПРАВА

Том 18 № 11 (156) ноябрь 2023

Журнал распространяется через
объединенный каталог «Пресса России»
и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис».

Подписной индекс: 11178.

Подписаться на журнал можно с любого месяца.

ISSN 1994-1471

9 771994 147002